

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Вестник
Российского мониторинга
экономического
положения
и здоровья населения
НИУ ВШЭ
(RLMS-HSE)**

Выпуск 4

*Ответственный редактор
П. М. Козырева*

Москва 2014

УДК 316.4
ББК 60.5
В38

Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Редакционная коллегия:
П. М. Козырева, М. С. Косолапов, В. В. Радаев,
С. Ю. Роцин, Я. М. Рощина

В38 **Вестник** Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 4 [Электронный ресурс]: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. — Электрон. текст. дан. (объем 2,8 Мб). — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2014. — 207 с.: илл.

ISBN 978-5-7598-1169-5

Основу электронного издания «Вестник RLMS-HSE» составляют статьи, подготовленные по данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE).

В центре внимания исследователей находится динамика социально-экономического развития домохозяйств, вопросы материального обеспечения пенсионеров, территориальная мобильность населения, характер питания и оценка пищевого статуса различных возрастных групп, спортивные пристрастия, а также социальная самоидентификация и представления россиян о демократических институтах. Предлагаемые материалы отражают точку зрения авторов и открыты к обсуждению и дополнению.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется результатами мониторинга RLMS-HSE.

УДК 316.4
ББК 60.5

Содержание

Введение	4
<i>Воронин Г. Л., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Евграфова К. О., Низамова А. Э., Смирнов А. И., Соколова С. Б.</i> Социально-экономическое поведение российских домохозяйств (по данным RLMS-HSE 1992 – 2012)	7
<i>Воронин Г.Л.</i> Материальное обеспечение старости	96
<i>Евграфова К. О.</i> Транспортная активность населения	116
<i>Козырева П. М., Сафронова А. М., Старовойтов М. Л.</i> Анализ фактического питания и пищевого статуса различных групп населения	131
<i>Рощина Я. М.</i> Россия до и после политического кризиса 2011–2012 гг.: факторы спроса на демократические институты	166
<i>Никитина Е. А.</i> Спорт в жизни россиян	180
<i>Трошина А. А.</i> Основания «Мы-концепции» в современной России	194
Сведения об авторах	205

ВВЕДЕНИЕ

В четвертом выпуске «Вестника Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» представлена аналитическая разработка результатов обследования российских домохозяйств в период с 1992 по 2012 г. Работы, вошедшие в выпуск, охватывают широкий спектр проблем, касающихся экономического положения домохозяйств, структуры занятости, потребительского поведения и питания населения, а также групповой идентичности и представлений россиян о демократических институтах. Благодаря тому, что выборка мониторинга сконструирована как репрезентативная для всего населения страны, выводы, полученные на основании анализа микро-данных обследования RLMS-HSE, могут быть использованы для широких обобщений относительно динамики социально-экономического поведения и социального самочувствия граждан Российской Федерации на исходе мирового финансово-экономического кризиса.

Выпуск открывает [коллективная статья](#), обобщающая основные тенденции изменения социально-экономического положения российских домохозяйств на протяжении первого постсоветского двадцатилетия (1992–2012 гг.). Особое внимание в статье уделено сравнению динамики социально-экономического положения и поведения домохозяйств в условиях восходящей и нисходящей фазы глобального финансово-экономического кризиса. Данные мониторинга свидетельствуют о том, что наравне с увеличением доходов и расходов российских семей в посткризисном 2012 г. вновь наметилась тенденция к увеличению дифференциации домохозяйств, в некоторой степени нивелированная в предшествующие годы в условиях кризиса. Сокращение уровня безработицы сопровождалось упрочением гендерного дисбаланса в структуре рабочей силы. Заметное повышение среди россиян степени удовлетворенности и оптимизма при оценке собственного социально-экономического положения, прежде всего в сфере трудовой занятости, соседствовало с сохранением достаточно высокого уровня социальной тревожности. В целом выявленные в 2012 г. тенденции носили противоречивый характер и отражали значительную неопределенность перспектив дальнейшего социально-экономического развития.

Положение пенсионеров как одной из наиболее уязвимых групп населения в условиях социально-экономической нестабильности проанализировано в статье [Г. Л. Воронина «Материальное обеспечение старости»](#). На основании сравнения данных Росстата и RLMS-HSE охарактеризованы уровень среднедушевого дохода и структура расходов российских пенсионеров, размер пенсионных выплат и вклад этих выплат в общий объем доходов домохозяйств

семейных и одиноких пенсионеров. Пристальное внимание в ходе анализа привлекает материальное расслоение среди лиц старшего возраста, а также влияние гендерного, образовательного и территориального факторов на уровень трудовой занятости и дифференциацию доходов. Уровень удовлетворенности лиц пенсионного возраста своей жизнью характеризуется как более низкий по сравнению с другими группами населения, отмечается достаточно широко распространенная самоидентификация пенсионеров с бедными и бесправными слоями общества.

Продолжает выпуск статья [К. О. Евграфовой «Транспортная активность населения»](#), построенная на сравнении данных RLMS-HSE и Российского национального транспортного обследования 2011 г. Автор анализирует уровень автомобилизации населения в контексте проблемы социальной эксклюзии и доступа к различным локусам социальной активности (к рабочим местам, торговым и рекреационным центрам), оценивает социальные и экономические издержки наличия или отсутствия личного автотранспорта в российских домохозяйствах. Также в статье рассматривается активность территориальных перемещений респондентов независимо от вида используемого транспорта, что позволяет судить не только о наличии взаимосвязей между территориальной мобильностью и социально-демографическими характеристиками респондентов, но и о влиянии транспортной активности на степень удовлетворенности россиян своей жизнью.

Состояние здоровья и отношения россиян к здоровому образу жизни является предметом специального рассмотрения в работах П. М. Козыревой, А. М. Сафроновой, М. Л. Старовойтова и Е. А. Никитиной. В статье [«Анализ фактического питания и пищевого статуса различных групп населения» П. М. Козырева, А. М. Сафронова, М. Л. Старовойтов](#) оценивают уровень потребления питательных веществ среди детей и взрослых, территориальную вариацию индекса массы тела взрослого населения РФ, а также динамику изменения веса взрослых респондентов между 2000 и 2011 г. Регулярность потребления пищи и другие пищевые привычки, в том числе предпочтения в области потребления «здоровых» продуктов, следование определенному режиму питания и питание вне дома, анализируются авторами в связи с возрастными и гендерными характеристиками респондентов. Работа П. М. Козыревой, А. М. Сафроновой и М. Л. Старовойтова органично дополняется статьей [Е. А. Никитиной «Спорт в жизни россиян»](#), посвященной исследованию инвестиций россиян в здоровый образ жизни. Автор рассматривает предпочтения россиян в области занятий спортом, средние затраты времени, виды и интенсивность тренировок, устанавливает связь между вовлеченностью в спортивную активность и социально-демографическими характеристиками респондентов.

Проблемы идентичности, доверия и отношения граждан Российской Федерации к основным демократическим институтам рассматриваются в работах Я. М. Рощиной и А. А. Трошиной. В статье [«Россия до и после политического кризиса 2011–2012 гг.: факторы спроса на демократические институты» Я. М. Рощина](#) оценивает изменение уровня межличностного и институционального доверия среди россиян между 2006 и 2012 г., а также степень обусловленность основных компонент институционального доверия («доверия к государству» и «доверия к бизнесу») социально-экономическими характеристиками респондентов. Далее автор показывает, как уровень институционального доверия наряду с уровнем образования и доходов отражается на спросе на демократиче-

ские институты, в особенности на той его компоненте, которая непосредственно связана с ценностями свободы (спрос на политическую оппозицию, независимую прессу, защиту прав меньшинств).

В статье [А. А. Трошиной «Основания "Мы-концепции" в современной России»](#) исследуется влияние мирового социально-экономического кризиса 2008–2009 гг. и политической мобилизации 2012 г. на социальную самоидентификацию россиян. Автор рассматривает различные виды самоидентификации (с поколением, профессией, национальностью, страной в целом и т. д.), оценивает влияние социально-демографических характеристик респондентов, а также уровня межличностного и институционального доверия на тот или иной тип самоидентификации. Построенные индексы обширности и интенсивности «Мы-концепции» свидетельствуют о связи количества упомянутых респондентами объектов самоидентификации с положением на лестницах власти и богатства и социально-демографическими характеристиками.

*Воронин Г. Л., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С.,
Евграфова К. О., Низамова А. Э., Смирнов А. И., Соколова С. Б.*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ (ПО ДАННЫМ RLMS-HSE 1992–2012)

В статье представлены основные результаты и выводы анализа динамики социально-экономического поведения домохозяйств и состояния фактического питания и пищевого статуса населения России. Анализ опирается на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE), который представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов, проводящихся в Российской Федерации с 1992 г. В основу данной статьи положен материал, содержащий сравнительный анализ результатов 21-й волны мониторинга, полученных в декабре 2012 г., и результатов предыдущих опросов.

Начиная с 1994 г. выборка по каждой волне RLMS-HSE составляла около 5 тыс. домохозяйств (порядка 12 тыс. респондентов) в 160 населенных пунктах в 35 субъектах Российской Федерации. В 2010 г. выборка обследования была увеличена в полтора раза и в настоящее время достигает более 8 тыс. домохозяйств. Это вероятностная, стратифицированная, многоступенчатая территориальная выборка, разработанная при непосредственном участии ведущих мировых экспертов в данной области. Она сформирована как репрезентативная на федеральном уровне.

Настоящий анализ продолжает изучение различных аспектов повседневной жизни людей, реализует стремление лучше понять их настроения, потребности и запросы, выявить основные тенденции и социально-экономические детерминанты современных процессов социальной адаптации, определить факторы формирования различных адаптационных стратегий домохозяйств. Одной из главных задач работы является реалистическая оценка масштабов и потенциала социально-экономической адаптации населения, осмысление сложностей и противоречий развития сопутствующих социальных процессов. Значительное внимание уделяется интерпретации полученных в ходе опросов данных, в том числе на основе их сопоставления с соответствующими данными Росстата.

В статье представлены важнейшие тенденции, характеризующие изменения в социально-экономическом положении и поведении домашних хозяйств в постсоветский период. Широко освещается динамика, источники и дифферен-

циация доходов и расходов домохозяйств. Приводятся данные, содержащие обширную информацию относительно условий и качества жизни семей, поведения домохозяйств на рынках потребительских благ. Дана обобщенная картина стратификации домохозяйств по благосостоянию, показаны тенденции, раскрывающие различия в уровне доходов, расходов и стандартах потребления между наиболее и наименее обеспеченными семьями. Проведенный анализ позволяет лучше понять, как меняется уровень материального благополучия семей, насколько остро переживают россияне нынешнюю непростую социально-экономическую ситуацию и какие ресурсы они могут мобилизовать для противодействия неблагоприятным факторам кризисной среды. Отдельно рассматривается динамика уровня удовлетворенности населения жизнью и оценок жизненных перспектив.

Существенной стороной работы является освещение ряда важных проблем, связанных с развитием рынка труда и трудовым поведением. Представлены данные, характеризующие динамику экономической активности и уровня безработицы, а также обеспокоенность населения угрозой потери работы и возможности трудоустройства в случае потери рабочего места. Результаты анализа позволили довольно четко обозначить важные тенденции в решении проблемы трудоустройства, занимающей особое место в формировании стратегий социально-экономической адаптации населения. Подробно анализируются динамика и факторы удовлетворенности трудом, рассмотрены причины прекращения работы, способы поиска новой работы и трудоустройства.

Значительное внимание уделено анализу состояния фактического питания как одного из наиболее важных факторов, определяющих здоровье и продолжительность жизни человека, обеспечивающих поддержание работоспособности и творческого потенциала нации, выявлению тенденций в питании и оценке пищевого статуса населения страны, выступающего интегральным показателем состояния питания. Анализируются данные мониторинга о потреблении пищевых продуктов различными группами и слоями населения и их пищевом статусе, позволяющие судить о степени адекватности питания отдельных групп населения. Исследуется взаимосвязь между количеством и качеством потребления продуктов питания и состоянием здоровья обследованного населения.

Динамика, структура и дифференциация доходов домохозяйств

В 2012 г. в России сохранялась довольно сложная социально-экономическая ситуация, характеризующаяся новым обострением многих и без того трудноразрешимых проблем, развитием противоречивых тенденций, ослаблением признаков стабилизации. После непродолжительного и достаточно робкого усиления позитивных процессов, наблюдавшегося в предыдущем году, российская экономика перешла к новой фазе своего развития, характеризующейся торможением роста. В конце 2012 г. многие отрасли, важные для экономического развития, все еще не преодолели кризис, т. е. не вышли на докризисный уровень, а некоторые отрасли промышленности пребывали в состоянии спада. Темпы сокращения численности сотрудников в компаниях замедлились или приостановились, но оставались достаточно высокими. Непростая ситуация с занятостью

сложилась на предприятиях обрабатывающей промышленности. В течение 2012 г. наблюдалось последовательное снижение темпов роста ВВП и промышленного производства, а также некоторое ускорение инфляции, которая в предыдущем году была минимальной за все время наблюдений в рамках мониторинга.

За период с декабря 2011 по декабрь 2012 г. цены выросли примерно на 7%. В связи с относительно невысоким уровнем инфляции в течение всего последнего периода показатели доходов, зарплат и расходов в опросах мониторинга точнее отражают реальные экономические условия, чем в периоды, когда отмечался высокий уровень инфляции. Речь идет о сведениях относительно размера реальных рублевых доходов и расходов, полученных в 1990-х гг., которые должны истолковываться с осторожностью. Уровень годовой инфляции за каждые 12 месяцев начиная с 1996 г. показан на рисунке 1.

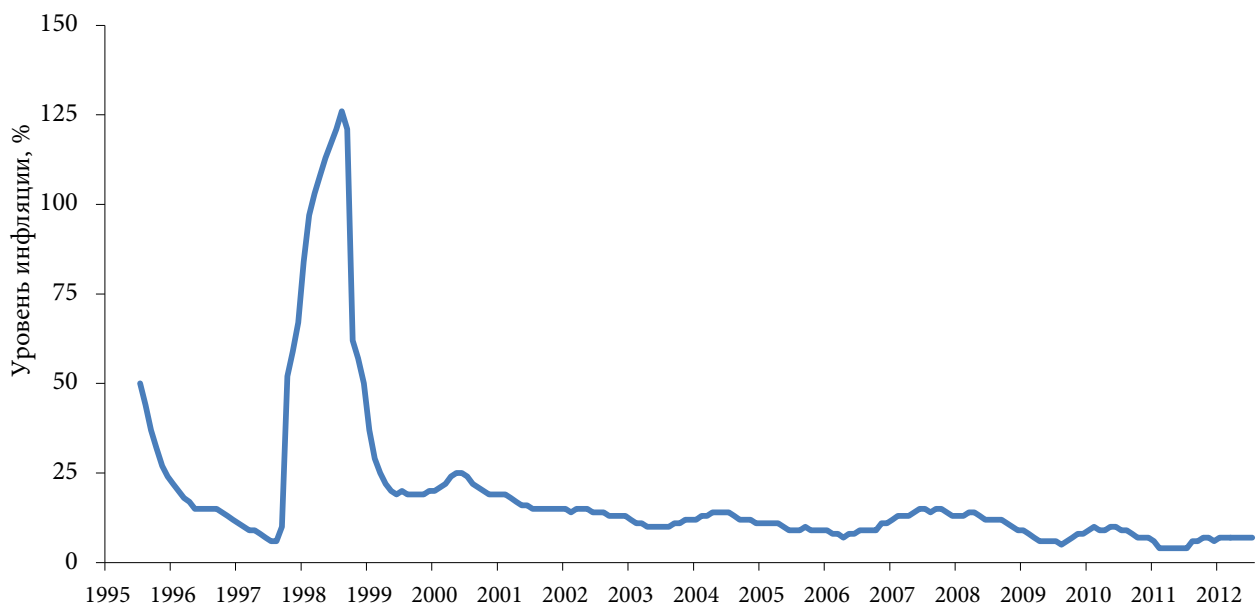

Рисунок 1. Годовые (12 месяцев) уровни инфляции, январь 1996—декабрь 2012, в % к соответствующему периоду предыдущего года

На рисунке 2 сравниваются индекс потребительских цен, который отражает изменения общей стоимости жизни для всех россиян, и прожиточный минимум для взрослого мужчины, составленный по среднероссийским ценам, за весь период проведения RLMS-HSE. Следует иметь в виду, что вертикальная ось рисунка 2 представляет собой логарифмическую шкалу. Увеличение значений по этой шкале отражает соответствующие пропорциональные изменения. Как следует из рисунка 2, с декабря 2011 по декабрь 2012 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился на 7,8%, что несколько больше, чем общий индекс потребительских цен.

Заметим, что, согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), по итогам 2012 г. инфляция в России составила 6,6%, что несколько выше 6,1%, полученных в 2011 г., когда данный показатель был минимальным за все годы постсоветского развития. Указанный результат явился следствием нескольких разнонаправленных тенденций. С одной стороны, было отмечено ускорение роста цен на продовольствие (с 3,9% в 2011 г. до 7,5% в 2012 г.), что было вызвано как относительно плохим урожаем в России и в мире, так и проявлением эффекта базы после повышения цен за предшествующий год. Рост цен на продовольствие, темпы которого почти удвоились, стал главным драйвером повышения

инфляции. Похожая ситуация, вызванная сильной засухой, наблюдалась в 2010 г., однако в 2012 г. масштабы бедствия были гораздо меньшими (очень низкий урожай пшеницы компенсировался чрезвычайно высоким урожаем кукурузы и некоторых других сельскохозяйственных культур). Продовольствие обеспечило инфляции 2,8 процентных пункта (2011 г. — 1,5 процентных пункта). С другой стороны, замедлился рост цен на непродовольственные товары (с 6,7% в 2011 г. до 5,2% в 2012 г.) и услуги (с 8,7 до 7,3% соответственно), которые вносили основной вклад в инфляцию в 2011 г. В 2012 г. непродовольственные товары и услуги обеспечили инфляции по 1,9 процентных пункта (2011 г. — 2,4 и 2,2 процентных пункта соответственно). Вместе с тем динамика инфляции в конце 2012 г. в целом говорила об определенной стабилизации инфляционных процессов в России.

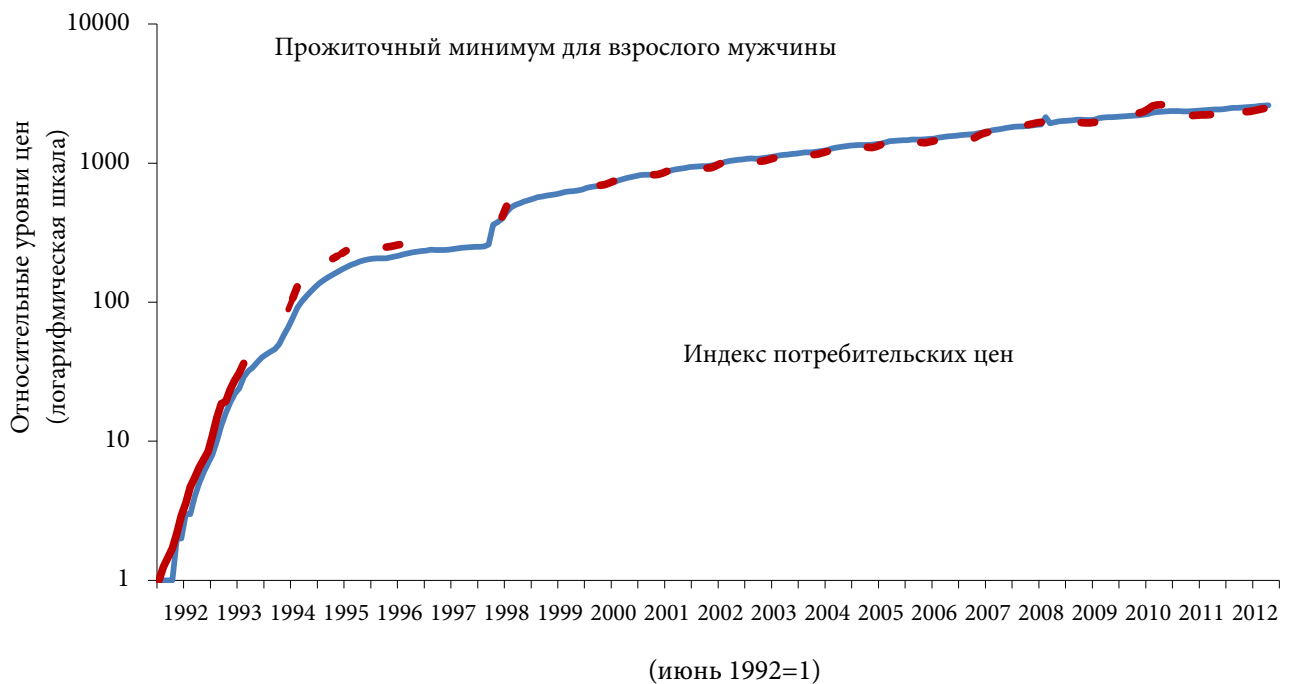

Рисунок 2. Уровень цен по месяцам, июнь 1992 — декабрь 2013 г.

Значительное влияние на развитие российской экономики оказывали внешние шоки — дальнейшее ухудшение состояния мировой экономики, нарастание разнообразных рисков, вызванное незавершенностью выхода глобальной экономики из кризиса и посткризисными неурядицами 2011–2012 гг., неопределенность перспектив мирового экономического развития. Поскольку российская экономика тесно связана с мировой экономикой, она очень чувствительна к тому, что происходит за пределами страны, и особенно к событиям, происходящим в Европейском союзе. Вместе с тем в 2012 г. в мире сложилась довольно сложная ситуация — рецессия в еврозоне и серьезные экономические трудности в США и Китае. По оценкам экспертов ООН, содержащимся в докладе «World Economic Situation and Prospects» (WESP) 2013 г., в 2012 г. существенно увеличилось число стран, особенно в Европе, которые вошли в «двойной спад», а в тех из них, которым угрожали неприятности с суверенным долгом, кризис углубился¹. Многие страны попали в «траекторию нисходящей спирали» из-за высокого уровня без-

¹ URL: <http://www.un.org/en/development/desa/publications/world-economic-situation-and-prospects-as-of-mid-2013.html> (дата обращения: 23.12.2013).

работицы, слабости совокупного спроса, усугубляемой жесткой экономией бюджетных средств, высокого государственного долга и финансовой неустойчивости. Присоединение России к ВТО в августе 2012 г. еще не смогло оказать какого-либо существенного влияния на развитие экономических процессов.

В целом можно было говорить о затухании основных экономических процессов и консервации ситуации шаткой стабильности в России, усугублявшейся пессимистическими прогнозами экономического развития, что не могло не сказаться на условиях жизни и социальном самочувствии семей. Вместе с тем результаты Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения демонстрировали довольно значительный рост реальных доходов домохозяйств¹. Как следует из данных RLMS-HSE, представленных в таблице 1, совокупный доход российских домохозяйств, после незначительного сокращения в 2011 г. на 1,8%, вырос в 2012 г. на 7,3%. В результате этого увеличения средние реальные доходы домохозяйств достигли максимального значения за все время систематических наблюдений, превысив уровень 1992 г. в 1,8 раза и уровень 1998 г., когда было зафиксировано минимальное значение, в 3,2 раза². Указанное повышение доходов домохозяйств во многом было обеспечено ускоренным ростом заработных плат как в бюджетном, так и в коммерческом секторах.

Таблица 1

Структура совокупного дохода домохозяйств, 1992–2012 гг., в руб. 2012 г.

Источник дохода	Год проведения исследования								
	1992	1996	1998	2004	2008	2009	2010	2011	2012
Доход от работы на государственных предприятиях	9298	4242	2957	5453	9269	8260	9129	9071	9528
Доход от работы на частных предприятиях	587	2239	1423	5132	9706	9108	9722	10 140	10 023
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1190	1540	855	1281	1451	1293	1306	1222	1041
Общий доход от заработной платы	11 075	8022	5235	11 865	20 561	18 661	20 192	20 630	20 799
Государственные трансфертные платежи	3078	2597	2219	4018	6624	7488	8100	8072	9275
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1238	1196	972	2015	2945	2168	1733	1655	1989
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	1283	1602	1737	935	1011	1474	1096	761	779

¹ Под «домохозяйством» или «семьей» в данном исследовании понимаются люди, проживающие вместе и имеющие общие доходы и расходы.

² В данной статье размер доходов, расходов и платежей за все годы проведения опросов приведен в ценах декабря 2012 г.

Продолжение таблицы 1

Источник дохода	Год проведения исследования								
	1992	1996	1998	2004	2008	2009	2010	2011	2012
Доход от продажи личного имущества	857	321	312	511	321	314	243	316	206
Доход от сдачи личной собственности в аренду	14	25	28	89	160	147	128	154	186
Дивиденды	0	202	53	456	87	46	78	48	89
Помощь от родственников и благотворительная помощь	2365	1423	878	1302	2739	1517	2033	2161	1960
Общая сумма месячного дохода	19 908	15 390	11 432	21 191	34 970	33 002	34 860	34 237	36 744

Примечательно, что, по данным Росстата, за 2012 г. рост доходов населения в реальном выражении составил 4,4%, тогда как за 2011 г. доходы повысились только на 0,5%, а в 2010 г. – на 5,9%. В течение года реальные располагаемые денежные доходы населения демонстрировали достаточно устойчивую положительную динамику с постепенным наращиванием темпов роста – с 1,6% в I квартале до 5,8% в IV квартале 2012 г. относительно соответствующих периодов 2011 г. В номинальном выражении среднедушевые доходы в 2012 г. составили в среднем 22 тыс. 821 руб., увеличившись на 10% по сравнению с 2011 г. При этом в декабре 2012 г. среднедушевые доходы составили 34 тыс. 811 руб., увеличившись на 10,3% по сравнению с декабрем 2011 г. (в силу известных причин в декабре доходы и зарплаты существенно выше, чем в среднем за год). Сохранился значительный уровень дифференциации субъектов Российской Федерации как по уровню социально-экономического развития, достигающему в целом ряде случаев 10–15 раз, так и по уровню доходов населения и их покупательской способности. Среднероссийский уровень денежных доходов населения составил порядка 245 тыс. руб. в год на одного человека. При этом в наиболее благополучных регионах уровень доходов более чем в 2 раза превышал доходы населения регионов-аутсайдеров: соответственно 300 тыс. и 150 тыс. руб.

Согласно данным RLMS-HSE, в 2012 г., как и во все предыдущие годы, доминирующее положение в структуре доходов российских домохозяйств занимали доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей, т. е. социальных трансфертов, которые предоставляются населению из федеральных, региональных и местных бюджетов, государственных внебюджетных социальных фондов (пенсии, стипендии, социальные пособия, компенсационные выплаты, льготы и т. п.). Причем в 2012 г. общий реальный доход от заработной платы увеличился на 0,8% в сравнении с 2011 г., достигнув нового максимума. В результате этого увеличения совокупный доход домохозяйств от заработной платы оказался в 1,9 раза больше, чем в 1992 г. и в 4,0 раза больше, чем в кризисном 1998 г.

Рост доходов домохозяйств от заработной платы объясняется тем, что, несмотря на возросшую тревожность, вызванную ожиданием обострения экономической ситуации и очередной волны экономического кризиса, в 2012 г. зарплату своим сотрудникам подняли многие компании и организации. Вместе с тем изменение величины дохода домохозяйств от работы на предприятиях с различной

формой собственности в 2012 г. происходило не одинаково. В частности, доход от работы на государственных предприятиях, после незначительного уменьшения в 2011 г. на 0,6%, в 2012 г. вырос на 5,0%, впервые незначительно превысив значения 1992 г. и предкризисного 2008 г. Этот рост во многом был обеспечен повышением денежного довольствия военнослужащих, зарплат в системе МВД, заработков бюджетников. Довольно стабильным оказался в 2012 г. доход от работы на предприятиях частного сектора, который остался на уровне предыдущего года. Что касается дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то он продолжил наблюдавшееся ранее сокращение, которое в сравнении с 2011 г. составило около 15%. В 2012 г. доход от работы на предприятиях данной формы собственности был ниже значения, зафиксированного в 2008 г., более чем на 28%.

В целом наиболее высокие темпы роста заработной платы в анализируемый период отмечались в видах трудовой деятельности с большой долей государственного участия. Ускоренному росту заработной платы в образовании и здравоохранении способствовало выполнение Указа Президента РФ № 597 от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Осуществление мер, направленных на повышение оплаты труда работников бюджетной сферы, способствовало снижению разрыва между оплатой труда в бюджетных отраслях и в производствах обрабатывающего сектора. Кроме того, увеличение в 2012 г. заработной платы сотрудников органов внутренних дел, а также индексация фондов оплаты труда работников федеральных государственных учреждений в октябре 2012 г. существенно отразились на темпах роста заработной платы в сферах государственного управления и обеспечения военной безопасности.

Заметим, что, по данным Росстата, наиболее значительно за прошедший год зарплата увеличилась у работников, занятых в сферах государственного управления, обеспечения военной безопасности и социального страхования (41,4%). Ощутимо увеличились заработки в сферах научных исследований и разработок (16%), образования (15,4%), производства нефтепродуктов (14,9%), здравоохранения и предоставления социальных услуг (14,6%). По федеральным округам самый высокий рост зарплат наблюдался в Северо-Кавказском федеральном округе (17,1%), а самый низкий – в Центральном и Северо-западном федеральных округах (соответственно 9,5 и 9,7%).

В 2012 г. сохранилось превышение дохода российских домохозяйств от работы на частных предприятиях над доходом от работы на государственных предприятиях. Исключительно из частных источников поступало около 48% всех доходов домохозяйств от заработной платы, тогда как исключительно из государственных источников – около 43%. Примерно таким же было это соотношение в 2008–2009 гг. Такая ситуация стала возможной в результате опережающего роста совокупного дохода домохозяйств от работы на частных предприятиях в предыдущие годы.

В 2012 г. была восстановлена тенденция увеличения государственных трансфертных платежей, прерванная только однажды в 2011 г., когда государственные трансферты остались на прошлогоднем уровне. В 2012 г. они выросли на почти 15%, достигнув максимального значения. Вместе с тем нельзя не заметить, что указанные темпы роста были несколько выше, чем в 2009 и 2010 гг., когда государственные трансферты выросли соответственно на 13 и 8,2%. В целом по сравнению с 1992 г. государственные трансфертные платежи выросли в 3 раза, а в сравнении с 1998 г. – в 4 раза.

Рост государственных трансфертных платежей в 2012 г. обеспечивался главным образом повышением пенсий, составляющим основную часть трансфертов. Так, в 2012 г. трудовые пенсии индексировались дважды: с 1 февраля они выросли на 7% и с 1 апреля – на 3,41%. Кроме того, с 1 апреля 2012 г. на 14,1% была проиндексирована социальная пенсия. В результате средний размер трудовой пенсии, по данным Пенсионного фонда Российской Федерации, составил 9282 руб. и увеличился по сравнению с 2011 г. на 10%. Средний размер социальной пенсии вырос на 12,9% и составил 5756 руб. Важно также учитывать, что в ходе реализации Федерального закона от 30.11.2011 г. № 360-ФЗ «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений» с 1 июля 2012 г. было начато назначение и осуществление выплат за счет средств пенсионных накоплений. По данным Пенсионного фонда РФ, по состоянию на 1 декабря 2012 г., соответствующие выплаты были назначены 1,3 млн человек. Что касается иных государственных трансфертных платежей, направленных на поддержание материального положения отдельных категорий граждан, то следует обратить особое внимание на то, что в 2012 г. на 6% были проиндексированы размеры ежемесячных денежных выплат отдельным категориям граждан, государственных пособий гражданам, имеющим детей, ежемесячных страховых выплат по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, что позволило увеличить денежные доходы граждан и сохранить покупательную способность указанных социальных выплат.

К важным результатам исследования относится зафиксированное в 2012 г. новое увеличение денежного дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора. С 1998 по 2008 г. доход от данного источника умножился более чем в 3 раза и достиг максимального значения, но затем четко обозначилась обратная тенденция. С 2008 по 2011 г. сокращение денежного дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора составило почти 44% или 1,8 раза. Причем в 2011 г. по сравнению с 2010 г. он уменьшился на 4,5%. Однако в 2012 г. было зафиксировано существенное повышение данного дохода, которое составило около 20%. Обращает на себя внимание тот факт, что в 2012 г. даже после такого значительного увеличения денежный доход от домашнего производства и неформального сектора оставался меньше, чем в 2008–2009 гг. Что касается натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, то он не преодолел показатель 2009 г. Однако темпы этого уменьшения несколько замедлились. Если в 2010 г. по сравнению с 2009 г. доход домохозяйств от данного источника сократился на 25,7%, т. е. более чем на четверть; в 2011 г. по сравнению с 2010 г. – на 30,5%, т. е. почти на треть, то в 2012 г. по сравнению с 2011 г. уровень дохода домохозяйств из этого источника практически не изменился. В целом за 2009–2012 гг. натуральный доход от домашнего производства и домашнего сектора сократился почти вдвое.

Результатом действия этих противоположных тенденций явилось повышение в 2012 г. по сравнению с 2011 г. совокупного дохода домашних хозяйств (денежного и натурального) от домашнего производства и неформального сектора на 14,6%, тогда как в предыдущие годы этот доход имел тенденцию к сокращению. Так, в 2011 г. по сравнению с 2010 г. совокупный доход от домашнего производства и неформального сектора сократился на 14,6%, а по сравнению с 2008 г., когда было зафиксировано максимальное значение – на 38,9%.

В ходе анализа результатов мониторинга было выявлено небольшое снижение дохода российских домохозяйств от помощи родственников и благотворительной помощи (частных трансфертов), которое было характерно и для посткризисного 2009 года. В 2012 г. в сравнении с 2011 г. доход от данного источника уменьшился, примерно, на один процент. Характерно, что в 2012 г., как и прежде, основная доля этого дохода приходилась на помощь ближайших родственников, которой традиционно пользуется значительное большинство россиян, являющихся активными участниками родственно-дружеских взаимобмен, тогда как благотворительная помощь остается сравнительно редким явлением, распространяющимся на ограниченный круг людей, находящихся постоянно или временно в трудной ситуации.

К интересным результатам нашего мониторинга следует отнести также выявление в 2012 г. экстремальных значений дохода российских домохозяйств от продажи личного имущества и дохода от сдачи личной собственности в аренду. Так, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. доход от продажи личного имущества и вещей сократился почти на 35%, опустившись до самого низкого значения. При этом в 2012 г. доход домохозяйств от данного источника был в 1,6 раза меньше, чем в 2008 г. и в 4,2 раза меньше, чем в 1992 г. В то же время доход домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду вырос за последний год на 20% и достиг самого высокого значения за все время наблюдений, превысив предыдущий максимум, выявленный в 2008 году. Аналогичная картина наблюдалась в отношении изменения величины дивидендов. После очередного сокращения в 2011 г. они вновь увеличились в 2012 г. до уровня 2008 г. При этом важно не забывать, что в сравнении с другими источниками дохода домохозяйств дивиденды в наибольшей мере подвержены ежегодным колебаниям. В решающей мере это объясняется тем, что лишь некоторые респонденты в ходе опросов указывали значения данного источника дохода, тогда как абсолютное большинство опрошенных сообщали, что они не имеют доходов в виде дивидендов или страховых платежей.

Подводя итог рассмотренному материалу, отметим, что в целом с 2000 по 2012 г., т. е. за период так называемого восстановительного роста или преодоления последствий трансформационного кризиса, общая сумма месячного дохода российских домохозяйств выросла в 2,6 раза. В то же время общий доход домохозяйств от заработной платы увеличился в 3,0 раза. При этом наиболее высокими темпами рос доход домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора, который за указанный период вырос в 5,4 раза, тогда как доход от работы на государственных предприятиях увеличился только в 2,5 раза, а доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности практически не изменился. Достаточно высокими темпами росли также государственные трансфертные платежи, которые за 2000–2012 гг. увеличились в 3,7 раза. Что касается частных трансфертов (помощь от родственников, друзей, знакомых и благотворительная помощь), то они росли менее быстрыми темпами, чем государственные трансферты, увеличившись в 1,9 раза. Обращает на себя внимание также тот факт, что если величина месячного денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора увеличилась в 1,3 раза, то величина аналогичного натурального дохода сократилась примерно вдвое. Среди других важных изменений выделим сокращение дохода домохозяйств от продажи личного имущества в 1,5 раза и одновременное увеличение дохода от сдачи личной собственности в аренду в 6,5 раза.

Данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, отражающие процентное соотношение различных источников дохода домохозяйств в период с 1992 по 2012 г., очень ясно показывают, что основными источниками доходов населения являются заработная плата и государственные трансфертные платежи, значимость которых за время наблюдений существенно увеличилась (см. таблицу 2; см. рис. 3, 4, 5 и 6¹). Если в 1996–1998 гг. на долю доходов от данных источников приходилось две трети, а именно – около 66% совокупного дохода российских домохозяйств, то в 2012 г. – уже 86,1%. Это лишь на 0,4 процентных пункта меньше максимального значения, достигнутого в 2011 г., но больше на 0,7 процентных пункта, чем в 2010 г., и на 3,2 процентных пункта, чем в 2008 г.

Таблица 2

Распределение доходов по источникам, 1992–2012 гг., %

Источник доходов	Год проведения исследования								
	1992	1996	1998	2004	2008	2009	2010	2011	2012
Доход от работы на государственных предприятиях	41,5	22,9	22,3	22,9	23,9	22,9	24,8	24,0	23,3
Доход от работы на частных предприятиях	2,3	9,2	8,0	16,9	21,1	21,3	22,5	24,1	21,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	5,1	6,8	5,3	4,7	3,3	3,5	3,3	3,0	2,4
Общий доход от заработной платы	48,9	38,9	35,6	44,5	48,3	47,7	50,6	51,1	47,2
Государственные трансфертные платежи	30,9	27,1	30,9	34,7	34,6	36,4	34,8	35,4	38,9
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1,6	6,5	5,6	7,1	5,3	5,2	4,0	3,9	4,3
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	7,8	15,9	17,8	5,5	3,9	3,8	3,6	2,6	2,4
Доход от продажи личного имущества	1,2	1,3	1,0	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,0	0,1	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4
Дивиденды	–	0,6	0,3	0,3	0,3	0,1	0,2	0,1	0,2
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,7	9,6	8,5	7,1	6,9	6,1	6,1	6,3	6,2
Общая сумма месячного дохода	100	100	100	100	100	100	100	100	100

¹ Данные, приведенные в таблице 2 и на рисунках 3, 4, 5 и 6, основаны на средних данных о структуре дохода по домохозяйствам и не могут быть напрямую выведены из данных о среднем доходе, содержащихся в таблице 1. При использовании цифр из таблицы 1, соотношение среднего дохода из одного источника к среднему доходу в целом будет соответствовать средневзвешенным долям дохода домохозяйства, где веса пропорциональны общему доходу каждого домохозяйства.

Наиболее значительным и последовательным являлся рост доли дохода российских домашних хозяйств от заработной платы. Как следует из данных на рисунке 3, в 2012 г. в сравнении с 2011 г. она увеличилась на 0,1 процентных пункта. Однако с 1998 по 2012 г. доля дохода от заработной платы увеличилась с 35,6 до 47,2%, т. е. на 11,6 процентных пункта. Важно заметить, что знаковым в данном случае явился 2010 г., когда доля дохода от заработной платы, пройдя пятидесятипроцентный рубеж, превысила сравнительно высокое значение 1992 г.

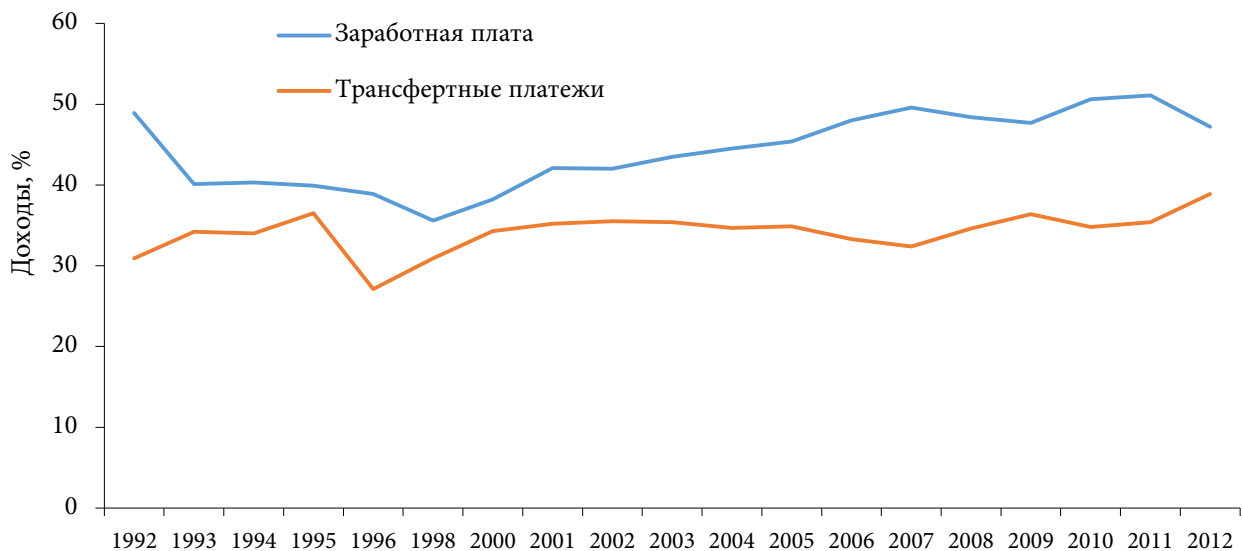

Рисунок 3. Распределение доходов по источникам: заработная плата, трансфертные платежи, %

В 2012 г. было отмечено незначительное уменьшение доли дохода домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора на 0,7 процентных пункта, т. е. примерно до уровня 2008 г. В целом, как следует из рисунка 4, в 2010–2012 гг. доля дохода от данного источника была выше, чем в предыдущие годы, исключая самый начальный период, который отличался полным доминированием в стране государственной собственности. В то же время доля дохода домохозяйств от работы на частных предприятиях сократилась, хотя и очень незначительно, впервые после длительного периода непрерывного роста. В частности, с 1998 по 2011 г. доля дохода от работы на предприятиях частного сектора выросла с 8 до 21,5%, т. е. почти в 3 раза. В результате отмеченных изменений весомость доходов от работы на государственных предприятиях и предприятиях частного сектора для российских домохозяйств практически выровнялась. Среди других тенденций отметим дальнейшее сокращение в 2012 г. по сравнению с 2011 г. доли дохода российских домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности. В целом с середины 1990-х гг. эта доля месячного дохода достаточно последовательно сократилась более чем в два раза.

Дальнейший анализ показал, что роль государственных трансфертных платежей в формировании месячного дохода российских домохозяйств на протяжении длительного периода, охватывающего последние десять лет, оставалась достаточно стабильной — от 34,3% в 2000 г., когда было зафиксировано минимальное значение, до 36,4% в 2009 г., когда было достигнуто максимальное значение. Увеличение данного показателя в 2012 г. по сравнению с 2011 г. на 3,5 процентных пункта (с 35,4 до 38,9%) полностью укладывается в русло указанных

выше колебаний. При этом в период до 2000 г. на долю дохода от государственных трансфертов ежегодно приходилось не более 31% месячного дохода российских домохозяйств. Примечательно, что за последний год доля дохода домашних хозяйств из государственных или смешанных частных государственных источников, включая заработные платы и социальные трансферты, не изменилась (2011 г. – 86,5%; 2012 г. – 86,1%).

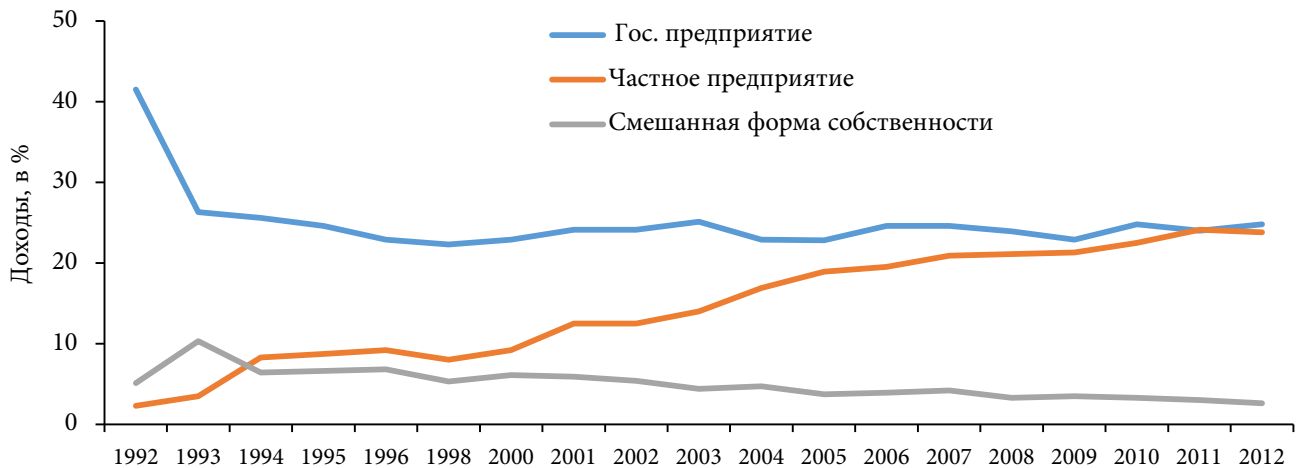

Рисунок 4. Распределение доходов по источникам: государственные, частные предприятия, предприятия смешанной формы собственности, %

Заслуживают внимания данные мониторинга (см. рис. 5), демонстрирующие определенный рост доли денежного дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора (с 3,9% в 2011 г. до 4,3% в 2012 г.), выявленный впервые после долговременного снижения (с 7,5% в 2000 г. до 3,9% в 2011 г., т. е. почти в два раза). При этом наблюдалось дальнейшее снижение значимости натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора в формировании совокупного дохода российских домохозяйств – с 2,6% в 2011 г. до 2,4% в 2012 г. В целом с 2000 по 2011 г. доля этого вида дохода сократилась более чем в 8 раз.

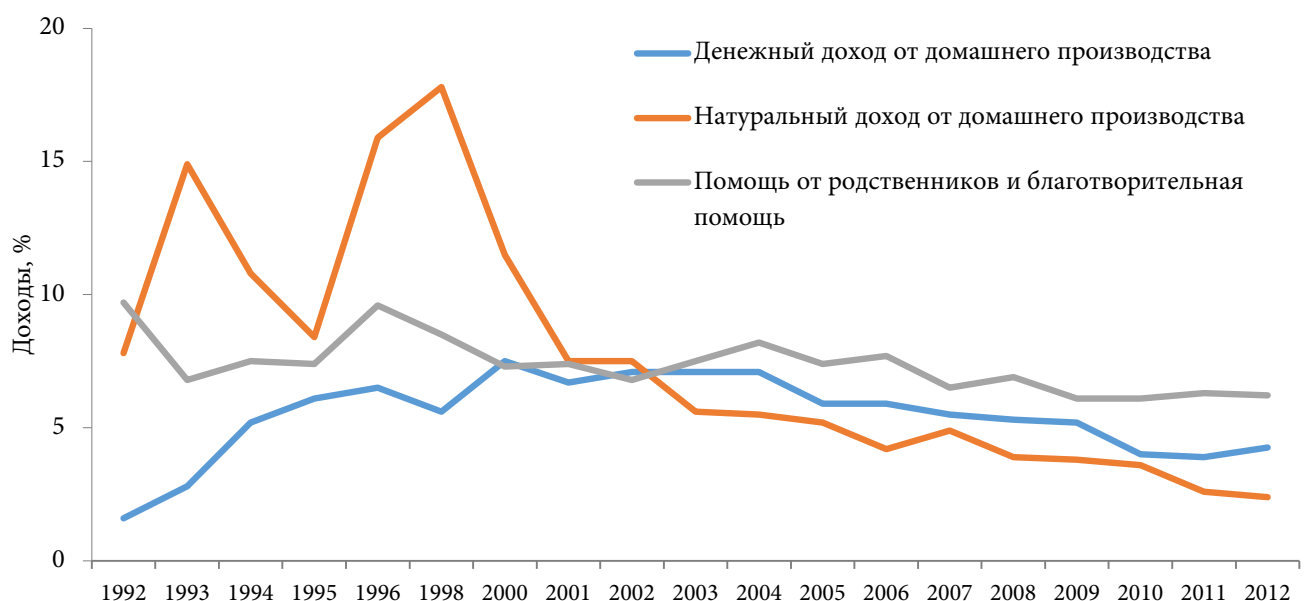

Рисунок 5. Распределение доходов по источникам: денежный и натуральный доходы от домашнего производства, помощь родственников и благотворительная помощь, %

Обращает на себя внимание и тот интересный факт, что в 2012 г. получила также дальнейшее развитие тенденция увеличения удельного веса частных трансфертов в совокупном бюджете российских домашних хозяйств, что, скорее всего, было обусловлено неблагоприятными последствиями экономического кризиса, вынудившими многих людей обращаться за помощью к более обеспеченным родственникам. В целом с 2010 по 2012 г. доля дохода от помощи родственников и благотворительной помощи увеличилась с 6,1% до 6,6%, т. е. на 0,5 процентных пункта, хотя до этого она очень медленно сокращалась (с 9,7% в 1992 г. до 6,1% в 2009 г.).

Что касается наименее существенных источников дохода (доход от продажи личного имущества, доход от сдачи личной собственности в аренду и дивиденды), то их значимость в формировании совокупного дохода российских домохозяйств на протяжении последних лет менялась не значительно. Как следует из данных мониторинга, представленных на рисунке 6, в 2012 г. суммарная доля дохода от этих источников не превышала 1%, что примерно столько же, сколько было в 2006–2011 гг. Самым большим данный показатель был в середине 1990-х гг., когда он составлял около 2%.

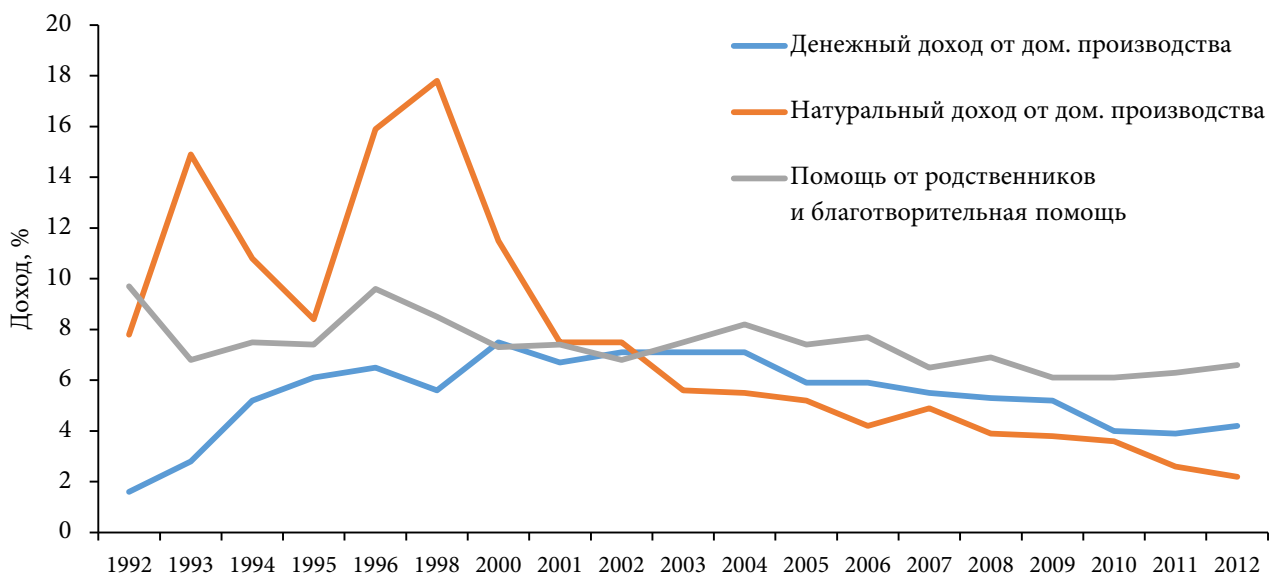

Рисунок 6. Распределение доходов по источникам: продажа и сдача в аренду личного имущества, дивиденды, %

В таблице 3 представлены данные о процентном соотношении обследованных домашних хозяйств, имеющих доходы из рассматриваемых источников. Они, в частности, показывают, что в 2012 г. в сравнении с 2011 г. удельный вес домохозяйств с каким-либо доходом от заработной платы практически не изменился и составил 69,8% (2011 г. — 69,9%). При этом с 1998 по 2010 г. доля таких домашних хозяйств выросла с 57,6 до 71,4%, т. е. на 13,8 процентных пункта, вплотную приблизившись к максимальному значению, зафиксированному в 1992 г. (72,4%).

Среди домохозяйств, получающих какой-либо доход от заработной платы, как и прежде преобладают домохозяйства с доходом от работы на государственных предприятиях. В 2012 г. по сравнению с 2011 г. их доля немного снизилась — с 44 до 42,7%, что, скорее всего, следует отнести на счет ежегодных колебаний, наблюдающихся на протяжении 2000-х гг. Совершенно по-иному воспринима-

ется столь же небольшое, но выявленное впервые за все годы систематических наблюдений (с 38,9% в 2011 г. до 35,8% в 2012 г.), сокращение удельного веса домохозяйств, члены которого получают доход от работы на предприятиях частного сектора. Является ли это снижение началом новой тенденции или лишь определенным отклонением от давно устоявшегося тренда, покажут следующие опросы. Заметим, что с 1992 по 2011 г. удельный вес таких домохозяйств вырос с 5,3 до 38,9%, т. е. более чем в 7 раз. Это увеличение происходило довольно ровными темпами, за исключением наиболее сложных кризисных лет. В то же время продолжила дальнейшее снижение доля домохозяйств, имеющих доход от работы членов семей на предприятиях смешанной формы собственности – с 5,7% в 2011 г. до 4,9% в 2012 г. В целом за 1996–2012 гг. удельный вес таких домохозяйств сократился более чем два раза, достигнув минимального значения.

Таблица 3

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, 1992–2012 гг., %

Источник доходов	Год проведения исследования								
	1992	1996	1998	2004	2008	2009	2010	2011	2012
Доход от работы на государственных предприятиях	64,9	41,2	42,1	43,0	44,7	42,7	46,7	44,0	42,7
Доход от работы на частных предприятиях	5,3	16,6	16,0	28,4	35,7	35,9	37,9	38,9	35,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	10,5	12,4	10,7	9,0	6,8	7,2	6,6	5,7	4,9
Общий доход от заработной платы	72,4	59,2	57,6	64,1	67,2	67,7	71,4	69,9	65,9
Государственные трансфертные платежи	86,5	54,8	60,3	76,8	73,1	74,1	71,3	68,9	72,6
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	15,2	24,9	24,1	24,4	17,8	18,3	15,4	14,8	15,9
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	56,3	60,0	62,9	50,5	44,3	46,4	44,4	37,9	40,3
Доход от продажи личного имущества	3,8	3,2	2,8	1,4	0,9	1,3	0,9	1,1	1,1
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,3	0,6	1,3	1,5	1,2	1,1	1,3	1,6
Дивиденды	–	1,8	1,1	1,1	1,0	0,8	1,1	0,9	1,2
Помощь от родственников и благотворительная помощь	34,7	25,9	25,5	29,0	27,8	26,3	25,5	27,5	26,0

В 2012 г. впервые после длительного сокращения (с 76,8% в 2004 г. до 68,9% в 2011 г.) увеличилась доля домохозяйств, получающих государственные трансфертные платежи. В результате этого увеличения удельный вес домохозяйств, получающих доход в виде трансфертных платежей, составил 72,6%. Отмеченный рост можно объяснить двумя главными причинами. Во-первых, улучшением демографической ситуации, в результате которого увеличилось число граждан, получающих социальные пособия и пенсии. Так, по данным Росстата, в 2012 г. в России

родилось 1902 тыс. детей, что на 105,5 тыс., или на 5,9%, больше, чем в 2011 г., тогда как умерло 1906 тыс. человек, что на 19,3 тыс., или на 1%, меньше, чем в предыдущем году. Во-вторых, увеличением количества лиц, получающих доход в виде пенсии. В 2011 г. численность пенсионеров, состоящих на учете в ПФР, впервые перешагнула 40-миллионный рубеж, а к концу 2012 г. достигла 40,5 млн человек.

За последний год увеличилась, после ранее наблюдавшегося сокращения, доля домохозяйств, получающих денежный и натуральный доходы от домашнего производства и неформального сектора. Так, с 2009 по 2011 г. удельный вес домохозяйств, получающих денежный доход от домашнего производства и неформального сектора, сократился с 18,3 до 14,8%, т. е. на 3,5 процентных пункта, но в 2012 г. увеличился до 15,9%, т. е. только на 1,1 процентных пункта. В то же время доля домохозяйств, имеющих соответствующий натуральный доход, за 2009–2011 гг. уменьшилась с 46,4 до 37,9%, т. е. на 8,5 процентных пункта, но в 2012 г. увеличилась до 40,3%, т. е. на 2,4 процентных пункта. На протяжении 1996–2004 гг. удельный вес домохозяйств, имеющих денежный доход от домашнего производства и неформального сектора, колебался в узких границах — от 24,1 до 25,6%, а затем довольно быстро и последовательно (за исключением небольшого всплеска, отмеченного в 2009 г.) снизился с 24,4% в 2004 г. до 14,8% в 2011 г., т. е. более чем в 1,6 раза. В то же время доля домашних хозяйств, получающих соответствующий натуральный доход, поступательно (за исключением всплеска в 2009 г.) сократилась с 62,9% в 1998 г. до 37,9% в 2011 г., т. е. почти в 1,7 раза.

После всех этих изменений в 2012 г. удельный вес домашних хозяйств, члены которых имели натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, в 2,4 раза превышал удельный вес домохозяйств, получающих аналогичный денежный доход. Это немного меньше, чем 2,5 раза в 2009 г.; 2,9 раза в 2010 г. и 2,6 раза в 2011 г. Примечательно, что самой большой эта разница была в далеком 1992 г., когда удельный вес домашних хозяйств, получающих натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, в 3,7 раза превышал долю домохозяйств, получающих соответствующий денежный доход (56,3% против 15,2%).

Заслуживает внимания новое снижение удельного веса российских домохозяйств, использующих в качестве одного из источников дохода какую-либо материальную помощь от своих родственников, друзей и благотворительную помощь: с 27,5% в 2011 г. до 26,0% в 2012 г., т. е. на 0,5 процентных пункта. В целом за 2010–2012 гг. этот показатель остается неизменным. Данное событие произошло после сравнительно длительного периода сокращения доли таких домохозяйств — с 2004 по 2010 г. на 3,5 процентных пункта. Обращает на себя внимание также некоторое увеличение удельного веса домашних хозяйств, имеющих доход от сдачи личной собственности в аренду — с 1,3% в 2011 г. до 1,6% в 2012 г. В результате указанных изменений было превышено прежнее максимальное значение доли таких домохозяйств, зафиксированное в 2008 г. В то же время доли домохозяйств, получающих доход от продажи личного имущества и в виде дивидендов практически не изменились.

Как показал анализ данных предыдущих опросов RLMS-HSE, общей тенденций предкризисного периода являлись более высокие темпы роста реальных доходов наиболее обеспеченных домохозяйств. Так, с 2005 по 2008 г. в самом верхнем квинтиле они выросли более чем на 80%, тогда как в менее доходных

квнтилях — только на 40–45%. При этом только с конца 2007 по конец 2008 г. реальные доходы домохозяйств самого верхнего квинтиля выросли на 39%, в то время как в менее доходных квинтилях этот рост составил от 15 до 20%. Однако в условиях финансово-экономического кризиса ситуация изменилась на противоположную. С конца 2008 по конец 2009 г. доходы домохозяйств двух беднейших квинтилей увеличились примерно на 6%, тогда как в более доходных квинтилях наблюдалось снижение доходов (от 3% в среднем квинтиле до 17% в самом верхнем квинтиле). В 2010 г. в сравнении с 2009 г. доходы домохозяйств двух нижних квинтилей выросли еще больше — приблизительно на 20%. Некоторый рост доходов домашних хозяйств (приблизительно на 5–6%) был зафиксирован также в следующих двух квинтилях, в то время как в самом верхнем квинтиле продолжилось снижение доходов (примерно на 2%). И наконец, в 2011 г. небольшое увеличение доходов, составляющее 1,5%, было отмечено только в самом нижнем квинтиле, тогда как в остальных квинтилях доходы домохозяйств уменьшились на величину, составляющую немногим больше или немногим меньше 2% (см. таблицу 4)¹. Результатом этих разнонаправленных изменений стало небольшое сокращение различий в доходах домохозяйств, принадлежащих к различным, и прежде всего к полярным квинтилям.

Таблица 4

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода, декабрь 2011 г., %

Источник доходов	Квинтили				
	Нижний	21–40	41–60	61–80	Верхний
Доход от работы на государственных предприятиях	27,7	22,0	19,7	22,5	28,2
Доход от работы на частных предприятиях	21,1	20,5	21,8	24,9	32,1
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,4	2,8	2,5	3,1	4,0
Общий доход от заработной платы	51,2	45,2	44,1	50,5	64,3
Государственные трансфертные платежи	30,0	41,8	45,5	38,7	21,0
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	5,6	3,6	3,1	3,1	4,2
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	3,6	2,8	2,3	2,5	1,8
Доход от продажи личного имущества	0,4	0,2	0,3	0,2	1,0
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,1	0,2	0,2	0,4	0,7
Дивиденды	0,0	0,0	0,1	0,2	0,4
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,3	6,2	4,7	4,7	6,9
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2011 г., в руб. декабря 2003 г.	7090	10 380	12 156	15 992	29 072

¹ В таблице 4 приводится общая информация об уровне реальных доходов внутри квинтилей. В последних строках таблицы показаны средние доходы по квинтилям распределения доходов в 2010–2011 гг.

Продолжение таблицы 4

Источник доходов	Квинтили				
	Нижний	21–40	41–60	61–80	Верхний
Общий доход от заработной платы, ноябрь 2010 г.	49,8	49,3	44,1	49,4	60,5
Государственные трансфертные платежи, ноябрь 2010 г.	31,1	38,0	45,5	38,4	20,8
Средняя сумма месячного дохода, ноябрь 2010 г., в руб. декабря 2003 г.	6983	10 666	12 426	16 237	29 747

Данные о доходах обследованных домохозяйств за 2012 г., которые дифференцированы по квинтилям душевого дохода, представлены в таблице 5. Анализ данных показывает, что в 2012 г. произошло увеличение доходов во всех квинтильных группах, но крайне неравномерно. Если доходы домохозяйств двух беднейших квинтилей увеличились только на 2–3%, то в третьем и четвертом квинтилях этот рост составил уже 5–6%, а в самом богатом квинтиле – 12%. Таким образом, в 2012 г. доходы самых обеспеченных домашних хозяйств росли в пять-шесть раз быстрее, чем доходов самых бедных домохозяйств.

Таблица 5

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода, декабрь 2012 г., %

Источник доходов	Квинтили				
	Нижний	21–40	41–60	61–80	Верхний
Доход от работы на государственных предприятиях	25,5	23,9	20,9	24,4	29,1
Доход от работы на частных предприятиях	20,4	20,3	21,9	25,1	31,4
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,2	2,6	2,3	2,7	3,1
Общий доход от заработной платы	48,2	46,9	45,1	52,1	63,6
Государственные трансфертные платежи	32,1	41,8	44,5	35,4	20,8
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	6,0	3,0	3,0	4,2	4,8
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	3,3	2,0	2,3	1,9	1,4
Доход от продажи личного имущества	0,1	0,2	0,1	0,1	1,3
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,4	0,2	0,3	0,4	0,7
Дивиденды	0,1	0,1	0,1	0,1	0,4
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,8	5,9	4,5	5,6	7,1
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2012 г., в руб. 2012 г.	16 725	24 621	29 542	38 385	74 458

Продолжение таблицы 5

Источник доходов	Квинтили				
	Нижний	21–40	41–60	61–80	Верхний
Общий доход от заработной платы, декабрь 2011 г.	51,2	45,2	44,1	50,5	64,3
Государственные трансфертные платежи, декабрь 2011 г.	30,0	41,8	45,5	38,7	21,0
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2011 г., в руб. 2012 г.	16 250	23 790	27 861	36 653	66 631

Характерно, что в 2012 г., как и в 2009–2011 гг., для российских домохозяйств всех квинтилей наиболее значимым источником дохода являлась заработная плата. Подобная ситуация наблюдалась также в очень сложном 1998 г., который был отмечен тяжелейшим финансово-экономическим кризисом. Вместе с тем во все годы межкризисного периода (1999–2008), заработная плата выступала важнейшим источником дохода только для наиболее обеспеченных домашних хозяйств, тогда как для наименее обеспеченных домохозяйств таким источником дохода являлись пенсии, стипендии, социальные пособия, льготные выплаты из государственных источников и другие виды государственных трансфертных платежей. Как показал анализ, за последний год значимость заработной платы как источника дохода для домохозяйств всех квинтилей изменилась очень мало. Так, в 2012 г. на долю дохода от заработной платы у самых богатых домохозяйств приходилось 63,6%, тогда как у домохозяйств первых трех квинтилей – только от 45,1 до 48,2% их совокупного дохода. Все виды дохода от заработной платы (доход от работы на государственных предприятиях, доход от работы на предприятиях частного сектора и доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности) играли наиболее существенную роль в формировании доходов домохозяйств самого верхнего квинтиля. И их роль в данном случае изменилась совершенно незначительно.

Практически не изменились за последний год также доли дохода домохозяйств, принадлежащих к разным квинтилям, от государственных трансфертных платежей. Трансфертные платежи составили свыше 40% совокупного дохода домохозяйств второго и третьего квинтилей, около трети дохода домохозяйств первого и четвертого квинтилей и только около одной пятой части дохода домохозяйств самого богатого квинтиля.

В 2012 г., как и годом ранее, отмечалось превышение доли денежного и натурального дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора, в первом квинтиле – соответственно 6 и 3,3% (2011 г. – 5,6 и 3,6%). При этом достаточно четко прослеживалась тенденция, демонстрирующая последовательное уменьшение доли натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора при поступательном переходе от самого нижнего квинтиля к самому верхнему – с 3,3 до 1,4% (2011 г. – с 3,6 до 1,8%). Аналогичная картина наблюдалась практически во все предыдущие годы. Вновь, как и в 2011 г., помощь от родственников и благотворительная помощь как источник дохода была наиболее важна для самых бедных и самых богатых домохозяйств – соответственно 9,8 и 7,1% (2011 г. – 9,3 и 6,9%). Получение доходов от продажи личного имущества, от сдачи в аренду личной собственности и в виде дивидендов в наибольшей мере характерно для домохозяйств верхнего квинтиля.

К важным последствиям финансово-экономического кризиса следует отнести существенное сокращение разрыва в доходах между состоятельными и бедными слоями населения. Если с 2006 по 2008 г. разрыв в доходах между домохозяйствами верхнего и нижнего квинтилей вырос с 6 до 6,7 раза, то в 2009 г. он сократился до 5,3 раза, в 2010 г. до 4,3 раза и в 2011 г. до 4,1 раза. Однако в 2012 г. было выявлено новое повышение данного показателя — до 4,5 раза. По уровню доходов самым большим является отрыв верхнего квинтиля от ближайшего четвертого, который с 2008 по 2011 г. сократился с 2,2 раза до 1,8 раза, но в 2012 г. вновь вырос до 1,9 раз. При этом в 2012 г., как и годом ранее, отрыв второго квинтиля от нижнего квинтиля составил 1,5 раза, третьего квинтиля от второго — 1,2 раза и четвертого квинтиля от третьего — 1,3 раза.

Схожие изменения, свидетельствующие об усилении материального расслоения в 2012 г., демонстрировали также данные Росстата. Согласно этим данным, в 2000 г. разрыв в доходах между 10% самых богатых граждан и 10% самого бедного населения в стране составлял 13,9 раза и в следующие годы продолжал постепенно расти, достигнув в 2007 г. 16,7 раза. Увеличение децильного коэффициента фондов (коэффициент дифференциации доходов) приостановилось только в 2008 г., т. е. с началом очередного финансово-экономического кризиса. С 2007 по 2011 г. этот коэффициент снизился до 16,2 раза, но в 2012 г. вновь вырос до 16,4 раза. Аналогичным образом менялся коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующий о степени расслоения общества: с 2000 по 2007 г. он вырос с 0,395 до 0,422; затем к 2011 г. снизился до 0,417, но в 2012 г. вновь вырос до 0,420. Усиление материального расслоения в 2012 г. объясняется главным образом повышением дифференциации в официально начисленной заработной плате. Представляют также интерес данные мониторинга, характеризующие распределение денежных доходов по 20-процентным группам населения. Так, в 2012 г. на долю первой группы (с наименьшими доходами) приходилось 5,2% всех денежных доходов, тогда как на долю второй группы — 9,8%; третьей группы — 14,9%; четвертой группы — 22,5%; пятой (с наибольшими доходами) — 47,6%, т. е. почти половина всех денежных доходов населения. Подобная картина, подверженная небольшим изменениям, сохраняется с середины 1990-х гг.

Основу дифференциации доходов российских домохозяйств, как и прежде, составляют различия в заработной плате. Очень ясно проявляются территориальные различия в доходах и отраслевые различия в заработках на однотипных рабочих местах. Наибольшая дифференциация наблюдается в сферах деятельности с более высокой средней заработной платой. По данным Росстата, рейтинг самых высоких зарплат по сферам экономической деятельности в России в 2012 г. возглавляли: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, финансовая деятельность, производство кокса и нефтепродуктов, транспортирование топлива по трубопроводам. Зарботки в этих отраслях в 2012 г. были более чем в 2 раза выше средних по стране. Зарплаты на транспорте и в связи, государственном управлении и обеспечении военной безопасности были выше среднероссийского уровня на 15–20%. Ставки врачей и учителей, напротив, отставали от среднероссийских. Зарплаты работников образования составляли 70%, а здравоохранения и предоставления социальных услуг — 77% величины среднего показателя по стране. Сумму, равную половине средней ставки по России, в 2012 г. получали работники, занятые в лесном и сельском хозяйстве, текстильном и швейном производстве, а так же производстве кожи, кожанных изделий и обуви.

Наиболее высокооплачиваемыми регионами Российской Федерации (по показателю среднемесячной официальной заработной платы) в 2012 г. были Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа. За ними следовали Магаданская область и Ханты-Мансийский автономный округ, а затем Тюменская область, Москва, Сахалин и Камчатка. На другом полюсе находилась большая группа регионов, включающая Чувашию, Тамбовскую, Ульяновскую, Курганскую, Костромскую, Кировскую, Ивановскую, Брянскую области, Республику Алтай и Алтайский край.

В таблице 6 представлено распределение обследованных домашних хозяйств, получающих доход от заработной платы из разных источников, по квинтилям душевого дохода. В 2012 г., как и в предыдущем, наблюдалось достаточно последовательное и монотонное нарастание удельного веса домохозяйств, получающих доход от работы на государственных предприятиях, на предприятиях частного сектора и на предприятиях смешанной формы собственности, при поступательном переходе от нижнего квинтиля к верхнему: соответственно с 39,0 до 53,7%; с 28,4 до 47,1%; с 3,4 до 5,7%. При этом в 2012 г. были отмечены минимальные изменения по сравнению с 2011 г. Но в целом во все последние годы доли домохозяйств самого обеспеченного квинтиля, получающих доход от работы на государственных предприятиях и доход от работы на частных предприятиях, постоянно превышали 50-процентный рубеж (за исключением 2012 года).

К более или менее заметным изменениям, произошедшим за последний год, можно отнести уменьшение доли домохозяйств, получающих доход от работы на государственных предприятиях, в первом квинтиле и увеличение в четвертом и пятом квинтилях, а также хотя и небольшое, но довольно равномерное сокращение доли домохозяйств с доходом от работы на предприятиях смешанной формы собственности во всех квинтилях, за исключением третьего. Если обратиться к более ранним данным мониторинга, то стоит обратить внимание на существенный рост за последний период удельного веса домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях частного сектора, в первых трех квинтилях, что имело позитивные последствия для формирования доходов бедных и малообеспеченных семей. После некоторого снижения в 2007 г. постепенно набирает вес доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях и в организациях государственного сектора, в самом богатом, т. е. пятом квинтиле. С 2008 по 2012 г. она выросла с 51,7 до 53,7%.

Таблица 6

Процент домохозяйств с доходом из данного источника, по квинтилям дохода, 2006–2012 гг., %

Источник дохода	Квинтили				
	Нижний	21–40	41–60	61–80	Верхний
2006					
Доход от работы на государственных предприятиях	35,4	36,9	45,2	52,1	54,4
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	22,3	29,0	40,9	50,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	6,5	8,0	10,6	8,9

Продолжение таблицы 6

Источник дохода	Квинтили				
	Нижний	21–40	41–60	61–80	Верхний
2008					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,0	36,8	44,6	56,5	51,7
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	23,2	36,5	44,3	53,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	5,5	6,6	8,3	9,4
2010					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,4	32,9	43,1	48,6	52,5
Доход от работы на частных предприятиях	26,0	27,9	33,2	39,7	52,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,8	5,2	8,5	9,5	8,2
2011					
Доход от работы на государственных предприятиях	43,9	40,7	38,4	43,9	53,0
Доход от работы на частных предприятиях	31,9	33,8	36,2	41,2	51,4
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	5,5	4,8	6,7	7,7
2012					
Доход от работы на государственных предприятиях	39,0	38,9	37,1	44,7	53,7
Доход от работы на частных предприятиях	28,4	30,5	32,0	39,6	47,1
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,4	4,9	4,8	5,5	5,7

На следующем рисунке представлены изменения в распределении душевого дохода в период с декабря 2011 по декабрь 2012 г. (см. рис. 7). Здесь отражено соотношение реального дохода от каждого процентилля в 2012 г. к реальному доходу того же процентилля в 2011 г. Рассматривая представленные данные, следует иметь в виду, что на рисунке представлены данные душевого дохода, в то время как в предыдущих графиках и таблицах использованы данные по доходам домохозяйств.

Как следует из рисунка 7, по подавляющему большинству процентилей отмечено увеличение реального дохода с постепенным, но довольно слабым ростом при переходе к каждому следующему децилю. Интересно, что в период с декабря 2010 по декабрь 2011 г. также было отмечено увеличение реального дохода по большинству процентилей, но с самым большим процентным ростом для домохозяйств первых двух и последних двух децилей.

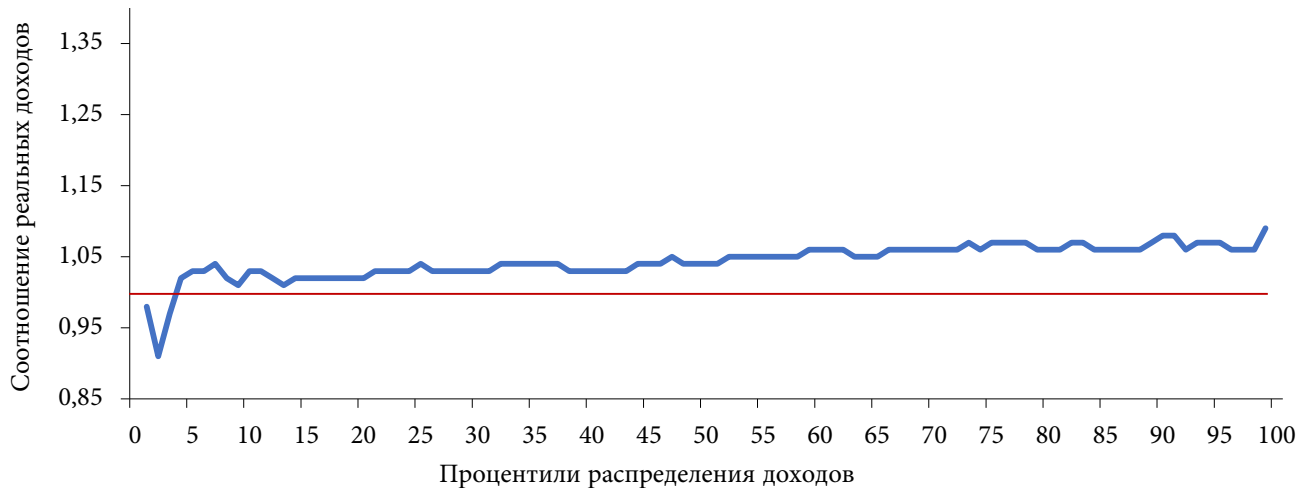

Рисунок 7. Соотношение роста доходов каждого процентиля (реальный доход процентиля в 2012 г., деленный на реальный доход процентиля в 2011 г.), декабрь 2011 – декабрь 2012 г.

На рисунке 8 отражены различия в показателях душевых доходов населения по данным RLMS-HSE и Росстата. Как следует из рисунка, показатели Росстата свидетельствуют о значительных колебаниях в уровне реальных доходов населения России. В целом результаты мониторинга демонстрируют более низкий среднедушевой доход, чем соответствующие данные Росстата.

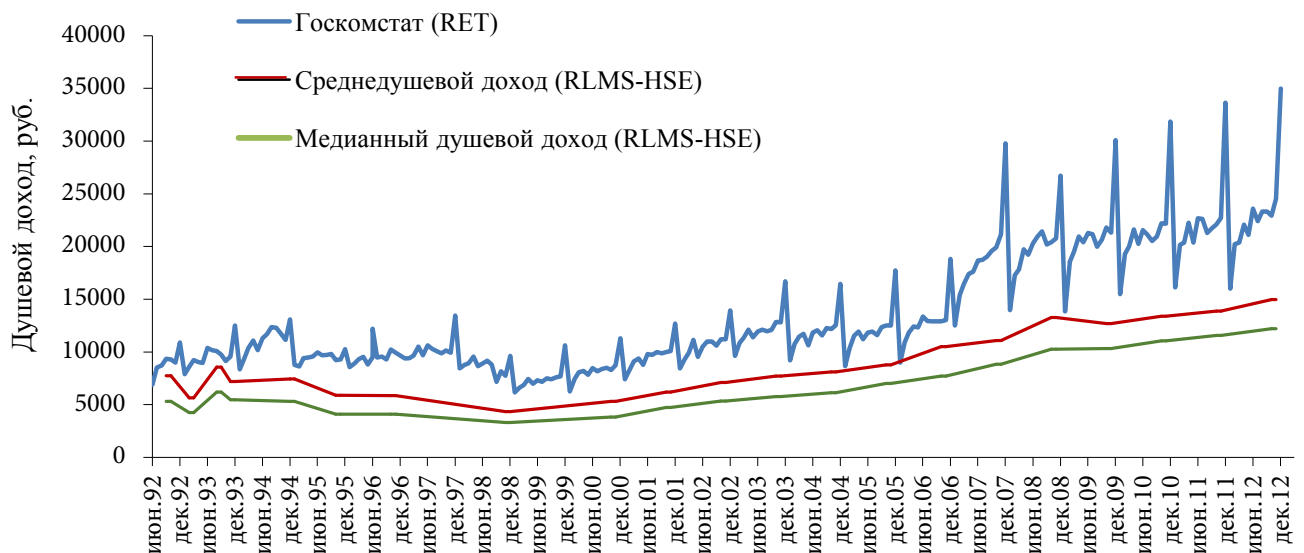

Рисунок 8. Сравнение показателей душевых доходов по данным RLMS-HSE и Росстата (ежемесячный доход на душу населения, в ценах 2012 г.)

Рисунок 8 демонстрирует также медианный душевой доход российских домохозяйств по данным RLMS-HSE, который на момент проведения каждого опроса постоянно оказывается ниже среднедушевого дохода. При этом важно учитывать, что величина среднего дохода на душу не отражает действительного уровня доходов большей части населения Российской Федерации. В частности, в октябре 2011 г. средний душевой доход, по данным RLMS-HSE, составлял 13862 руб., в то время как медианный душевой доход — только 11570 руб. В 2012 г. анализируемые показатели составили соответственно 14973 и 12207 руб.

Различия в показателях душевых доходов населения по данным RLMS-HSE и Росстата в период с 2008 по 2012 г. отражены на рисунке 9. Сопоставление представленных данных выявляет рост превышения среднедушевого дохода над медианным доходом в 2012 г., приближающий его к уровню 2008 г. Обращает на себя внимание также увеличение превышения среднедушевого дохода по данным Росстата над соответствующими показателями RLMS-HSE.

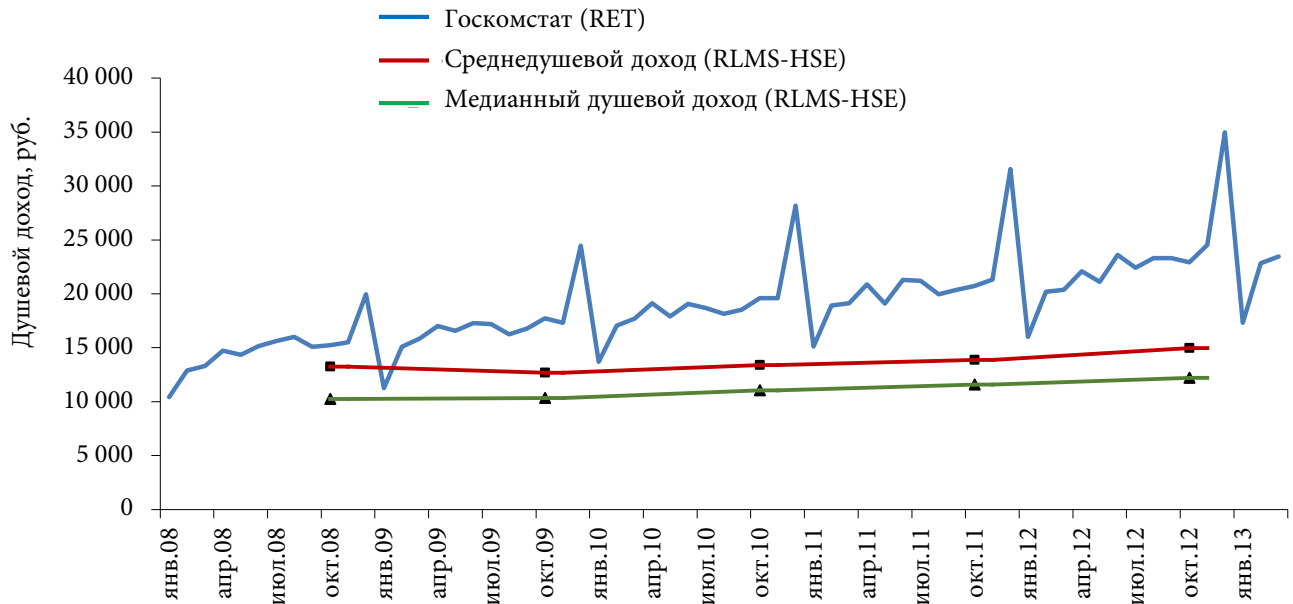

Рисунок 9. Сравнение показателей душевых доходов по данным RLMS-HSE и Росстата, 2008–2012 гг. (ежемесячный доход на душу населения, в ценах 2012 г.)

Таким образом, несмотря на довольно сложную социально-экономическую ситуацию в стране и трудности развития мировой экономики, в 2012 г. был отмечен существенный рост доходов российских домашних хозяйств. К концу года средние реальные доходы домохозяйств превысили докризисный уровень и достигли максимального значения за все время наблюдений. Повышение доходов домохозяйств во многом было обеспечено ускоренным ростом заработной платы как в бюджетном, так и в коммерческом секторах. После непродолжительного периода очень медленного сокращения отмечено новое повышение уровня дифференциации домохозяйств по доходам. В 2012 г. доходы наиболее обеспеченных домохозяйств росли намного быстрее, чем доходы бедных домохозяйств. Как и в предыдущие годы, основу дифференциации доходов составляли межотраслевые и внутриотраслевые различия в заработной плате, тогда как растущие трансфертные выплаты помогали сглаживать неравенство.

Расходы домохозяйств

Вместе с ростом доходов в 2012 г. выросли и расходы российских домохозяйств. В ситуации улучшения материального положения люди все более четко проявляли стремление повысить уровень потребления, поскольку были вынуждены жить в условиях неопределенности. Если в период обострения экономического кризиса наблюдалось увеличение спроса на дешевые продукты, то

в 2012 г. желание сэкономить сочеталось с придирчивым отношением к качеству, функциональным свойствам товара. Значительно повысилось внимание к новинкам, которое оказался даже выше, чем в предкризисный период. Как следует из данных мониторинга, представленных в таблице 7, ежемесячные расходы домашних хозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров, после сокращения в 2011 г. на 0,9%, в 2012 г. совершили резкий скачок вверх на 14,4%. В результате этого роста было достигнуто максимальное значение ежемесячных расходов, на 12,7% превышающее уровень 2008 г. и почти вдвое превосходящее значение, зафиксированное в 1992 г.

Рост расходов домохозяйств в 2012 г. затронул как расходы на продукты питания, так и расходы на непродовольственные товары, но не в одинаковой мере. Если ежемесячные расходы на продукты питания увеличились за прошедший год, т. е. по сравнению с 2011 г., только на 3,2%, то аналогичные расходы на непродовольственные товары выросли за этот период на 19,5%. Несмотря на указанный рост, в 2012 г. траты домохозяйств на продукты питания были на 1,5% меньше, чем в 2008 г. и на 5,1% ниже уровня 2010 г. Но еще более существенным было это отставание, достигающее свыше 19%, по сравнению с 1992 г., когда ежемесячные расходы домохозяйств на продовольствие были максимальными. Что касается ежемесячных расходов домохозяйств на непродовольственные товары, то они, в результате указанного повышения, достигли максимального значения за все время наблюдений. В 2012 г. расходы на непродовольственные товары были на 19,4% больше, чем в 2008 г., и почти в 4 раза выше, чем в 1992 г.

Если в 2011 г. было зафиксировано снижение ежемесячных расходов российских домохозяйств практически на все анализируемые категории продуктов питания, то в 2012 г. наблюдалась во многом противоположная картина. Так, расходы на мясо, птицу и рыбу, составляющие самую солидную статью расходов бюджета домохозяйств, после незначительного сокращения в 2011 г. на 1,1%, в 2012 г. выросли на 5,6%. В итоге этого увеличения на 4,5% был превышен прежний максимум, зафиксированный в 2010 г., и на 8,4% уровень 1992 г. Менее существенным, составляющим 2,1%, был в 2012 г. рост расходов домохозяйств на молочные продукты. В 2012 г. эти расходы повторили предыдущее максимальное значение, достигнутое в 2010 г., а также превзошли уровень 1992 г. на 15,2%. При этом важно отметить, что в 2012 г. ежемесячные расходы домохозяйств на мясо, птицу и рыбу были почти в 3 раза выше соответствующих расходов на молочные продукты.

Таблица 7

Ежемесячные расходы домохозяйств по отдельным статьям, 1992–2012 гг., в руб. 2012 г.

Категория расходов	Год проведения исследования							
	1992	1996	1998	2004	2008	2010	2011	2012
<i>Расходы на продукты питания</i>								
Молочные продукты	926	857	589	756	1034	1141	1118	1141
Мясо, птица, рыба	3073	2601	1724	2349	3147	3188	3154	3332
Картофель	401	312	89	250	206	341	176	188
Хлеб	1471	1678	1008	963	912	802	713	713
Фрукты, овощи	1504	908	449	802	1086	1162	1018	1059

Продолжение таблицы 7

Категория расходов	Год проведения исследования							
	1992	1996	1998	2004	2008	2010	2011	2012
Прочие продукты питания	3924	1994	1728	1735	2033	2028	1900	1948
Питание в столовых, ресторанах, кафе	642	736	486	1114	1545	1742	1625	1575
Продукты домашнего изготовления	1341	1556	1843	1130	1194	1293	1020	963
Алкоголь	743	447	286	335	371	367	339	440
Всего расходов на продукты питания	14 024	11 088	8210	9434	11 528	12 072	11 006	11 359
Расходы на непродовольственные товары								
Табачные изделия	394	314	293	309	358	445	449	486
Одежда	2109	1714	1559	1813	2695	2507	2258	2324
Горючее, топливо*	273	610	374	804	1222	1306	1272	1327
Электроника и др. товары длительного пользования	1096	1781	1226	3005	5485	4524	4444	6305
Услуги и отдых	344	2693	1664	3213	5629	4918	5292	4378
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	924	438	479	841	3862	3997	4598	5615
Оплата жилья и коммунальных услуг	286	775	630	1332	2464	3016	3016	3069
Акции, облигации	131	25	5	0	0	7	16	0
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	1251	–	–	578	814	857	825	841
Сбережения	426	575	440	699	1579	1634	1652	1707
Всего расходов на непродовольственные товары	7231	8925	6670	12 596	24 109	23 332	24 097	28 794
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	21 255	20 013	14 877	22 030	35 640	35 403	35 101	40 155

*Начиная с декабря 1994 г. категория «Топливо» включает в себя бензин, газ в баллонах и дрова. Во время предыдущих опросов газ в баллонах и дрова учитывались в категории коммунальных услуг. Опросы разных годов показывают долю каждого вида топлива: 12/1994: бензин – 49%, дрова – 19%, газ в баллонах – 32%; 10/1996: бензин – 56%, дрова – 18%, газ в баллонах – 26%; 11/1998: бензин – 58%, дрова – 16%, газ в баллонах – 26%; 10/2000: бензин – 71%, дрова – 11%, газ в баллонах – 18%; 10/2002: бензин – 72%, дрова – 11%, газ в баллонах – 17%; 10/2003: бензин – 71%, дрова – 13%, газ в баллонах – 16%; 10/2004: бензин – 73%, дрова – 13%, газ в баллонах – 13%; 10/2005: бензин – 73%, дрова – 14%, газ в баллонах – 13%; 10/2006: бензин – 75%, дрова – 12%, газ в баллонах – 12%; 10/2007: бензин – 77%, дрова – 12%, газ в баллонах – 11%; 11/2008: бензин – 83%, дрова – 10%, газ в баллонах – 7%; 11/2009: бензин – 84%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%. 12/2010: бензин – 85%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 12/2012: бензин – 87,4%, дрова – 7,3%, газ в баллонах – 5%.

Рост ежемесячных расходов домохозяйств на фрукты и овощи в 2012 г. по сравнению с 2011 г. составил 4,5%, тогда как годом ранее было отмечено сокращение этой статьи расходов на 12,4%. В 2012 г. траты домохозяйств на фрукты

и овощи были все еще на 2,5% меньше, чем в 2008 г., и почти на 30% меньше, чем в 1992 г., что, безусловно, имело негативные последствия для здоровья россиян. В то же время ежемесячные расходы обследованных домохозяйств на картофель, после значительного сокращения в 2011 г. на 48%, в 2012 г. выросли на 6,8%. Но даже после такого солидного увеличения эти траты оставались одними из самых низких за все время наблюдений. В 2012 г. ежемесячные расходы домохозяйств на картофель были на 8,3% ниже, чем в предкризисном 2008 г., и почти вдвое меньше, чем в 1992 г.

К новым тенденциям следует отнести остановку в 2012 г. снижения ежемесячных расходов домохозяйств на хлебобулочную продукцию, которая впервые прервала долгосрочную тенденцию последовательного снижения этих расходов. В целом за 1996–2011 гг. расходы домохозяйств на хлеб сократились почти на 58%, в том числе только за 2011 г. – почти на 11%. Приостановку сокращения расходов на хлебобулочные изделия можно объяснить ростом цен на пшеницу, муку и крупы как следствие низкого урожая зерна в 2012 г. (самого низкого за последние 10 лет). В 2012 г. цены на муку превысили исторический максимум 2008 г., а в некоторых регионах пшеница подорожала почти в два раза. К концу года запасы зерна в сельскохозяйственных, заготовительных и перерабатывающих организациях РФ снизились на 29,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Что касается статьи расходов домохозяйств «прочие продукты питания», то она за 2012 г. «потяжелела» на 2,5%.

Ежемесячные расходы домохозяйств на алкогольную продукцию, после увеличения в 2010 г. почти на 17%, в 2011 г. уменьшились на 7%. Однако в 2012 г. они резко взлетели почти на 30%. Одним из главных объяснений такого резкого роста явилось подорожание с 1 июля 2012 г. алкогольных напитков крепостью более 28 градусов на 30%. Для этих напитков были установлены новые минимальные цены для розничной продажи, что не могло не сказаться на расходах населения. Имело значение и то, что в 2012 г., по данным Росстата и ЦИФРРА, продажи водки и ликероводочных изделий выросли в физических объемах на 2,2%, а производство – на 13,2%. В России по-прежнему сохраняется один из самых высоких уровней потребления алкогольных напитков. Если потребление пива в нашей стране сопоставимо с потреблением этого слабоалкогольного напитка в Китае и Бразилии, то потребление крепких алкогольных напитков является едва ли не самым высоким в мире.

В отличие от расходов на алкогольные напитки, ежемесячные траты на продукты домашнего изготовления продолжили поступательное сокращение, берущее начало после 2009 г. В 2012 г. по сравнению с 2011 г. они снизились на 5,6%, а по сравнению с 2009 г. – на огромные 42%. В 2012 г. ежемесячные расходы домохозяйств на продукты домашнего изготовления были самыми низкими за все время проведения настоящего мониторинга.

В 2012 г. было отмечено новое сокращение расходов российских домохозяйств на питание вне дома (в столовых, ресторанах, кафе, барах и т. п.), которое по сравнению с 2011 г. составило 3,1%, а по сравнению с 2010 г. – 9,6%. Но и после такого существенного сокращения эти расходы были в 2012 г. выше, чем в период с 1992 по 2009 г., за который они выросли более чем вдвое. Самая большая величина ежемесячных расходов домашних хозяйств на питание вне дома была зафиксирована в 2010 г., которая была достигнута после значительного увеличения – почти на треть – по сравнению с 2009 г. Выше отмеченное

снижение практически не затронуло самые крупные города, где рынок общественного питания относится к наиболее перспективным и активно развивающимся. Положительное влияние на развитие рынка общественного питания в мегаполисах оказали повышение благосостояния населения крупных городов и запрет на розничную торговлю крепким алкоголем в ночное время. Несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию, инвестиции в общественное питание в мегаполисах оставались довольно выгодными и привлекательными для российских и иностранных участников рынка общепита.

В целом с 2000 по 2012 г. ежемесячные расходы домохозяйств на основные продукты питания росли примерно одинаковыми темпами. Так, траты домохозяйств на молочные продукты увеличились за этот период в 1,89 раза, на мясо, птицу и рыбу – в 1,83 раза, на фрукты и овощи – в 1,8 раза. Менее значительным оказалось увеличение расходов на алкогольную продукцию, которое составило 1,4 раза. Траты по статье семейных расходов «прочие продукты питания» увеличились за этот же период только в 1,13 раза. И в то же время расходы домашних хозяйств на картофель снизились в 2,1 раза, а на хлебобулочную продукцию – в 1,49 раза. Интересно также, что если расходы домохозяйств на продукты домашнего изготовления сократились в 1,64 раза, то траты на питание вне дома, наоборот, выросли в 2,37 раза.

Как уже отмечалось, в 2012 г. темпы роста ежемесячных расходов российских домохозяйств на непродовольственные товары намного превосходили темпы роста аналогичных расходов на продукты питания. Высокие темпы прироста расходов на непродовольственные товары были обеспечены главным образом за счет роста расходов на электронику и другие товары длительного пользования и расходов на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Эти статьи расходов не только оставались самыми большими в бюджете российских домохозяйств, но продемонстрировали в 2012 г. самые высокие темпы роста.

Так, если в 2011 г. по сравнению с 2010 г. ежемесячные расходы домохозяйств на электронику, электробытовую технику и другие дорогостоящие товары длительного пользования (автомобиль, мебель, предметы интерьера, ювелирные изделия и т. п.) снизились на 1,8%, то в 2012 г. они резко выросли на 41,9%. В результате такого стремительного роста ежемесячные траты домохозяйств на эти предметы культурного и бытового назначения достигли максимального значения, превысив прежний рекорд, установленный в 2008 г., почти на 15%. В 2012 г. обследованные домохозяйства расходовали на приобретение этих товаров почти в шесть раз больше денежных средств, чем в 1992 г. Что касается ежемесячных трат домохозяйств на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, то они после значительного роста в 2011 г. по сравнению с 2010 г., составившего около 15%, в 2012 г. вновь выросли на 22,1%. В результате такого последовательного и существенного роста данные расходы стали в 2012 г. самыми высокими, начиная с 1992 г.

Менее значительным было повышение ежемесячных расходов домохозяйств на топливо (горючее), разного рода табачные изделия, на одежду и обувь, разнообразные и многочисленные товары повседневного спроса, как-то: мыло, игрушки, газеты, журналы и т. п. В частности, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. расходы на табачные изделия повысились на 8,2%, продолжив стабильный рост, берущий начало в 2000 г. Расходы на топливо (горючее), после снижения в 2011 г. по сравнению с 2010 г. на 2,6%, в 2012 г. выросли на 4,3%. В итоге они стали самыми большими за все время наблюдений, превысив прежний максимум, достигнутый

в 2010 г., на 1,6%. Расходы на одежду и обувь увеличились в 2012 г. по сравнению с 2011 г. только на 2,9% и оставались все еще ниже уровня 2008 г. на 13,8%, так и не преодолев общее снижение 2009–2011 гг. на 16,2%. Еще меньшим оказалось повышение расходов на различные товары повседневного спроса. После снижения в 2011 г. на 3,7%, они выросли в 2012 г. только на 1,9% и оставались ниже уровня 2010 г., когда было достигнуто максимальное значение, почти на 2%.

Среди других изменений стоит обратить внимание также на дальнейший рост сбережений, который в 2012 г. по сравнению с 2011 г. составил 3,3%. Этот рост прерывался только один раз в 2009 г., когда расходы на сбережения уменьшились на 3,5%. Сравнительно низкие темпы повышения той расходной части бюджета домохозяйств, которая тратится на сбережения, объясняются возросшей активностью россиян на потребительском рынке. Практически весь 2012 г. жители страны охотнее и активнее тратили, а не копили, тогда как ранее картина была противоположной. В данном случае, скорее всего, проявился фактор отложенного спроса, когда часть населения сместила свои предпочтения от депозитов в сторону кредитов. В целом уровень накоплений в России остается очень низким. В условиях сохранения значительного неравенства по доходам денежные накопления остаются уделом богатых и обеспеченных семей.

Как и прежде, особого внимания заслуживают постоянно увеличивающиеся расходы российских домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг, которые с 1992 по 2012 г. выросли почти в 11 раз. Хотя при этом нельзя не заметить, что в последние годы этот рост существенно замедлился, несмотря на то, что тарифы на жилищно-коммунальные услуги продолжали увеличиваться. Так, в 2011 г. опрос RLMS-HSE не выявил каких-либо изменений в расходах домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг, а в 2012 г. было зафиксировано лишь небольшое их увеличение на 1,8%. Это существенно меньше, чем около 7% в 2008 г., и намного меньше, чем 14,3% в 2009 г. Но при этом данная статья расходов оставалась одной из самых затратных в бюджете российских домашних хозяйств, особенно состоящих из пенсионеров. За период с 2000 по 2012 г. средняя пенсия в нашей стране выросла в 9,1 раза, тогда как горячее и холодное водоснабжение подорожало соответственно в 14,9 и 13,4 раза, а отопление – в 13,1 раза. Для сравнения также укажем, что, по данным Росстата, в 2012 г. в целом по России рост тарифов ЖКХ составил 9,4%, тогда как инфляция – 6,6%.

Единственной статьей расходов российских домохозяйств, по которой было отмечено снижение в прошедшем году, стали расходы на услуги и отдых. В 2012 г. по сравнению с 2011 г. они сократились на 17,3%. В результате такого значительного снижения траты на услуги и отдых опустились до самого низкого значения за последние пять лет, оставаясь на 22,2% ниже уровня 2008 г. В непростых социально-экономических условиях многие россияне стали меньше заботиться об отдыхе, уделяя больше внимание решению других, более важных, по их мнению, проблем. Существенно сократились расходы домашних хозяйств на повседневные развлечения (кино, театры, музеи, дискотеки, клубы, аттракционы, развлекательные комплексы и т. п.). Часть граждан стала реже проводить отпуск за пределами своего региона, отдавая предпочтение домашнему или дачному отдыху. Но в то же время россияне не стали реже отдыхать за рубежом, а их расходы на зарубежный отдых с каждым годом только увеличиваются. По данным Всемирной туристской организации (UNWTO), расходы российских туристов за рубежом увеличились в 2012 г. почти на треть.

Сравнительный анализ данных нашего мониторинга показал, что в период с 2000 по 2012 г. быстрее всего нарастали ежемесячные расходы домашних хозяйств на оплату обучения членов своих семей, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. За указанный период они выросли почти в 21 раз, намного обогнав по данному показателю все остальные статьи расходов. На втором месте по темпам роста оказались, вызывающие огромное беспокойство у населения, расходы домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг, которые за 2000–2012 гг. увеличились в 4,4 раза. Что касается электробытовых и других дорогостоящих товаров длительного пользования, составляющих самую затратную статью расходов российских домохозяйств, то они выросли более чем в 3,5 раза. Расходы на различные товары повседневного спроса увеличились в 2,7 раза; на сбережения – в 2,4 раза; на топливо, горючее – в 2,1 раза; на табачные изделия – почти в 2 раза. Одними из низких оказались темпы роста расходов на услуги и отдых – 1,8 раза, а также на одежду и обувь – 1,3 раза.

Как следует из рисунка 10, в 2012 г. в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств продолжались изменения, неуклонно приближающие ее к современным западным стандартам¹. По данным мониторинга, с 1992 по 2012 г. доля ежемесячных расходов российских домашних хозяйств на продукты питания последовательно сократилась с 72,6 до 40,2%, т. е. в 1,8 раза, тогда как удельный вес расходов на непродовольственные товары не менее поступательно вырос с 27,4 до 59,8%. Причем в 2012 г. по сравнению с 2011 г. эти показатели изменились разнонаправлено, но на одинаковые 2,2 процентных пункта.

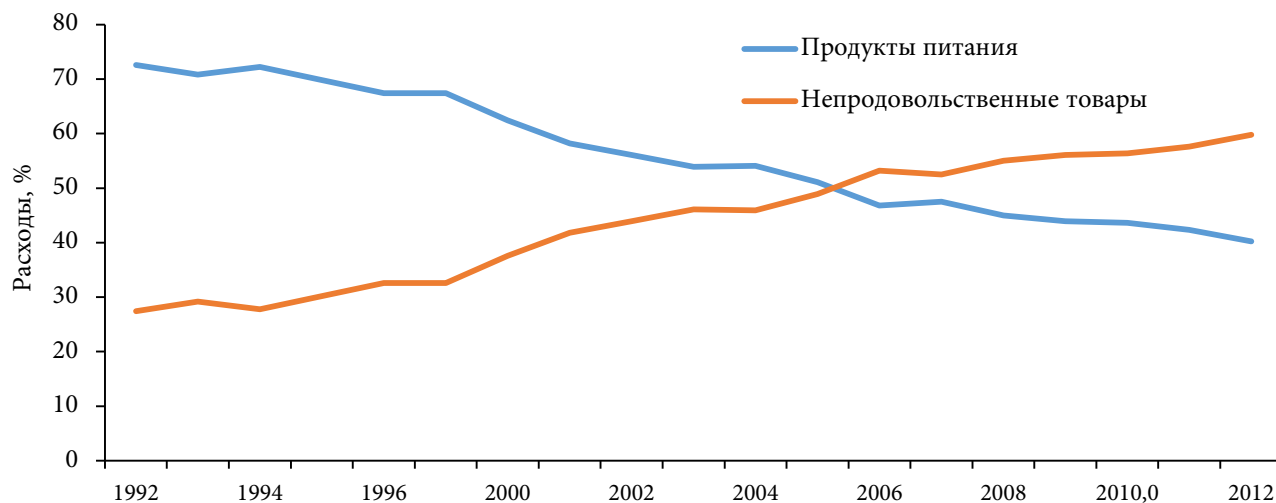

Рисунок 10. Структура расходов: продукты питания и непродовольственные товары, 1992–2012 гг., %

На рисунках 11, 12 и 13 представлен подробный материал, демонстрирующий ряд важных тенденций, которые раскрывают долгосрочные изменения в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств. В частности, одним из интересных новых трендов, отраженных на рисунке 11, является за-

¹ Средние по статьям расходов, представленные на рисунках 10, 11, 12 и 13 и в таблицах 8 и 9, получены путем расчета средних отдельно по каждой статье по всем домохозяйствам в выборке. Соотношение средних расходов, представленных в таблице 7, соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйства. Расходы на одежду, электронику и другие товары длительного пользования учитывались за трехмесячный срок.

метное сокращение удельного веса расходов домохозяйств на питание вне дома (в ресторанах, кафе, барах, столовых и т. п.) в последние два года, которое сопровождалось сокращением величины соответствующих средних расходов. С 1998 по 2010 г. доля этих расходов достаточно последовательно увеличилась с 2,9 до 4,7%, т. е. более чем в полтора раза и затем немного уменьшилась: в 2011 г. до 4,6% и в 2012 г. до 4%.

К положительным тенденциям долгосрочного характера следует отнести сокращение доли расходов домохозяйств на алкоголь. Если в первой половине 1990-х гг. эти траты составляли около 3% семейного бюджета, то к концу 2011 г. они сократились до 1,1%. В 2012 г. они практически не изменились, составив 1,2%. При этом доля расходов на табачные изделия на протяжении последних двух десятилетий менялась очень медленно — от 1,4 до 2,4%. В 2009–2010 гг. этот показатель составлял 1,6%, а в 2011–2012 гг. — 1,7%. Интересно также, что в 2012 г. доля расходов домашних хозяйств на питание вне дома была примерно втрое выше, чем доли расходов на алкоголь и табачные изделия. Как и следовало ожидать, наиболее обеспеченные домохозяйства тратили на питание намного больше, чем на алкоголь и табак, тогда как у бедных и малообеспеченных домохозяйств полностью доминировали расходы на алкоголь и табак.

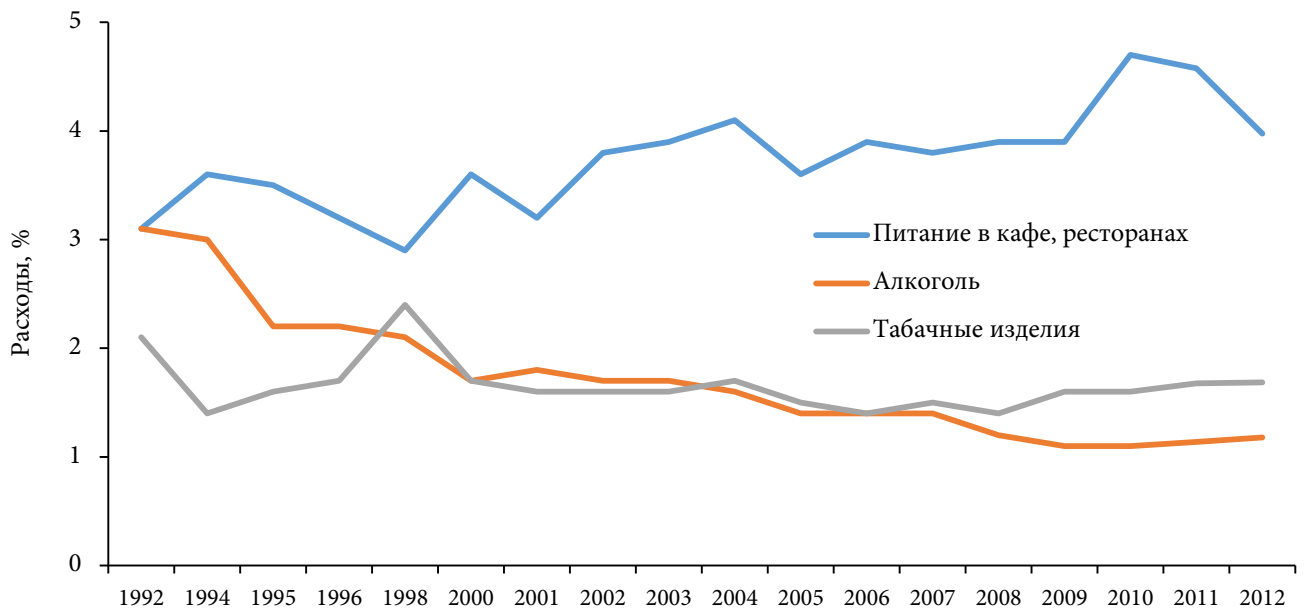

Рисунок 11. Структура расходов: питание вне дома, алкоголь, табачные изделия, 1992–2012 гг., %

К представляющим интерес новым тенденциям следует отнести возобновление в последние годы, после довольно длительного периода стабилизации, динамичного роста удельного веса расходов российских домохозяйств на оплату услуг (см. рис. 12). В 2011 г. по сравнению с 2010 г. эта доля увеличилась с 12,5 до 13,3%, а в 2012 г. — до 14,3%, т. е. в целом на 1,8 процентных пункта. В результате доля рассматриваемых расходов увеличилась до самого высокого значения, превышающего прежний максимум, установленный в 2003 г., который составлял 14,1%. Продолжилось также медленное, но достаточно уверенное повышение удельного веса расходов на дорогостоящие товары длительного пользования и предметы культурно-бытового назначения: с 5,1% в 2010 г. до 5,2% в 2011 г. и далее до 5,8% в 2012 г., т. е. в целом на 0,7 процентных пункта.

В то же время удельный вес расходов на одежду и обувь после первоначального увеличения и последующих колебаний стабилизировался в 2004–2010 гг. на уровне 7%, но в 2011 г. немного снизился – до 6,2%, и затем в 2012 г. – до 5,9%. Таким образом, в 2012 г. доля расходов на оплату услуг была самой высокой в бюджете домохозяйств, в 2,5 раза превышающей удельный вес расходов на предметы длительного пользования и одежду и обувь, и в 3,5 раза – долю расходов на питание в кафе, ресторанах, барах, столовых и других пунктах общественного питания.

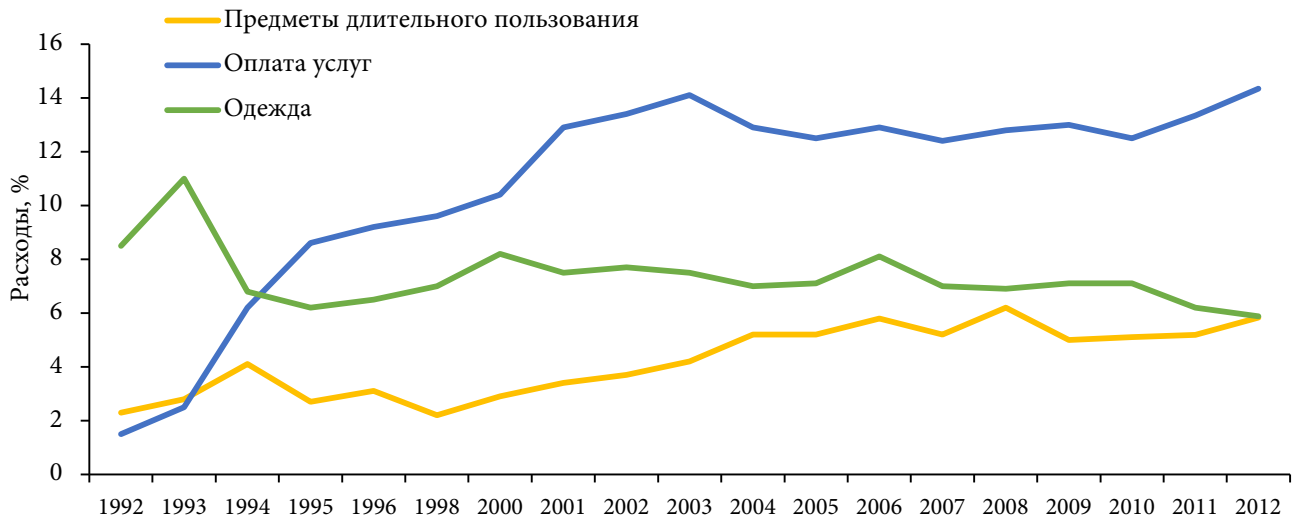

Рисунок 12. Структура расходов: предметы длительного пользования, оплата услуг, одежда, 1992–2012 гг., %

Как следует из рисунка 13, доли расходов на горючее, топливо, а также на сбережения и облигации, изменились за последние годы очень мало. Так, в 2012 г., как и годом ранее, доля расходов домохозяйств на топливо, горючее составила 3,4%, а доля расходов на сбережения и облигации увеличилась с 4,1% в 2011 г. до 4,4% в 2012 г., достигнув максимального значения за все время наблюдений в рамках мониторинга.

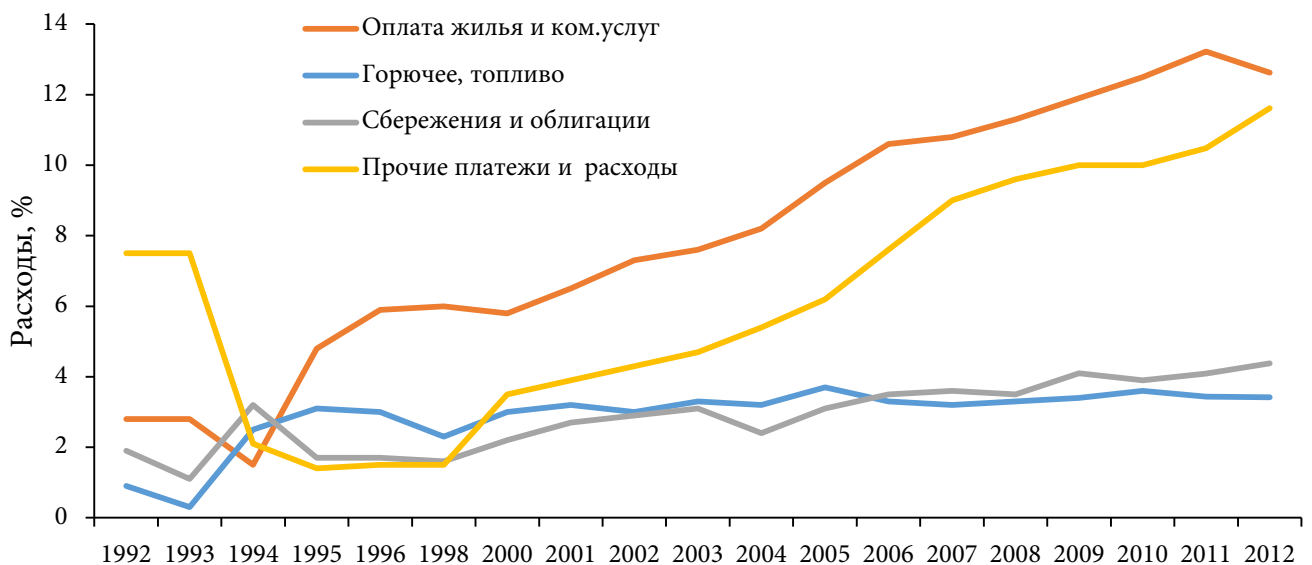

Рисунок 13. Структура расходов: топливо, сбережения и облигации, оплата жилья и коммунальных услуг, прочие платежи и расходы, 1992–2012 гг., %

Вместе с тем обращает на себя внимание сокращение в 2012 г. в сравнении с 2011 г. доли расходов российских домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг с 13,2 до 12,6%. До этого удельный вес данных расходов, уменьшившись за 1992–1994 гг. с 2,8 до 1,5%, только рос, увеличившись к концу 2011 г. до 13,2%. В настоящее время расходы на оплату жилья и коммунальных услуг по доле в общих расходах домохозяйств занимают одно из ведущих мест. То, что доля этих расходов приостановила свой рост, несмотря на ежегодное увеличение тарифов, можно объяснить опережающей индексацией зарплат. Что касается роста тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства, то, как уже указывалось, в 2012 г. они подорожали менее чем на 10%. При этом в декабре 2012 г. по сравнению с декабрем 2011 г. услуги ЖКХ подорожали в стране на 9,4%, а средний рост тарифов в жилищно-коммунальном хозяйстве в 2012 г. составил 4,8%, что не превышало уровень инфляции.

По данным Росстата, в 2012 г. доля расходов на оплату услуг жилищно-коммунального хозяйства в общих расходах населения была выше всего у жителей Амурской, Ивановской областей и Чукотского автономного округа. В то же время меньше всего тратили на эти услуги жители Чечни, Дагестана, Ингушетии и Адыгеи.

Примечательно, что в настоящее время доля расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг в России меньше соответствующих расходов в странах Евросоюза, где она составляет в среднем около 16–18%. Эта доля варьирует от 11,5% в Литве до 21,2% в Словакии. На этом фоне соответствующая нагрузка на граждан России не выглядит чрезмерной. Но если учесть крайне низкое качество предоставляемых в России коммунальных услуг, то данная проблема приобретает совершенно иное звучание. У значительной части россиян нет четкого понимания, почему они должны нести большие расходы за услуги сомнительного или откровенно низкого качества.

В таблице 8 представлены сведения RLMS-HSE о ежемесячных расходах российских домохозяйств, попадающих в различные квинтили подушевого распределения расходов, за 2012 г., которые еще раз подтверждают наличие глубокого расслоения населения России по материальному признаку. Анализ данных мониторинга, представленных в этой таблице, демонстрирует рост дифференциации российских домохозяйств по расходам в течение последнего года. Если в 2011 г. разница между ежемесячными расходами 20% самых богатых домохозяйств и 20% беднейших домохозяйств составляла 6,5 раза, то в 2012 г. она выросла до 7 раз. Значительными были не только различия в расходах между самыми богатыми и беднейшими, но и между богатыми и всеми остальными российскими домохозяйствами. Так, в 2010–2012 гг. расходы домохозяйств, принадлежащих к самому верхнему квинтилю, превышали расходы домохозяйств предыдущего четвертного квинтиля приблизительно в 2,3 раза, что, однако, несколько меньше, чем 2,5 раза в 2008 г.

Важно отметить, что в 2012 г. расходы наиболее богатых домохозяйств росли намного больше, чем расходы бедных и малообеспеченных домохозяйств. Так, в 2012 г. в сравнении с 2011 г. у домохозяйств первого, т. е. самого бедного квинтиля они выросли на 7,3%; у домохозяйств второго квинтиля — всего лишь на 1,1%; тогда как у домохозяйств третьего квинтиля — на 8%; у домохозяйств четвертого квинтиля — уже на 10,7%, а у домохозяйств самого богатого квинтиля — на 20,7%. Таким образом, в 2012 г. у самых богатых домохозяйств рост расходов оказался почти втрое выше, чем у домохозяйств беднейшего квинтиля.

Таблица 8

**Ежемесячные расходы домохозяйств по квинтилям распределения душевых расходов
в 2012 году, в руб. 2012 г .**

Категория расходов	Квинтили				
	Нижний	21–40	41–60	61–80	Верхний
<i>Расходы на продукты питания</i>					
Молочные продукты	691	986	1141	1343	1545
Мясо, птица, рыба	1863	2763	3065	3799	5175
Картофель	83	112	193	272	283
Хлеб	642	692	732	775	722
Фрукты, овощи	480	734	1010	1300	1771
Прочие продукты питания	1066	1555	1876	2319	2930
Питание в столовых, ресторанах, кафе	623	1092	1360	1712	3082
Продукты домашнего изготовления	845	998	1056	991	922
Алкоголь	131	275	299	475	1020
Всего расходов на продукты питания	6424	9208	10 732	12 985	17 451
<i>Расходы на непродовольственные товары</i>					
Табачные изделия	355	446	425	531	672
Одежда	945	1506	2048	2848	4275
Горючее, топливо	441	867	1120	1553	2657
Электроника и др. товары длительного пользования	265	694	1601	2853	26 112
Услуги и отдых	1434	2523	3546	6211	18 439
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	409	1257	2684	6520	17209
Оплата жилья и коммунальных услуг	1832	2644	3070	3388	4415
Акции, облигации	0	0	0	0	0
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	465	634	754	963	1394
Сбережения	109	628	1336	2249	4210
Всего расходов на непродовольственные товары	6254	11 199	16 584	27 118	82 826
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	12 680	20 410	27 319	40 106	100 279
Всего расходов на продукты питания, декабрь 2011 г.	6152	9023	10 600	13 004	16 245
Всего расходов на непродовольственные товары, декабрь 2011 г.	5661	10 084	14 687	23 222	66 858
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары, декабрь 2011 г.	11 813	19 110	25 289	36 229	83 103

К важным и хорошо заметным тенденциям последнего времени относится постепенное сокращение неравенства в области расходов российских домашних хозяйств на продукты питания. Если в 2008—2009 гг. домохозяйства самого верхнего квинтиля тратили ежемесячно на питание приблизительно в 3,5 раза больше, чем домохозяйства самого нижнего квинтиля, то к концу 2011 г. данный показатель снизился до 2,6 раза и в 2012 г. изменился не существенно, составив 2,7 раза. Это вдвое меньше, чем в 1998 и 2000 гг., когда данная разница составляла около 5—6 раз. Но, несмотря на указанные изменения, различия в расходах на продукты питания между бедным и наиболее обеспеченными слоями населения оставались высокими, усугубляя разницу в уровне и качестве жизни населения. Менее значительной выглядит разница в расходах на продукты питания между домохозяйствами самого верхнего квинтиля и домохозяйствами ближнего к нему четвертого квинтиля, которая в 2012 г. составила только 1,3 раза. Характерно, что в 2012 г. в сравнении с 2011 г. расходы на продукты питания быстрее всего росли у домохозяйств верхнего квинтиля (рост составил 7,4%), а затем у домохозяйств самого нижнего, беднейшего квинтиля (4,4% против 2,1% во втором квинтиле и 1,2% в третьем квинтиле). Что касается домохозяйств четвертого квинтиля, то у них за последний год расходы на продовольствие практически не изменились, сократившись на символические 0,1%.

Финансово-экономический кризис несколько сгладил различия в ежемесячных тратах по отдельным статьям продовольственных расходов между домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям. Так, в 2008 г. разница в ежемесячных расходах на молочные продукты между ними составляла 3,7 раза, тогда как в 2010 г. — только 2,8 раза, в 2011 г. — 2,4 раза, в 2012 г. — 2,3 раза. Кроме того, за 2008—2011 гг. соответствующие различия в расходах на мясо, птицу и рыбу сократились с 3,7 до 2,7 раза и в 2012 г. эта разница практически не изменилась, составив 2,8 раза. В то же время разница в расходах на картофель между домохозяйствами полярных квинтилей сократилась последовательно с 5 раз в 2008 г. до 3,4 раза в 2012 г.; на овощную продукцию и фрукты с 5,7 раза в 2008 г. до 3,7 раза в 2012 г. За этот же период разница в расходах на продукты домашнего изготовления сократилась с 1,5 раза до 1,1 раза. Что касается разницы в расходах на питание вне дома, то она сократилась с 8,8 раза в 2008 г. до 4,2 раза в 2011 г., но затем в 2012 г. увеличилась до 4,9 раза. Заметим также, что в 2012 г. между домохозяйствами верхнего и нижнего квинтилей одной из самых низких была разница в расходах на хлеб (только 1,1 раза), тогда как самой высокой — в расходах на алкоголь, достигающей 7,8 раза.

В целом в 2012 г. в сравнении с 2011 г. расходы домохозяйств нижнего квинтиля на молочные продукты выросли на 8,5%, тогда как у домохозяйств верхнего квинтиля они практически не изменились. Примерно одинаковым оказался рост расходов у бедных и богатых домохозяйств на мясо, птицу и рыбу — соответственно 8 и 7,6%. В то же время рост расходов на картофель у домохозяйств нижнего квинтиля почти в три раза превысил рост соответствующих расходов у домохозяйств верхнего квинтиля (соответственно 33 и 11,8%), тогда как в отношении алкоголя наблюдалась во многом противоположная картина (соответственно 14 и 52,9%). Особого внимания заслуживает тот факт, что если домохозяйства нижнего квинтиля снизили свои расходы на питание вне дома на 9,6%, то домохозяйства верхнего квинтиля увеличили их на 5,6%.

Повышение расходов на непродовольственные товары, отмеченное в 2012 г., в большей мере затронуло богатые и обеспеченные домохозяйства. В 2012 г. был зафиксировано новое повышение разницы в расходах на непродовольственные товары между домохозяйствами верхнего и нижнего квинтилей, которая выросла с 10,3 раза в 2010 г. до 11,8 раза в 2011 г. и затем до 13,2 раза в 2012 г. Но несмотря на это повышение, указанная разница оставалась все же намного меньше, чем в 1998 г., когда домохозяйства верхнего расходного квинтиля тратили на непродовольственные товары в 19,5 раза больше, чем беднейшие 20% домохозяйств. В 2000 г. этот показатель снизился до 16 раз, а в 2005 г. — до 11,4 раза. В предкризисный период указанная разница вновь выросла до 16 раз в 2008 г., но затем резко снизилась до 10,3 раза в 2010 г.

Характерно также, что в 2012 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на непродовольственные товары больше, чем домохозяйства второго квинтиля в 7,3 раза; домохозяйства третьего квинтиля — почти в 5 раз и домохозяйства четвертого, т. е. ближайшего квинтиля, — более чем в 3 раза. Нельзя также пройти мимо того факта, что в 2012 г. расходы на эти товары росли тем быстрее, чем выше были потребительские возможности российских домохозяйств. Так, в 2012 г. в сравнении с 2011 г. расходы на непродовольственные товары домохозяйств первого квинтиля выросли на 10,5%; домохозяйств второго квинтиля — на 11,1%; домохозяйств третьего квинтиля — на 13%; домохозяйств четвертого квинтиля — на 16,8% и домохозяйств 20% наиболее обеспеченных домохозяйств — на 23,9%.

Как и прежде, в 2012 г. наибольшим было неравенство по расходам на электробытовые товары и другие предметы длительного пользования, которое (между полярными квинтилями) составило 99 раз, что было существенно больше, чем 80 раз в 2011 г., но намного меньше, чем 139 раз в 2006 г. В 2012 г. домохозяйства верхнего квинтиля расходовали на дорогостоящие товары культурно-бытового назначения примерно в 9 раз больше, чем домохозяйства предыдущего четвертого квинтиля. Представляет интерес тот факт, что траты на эти товары составляют самую расходную статью семейного бюджета только у богатых домохозяйств, тогда как уже у домохозяйств четвертого квинтиля они сопоставимы с расходами на одежду и намного уступают расходам на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, а так же на услуги и отдых, на оплату жилья и коммунальных услуг. Еще менее весомой данная статья является у домохозяйств второго и третьего квинтилей, а у домохозяйств первого квинтиля она относится к наименее затратным статьям семейного бюджета.

К изменениям, отклоняющимся от прежних тенденций, следует отнести некоторое снижение разницы в расходах домохозяйств, принадлежащих к полярным квинтилям, на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Если в начале и в середине 2000-х гг. 20% самых обеспеченных домохозяйства тратили на указанные цели приблизительно в 20–25 раз больше, чем 20% наименее обеспеченных домохозяйств, то в 2010 г. уже больше в 40 раз, а в 2011 г. — почти в 47 раз. Однако в 2012 г. было отмечено сокращение данного показателя до 42 раз. Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам являются самой затратной статьей бюджета домохозяйств четвертого квинтиля и одной из самых затратных статей домохозяйств третьего и пятого квинтилей, тогда как у домохозяйств первого квинтиля эти траты составляют одну из наименее затратных статей бюджета.

Одной из наиболее затратных статей бюджета у домохозяйств всех квинтилей являются расходы на услуги и отдых. В 2012 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на эти цели почти в 13 раз больше, чем домохозяйства первого квинтиля, что было несколько больше, чем 11,5 раза в 2011 г., но гораздо меньше, чем 18 раз в 2000 и 2009 гг. Эти изменения свидетельствуют о наличии в последние два года опережающего роста возможностей наиболее обеспеченных семей для организации отдыха и оплаты различных дорогостоящих услуг. Колоссальной остается разница объемах сбережений домохозяйств, принадлежащих к полярным расходным квинтилям. С 2006 по 2010 г. она сократилась с 60 до 23 раз, но в 2011 г. вновь выросла до 67 раз. Вместе с тем в 2012 г. было зафиксировано новое снижение до 39 раз. Такие огромные колебания являются следствием значительных изменений в финансовых стратегиях домохозяйств, обусловленных ползучим экономическим кризисом.

В 2012 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 2,4 раза больше, чем домохозяйства нижнего квинтиля. Это немного меньше, чем накануне экономического кризиса, когда данная разница доходила до 3-х раз. При этом расходы на оплату жилья и коммунальных услуг составляли 14,4% всех расходов домохозяйств наименее обеспеченного квинтиля и только 4,4% расходов домохозяйств верхнего квинтиля.

Весьма существенной была в 2012 г. разница между расходами домохозяйств полярных квинтилей на горючее, топливо, составляющая около 6 раз. Это примерно столько же, сколько было в 2010–2011 гг., но заметно меньше, чем в 2008 г., когда она достигала 10 раз. В 2012 г., как и в 2010–2011 гг., домохозяйства верхнего квинтиля тратили на различные товары повседневного спроса (мыло, шампуни, игрушки, газеты, журналы и т. п.) примерно в 3 раза больше, чем домохозяйства самого нижнего квинтиля, что также немного меньше 4 раз, зафиксированных в 2008 г. Обращает на себя внимание последовательное сокращение различий между домохозяйствами полярных квинтилей в расходах на табачную продукцию с 2,5 раза в 2008 г. до 1,8 раза в 2012 г. При этом представляет интерес тот факт, что домохозяйства самого бедного квинтиля тратили на табачные изделия больше, чем на товары длительного пользования и сбережения, и лишь немного меньше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. И наконец, в 2012 г. самые обеспеченные домохозяйства тратили на одежду и обувь примерно в 4,5 раза больше, чем домохозяйства самого нижнего квинтиля. При этом разница в этих расходах между домохозяйствами верхнего и четвертого квинтилей составляла около 1,5 раза.

В целом в 2012 г. в сравнении с 2011 г. домохозяйства верхнего квинтиля увеличили свои расходы на электронику и другие товары длительного пользования на 47,3%, тогда как домохозяйства нижнего квинтиля – только на 19,6%. Весьма значительной оказалась также разница в росте расходов этих домохозяйств на услуги и отдых – соответственно 24,6 и 11,8%. В то же время у домохозяйств нижнего квинтиля намного выше оказался рост расходов на табачные изделия (19,2% против 2,4% у домохозяйств верхнего квинтиля), на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам (соответственно 29% против 16,7%). Интересно также, что если у домохозяйств нижнего квинтиля расходы на одежду увеличились на 7,6%, то у домохозяйств верхнего квинтиля они сократились на 0,8%. Подобная картина наблюдалась и в отношении роста расходов на горючее, топливо – рост на 11,6% в первом квинтиле и сокращение на 0,2%

в верхнем квинтиле. Что касается расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, то у домохозяйств нижнего квинтиля они увеличились на 5,8%, тогда как у домохозяйств верхнего квинтиля — на 4%.

Таким образом, сокращение доходов и расходов домохозяйств, отмеченное в 2011 г., сменилось в 2012 г. их заметным ростом. При этом рост расходов на непродовольственные товары намного превысил повышение расходов на продукты питания. В ситуации улучшения материального положения люди стали больше тратить, стараясь компенсировать то, что не смогли добрать в предыдущие годы. Вместе с тем основной причиной роста расходов на продукты питания было не столько то, что люди стали больше покупать, сколько то, что в условиях отсутствия действительной конкуренции в торговых сетях постоянно росли цены на продовольствие. Возросший уровень потребления на непродовольственные товары не в последнюю очередь поддерживался ростом кредитования. К важным тенденциям следует отнести повышение дифференциации домохозяйств по расходам. Расходы наиболее богатых домохозяйств росли намного быстрее, чем расходы бедных и малообеспеченных домохозяйств. Особенно значительными были различия между этими домохозяйствами в темпах роста расходов на непродовольственные товары.

Динамика владения предметами длительного пользования

В 2012 г. было отмечено дальнейшее повышение уровня обеспеченности российских домохозяйств дорогостоящими предметами длительного пользования, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 9. Как и годом ранее, по большинству анализируемых товарных групп наблюдалась положительная динамика.

В частности, доля домохозяйств, являющихся владельцами легковых и/или грузовых автомобилей, после небольшого снижения с 39,7% в 2010 г. до 39,1% в 2011 г., в 2012 г. увеличилась до 41,6%. В результате такого роста, составляющего 2,5 процентных пункта, удельный вес домохозяйств, владеющих автомобилями, достиг максимального значения за все время наблюдений. В 2012 г. доли российских домохозяйств, имеющих в собственности только отечественный легковой автомобиль или только легковой автомобиль иностранной модели, оказались примерно одинаковыми — соответственно 20 и 19,4%. И около 2% домохозяйств имели в собственности как отечественный легковой автомобиль, так и легковой автомобиль иностранной модели. Что касается владельцев грузовых автомобилей, то на их долю приходилось 2,4% домохозяйств.

В 2012 г. темпы увеличения удельного веса российских домохозяйств, являющихся владельцами автомобилей (легковых и/или грузовых), были одними из самых высоких, начиная с 2000 г. Более высокие темпы роста наблюдались только в 2010 г., когда за год удельный вес домохозяйств, имеющих в собственности какой-либо автомобиль, увеличился на 3,3 процентных пункта (с 36,4 в 2009 г. до 39,7% в 2010 г.). В целом с 1992 по 2011 г. удельный вес домохозяйств, имеющих собственный автомобиль, вырос в 2,5 раза. Часть из них имели по два и более автотранспортных средств. В большинстве своем это были домохозяйства с высоким уровнем материального достатка, попадающие в высокодоходные (четвертый и пятый) квинтили.

Таблица 9

**Процент владеющих различными предметами длительного пользования
на момент проведения опроса, 1992–2012 гг., %**

Предметы длительного пользования	Год проведения исследования										
	1992	1996	1998	2000	2002	2004	2008	2009	2010	2011	2012
Черно-белый телевизор	53,7	43,4	34,5	29,8	21,5	13,4	–	–	–	–	–
Цветной телевизор	54,6	67,6	73,5	75,9	82,9	87,8	96,4	96,5	97,0	97,1	97,6
Видеомагнитофон	3,1	24,7	32,2	33,4	38,8	42,6	35,2	34,2	31,3	27,2	23,8
Компьютер	–	–	4,0	4,1	8,2	16,1	38,2	45,5	51,0	56,3	61,0
Легковой или грузовой автомобиль	16,5	22,5	24,8	26,3	28,6	27,8	34,5	36,4	39,7	39,1	41,6
Холодильник	93,0	92,8	92,4	93,3	94,4	94,6	–	–	–	–	–
Холодильник «NO FROST»	–	–	–	–	–	–	35,0	39,4	45,2	47,8	51,1
Стиральная машина	76,6	78,4	78,5	79,1	78,9	80,4	–	–	–	–	–
Автоматическая стиральная машина	–	–	–	–	–	–	53,0	58,6	63,2	68,1	72,7
Дача*	17,8	30,8	30,9	30,4	28,8	27,1	24,4	22,2	21,4	24,1	24,1

*Дача означает садовый домик или дом в деревне, владение дачей учитывается только для городских домохозяйств.

В силу невысокого уровня материальной обеспеченности населения значительную часть автомобильного парка россиян составляют подержанные легковые автомобили, приобретенные по низкой цене, и старые автомобили, которые достались их владельцам в наследство от старших поколений. Из данных, приведенных в таблице 9, хорошо видно, что возраст каждого третьего отечественного легкового автомобиля, находящегося в собственности россиян, превышает 10-летний рубеж. При этом возраст каждого четвертого отечественного автомобиля составляет от 6 до 10 лет, и почти 42% отечественных легковых автомобилей находятся в эксплуатации не более пяти лет. По понятным причинам парк легковых автомобилей иностранных моделей, находящихся в собственности российских домохозяйств, намного новее, чем парк отечественных легковых автомобилей. Свыше 70% иномарок находятся в эксплуатации не более пяти лет, 16,6% – от 6 до 10 лет и только 13,1% – 11 лет и более.

В 2012 г., как и годом ранее, около 3% российских домохозяйств имели в собственности мотоциклы, мотороллеры, скутеры, моторные лодки и им подобные средства передвижения, а около 21% домохозяйств владели взрослыми велосипедами. Возраст около половины мотоциклов, мотороллеров и моторных лодок, находящихся в собственности россиян, не превышает пяти лет; 22,5% этих транспортных средств находятся в эксплуатации от 6 до 15 лет. Весьма значительной, достигающей 31,2%, является также доля таких средств передвижения, возраст которых превышает 15-летнюю границу (см. рис. 14).

Примечательно, что в 2012 г. уровень владения городских домохозяйств дачами, т. е. садовыми домиками или домиками в деревне, не изменился. Стабилизация данного показателя наступила после значительного повышения

в предыдущем году на 2,7 процентных пункта — с 21,4% в 2010 г. до 24,1% в 2011 г. При этом следует иметь в виду, что до 2011 г. доля таких домохозяйств длительное время сокращалась. В целом с 1998 по 2010 г. она уменьшилась с 30,9 до 21,4% т. е. на 9,5 процентных пункта.

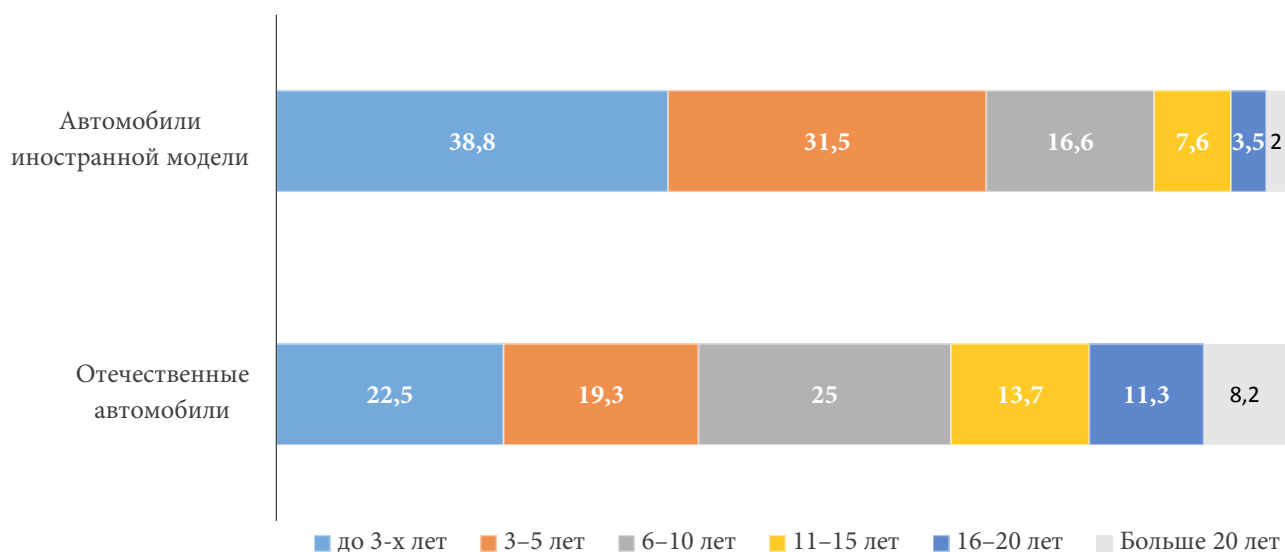

Рисунок 14. Возраст легковых автомобилей, находящихся в собственности домохозяйств, 2012 г., %

Существенным оказался также рост уровня владения домохозяйств современными предметами культурного и бытового назначения, которые относятся к категории основных или к предметам так называемого стандартного потребительского набора. Поскольку черно-белые телевизоры, холодильники и стиральные машины старых моделей практически полностью вытеснены цветными телевизорами, современными холодильниками и автоматическими стиральными машинами, данные об обеспеченности домохозяйств бытовой техникой устаревших моделей после 2004 г. не собираются.

Как показал дальнейший анализ, удельный вес домохозяйств, владеющих цветными телевизорами, увеличился к концу 2012 г. до 97,6%, в том числе за последний год на 0,5 процентных пункта. Причем если в 2011 г. доля домохозяйств, располагающих плоскими телевизорами нового поколения (плазменными или жидкокристаллическими), составляла около трети, то в 2012 г. она выросла до 43%. Характерно, что 59% таких телевизоров находятся в пользовании не более 3-х лет, а 35% — от 3 до 5 лет. За этот же период удельный вес домохозяйств, имеющих в собственности цветные телевизоры старого поколения (с электронно-лучевой трубкой), сократился до 77%. Их них 21,8% пребывают в возрасте до 5 лет включительно; 27,7% — в возрасте от 6 до 9 лет; 39,1% — от 10 до 15 лет и 11,4% — более 15 лет.

Уровень обеспеченности российских домохозяйств такими предметами стандартного потребительского набора, как холодильники «No Frost», увеличился с 47,8% в 2011 г. до 51,1% в 2012 г., т. е. на 3,3 процентных пункта, что немного больше, чем 2,6 процентных пункта, зафиксированных годом ранее. В целом за 2006–2011 гг. удельный вес домохозяйств, владеющих современными холодильниками «No Frost», вырос почти в 2,5 раза (с 21,6 до 51,1%). В то же время доля домохозяйств, располагающих морозильными камерами, в 2012 г. составила только 11,3%. Большинство их представлено сельскими домохозяйствами, постоянно

испытывающими трудности с хранением продуктов домашнего производства. Характерно также, что удельный вес домохозяйств, владеющих современными автоматическими стиральными машинами, увеличился с 68,1% в 2011 г. до 72,7% в 2012 г., т. е. на 4,6 процентных пункта. Примерно такие же темпы роста удельного веса владельцев автоматических стиральных машин были отмечены в предыдущие годы: с 58,6% в 2009 г. до 63,2% в 2010 г., т. е. на 4,6 процентных пункта, и затем до 68,1% в 2011 г., т. е. на 4,9 процентных пункта. В целом с 2008 по 2012 г. удельный вес домохозяйств, имеющих автоматические стиральные машины, вырос с 53 до 72,7%, т. е. на 19,7 процентных пункта. Можно также отметить, что в 2012 г. удельный вес домохозяйств, пользующихся посудомоечными машинами, составил только 2,8%.

Возраст холодильников «No Frost» и автоматических стиральных машин, приобретенных домохозяйствами, примерно одинаков: до 3-х лет — соответственно 25,9 и 23%; 3—5 лет — 34,7 и 36%; 6—9 лет — 21,4 и 25,1%; 10—15 лет — 14,9 и 14,5% и более 15 лет — 3,1 и 1,4%.

В процессе замены устаревшей бытовой и культурно-бытовой техники современными моделями наблюдается постоянное сокращение количества домохозяйств, владеющих видеомэгафонами и видеоплеерами, отживающими свой короткий век. В 2012 г. в сравнении с 2011 г. их доля уменьшилась на 3,4 процентных пункта (с 27,2 до 23,8%). С 2004 г., когда доля домашних хозяйств, владеющих видеомэгафонами и видеоплеерами, была максимальной (42,6%), по 2012 г. их удельный вес снизился в 1,8 раза. На смену этим быстро устаревающим техническим средствам приходят новые, т. е. более современные, обладающие еще более широкими возможностями, в том числе DVD-проигрыватели, плееры или компьютеры с DVD. В 2012 г. доля домохозяйств, владеющих этими техническими средствами, составила 47,4%.

Среди других хорошо заметных изменений отметим повышение уровня обеспеченности российских домохозяйств микроволновыми печами с 59,6% в 2011 г. до 63% в 2013 г. В целом за 2006—2012 гг. удельный вес таких домохозяйств увеличился с 28,8 до 63%, т. е. в 2,2 раза. Доля домохозяйств, располагающих цифровыми фотоаппаратами, за 2006—2012 гг. выросла с 9 до 40,1%, т. е. почти в 4,5 раза, в том числе с 2011 по 2012 г. на 3,1 процентных пункта. Владельцами цифровых видеокамер в 2012 г. являлись 8,4% домохозяйств (2011 г. — около 8%). Можно также отметить, что в 2012 г. жилье около 8% домохозяйств было оборудовано кондиционерами; 17% — спутниковыми антеннами; 31,7% — кабельным телевидением.

Принимая во внимание всю важность представленных данных, особый интерес вызывают сведения, характеризующие уровень компьютеризации российских домохозяйств, поскольку изменения в обеспеченности их компьютерной техникой во многом определяют перемены в стиле жизни семей. Приобретение и использование современной компьютерной техники и иных сопутствующих технических средств радикально меняют процесс коммуникации. Если в 1998—2000 гг. имели во владении персональные компьютеры около 4% домохозяйств, то в 2011 г. их доля выросла до 56,3%, а в 2012 г. — до 61%. При этом в 2012 г. 44,1% домохозяйств имели в своем распоряжении стационарные компьютеры и 24,4% — переносные компьютеры (ноутбук, лэптоп). Как следовало ожидать, переносные компьютеры были намного новее стационарных. Так,

если доля стационарных компьютеров, находящихся в эксплуатации до 3-х лет, в 2012 г. составляла 21,9%, то соответствующая доля переносных компьютеров – 64,9%, т. е. почти в 3 раза больше (см. рис. 15).

Несмотря на обострение финансово-экономического кризиса в 2009 г., ежегодные темпы прироста домохозяйств – владельцев компьютеров в указанный период были самыми высокими (7,3 процентных пункта). В дальнейшем эти темпы также оставались довольно значительными и составляли около 5,5 процентных пункта. Так, с 2010 по 2011 г. удельный вес домохозяйств, имеющих в своем распоряжении компьютеры, вырос на 5,3 процентных пункта, а с 2011 по 2012 г. – на 4,7%. Очевидно, что с повышением уровня компьютеризации домохозяйств темпы роста обеспеченности их современной компьютерной техникой будут снижаться.

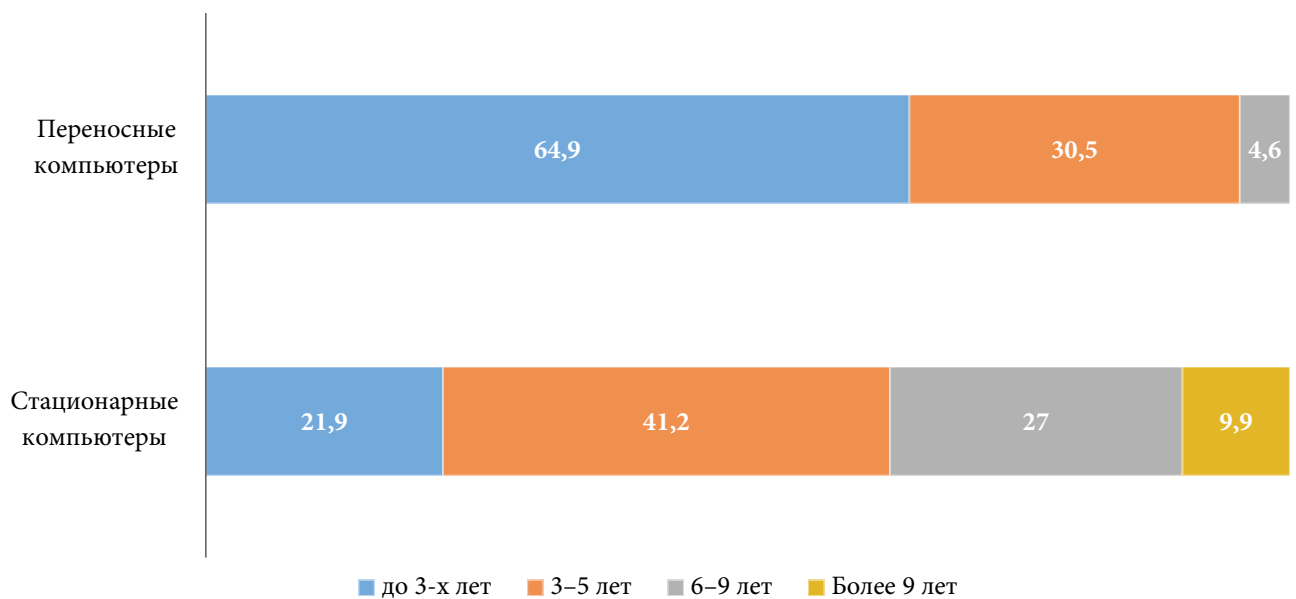

Рисунок 15. Возраст стационарных и переносных компьютеров, 2012 г., %

В результате компьютеризации семей значительно увеличилось число граждан, не только владеющих, но и пользующихся компьютерной техникой. Если в 2000 г. о пользовании компьютером в течение 12 месяцев, предшествующих опросу, в любых целях, включая печатание текстов, компьютерные игры и т. п., сообщали около трети взрослых респондентов, то в 2010–2011 гг. – уже свыше 53%, а в 2012 г. – около 60%. Таким образом, за последний год доля пользователей компьютерами выросла приблизительно на 7 процентных пункта. Из числа этих граждан в 2012 г. пользовались компьютером у себя дома около 93% (2011 г. – 90%); по месту работы и учебы – 49% (2011 г. – 54%); в других местах – около 19% (2011 г. – 21%); 65,8% респондентов данной группы пользовались ими для работы и учебы.

С каждым годом интенсивно увеличивается количество граждан, пользующихся услугами глобальной информационной компьютерной сети Интернет, которая уже стала важной, а для некоторых людей главной частью культуры и повседневной жизни. Среди взрослых респондентов, которые пользовались компьютером в течение последних 12 месяцев, доля лиц, обращавшихся к услугам Интернета, за 2003–2011 гг. выросла с 12 до 89% и затем в 2012 г. – до 93,1%, т. е. в целом в 7,8 раза. Доля лиц, которые пользовались Интернетом у себя дома, среди этих людей в 2011 г. в сравнении с 2010 г. выросла с 86,3 до 90,2%, а в 2012 г. –

до 93,4%. В то же время удельный вес лиц, пользовавшихся компьютером по месту работы, учебы, увеличился с 2010 по 2011 г. с 43,5 до 44,5%, но в 2012 г. уменьшился до 41%. Немного снизилась также в 2012 г., после увеличения с 5% в 2010 г. до 5,2% в 2011 г., доля лиц, пользовавшихся Интернетом в интернет-кафе (до 4,2%). В то же время удельный вес лиц, пользующихся Интернетом в других местах, лишь немного увеличился — с 19,9% в 2010 г. до 20,5% в 2011 г., но в 2012 г. вновь уменьшился до 19,1%, т. е. ниже уровня 2010 г.

Представляет интерес и тот факт, что среди респондентов анализируемой группы с 2010 по 2011 г. доля лиц, которые пользовались для входа в Интернет ноутбуками, лэптопами, увеличилась с 35,9 до 44,6% и затем к концу 2012 г. — до 49,4%. Таким образом, за два года удельный вес пользователей ноутбуками, лэптопами вырос на 13,5 процентных пункта. В то же время доля лиц, пользовавшихся карманными компьютерами (планшетами) для выхода в Интернет, увеличилась с 2,3% в 2010 г. до 2,9% в 2011 г. и далее до 6% в 2012 г. Особого внимания заслуживает тот факт, что удельный вес лиц, использующих для выхода в Интернет мобильный телефон или смартфон, с 2010 г. по 2011 г. увеличился незначительно — с 2,3 до 2,9%, но в 2012 г. совершил резкий скачок до 33%. Причины такого резкого увеличения не вполне понятны и требуют дополнительного изучения.

Данные RLMS-HSE, характеризующие основные цели пользования россиянами глобальной сетью Интернет (за 2010–2012 гг.), отражены на рисунке 16. Как следует из данных, представленных на этом рисунке, в 2010–2012 гг. практически по всем анализируемым позициям наблюдались небольшие процентные колебания. При этом в 2012 г. по сравнению с 2011 г. чаще всего отмечалось снижение удельного веса лиц, пользующихся Интернетом в тех или иных целях. Особого внимания заслуживает наметившаяся тенденция, демонстрирующая, хотя и небольшое, но достаточно последовательное сокращение удельного веса респондентов, пользующихся глобальной сетью Интернет для работы (с 47,6% в 2010 г. до 45,3% в 2012 г., т. е. на 2,3 процентных пункта) и для учебы (с 37,6% в 2010 г. до 33,4% в 2012 г., т. е. на 4,2 процентных пункта). Но в то же время существенно, а именно — в полтора раза, выросла доля граждан, обращающихся к Интернету для покупки или получения различных потребительских товаров и услуг (с 20,3% в 2010 г. до 30,5% в 2012 г.).

Что касается наиболее распространенных целей пользования Интернетом, то к ним, как и прежде, относятся общение с друзьями, знакомыми и другими людьми (81,4%); получение оперативной информации о новостях, последних событиях в стране и в мире (78,8%); развлечения, игры (78,7%); получение справочных и информационно-справочных материалов (78,2%); расширение кругозора, повышение своего культурного уровня (76%). Наблюдающиеся ежегодные изменения данных показателей, за редким исключением, не имеют четко выраженных тенденций и могут быть отнесены на счет колебаний, вызванных случайными факторами.

Таким образом, в 2012 г. наблюдался существенный рост уровня обеспеченности российских домохозяйств предметами длительного пользования, в том числе автомобилями, телевизорами, холодильниками, стиральными машинами, стационарными и переносными компьютерами и другими дорогостоящими предметами культурного и бытового назначения. Во многом это было обусловлено тем, что сложившаяся социально-экономическая ситуация способствовала

повышению покупательской способности населения на основные предметы длительного пользования последнего поколения. Повышение уровня обеспеченности домохозяйств современной компьютерной техникой значительно расширило возможности общения и информационности россиян через глобальную сеть Интернет. За последние три года россияне стали немного реже пользоваться Интернетом для учебы и выполнения работы, но значительно чаще для приобретения разнообразных товаров и услуг.

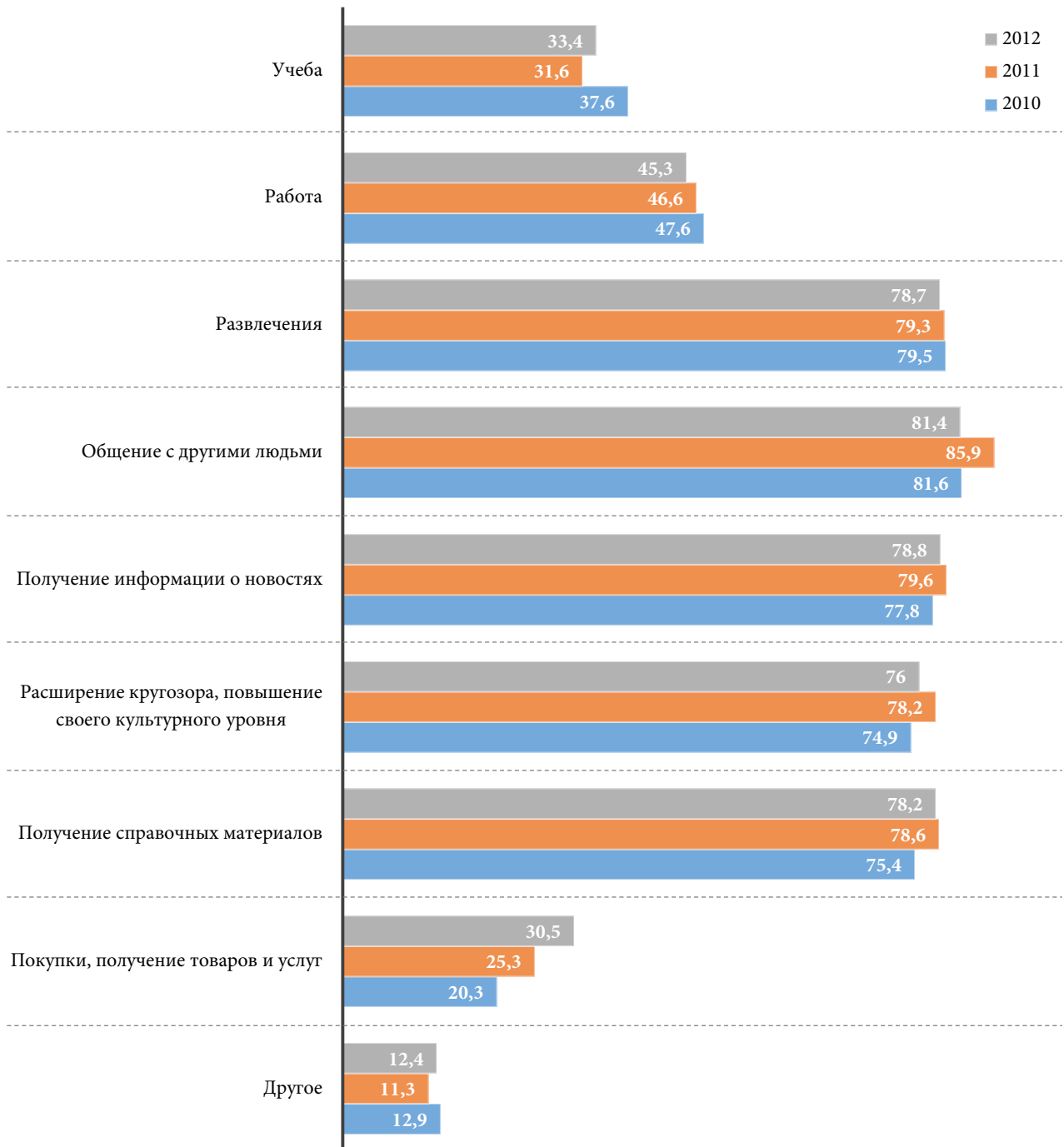

Рисунок 16. Цели пользования Интернетом, 2010–2012 гг., в % к количеству пользователей

Продолжение таблицы 10

Категория	Год проведения исследования										
	1992	1996	1998	2000	2002	2004	2008	2009	2010	2011	2012
Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней	5,8	21,4	17,1	10,8	8,8	5,1	3,5	3,7	3,4	2,9	2,9
Длительность периода безработицы (исключая скрытую безработицу)											
- Менее 1 месяца	-	7,7	5,4	9,0	6,8	11,4	13,4	6,2	9,6	10,9	12,6
- 1–3 месяца	-	13,0	20,6	15,8	20,9	20,1	20,5	22,5	19,7	24,8	22,3
- Более 3 месяцев	-	79,4	74,0	75,3	72,3	68,5	66,2	71,3	70,7	64,3	65,1
Участие в рабочей силе	86,7	84,5	82,6	82,4	82,4	82,2	82,2	82,1	83,2	82,3	83,0
Доля работников, заявивших о смене места работы	-	-	9,9	11,2	13,1	12,9	11,3	11,9	11,8	11,4	12,1
Доля работников, заявивших о смене профессии	-	-	7,5	8,1	9,3	7,9	8,3	8,4	7,3	7,7	7,8

* «Скрытая безработица» определяется как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка.

В 2012 г. наиболее высокий уровень безработицы традиционно фиксировался в Северо-Кавказском федеральном округе (13,1%). Лидирующие позиции по данному показателю занимали Республика Ингушетия (47,3%), Чеченская Республика (26,8%) и Республика Дагестан (12,2%). И в то же время в Ставропольском крае уровень безработицы составлял около 5%, Карачаево-Черкесской Республике – 8,2%. Сравнительно высокий уровень безработицы сохранился также в Сибирском федеральном округе (7,5%). Наиболее сложная ситуация с занятостью наблюдалась в таких регионах, как Республика Тыва (11,9%), Республика Алтай (11,8%) и Забайкальский край (11%). На другом полюсе находились Республика Хакасия (4,5%) и Красноярский край (5,4%). Следующие позиции по уровню безработицы занимали Южный и Дальневосточный федеральный округа, где доля безработных среди экономически активного населения составляла 6,4%. Самым высоким данный показатель был в Республике Калмыкия (16,3%), Еврейской автономной области (8,7%) и Республике Саха (8,5%), а самым низким – в Магаданской области (3,3%), Ростовской области и Хабаровском крае (по 5,2%), Камчатском крае (5,3%) и Амурской области (5,5%). В Уральском федеральном округе уровень безработицы достиг 6,1%. Наиболее высоким он был в Курганской области (8,8%), тогда как наименьшим – в Ямало-Ненецком автономном округе (3,1%) и Тюменской области (4,7%). Более благополучная ситуация сложилась в Приволжском и Северо-Западном федеральных округах, где уровень безработицы составил соответственно 4,8 и 4%. По регионам доля безработных варьировала в пределах от 3 до 6,5%. Хотя при этом надо заметить, что в целом ряде регионов Северо-Западного федерального округа отмечались довольно высокие показатели безработицы: Мурманская область – 8,4%; Республика Карелия – 7,7%; Вологодская область – 7,1%. Эти

и другие высокие показатели компенсировались крайне низким уровнем безработицы в Санкт-Петербурге, где доля безработных не превысила 1%. И наконец, наиболее благополучная картина наблюдалась в Центрально федеральном округе (4%). Безработица в Москве составила всего лишь 0,9%.

Крайне сложной проблемой остается высокая безработица среди выпускников вузов и молодых людей в возрасте от 15 до 25 лет, испытывающих большие сложности с трудоустройством. Сохраняется также существенное превышение уровня сельской безработицы над уровнем городской безработицы. По официальным данным, в России на каждого безработного приходится две вакансии. В 2012 г. количество вакансий в России достигло 1,5 млн против 1,1 млн в 2011 г. Вместе с тем большинство из них предполагают низкую заработную плату и поэтому малопривлекательны для основной массы работников. Что касается вакансий с относительной хорошей заработной платой, то к ним относятся рабочие места, которые предполагают наличие у работника специальной подготовки. Однако в силу разбалансированности системы среднего специального профессионального образования поиск таких работников нередко превращается в длительную и сложную проблему. Необходимо также учитывать наличие огромного сектора теневой экономики, который не способствует заполнению существующих вакансий. В настоящее время миллионы работников и десятки тысяч работодателей не мотивированы переходить на легальное положение.

В [таблице 10](#) приведены данные мониторинга о длительности периода безработицы (исключая скрытую безработицу), которые показывают, что в 2012 г. по сравнению с 2011 г. структура безработицы практически не изменилась. Как и годом ранее, самой распространенной была длительная безработица (продолжительностью более 3-х месяцев): 65,1% против 64,3% в 2011 г. Среднесрочная безработица (от 1-го до 3-х месяцев) в 2012 г. составила 22,3% против 24,8% в 2011 г., а краткосрочная (менее 1-го месяца) – 12,6% против 10,9% в 2011 г. Примечательно, что с 2009 г. по 2011 г. длительная безработица сократилась с 71,3 до 64,3%, т. е. на 7 процентных пунктов, тогда как среднесрочная безработица увеличилась с 22,5 до 24,8%, т. е. на 2,2 процентных пункта, а краткосрочная – с 6,2 до 10,9%, т. е. на 4,7 процентных пункта.

Данные мониторинга, приведенные на [рисунке 17](#), демонстрируют динамику уровня безработицы отдельно для мужчин и для женщин за 1992–2012 гг. Данные показывают, что различия в уровне безработицы между мужчинами и женщинами проявляются только при сопоставлении данных об официальной безработице, тогда как сведения по скрытой безработице настолько малы, что выявить какие-либо существенные различия не представляется возможным.

Что касается официальной безработицы, то в 2012 г. мониторинг выявил только снижение уровня безработицы среди мужчин, за счет которого произошло сокращение общего уровня безработицы. Это снижение явилось продолжением сравнительно длительного тренда, берущего начало в 2009 г. В целом с 2009 по 2012 г. уровень мужской безработицы сократился с 7 до 5%, т. е. на 2 процентных пункта, тогда как женская безработица уменьшилась за этот же период только на 0,2 процентных пункта – с 5,4 до 5,2%. После этих изменений безработица среди мужчин оказалась на 0,2 процентных пункта ниже, чем среди женщин, хотя на протяжении нескольких последних лет наблюдалась противоположная картина. Ранее превышение уровня безработицы среди женщин над уровнем безработицы среди мужчин наблюдалась в середине 1990-х и в начале 2000-х гг.

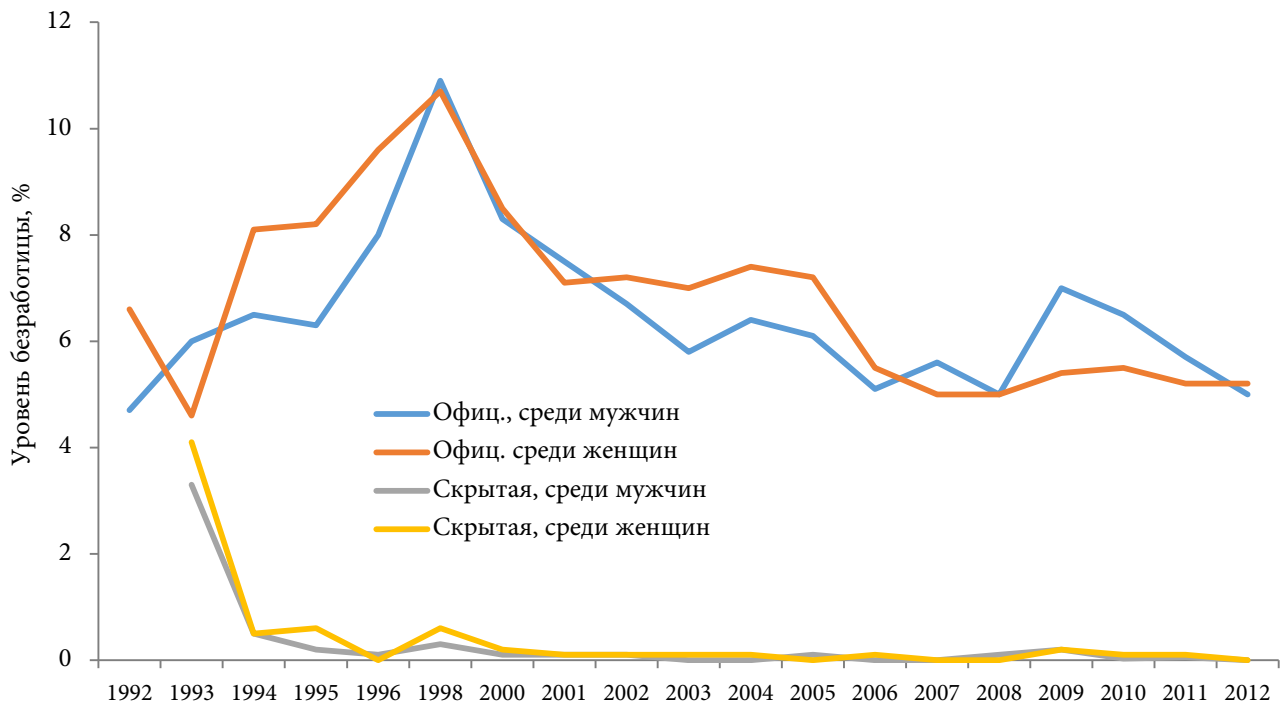

Рисунок 17. Уровень безработицы среди мужчин и женщин, 1992–2012 гг., %

Возвращаясь к данным, приведенным в таблице 10, отметим, что в 2012 г. было приостановлено наблюдавшееся длительное время сокращение доли работников, заявляющих о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней. С 1996 по 2011 г. удельный вес таких работников практически монотонно (за исключением небольшого всплеска в 2009 г.) сократился с 21,4 до 2,9%, т. е. почти в 7,5 раза. В 2011 г. в сравнении с 2010 г. данный показатель уменьшился на 0,5 процентных пункта, что немного больше, чем 0,3 процентных пункта, зафиксированных годом ранее.

Заслуживают внимание также сведения мониторинга, демонстрирующие некоторые важные тенденции, характерные для сферы профессиональной мобильности. Как следует из таблицы 10 (две нижние строки), в 2012 г. произошло увеличение доли работников, заявивших о смене места работы до 12,1% против 11,4%, зафиксированных в 2011 г. Кроме того, в 2012 г. немного увеличилась доля работников, заявивших о смене профессии. В целом с 2010 по 2012 г. она выросла с 7,3 до 7,8%, т. е. до уровня 2004 г.

Если до недавнего времени российская экономика развивалась в условиях, когда трудовые ресурсы и занятость были достаточно стабильными, то сегодня она вступает в период, когда трудоспособное население постепенно сокращается. И в то же время число лиц старше трудоспособного возраста увеличивается (начиная с 2006 г.), усложняя решение экономических проблем. На начало 2012 г. к ним относились 32,4 млн человек, или 22,7% всего населения страны. В связи с этим представляют особый интерес любые новые сведения, характеризующие изменение уровня участия в рабочей силе, который представляет собой отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах.

Как свидетельствуют данные нашего мониторинга, в 2012 г. в сравнении с 2011 г. этот уровень увеличился с 82,3 до 83% (т. е. на 0,7 процентных пункта), не выходя, однако, за коридор колебаний, наблюдающихся с начала нового века

(от 82,4% в 2000 г. до 83,2% в 2010 г.). При этом, по данным Росстата, в 2012 г., как и в 2011 г., численность экономически активного населения Российской Федерации в возрасте 15–72 лет составляла 75,7 млн человек, что немного больше, чем в 2010 г. (75,4 млн человек). Но в целом численность экономически активного населения в последние годы менялась очень мало.

Повышение уровня участия в рабочей силе затронуло в 2012 г. как мужчин, так и женщин, о чем свидетельствуют данные мониторинга, представленные на рисунке 18. В 2012 г. в сравнении с 2011 г. показатель участия мужчин в рабочей силе увеличился на 0,5 процентных пункта (с 85,1 до 85,6%), тогда как аналогичный показатель участия женщин вырос на 0,6 процентных пункта (с 79,4 до 80%). В результате таких синхронных изменений превышение показателя участия мужчин в рабочей силе над показателем участия женщин в рабочей силе практически не изменилось (2001 г. – 5,7 процентных пункта; 2012 г. – 5,6 процентных пункта).

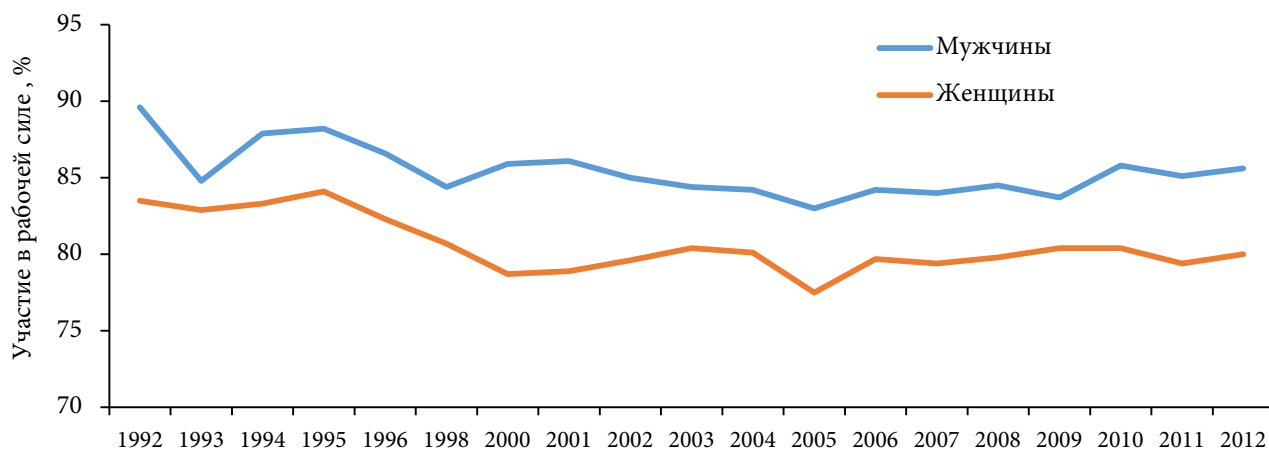

Рисунок 18. Участие в рабочей силе населения работоспособного возраста (имеющего работу или ищущего ее), 1992–2012 гг., %

На рисунке 19 приведены данные о занятости мужчин и женщин, получающих пенсии, подавляющее большинство которых составляют люди пожилого возраста. Как следует из рисунка, в 2012 г. изменение занятости мужчин и женщин, относящихся к лицам, получающим пенсии, характеризовалась схожими тенденциями. Так, доля занятых среди женщин-пенсионеров продолжила свой медленный рост после существенного спада в 2010 г. В целом за последние два года удельный вес занятых в женской когорте увеличился на 1 процентный пункт – с 22,3% в 2010 г. до 23,3% в 2012 г. Что касается мужчин-пенсионеров, то среди них доля занятых увеличилась с 20,4 до 22%, т. е. на 1,6 процентных пункта. В результате этого роста был полностью преодолён спад занятости пенсионеров-мужчин, вызванный началом и обострением экономического кризиса.

По причине сокращения трудоспособного населения, которое, по прогнозам, будет только увеличиваться, проблема повышения занятости пенсионеров приобретает особое значение. По расчетам Министерства труда и социальной защиты РФ, в 2013–2015 гг. в связи с сокращением численности населения трудоспособного возраста прогнозируется ежегодное снижение численности трудовых ресурсов приблизительно на миллион человек. Ожидается, что недостаток трудовых ресурсов будет компенсироваться за счет роста численности работающих граждан старше пенсионного возраста и иностранных трудовых мигрантов.

Предполагается, что к 2015 г. доля лиц старше пенсионного возраста достигнет 10,5% от всех трудовых ресурсов – против 9,6% в 2011 г. Кроме того, одной из важнейших особенностей российской пенсионной системы является высокий процент лиц, получающих так называемые досрочные пенсии. В 2012 г. на досрочные пенсии приходилось около 30% всех ежегодно назначенных пенсий. В связи с этим в марте 2012 г. Правительство РФ утвердило Комплекс мер, направленных на повышение занятости граждан предпенсионного и пенсионного возраста, на 2012–2013 гг. Повышение занятости пенсионеров будет способствовать также решению таких важных проблем данной категории граждан, как низкая материальная обеспеченность, невостребованность и одиночество. Но наряду с позитивными ожиданиями существуют серьезные опасения, что рост занятости пенсионеров приведет к повышению молодежной безработицы с ее неизбежными спутниками – снижением рождаемости и повышением преступности.

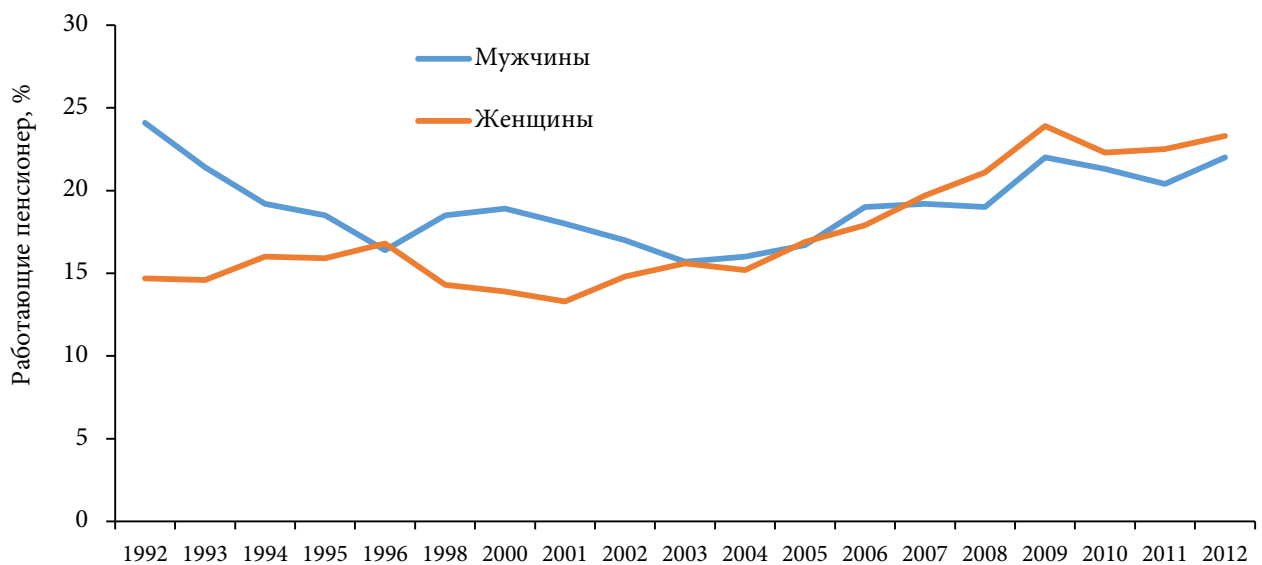

Рисунок 19. Доля работающих пенсионеров, 1992–2012 гг., %

Таким образом, важнейшей характеристикой российского рынка труда в 2012 г. явилось дальнейшее сокращение уровня безработицы, которое полностью обеспечивалось уменьшением мужской безработицы, тогда как уровень безработицы среди женщин за прошедший год практически не изменился. Высокой остается дифференциация российских регионов по уровню безработицы. Особого внимания заслуживает выход российской экономики на уровень полной занятости и окончательное превращение дефицита качественных трудовых ресурсов в одну из трудноразрешимых и долгосрочных проблем российской экономики. В результате заметного повышения доли работающих пенсионеров практически полностью был преодолен спад занятости среди граждан выше пенсионного возраста, обусловленный обострением финансово-экономического кризиса. Эти изменения в полной мере соответствуют планам расширения трудовой занятости пенсионеров, которая рассматривается в качестве значительного резерва увеличения трудовых ресурсов.

Уровень бедности

Одним из результатов RLMS-HSE, полученных в 2012 г., является то, что было выявлено новое, хотя и очень небольшое повышение уровня бедности российских домохозяйств¹. Как следует из таблицы 11, в 2012 г. в сравнении с 2011 г. доля домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума, который не позволяет людям удовлетворять даже базисные потребности в пище, жилье, одежде или способен удовлетворять только минимальные потребности, обеспечивающие биологическую выживаемость (абсолютная бедность), увеличилась на 0,3 процентных пункта (с 2,5 до 2,8%). Такое небольшое повышение не смогло серьезно изменить общую картину скорее не реального, а кажущегося благополучия. Полученное новое значение было лишь немного выше абсолютного минимума, зафиксированного в 2011 г., но несколько ниже предыдущего минимума, установленного в 2009 г., когда уровень бедности среди российских домохозяйств составлял 3,1%.

По данным Росстата, с 2011 по 2012 г. доля населения, которое находилось за чертой бедности, немного сократилась – с 12,7 до 11%. По сути, была продолжена долгосрочная тенденция снижения доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, которая прослеживается с начала 2000-х гг., когда данный показатель достигал 29%. За все эти годы были отмечены только три небольших всплеска уровня бедности (на 0,1–0,2 процентных пункта) в 2005, 2008 и 2011 гг. В 2012 г. за чертой бедности проживали 15,6 млн человек, что существенно меньше 17,9 млн человек в 2011 г. В целом в 2012 г. был зафиксирован абсолютный минимум уровня бедности населения постсоветской России, начиная с 1992 г.

Таблица 11

Уровень бедности по домохозяйствам и возрастным группам
(с использованием региональных прожиточных минимумов), 1992–2011 гг., %

Категория	Год проведения исследования								
	9/92	10/96	11/98	10/04	10/08	10/09	12/10	12/11	12/12
Уровень бедности среди домохозяйств									
Процент домохозяйств с доходом меньше 50% прожиточного минимума	3,0	18,5	15,9	3,2	1,6	1,1	2,0	1,4	1,4
Процент домохозяйств с доходом 50–99,9% прожиточного минимума	8,1	16,1	22,2	6,3	1,9	1,5	1,7	1,1	1,3
Процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума	11,1	34,6	38,1	9,5	3,5	3,1	3,7	2,5	2,8

¹ При определении уровня бедности использовались пороги бедности (прожиточные минимумы), подсчитанные с учетом следующих факторов: экономия на продуктовых расходах в большой семье; различия в ценах по областям Российской Федерации; особенности фактического потребления населения, проживающего в различных регионах страны.

Продолжение таблицы 11

Дети в возрасте 0–6 лет									
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	4,4	20,8	25,4	5,7	3,1	1,4	3,1	1,4	0,9
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом 50–99,9% прожиточного минимума	11,4	21,1	30,8	11,5	3,1	2,5	3,5	1,6	2,7
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	15,8	41,9	56,2	17,2	6,3	3,9	6,6	3,0	3,6
Пенсионеры									
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	1,2	18,4	9,3	0,8	0,6	0,0	0,6	0,5	0,5
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом 50–99,9% прожиточного минимума	5,4	11,4	16,1	2,7	0,9	0,6	0,5	0,3	0,4
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	6,6	29,8	25,4	3,5	1,5	0,6	1,1	0,8	0,9

Как показали данные RLMS-HSE, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. уровень крайней бедности, определяемый как доля домохозяйств с доходом меньше 50% от черты бедности, не изменился и составил 1,4%, тогда как доля домохозяйств с доходом выше 50-процентной границы, но ниже установленного прожиточного минимума, увеличилась на 0,2 процентных пункта (с 1,1 до 1,3%). Мониторинг выявил небольшое увеличение удельного веса детей дошкольного возраста (до 6 лет включительно), живущих в бедных семьях: с 3% в 2011 г. до 3,6% в 2012 г. Это увеличение произошло после более чем двойного сокращения данного показателя в предыдущем году, т. е. с 6,6% в 2010 г. до 3% в 2011 г., когда было зафиксировано минимальное значение за все время наблюдений. При этом с 2011 по 2012 г. доля малолетних детей, живущих в условиях крайне бедности, сократилась с 1,4 до 0,9%, тогда как доля детей дошкольного возраста, проживающих в семьях с доходом выше 50-процентной границы, но ниже установленного прожиточного минимума, увеличилась с 1,6 до 2,7%, т. е. на 1,1 процентных пункта.

Как и в предыдущем году, крайне низким оставался уровень бедности среди пенсионеров, что явилось следствием долгосрочной трансфертной политики, проводимой российскими властями в последнее десятилетие. После небольшого увеличения в 2010 г. до 1,1% доля пенсионеров, проживающих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума, сократилась в 2011 г. до 0,8%, а в 2012 г. составила 0,9%. Что касается пенсионеров, проживающих в условиях крайней бедности, т. е. с доходом меньше половины прожиточного минимума, то их доля в 2012 г.,

как и годом ранее, составила 0,5%. В целом процент пенсионеров, живущих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума, постоянно оказывается меньше процента малолетних детей, живущих в бедных семьях.

Общие сведения, характеризующие региональные различия в уровне бедности российских домохозяйств, представлены в таблице 12. Самый высокий уровень бедности отмечался в Сибири и на Дальнем Востоке, что явилось следствием увеличения доли бедных семей в данном регионе с 3,1% в 2011 г. до 3,9% в 2012 г. Несколько ниже был в 2012 г. уровень бедности на Урале (3,3% против 2% в 2011 г.), в Москве и Санкт-Петербурге (3,2% против 2,5% в 2011 г.). Примерно таким же был уровень бедности на Северном Кавказе, который покинул первую позицию в результате снижения доли домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума (с 4,3% в 2011 г. до 3,1% в 2012 г.). В Северном и Северо-Западном регионе уровень бедности домохозяйств снизился с 3,4 до 2,7%, тогда как в Центральном Черноземном районе, Волго-Вятском районе и Поволжье немного увеличился – с 1,4 до 1,7%. В 2010 г., как и во многие прежние годы, самый высокий уровень бедности наблюдался на Северном Кавказе, тогда как самый низкий – в Москве и Санкт-Петербурге (соответственно 6,4 и 2,3%).

Таблица 12

Региональные уровни бедности по домохозяйствам и возрастным группам в 2012 г.
(с использованием региональных прожиточных минимумов), %

Категория	Регион					
	Москва, Санкт-Петербург	Север и Север-Запад	Центральный Черноземный район, Волго-Вятский район и Поволжье	Северный Кавказ	Урал	Сибирь и Дальний Восток
Уровень бедности среди домохозяйств						
Процент домохозяйств с доходом меньше 50% прожиточного минимума	2,3	1,5	1,1	1,2	1,4	1,7
Процент домохозяйств с доходом 50–99,9% прожиточного минимума	0,8	1,2	0,6	1,9	1,9	2,2
Процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума	3,2	2,7	1,7	3,1	3,3	3,9
Дети в возрасте 0–6 лет						
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	2,0	2,1	0,8	–	–	1,3
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом 50–99,9% прожиточного минимума	1,3	5,6	0,8	1,0	4,1	6,0
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	3,3	7,7	1,5	1,0	4,1	7,3

Продолжение таблицы 12

Пенсионеры						
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	0,6	0,4	0,5	0,7	0,2	0,8
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом 50–99,9% прожиточного минимума	0,7	-	0,1	0,7	0,2	0,9
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	1,3	0,4	0,6	1,4	0,4	1,7

Наиболее высокий процент детей дошкольного возраста, проживающих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума, в 2012 г. был зафиксирован в Северном и Северо-Западном регионах (7,7%), а также в Сибирском и Дальневосточном регионах (7,3%). В 2011 г. доля детей, живущих в бедных семьях, в Сибири и на Дальнем Востоке составила 6,6%, что, однако, существенно меньше, чем 12,8% в 2010 г. На Урале данный показатель вырос с 3,6% в 2011 г. до 4,1% в 2012 г., в Москве и Санкт-Петербурге – соответственно с 2,5 до 3,3%, тогда как в Северокавказском регионе снизился соответственно с 3 до 1%. Уровни бедности пенсионеров во всех регионах в 2012 г. были довольно низкими.

При рассмотрении вышеприведенных данных нельзя забывать об относительности выбранного критерия для измерения бедности – прожиточного минимума, который не обеспечивает гражданам права на достойную жизнь. В 2012 г. в сравнении с 2011 г. величина официального прожиточного минимума (в среднем на душу населения) увеличилась с 6369 до 6510 руб., т. е. всего лишь на 141 руб., или на 2,2%. Поэтому ясно, почему многие из тех семей, которые находятся выше этой условной черты и не являются формально бедными, обычно живут в крайне сложных материальных условиях и довольствуются только самым необходимым.

По данным исследования Института социологии РАН («Бедность и неравенства в современной России», 2003–2013 гг.), показатели бедности, рассчитанные подобным образом, занижают численность действительно бедных почти втрое. Если в первом случае речь идет о гражданах, доход которых ниже официального прожиточного минимума (бедные «по доходу»), то во втором – о людях, чей образ жизни ассоциируется и у них самих, и у окружающих с бедностью, поскольку они постоянно испытывают лишения в удовлетворении базовых потребностей (бедные «по лишениям»). Согласно данным исследования, доля бедных «по лишениям» с начала 2003 по начало 2013 г. сократилась с 39 до 25%. «Ядро» бедности составляют представители хронической бедности, доля которых не менее 4%, т. е. около 6 млн человек. К ним относятся те бедные, которые находятся в состоянии бедности более 5 лет и характеризуются глубокой застойной бедностью, качественно отличающейся от других видов бедности.

В целом в 2012 г. уровень бедности российских домохозяйств, определяемый как процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума, изменился незначительно, лишь немного превысив уровень 2011 г. Хотя при этом существенная часть граждан, чьи доходы превышали прожиточный минимум, испытывала огромные лишения в самом необходимом, т. е. в питании, одежде, жилье, медицинском обслуживании, что свидетельствовало о необходимости повышения внимания не только к снижению количества семей, живущих за чертой бедности, но к более активному решению проблем малообеспеченных семей,

находящихся выше этой условной черты. Особую значимость в связи с этим приобретают меры по повышению занятости и обеспечению работникам достойной заработной платы.

Некоторые другие социально-экономические аспекты

Невыплаты заработной платы

В 2012 г. было отмечено дальнейшее сокращение доли работников, не получающих полностью заработную плату. Как следует из рисунка 20, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. она снизилась с 3,7 до 3,1%, т. е. до минимального значения за все время наблюдений. С 2009 г., когда было выявлено некоторое обострение данной проблемы, вызванное экономическим кризисом, по 2012 г. доля работников, не получающих полностью заработную плату, сократилась более чем в 2 раза — с 6,5 до 3,1%.

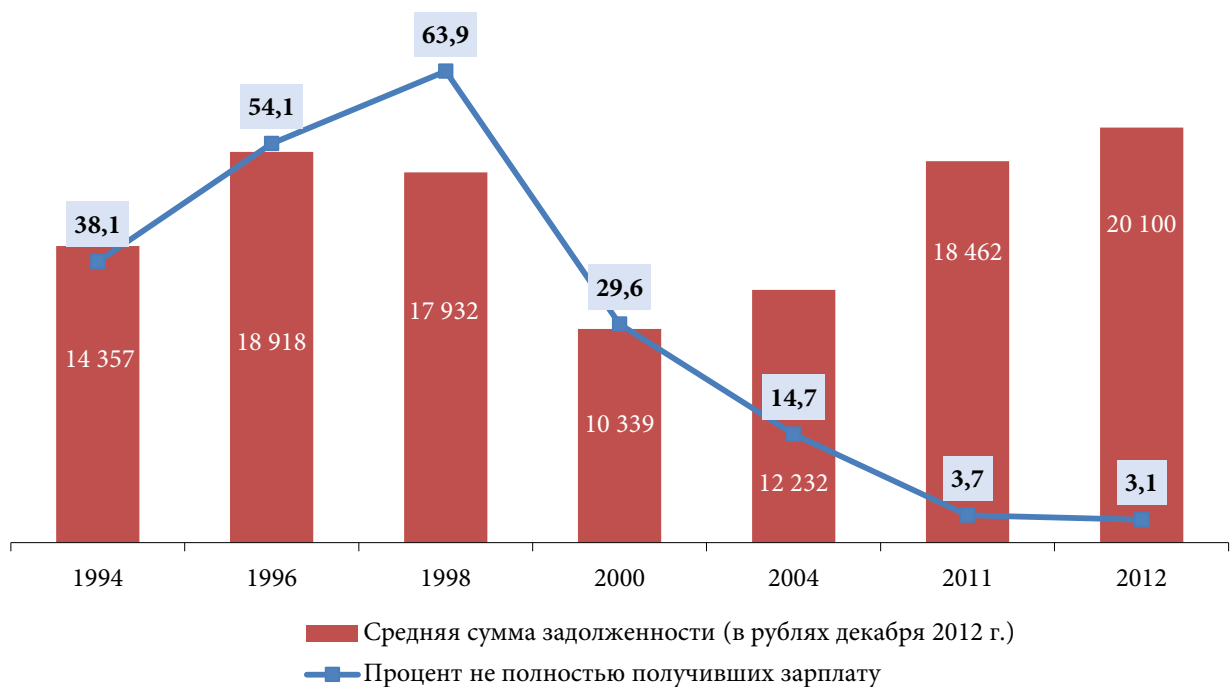

Рисунок 20. Невыплаты заработной платы основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2012 гг.

В то время, когда доля работников, не получающих полностью заработную плату, за последний год уменьшилась, сроки задолженности по зарплате увеличились. В этом убеждает увеличение среди работников, имеющих задолженность по зарплате, доли лиц, которым заработная плата задерживалась на срок более 3-х месяцев, с 7,6% в 2011 г. до 13% в 2012 г., и одновременное сокращение удельного веса работников, которым зарплата задерживалась на срок один месяц и менее — с 67,4 до 60% (см. таблицу 13). Что касается среднесрочных задолженностей, то они изменились мало: доля лиц, которым зарплата задерживалась на срок 1–2 месяца, увеличилась с 17 до 19,8%; на срок 2–3 месяца — уменьшилась с 8 до 7,2%. Характерно, что в 2011 г. наблюдалась противоположная картина. В частности, в 2011 г. по сравнению с 2010 г. доля работников, которым заработная плата задерживалась на срок один месяц и менее, увеличилась с 54,7 до 67,4%, тогда как

удельный вес лиц, которым зарплата задерживалась на срок 1–2 месяца, уменьшилась с 25,8 до 17%, т. е. на 8,8 процентных пункта; на 2–3 месяца – с 9,1 до 8%, т. е. на 1,1 процентных пункта; на срок больше 3-х месяцев – с 10,5 до 7,6%, т. е. на 2,9 процентных пункта. Но несмотря на эти изменения в качестве общей тенденции следует отметить постоянное сокращение долгосрочных задолженностей по зарплате при соответствующем увеличении краткосрочных. Наиболее высокое значение краткосрочных задолженностей было отмечено в 2008 г., когда доля лиц, которым заработная плата задерживалась на один месяц и менее, достигала 70,3%, т. е. почти на 3 процентных пункта больше, чем в 2011 г.

За последний год одновременно с увеличением сроков задолженности выросла средняя сумма задолженности по заработной плате: с 18463 руб. в 2011 г. до 20100 руб. в 2012 г. (в руб. декабря 2012 г.), т. е. на 8,9%. Заметим, что в период с 2009 по 2011 г., несмотря на тяжелые условия, вызванные экономическим кризисом, наблюдалось сокращением средней суммы задолженности по заработной плате почти на треть.

В 2012 г., как и во все предыдущие годы, мужчинам заработная плата задерживалась чаще и на большие суммы, чем женщинам. При этом с 2011 по 2012 г. удельный вес лиц, не полностью получивших заработную плату, среди работающих мужчин сократился с 4,3 до 3,4%, тогда как среди женщин – с 3,1 до 2,7%. В то же время за 2011–2012 гг. средняя сумма задолженности по заработной плате увеличилась у мужчин с 21600 руб. до 22156 руб., т. е. на 2,6%, тогда как у женщин – с 13733 руб. до 17265 руб., т. е. на 25,7%. В результате этих изменений средняя сумма задолженности по зарплате у мужчин стала больше, чем у женщин в 1,3 раза, тогда как в 2011 г. это превышение составляло 1,6 раза. Минимальным данный показатель был в 2010 г. (около 1,1 раза), тогда как наибольшим – в 1994 и 1998 гг. (около 2-х раз).

Таблица 13

**Невыплаты зарплаты основным работодателем трудоспособному населению,
1994–2012 гг., в руб. 2012 г.***

Пол респондента	Процент не полностью получивших зарплату	Распределение работников по сроку задолженности, %				Средняя сумма задолженности (если имеется)
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3-х месяцев	
1994						
Мужчины	40,3	35,6	29,6	16,9	18,0	18 654
Женщины	35,8	41,6	25,4	14,9	18,1	9622
Всего работников	38,1	38,3	27,7	16,0	18,0	14 357
1996						
Мужчины	54,5	25,1	24,7	18,3	32,0	23 724
Женщины	53,7	26,2	27,7	18,0	28,1	14 281
Всего работников	54,1	25,6	26,2	18,1	30,1	18 918
1998						
Мужчины	65,1	19,4	19,3	18,7	42,6	24 035
Женщины	62,8	21,2	21,0	17,0	40,7	12 365
Всего работников	63,9	20,3	20,2	17,8	41,7	17 932

Продолжение таблицы 13

2000						
Мужчины	33,1	38,0	18,9	10,8	32,4	12 514
Женщины	25,9	46,3	21,8	9,1	22,8	7451
Всего работников	29,6	41,5	20,1	10,1	28,3	10 339
2004						
Мужчины	16,8	42,1	26,9	12,9	18,1	14 361
Женщины	12,6	54,0	22,7	13,2	10,1	9530
Всего работников	14,7	47,2	25,1	13,0	14,7	12 232
2011						
Мужчины	4,3	64,3	18,7	10,3	6,7	21 620
Женщины	3,1	72,0	14,4	4,5	9,1	13 733
Всего работников	3,7	67,4	17,0	8,0	7,6	18 462
2012						
Мужчины	3,4	59,0	23,6	6,7	10,8	22 156
Женщины	2,7	61,4	14,6	8,0	16,0	17 265
Всего работников	3,1	60,0	19,8	7,2	13,0	20 100

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

Примечательно, что, по данным Росстата, просроченная задолженность по заработной плате в России на 1 января 2013 г. составила 1,560 млрд руб., тогда как на 1 января 2012 г. – 1,766 млрд руб. Таким образом, в целом за 2012 г. задолженность снизилась на 11,7%. 99,8% общей суммы просроченной задолженности являлись следствием отсутствия у организаций собственных средств. Задолженность по заработной плате на 1 января 2013 г. имели 53 тыс. человек (менее 1% работников по обследуемым видам экономической деятельности), из них 43% – работники обрабатывающих производств, 22% – сельского хозяйства, охоты и лесозаготовок, 12% – строительства, по 6% – производства и распределения электроэнергии, газа и воды, транспорта; на долю работников, занятых в области культуры, образования, здравоохранения и предоставления социальных услуг, приходился 1%.

Источники трудового дохода и гендерные различия

Сведения о распределении мужчин и женщин трудоспособного возраста, имеющих трудовой доход, с разбивкой по источникам дохода (процент сообщивших о получении того или иного вида дохода), которые дают определенное представление о некоторых проблемах гендерного характера, относящихся к теме исследования, приведены в таблице 14. По доле получающих тот или иной вид дохода от трудовой деятельности и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности мужчины постоянно превосходят женщин. Так, в 2012 г. преобладание по доле получающих доход от трудовой деятельности, составляло 7,5 процентных пункта (78,1% против 70,6%). Максимальным оно было в 1992 г. (80,3% против 70%), а минимальным – в кризисные 1998 (58,3% против 55,4%) и 2009 гг. (73,8% против 70,9%). В 2012 г. по сравнению с 2011 г. доля мужчин трудоспособного возраста, получающих доход от трудовой деятельности, выросла с 76,9 до 78,1%, тогда как аналогичная доля женщин – только с 70,2 до 70,6%.

Таблица 14

**Источники доходов от трудовой деятельности трудоспособного населения,
1992–2012 гг., в руб. 2012 г.***

Категория дохода	Год проведения исследования						
	1992	1996	1998	2004	2008	2011	2012
Мужчины							
Доход от работы на государственных предприятиях	64,2	30,7	31,6	30,9	31,2	30,1	32,3
Средний размер получаемого дохода**	11 581	10 332	6903	12 319	19 880	8600	21 244
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности	15,7	21,6	20,9	32,9	38,4	41,6	40,1
Средний размер получаемого дохода**	10 882	14 054	8597	16 692	23 465	22 835	24 773
Доход от работы в неформальном секторе	2,4	10,9	10,0	12,4	9,0	7,6	8,7
Средний размер получаемого дохода**	17 148	5776	3878	8822	2074	4935	12 140
Доход от трудовой деятельности	80,3	58,3	58,3	72,7	75,9	76,9	78,1
Средний размер получаемого дохода**	11 895	11 730	7479	14 281	21 650	21 205	22 855
Женщины							
Доход от работы на государственных предприятиях	60,0	31,8	34,4	37,6	37,3	36,5	37,2
Средний размер получаемого дохода**	7795	6653	4474	7556	12 562	5760	14 047
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности	9,7	18,8	17,5	26,0	30,2	31,2	30,7
Средний размер получаемого дохода**	7722	9282	6415	11 084	17 497	17 011	17 987
Доход от работы в неформальном секторе	1,8	6,0	5,9	6,6	5,5	5,2	5,2
Средний размер получаемого дохода**	10 339	4611	2120	5588	10 534	3326	8386
Доход от трудовой деятельности	70,0	54,0	55,4	67,7	70,3	70,2	70,6
Средний размер получаемого дохода**	8038	7680	5038	8987	14 992	14 985	15 846

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

**Средний размер получаемого дохода рассчитывается по доходу тех, кто имел доход (в руб. 2012 г.).

Согласно данным RLMS-HSE, в 2012 г. сохранилось значительное преобладание мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, т. е. по доле занятых на предприятиях и в организациях, обеспечивающих своим работникам наиболее высокий доход. При этом в 2012 г. по сравнению с 2011 г. удельный вес указанных работников среди мужчин трудоспособного возраста уменьшился с 41,6 до 40,1%, в то время как среди женщин аналогичного возраста – с 31,2 до 30,7%. Не менее постоянным является преобладание мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы в неформальном секторе. В 2012 г. по сравнению с 2011 г. соответствующая доля среди мужчин увеличилась с 6,7 до 8,7%, тогда как среди женщин не изменилась и составила 5,2%. В то же время уступая мужчинам первенство в сфере занятости на частных предприятиях и предприятиях смешанной

формы собственности, женщины чаще занимают хуже оплачиваемые рабочие места в государственном секторе. В 2012 г. доля женщин, получающих доход от работы на государственных предприятиях, превышала аналогичную долю мужчин на 4,9 процентных пункта (37,2% против 32,3%). Это немного меньше, чем 6,4 процентных пункта в 2011 г. (36,5% против 30,1%).

В 2012 г. средний размер дохода женщин составлял около 69,3% от среднего дохода, получаемого мужчинами. И это лишь немного меньше, чем 70,6% в 2011 г., и немного больше, чем 69% в 2010 г. В предкризисные годы соотношение доходов от трудовой деятельности мужчин и женщин составляло около 65–67%, т. е. отставание женщин от мужчин по величине среднего дохода было еще больше. В 2012 г., как, впрочем, и в предыдущие годы, наименее существенной была разница между заработками мужчин и женщин в частном секторе. Так, средний доход от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности у женщин составлял 72,6% (2011 г. — 74,5%) от аналогичного дохода мужчин, тогда как в государственном секторе это соотношение составляло только 66,1% (2011 г. — 67%), а в неформальном секторе — 69% (2011 г. — 67,4%).

Приведенные данные подтверждают наличие серьезных проблем в обеспечении гендерного равенства в России. Согласно данным Всемирного экономического форума, в 2012 г. по уровню равноправия полов Россия занимала 59-е место среди 135 обследованных стран. Учитывалось участие женщин разных стран в экономике, доступ к образованию, их здоровье и политические права. Главными проблемами современной России признаны: низкое участие женщин в экономике (39-е место) и политике (90-е место), а также низкая оплата труда (89-е место).

Пенсии и невыплаты пенсий

В 2012 г. был отмечен очередной рост пенсий, который затронул как получающих пенсии мужчин, так и женщин. О величине этого роста дают представление данные RLMS-HSE по среднему размеру пенсий и по масштабу невыплат пенсий мужчинам и женщинам, начиная с декабря 1993 г., которые представлены на рисунке 21. Так, с 2011 по 2012 г. средний размер пенсии для мужчин увеличился на 3,3%, тогда как для женщин только на 2,6%. И это были одни из самых медленных темпов повышения пенсий за последние годы: почти вдвое меньше, чем в период с 2010 по 2011 г., когда средний размер пенсии для мужчин увеличился на 6,2%, а для женщин — на 4,3%, и на порядок меньше, чем в период с 2009 по 2010 г., когда этот рост составил соответственно 29 и 30%.

В 2012 г. было отмечено также новое, хотя и небольшое (на 0,6 процентных пункта) увеличение показателя, характеризующего отставание среднего размера пенсий для женщин от среднего размера пенсий для мужчин. Если в 2011 г. средний размер пенсии для женщин составлял 85,7% от среднего размера пенсии для мужчин, то в 2012 г. — 85,1%. В целом с 2010 по 2012 г. это снижение составило 2,2 процентных пункта. Хотя до этого в течение четырех лет (с 2006 по 2010 г.) наблюдалось сокращение разрыва между средними размерами пенсий, получаемых мужчинами и женщинами. Если в 2006 г. средний размер пенсии для женщин составлял 78,2% от среднего размера пенсии для мужчин, то в 2007 г. — уже 82,9%, в 2008 г. — 84,4%, в 2009 г. — 86,7%, а в 2010 г. — 87,3%.

Кроме того, в ходе анализа данных исследования было выявлено некоторое увеличение разрыва между средними размерами дохода и средними размерами пенсий, получаемых мужчинами и женщинами. Так, с 2007 по 2010 г. отношение среднего размера пенсии к среднему размеру дохода лиц трудоспособного возраста выросло у мужчин с 34,8 до 55,1%, т. е. на 20,3 процентных пункта, тогда как у женщин — с 37,4 до 67,1%, т. е. на 29,7 процентных пункта. Однако в 2011 и в 2012 гг. была отмечена противоположная динамика: отношение среднего размера пенсии к среднему размеру дохода лиц трудоспособного возраста за два года сократилось у мужчин до 51,4%; а у женщин — до 63,1%.

Рисунок 21. Доля пожилых людей, не получивших пенсию за последний месяц, и средний размер ежемесячной пенсии для получающих пенсию, 1993–2012 гг.

Проблема задержек выплат пенсий была исключительно актуальна только в 1996 г., когда более трети российских пенсионеров не получили пенсии за месяц, предшествующий опросу RLMS-HSE. Но начиная с 2000 г. такой проблемы практически не существует. Редкие случаи задержек пенсионных выплат не являются массовыми и объясняются причинами случайного характера. В 2012 г. заявляли о несвоевременной выплате пенсий всего лишь 1,9% пенсионеров-мужчин и 2,5% пенсионеров-женщин. Примерно такими же низкими эти показатели были и во все предыдущие годы, начиная с 2000 г., когда о несвоевременной выплате пенсий заявляли только 2,9% пенсионеров-мужчин и 2,5% пенсионеров-женщин.

Задолженность по квартплате и оплате коммунальных услуг

В таблице 15 представлены данные о распределении домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам, за 1995–2012 гг. Данные RLMS-HSE показывают существенный рост платы за жилье и коммунальные услуги в постсоветской России, в том числе в 2000-х гг., который, однако, в последние годы заметно снизился. Так, средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги в 2006 г. выросла на 16%, в 2007 г. — на 7,3%, в 2008 г. — на 12,7%, в 2009 г. — на 7,5%, а в 2010 г. — на 24,7%. Вместе с тем в 2011 г. было выявлено сокращение средней суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги на 1,4%, а в 2012 г. ее небольшое увеличение на 1,9%.

Таблица 15

**Распределение домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате
и/или коммунальным услугам, 1995–2012 гг., в руб. 2012 г.**

Категория домохозяйства	Все домохозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
1995					
Процент домохозяйств-должников	22,0	25,2	30,6	7,6	13,4
Сумма задолженности (если есть)	1790	1934	1873	864	669
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги [*]	967	1135	958	633	582
1998					
Процент домохозяйств-должников	37,5	43,1	43,4	19,6	24,9
Сумма задолженности (если есть)	3495	4011	3349	1494	969
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги [*]	990	-1240	967	596	520
2004					
Процент домохозяйств-должников	16,3	19,3	23,8	3,7	7,2
Сумма задолженности (если есть)	7719	8482	7595	1277	2365
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги [*]	1962	2370	1966	1313	1073
2011					
Процент домохозяйств-должников	8,1	10,1	13,1	1,2	2,9
Сумма задолженности (если есть)	12 127	12 752	12 023	3624	7492
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги [*]	3211	3646	3385	2572	2294
2012					
Процент домохозяйств-должников	7,9	10,0	10,9	2,7	2,6
Сумма задолженности (если есть)	12 617	13 848	11 620	3585	8375
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги [*]	3271	3688	3585	2604	2365

*Если нет задолженности.

Самые высокие расходы на оплату жилья и коммунальных услуг обычно несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, тогда как самые низкие — домохозяйства, которые возглавляют женщины, перешагнувшие пенсионный рубеж. В 2012 г. средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста превышала соответствующую сумму месячной платы домохозяйств, которые возглавляли женщины трудоспособного возраста, примерно на 3%, тогда как среднюю сумму месячной платы за жилье и коммунальные услуги домохозяйств во главе с мужчинами пенсионного возраста или женщинами пенсионного возраста — соответственно на 42 и 56%. Примечательно, что с 2011 по 2012 г. эти траты у домохозяйств во главе с мужчиной трудоспособного возраста и во главе с мужчиной пенсионного возраста увеличились в каждом случае на 1,1%, тогда как аналогичные траты домохозяйств, которые возглавляли женщины трудоспособного возраста или женщины пенсионного возраста, — соответственно на 5,9 и 3,1%.

Хорошо заметно также дальнейшее снижение доли домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам. С 2011 по 2012 г. удельный вес домохозяйств-должников уменьшился с 8,1 до 7,9%. При этом сумма задолженности по квартплате и/или коммунальным услугам за этот же период увеличилась на 4%, хотя в предыдущем году было отмечено ее сокращение на 3,3%. Этому сокращению, в свою очередь, предшествовало увеличение суммы задолженности в 2009 г. по сравнению с 2008 г. почти на треть, а именно — на 32,6%, а в 2010 г. — еще на 4,3%.

Как и прежде, домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста являются должниками гораздо чаще, чем домохозяйства, во главе которых находились мужчины или женщины пенсионного возраста. В 2012 г. доля должников среди домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста составляла 10%, среди домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста — 10,9%, тогда как среди домохозяйств, возглавляемых мужчинами-пенсионерами — только 2,7%, а среди домохозяйств во главе женщинами-пенсионерами — всего лишь 2,6%. В 2012 г. по сравнению с 2011 г. в данном случае никаких существенных изменений выявлено не было. Самые высокие суммы задолженности по квартплате и коммунальным услугам в 2012 г. были у домохозяйств, которые возглавляют мужчины трудоспособного возраста. Причем в последние годы их задолженности неизменно оказывались выше задолженностей домохозяйств, возглавляемых женщинами трудоспособного возраста. Представляет интерес также тот факт, что в течение нескольких последних лет суммы задолженностей домохозяйств во главе с женщинами пенсионного возраста существенно превосходили суммы задолженностей домохозяйств, которые возглавляют мужчины пенсионного возраста. Например, в 2011 г. эта разница достигала двух раз, а в 2012 г. — почти двух с половиной раз.

Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

В 2012 г. настроения россиян были подвержены влиянию не только разнообразных, но и весьма противоречивых факторов. С одной стороны, многие граждане находились в ожидании очередного обострения экономического

кризиса и высокого уровня инфляции, которая хотя и снизилась, но оставалась достаточно ощутимой. Их не покидало ощущение опасности новой волны увольнений в своем регионе и роста безработицы в стране. Оценки экономической и политической ситуации в России оставались низкими, коррупции и бюрократизма — очень высокими, а перспективы дальнейшего развития были неясными. С другой стороны, наблюдался рост доходов населения, в основе которого лежало повышение зарплат, пенсий и других государственных трансфертных платежей. Люди стали больше покупать и отдыхать, стараясь восполнить пробелы, образовавшиеся в период острой фазы экономического кризиса. Сказывалось также привыкание людей к трудностям кризисной ситуации, приобретенное за долгие годы переходного периода.

Но, невзирая на столь сложные, трудно совместимые обстоятельства, результаты мониторинга демонстрировали в 2012 г. новое повышение уровня социального самочувствия населения, о чем свидетельствовали рост удовлетворенности россиян своей жизнью, укрепление социального оптимизма, улучшение оценок материального положения семей, личных и семейных жизненных перспектив.

Как следует из данных, представленных в таблице 16, уровень удовлетворенности россиян своей жизнью в целом, выявленный в 2012 г., достиг исторического максимума, существенно превысив показатель предыдущего года. Если в 2011 г. доля респондентов, в той или иной степени удовлетворенных своей жизнью, составляла 49,2%, то в 2012 г. она выросла до 52,6%, т. е. на 3,4 процентных пункта. В то же время доля тех респондентов, которые были недовольны своей жизнью, за этот же период сократилась с 28,3 до 24,7%, т. е. на 3,6 процентных пункта. Превышение удельного веса граждан, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью, над долей тех, кто не доволен условиями жизни, своим существованием, выросло с 1,7 раза в 2011 г. до 2,1 раза в 2012 г. Привлекает внимание и тот интересный факт, что доля респондентов, занимающих промежуточную позицию («и да, и нет»), в последние годы меняется незначительно. Если в 2011 г. по сравнению с 2010 г. она сократилась с 22,9 до 21,6%, то в 2012 г. вновь выросла до 22,1%.

Таблица 16

Удовлетворенность россиян своей жизнью в целом, 1994–2012 гг., %

Оценка	Год проведения исследования										
	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2011	2012
Полностью удовлетворены	3,6	2,6	2,2	3,8	6,9	5,2	6,5	6,3	8,9	8,3	9,1
Скорее удовлетворены	10,8	9,3	9,7	13,8	26,7	30,3	29,6	35,9	37,5	40,9	43,5
И да, и нет	20,5	19,9	18,0	22,1	23,9	24,1	23,5	22,1	22,9	21,6	22,1
Не очень удовлетворены	40,2	36,6	33,4	36,6	30,6	28,8	27,7	24,5	21,7	20,7	18,6
Совсем не удовлетворены	23,6	30,6	35,9	22,7	11,5	11,1	12,2	10,5	8,2	7,6	6,1
Затруднились ответить	1,3	1,0	0,8	1,0	0,4	0,5	0,5	0,7	0,8	0,9	0,6

Итак, начиная с 2000 по 2012 г., несмотря на трудности финансово-экономического кризиса и его негативные последствия, доля россиян, удовлетворенных своей жизнью в целом, выросла почти в 3 раза — с 17,6 до 52,6%, в то время как удельный вес граждан, испытывающих противоположные настроения, сократился приблизительно в 2,5 раза — с 59,3 до 24,7%. Причем наиболее высокие темпы роста оптимистических настроений были отмечены в самые последние годы.

В ходе дальнейшего анализа было установлено, что за последний год несколько повысился разрыв в уровне удовлетворенности жизнью между мужчинами и женщинами. Так, в 2012 г. доля лиц, в большей или меньшей степени довольных своей жизнью, выросла среди мужчин до 55,4%, тогда как среди женщин сократилась до 50,6% (не удовлетворены в той или иной степени соответственно 22,5 и 26,3%). Что касается анализа данных по возрастному срезу, то можно отметить, что более высоким уровнем удовлетворенности собственной жизнью отличались только жители поселков городского типа (удовлетворены — 61,6%, не удовлетворены — 18,7%), а в остальном никаких серьезных различий выявлено не было. Лица с высшим образованием и имеющие ученую степень были настроены более оптимистично, чем менее образованные граждане. В 2012 г. доля граждан, в той или иной степени удовлетворенных своей жизнью, среди них составляла 64,1% (не удовлетворены — 20,5%), тогда как среди респондентов со средним техническим образованием — 52,2% (не удовлетворены — 24,7%); со средним специальным образованием — 45,3% (не удовлетворены — 29,8%); с общим средним образованием — 51,5% (не удовлетворены — 25,8%).

Как и ранее, люди молодого возраста были менее критичны в своих оценках, чем пожилые люди. Особенно высокий уровень удовлетворенности своей нынешней жизнью был отмечен у студентов вузов, техникумов и им подобных образовательных учреждений. Если в 2011 г. доля лиц, довольных своей жизнью, среди них составляла 66,7%, то в 2012 г. она выросла до 72%, тогда как удельный вес лиц, испытывающих противоположные настроения, сократился за последний год с 16,2 до 10,4%. Примерно таким же был в 2012 г. уровень удовлетворенности своей жизнью у учащихся старших классов общеобразовательных учреждений и учащихся профессионально-технических училищ (удовлетворены — 70,3%, не удовлетворены — 10,4%).

В то время одни из самых низких показателей удовлетворенности собственной жизнью оставались у неработающих пенсионеров. Хотя при этом нельзя не заметить, что удельный вес лиц, довольных своей жизнью, среди них вырос с 39,8% в 2011 г. до 41,9% в 2012 г., тогда как доля лиц, не удовлетворенных своей жизнью, сократилась с 39,1 до 35,8%. Не явилось неожиданным существенное преобладание по уровню социального оптимизма работающих пенсионеров, располагающих более высокими доходами и имеющих довольно высокую степень защищенности от различных экономических потрясений и кризисов, над неработающими. Так, в 2012 г. среди трудоустроенных пенсионеров доля лиц, удовлетворенных своей нынешней жизнью, достигла 55,6%, что на 13,7 процентных пункта больше, чем среди неработающих пенсионеров (не удовлетворены — 20,8%).

Характерно, что среди всех респондентов, получающих пенсию, доля лиц, которых в той или иной степени устраивает собственная жизнь, составила только 44,9% (не удовлетворены — 32,3%). Причем самый низкий уровень удовлетворенности отмечался у получающих трудовую пенсию по инвалидности — 33,1% (не удовлетворены — 44,1%); социальную пенсию по старости, по

возрасту, т. е. не имеющих трудового стажа или со стажем менее 5 лет — 40,2% (не удовлетворены — 34,5%); трудовую пенсию по старости, по возрасту, включая досрочные пенсии по старости за работу в особых условиях труда или в районах крайнего Севера — 45,5% (не удовлетворены — 31,6%); пенсию по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению (инвалид — участник Великой Отечественной войны или из-за военной травмы или заболевания, полученного на военной службе) — 48,3% (не удовлетворены — 37,9%). В то же время среди респондентов, получающих пенсию по старости по государственному пенсионному обеспечению, назначаемую гражданам, пострадавшим в результате чернойбыльской и других катастроф, доля лиц, довольных своей жизнью, составила 55,1% (не удовлетворены — 23,6%), а среди получающих военную пенсию — 57,1% (не удовлетворены — 19,8%).

Более состоятельные граждане оценивали обстоятельства своей жизни намного позитивнее, чем менее состоятельные. Особенно много таких людей было среди предпринимателей, отличающихся довольно высоким уровнем жизни и обладающих развитым адаптационным потенциалом. Но при этом нельзя не заметить, что если в подавляющем большинстве других случаев наблюдался рост оптимистических настроений, то у предпринимателей уровень удовлетворенности собственной жизнью практически не изменился. Так, с 2011 по 2012 г. доля лиц, которых в той или иной мере устраивает собственная жизнь, среди них уменьшилась на 2,6 процентных пункта (с 66,8 до 64,2%), а удельный вес респондентов, подверженных противоположным настроениям, сократился на 1,1 процентных пункта (с 16,4 до 15,3%). Заметим также, что среди респондентов, которые пытались организовать свое собственное предприятие, начать свое дело, и им это удалось, удельный вес лиц, удовлетворенных своей жизнью, составил 60,2% против 51,5% среди тех, кто не пытался этого делать. Но менее других были довольны своей нынешней жизнью те респонденты, которые пытались организовать собственное предприятие, создать свое дело, но потерпели неудачу (удовлетворены в той или иной степени — 48%).

К наиболее значимым факторам, заметно снижающим уровень удовлетворенности граждан жизнью, которую они ведут в настоящее время, как и прежде, относится бедность и нищета. В эту категорию особенно часто попадают люди, у которых отсутствует возможность работать по состоянию здоровья. Среди таких респондентов удельный вес лиц, которых устраивает их собственная жизнь, в 2012 г. составил всего лишь 22,4%, тогда как доля тех, кого она не устраивает, — почти в 2,5 раза больше, а именно — 53,7%. Низким оказался также уровень удовлетворенности своей нынешней жизнью у респондентов, которые вынуждены временно не работать по другим важным причинам, но которые не опускают руки и активно ищут новую работу (удовлетворены — 31,2%, не удовлетворены — 46,6%). Совершенно по-иному чувствуют себя неработающие женщины, находящиеся в официальном отпуске по уходу за ребенком до 3-х лет с сохранением рабочего места (удовлетворены — 62,2%, не удовлетворены — 18,7%); находящиеся в декретном отпуске (соответственно 61 и 14,3%); домохозяйки, ухаживающие за другими членами семьи, воспитывающие детей (соответственно 51,9 и 25,6%).

Респонденты, удовлетворенные своей жизнью, немного чаще встречаются среди работников, занятых на предприятиях и в организациях (удовлетворены — 57%, не удовлетворены — 19%), чем среди тех, кто работает вне сектора организованной занятости (соответственно 53,5 и 22,7%). Но особенно велика

разница в уровне удовлетворенности своей жизнью между работниками, которые оформлены на своей работе официально, т. е. по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту и т. д., и работающими без каких-либо формальных оснований. При этом с 2011 по 2012 г. доля лиц, испытывающих позитивные настроения от своей нынешней жизни, среди работников, занятых официально, увеличилась с 54,3 до 58,5%, т. е. только на 4,2 процентных пункта (доля тех, кто был не доволен жизнью, среди них сократилась с 22,2 до 18%), тогда как среди не оформленных официально — с 36,4 до 43,4%, т. е. на 7 процентных пунктов (в отношении лиц, неудовлетворенных собственной жизнью, наблюдалось сокращение с 36,4 до 28,7%).

Уровень удовлетворенности собственной жизнью тем выше, чем выше социально-профессиональный статус респондентов. Причем с 2011 по 2012 г. доля лиц, в большей или меньшей степени довольных своей нынешней жизнью, увеличилась среди руководителей (представителей) органов власти и управления всех уровней, т. е. среди законодателей, крупных чиновников, руководителей, управленцев разного уровня, лишь с 68 до 68,8%; тогда как среди специалистов высшей квалификации — с 61 до 65,3%; специалистов средней квалификации — с 58 до 59,5%; служащих офисных и по обслуживанию клиентов, т. е. служащих, занятых подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием, — с 50,5 до 54,9%; работников сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства и торговли — с 50,6 до 52,9%; квалифицированных рабочих промышленности, транспорта и строительства — с 51 до 57,1%, а среди неквалифицированных рабочих — с 40 до 45,9%.

Как и следовало ожидать, чаще всего выражали оптимистические настроения по этому поводу работники нефтегазовой промышленности (удовлетворены в большей или меньшей степени — 70,5%), военнослужащие Вооруженных сил, сотрудники МВД, органов безопасности и т. п. (66,7%), труженики сферы финансов и страхования (62,4%), специалисты органов управления (60,2%). Что касается наименьших значений степени удовлетворенности собственной жизнью, то они были зафиксированы у работников жилищно-коммунального хозяйства (52,6%), торговли (53,1%), легкой и пищевой промышленности (53,7%).

Таким образом, рост оптимистических настроений, наблюдавшийся в течение 2012 г., затронул большинство групп и слоев населения. Несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране, неопределенность перспектив социально-экономического развития и трудности собственного существования, свыше половины россиян были в большей или меньшей степени удовлетворены своей жизнью, что вдвое превысило удельный вес граждан, испытывающих адаптационные затруднения и подверженных в связи с этим негативным настроениям.

Важнейшим фактором роста оптимистических настроений населения явилось улучшение материального положения граждан, обусловленное ростом их доходов. Как следует из рисунка 22¹, в 2012 г. доля респондентов, которых в той или иной степени устраивает их материальное положение, хотя и оставалась относительно небольшой, но выросла в сравнении с 2011 г. на 2 процентных пункта (с 24,7 до 26,7%). В то же время доля лиц, не удовлетворенных материальной стороной своей жизни, сократилась на 2,8 процентных пункта (с 56,9 до 54,1%).

¹ Вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» задавался с 2000 г.

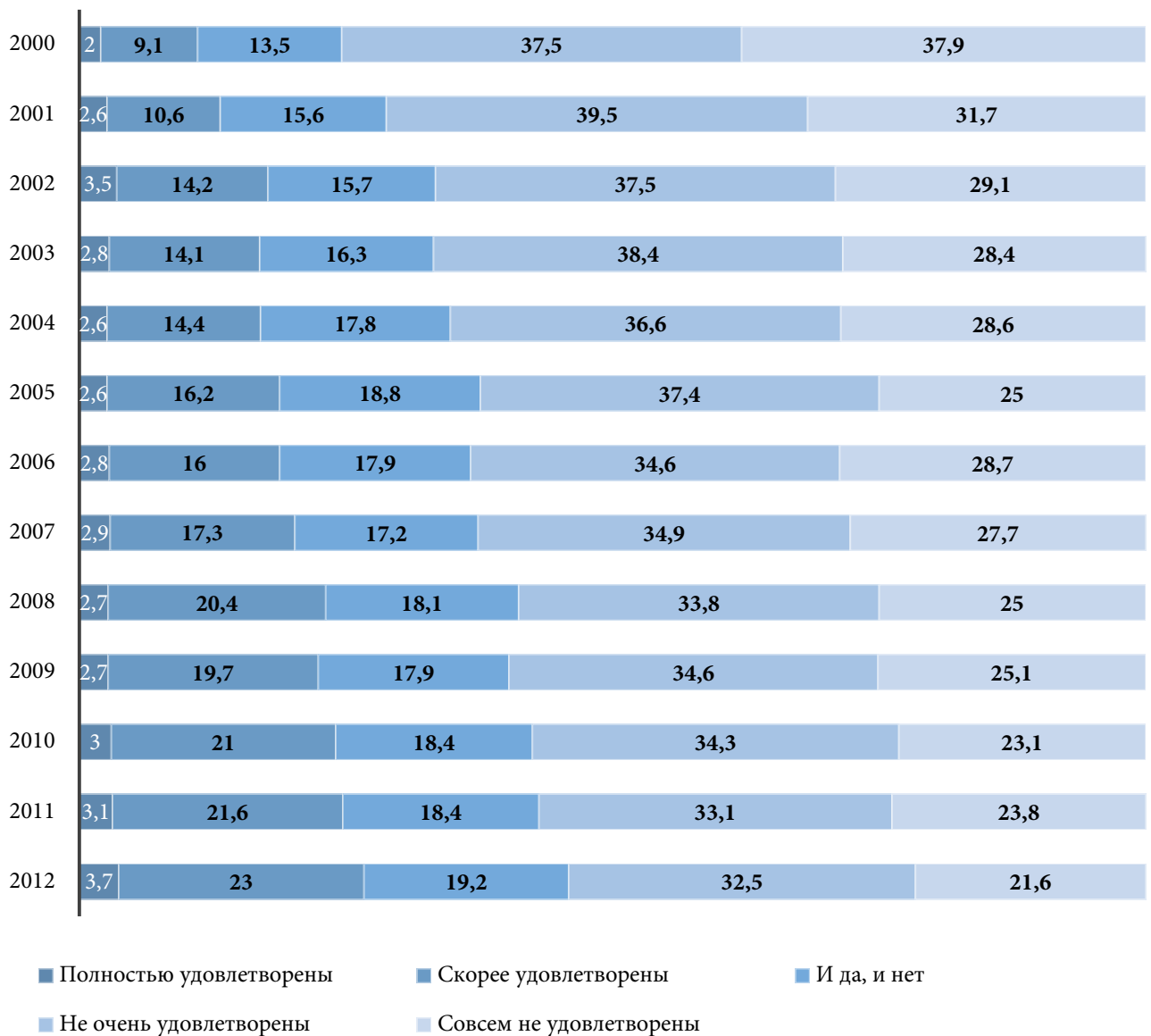

Рисунок 22. Удовлетворенность своим материальным положением, 2000–2012 гг., %

В целом за 2009–2012 гг. удельный вес респондентов, удовлетворенных собственным материальным положением, увеличился на 4,3 процентных пункта, тогда как доля тех, кто был не доволен материальной стороной своей жизни, сократилась на 5,6 процентных пункта. В результате этих сдвигов удовлетворенность населения своим материальным положением достигла самого высокого уровня, начиная с 2000 г. Хотя при этом нельзя пройти мимо того важного факта, что превышение позитивных оценок над отрицательными продолжало оставаться огромным, достигающим более 2-х раз.

Обращает на себя внимание также дальнейшее увеличение удельного веса граждан, указывающих на улучшение материального положения своих семей в течение последнего года. Как следует из данных мониторинга, представленных на рисунке 23¹, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. доля таких респондентов выросла на 2,1 процентных пункта (с 24,2 до 26,3%), в то время как удельный вес тех, кто не заметил каких-либо перемен, сократился на символические 0,3 процентных пункта (с 59,1 до 58,2%), а доля заметивших ухудшение материальных условий жизни

¹ Вопрос «Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение вашей семьи за последние 12 месяцев?» задавался с 2001 г.

своей семьи снизилась на 1,2 процентных пункта (с 16,7 до 15,5%). Несмотря на улучшение этих оценок, которое наблюдалось на протяжении последних трех лет, в 2012 г. доля респондентов, ощущающих позитивные перемены в материальном положении своих семей, оставалась все же на 2 процентных пункта ниже максимального значения, зафиксированного в докризисном 2008 г.

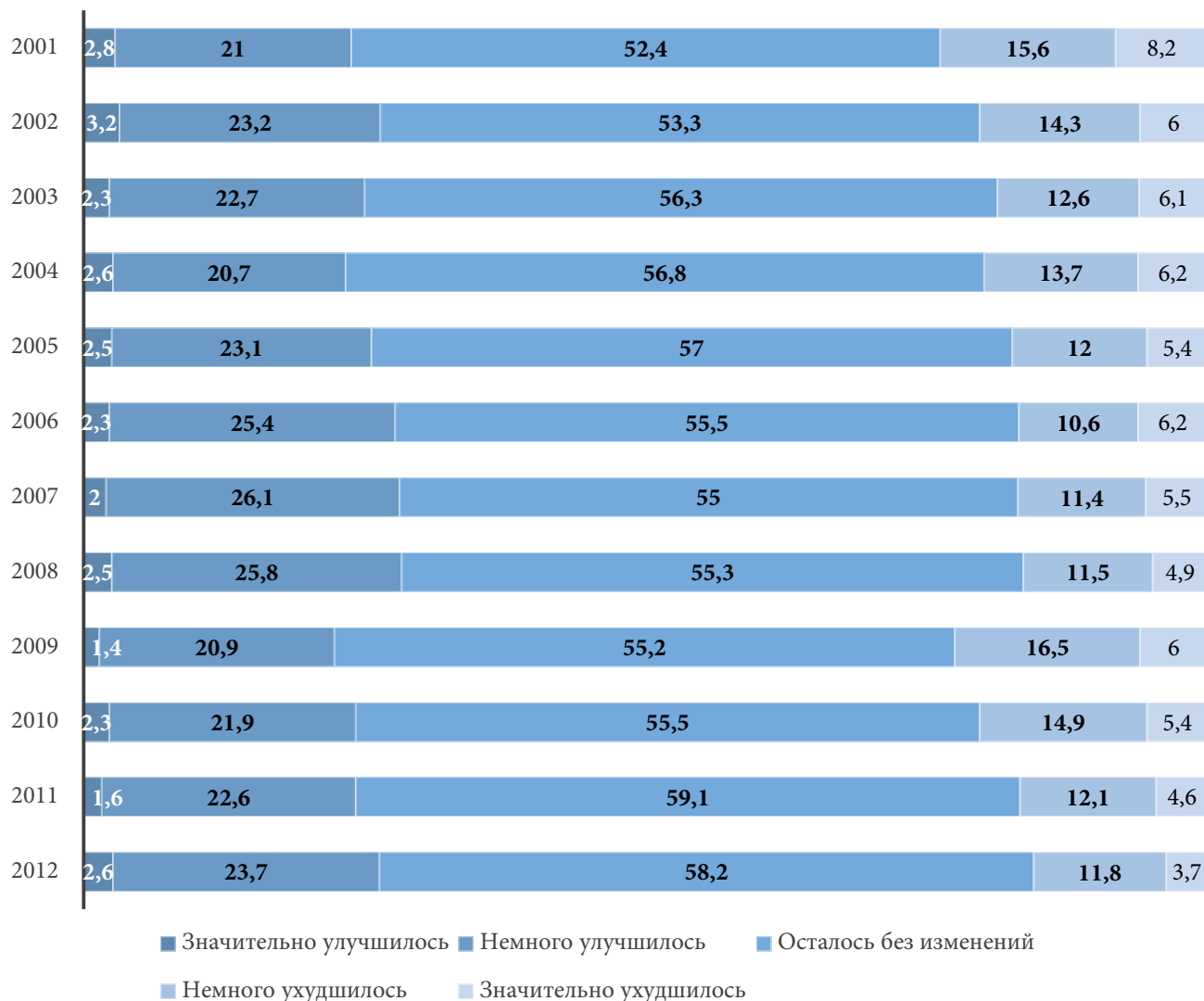

Рисунок 23. Оценка изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев, 2001–2012 гг., %

Приращение удельного веса лиц, указывающих на улучшение материального положения, произошло в основном за счет респондентов молодого возраста, отличающихся повышенным оптимизмом. Солидную часть этих респондентов составляли выпускники высших и средних специальных учебных заведений, недавно приступившие к полноценной трудовой деятельности, которые были сосредоточены в крупных городах, поглощающих основную массу молодых специалистов. Респонденты, проживающие в депрессивной глубинке, практически не заметили улучшения материального положения.

Интересно, что среди тех респондентов, которые обратили внимание на улучшение материального положения своих семей в 2012 г., далеко не все удовлетворены своим нынешним материальным положением. На это указали только 45,7% респондентов данной группы, тогда как 31,5% остались недовольными материальной стороной своей жизни, а 22,8% – указали, что

новое материальное положение устраивает их только частично (и да, и нет). Представляет также интерес то, насколько позитивно или негативно ощущают себя в материальном плане респонденты, которые не заметили изменений в материальном положении своих семей. Как показал анализ, только 23,1% из них были полностью или скорее удовлетворены своим нынешним материальным положением, в то время как 56,5% выразили недовольство по этому поводу, а 20,6% ответили уклончиво «и да, и нет». Что касается тех респондентов, которые указали на ухудшение материального положения своих семей, то подавляющее большинство из них, а именно — 82,2%, не довольны материальными условиями своей жизни; 10,8% довольны частично (и да, и нет) и только 7% указали, что даже несмотря на ухудшение материального положения своей семьи, полностью или в основном удовлетворены своим нынешним материальным положением.

Наряду с повышением уровня удовлетворенности респондентов своим материальным положением выросли и оценки возможности приобретения дорогостоящих предметов длительного пользования и услуг (см. рис. 24). Так, доля респондентов (из тех, к кому это относится), которые способны оплачивать дополнительные занятия своих детей в музыкальных школах, спортивных секциях, изостудиях, кружках и т. п., увеличилась с 54,8% в 2011 г. до 61,1% в 2012 г., т. е. на 6,3 процентных пункта. А если сравнивать с 2005 г., то этот рост достигает 10 процентных пунктов.

Возросло также количество людей, которые способны откладывать деньги на крупные покупки, такие как легковой автомобиль, дача, мебель и другие дорогостоящие предметы культурного и бытового назначения: с 15,2% в 2005 и 2011 гг. до 18,3% в 2012 г., т. е. на 3,1 процентных пункта. Небольшое увеличение коснулось и людей, которые могут улучшить свои жилищные условия, т. е. купить квартиру, комнату, дом (часть дома), коттедж. Их доля сначала сократилась с 7,1% в 2005 г. до 6,8% в 2011 г., но уже в 2012 г. выросла до 8,4%. Однако наиболее впечатляюще выглядит последовательный и весьма значительный, а именно — более чем трехкратный, рост удельного веса респондентов, которые имеют возможность провести всей семьей отпуск за границей: с 5,8% в 2005 г. до 16,5% в 2012 г. Единственной позицией (среди замеряемых мониторингом), по которой не было достигнуто заметное нарастание покупательских возможностей семей, стала оплата учебы детей в вузе.

Самоопределение респондентов в социальном пространстве в рамках мониторинга осуществляется в трех основных измерениях — по шкалам богатства, власти и уважения, которые включали 9 ступеней (от низшей до высшей). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов, точнее, статусных характеристик, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся, но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения.

Основанный на самооценках анализ распределения респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния («бедные» — «богатые») свидетельствует о сокращении удельного веса респондентов, относящих себя к бедным и малообеспеченным слоям населения и одновременное увеличение тех, кто, по собственному же мнению, занимает средние позиции и позиции

верхнего уровня (см. таблицу 17)¹. Так, удельный вес респондентов, располагающихся, по самооценкам, на ступенях нижнего уровня шкалы материального благосостояния, сократился на 1,4 процентных пункта — с 37,1% в 2011 г. до 35,7% в 2012 г. Приблизительно такой же эта доля была в 2010 г., когда она снизилась до минимального значения за все время наблюдений — до 35,5%. В то же время удельный вес респондентов, занимающих ступени среднего уровня, увеличился с 57,9 до 58,8%, и занимающих ступени верхнего уровня — с 5 до 5,5%. После этого увеличения доля респондентов, располагающихся на ступенях среднего уровня шкалы материального благосостояния, все равно оставалась меньше максимального значения, зафиксированного в 2010 г., когда она достигала 60,2%.

Рисунок 24. Оценка возможности приобретения дорогостоящих предметов и услуг, 2005–2012 гг., в % к тем, к кому это относится

¹ В таблице представлены ответы респондентов на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой — богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?». В ходе анализа полученных данных респонденты были распределены не только по ступеням, но и по трем иерархическим уровням материального благосостояния.

Таблица 17

Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния: текущие самооценки, 1994–2012 гг., %

Год	Уровень самоидентификации								
	Нижний уровень шкалы			Средний уровень шкалы			Верхний уровень шкалы		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
1994	12,6	15,4	24,1	22,5	19,4	4,1	1,5	0,3	0,1
1995	14,2	16,6	22,7	20,9	19,3	4,6	1,4	0,3	0,1
1996	14,3	16,1	22,4	20,4	20,4	4,4	1,6	0,3	0,1
1998	16,8	19,0	23,7	19,2	16,7	2,8	1,2	0,4	0,2
2000	10,4	14,4	22,6	20,3	22,9	6,5	2,3	0,4	0,2
2001	6,9	11,3	23,1	25,0	23,8	6,5	2,4	0,5	0,3
2002	6,3	12,4	24,0	25,0	23,1	6,2	2,5	0,4	0,1
2003	6,7	13,0	23,5	25,5	21,9	6,0	2,5	0,5	0,5
2004	5,2	11,9	22,3	24,0	24,6	7,0	3,6	1,2	0,2
2005	4,6	12,6	22,6	24,6	23,5	7,2	3,7	1,0	0,2
2006	5,8	11,4	23,2	25,2	23,8	7,0	2,9	0,4	0,3
2007	5,0	12,5	22,4	24,3	23,8	8,2	3,0	0,7	0,1
2008	3,8	10,6	22,1	25,1	25,0	8,5	3,7	0,6	0,6
2009	3,6	10,9	23,6	25,8	24,0	8,1	3,3	0,5	0,2
2010	3,1	10,4	22,0	27,6	24,2	8,4	3,5	0,7	0,1
2011	4,1	11,1	21,9	24,5	23,7	9,7	4,2	0,7	0,1
2012	3,6	10,1	22,0	23,4	25,5	9,9	4,3	1,0	0,2

Сравнительные данные о распределении респондентов по шкалам материального благосостояния, власти («совсем бесправные» — «те, у кого большая власть») и уважения («совсем не уважают» — «очень уважают»), полученные в 2012 г., представлены на рисунке 25. Анализ этих данных, в сравнении с данными предшествующих опросов, позволяет говорить о повышении соответствующих самооценок. Из представленных данных, в частности, следует, что в 2012 г., как и прежде, респонденты несколько чаще относили себя к людям, обладающим минимальной властью, чем к бедным и малообеспеченным категориям населения — соответственно 41,3 и 35,7%. Но удельный вес этих респондентов по сравнению с 2011 г., когда они составляли соответственно 48 и 37,1%, снизился. Для сравнения также укажем, что в 2010 г. эти показатели составляли соответственно 44,5 и 35,5%. В то же время в среднем и верхнем спектрах «властные» преобладают над «обеспеченными» — соответственно 58% против 52,8% и 6,7% против 5,6%.

Что касается динамики распределения респондентов по ступеням и уровням шкалы уважения, то она демонстрирует еще более существенное повышение самооценок. Так, в 2012 г. всего лишь 4,4% ощущали, что не пользуются уважением у окружающих людей, что лишь немного меньше, чем 5,3% в 2011 г. и 5,2% в 2010 г. Вместе с тем остальные респонденты распределились следующим образом: 44,8% опрошенных заняли ступени среднего спектра и 50,8% ступени верхнего уровня. В предыдущие годы

эти доли были примерно одинаковыми. В 2011 г. немногим менее половины (47,3%) относили себя к достаточно уважаемым людям, т. е. располагались на ступенях среднего спектра шкалы уважения, и 47,4% занимали позиции, которые характерны для наиболее уважаемых людей. В 2010 г. эти показатели составляли соответственно 46,9 и 47,9%.

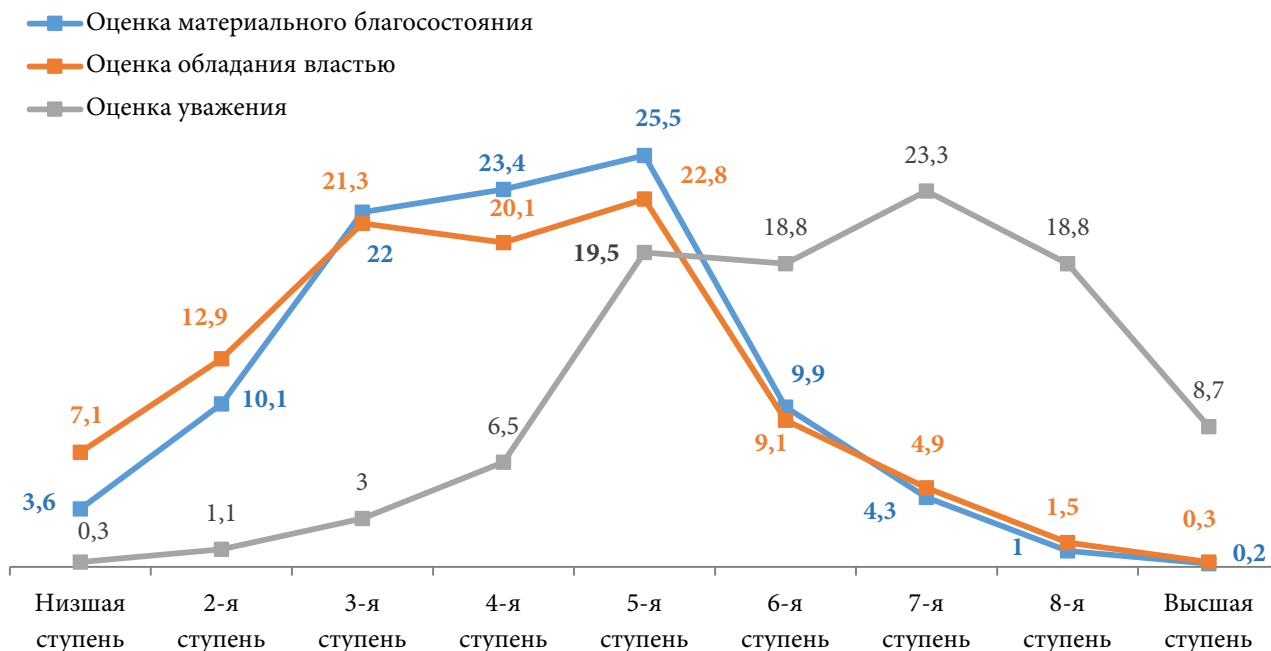

Рисунок 25. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения: текущие самооценки, 2012 г., %

На следующем рисунке 26 представлены данные мониторинга за 2011 и 2012 гг. о распределении респондентов по ступеням шкалы профессионального мастерства («начинающие, ученики» — «профессионалы высокого класса»). Сравнительный анализ указанных данных позволяет говорить лишь о небольшом повышении самооценок, свидетельствующих о совершенно незначительном, минимальном росте профессионального мастерства трудоспособного населения. Так, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. доля респондентов, располагающихся на ступенях верхнего уровня шкалы профессионального мастерства, увеличилась лишь с 49,3 до 50,5%. И в то же время удельный вес респондентов, занимающих ступени среднего уровня шкалы, как и в 2011 г., составил те же 36,5%. В целом значительное большинство респондентов (к кому это имеет отношение) высоко оценивают уровень своей профессиональной квалификации. Только 13% респондентов (2011 г. — 14,2%) считают уровень своего профессионального мастерства низким или очень низким (занимают три нижние ступени).

Как и во все предыдущие годы, значительное большинство россиян не надеются на улучшение своей жизни. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?» Анализ ответов респондентов на данный вопрос показал, что в 2012 г. доля респондентов, которые в течение ближайшего года не ожидают каких-либо изменений в своей жизни или в жизни своих семей, составила 44,2%, что лишь немного меньше, чем 44,6% в 2011 г. (см. таблицу 18). При этом удельный вес респондентов, которые надеются на лучшее, увеличился с 27,2% в 2011 г. до 29,7% в 2012 г., т. е. на 2,5 процентных пункта. Этот рост произошел в основном за счет лиц, затруднившихся ответить на указанный вопрос,

доля которых снизилась с 18,8% в 2011 г. до 16,9% в 2012 г. В то же время доля лиц, негативно оценивающих собственные жизненные перспективы, практически не изменилась и составила 9,2% в 2012 г. против 9,3% в 2011 г.

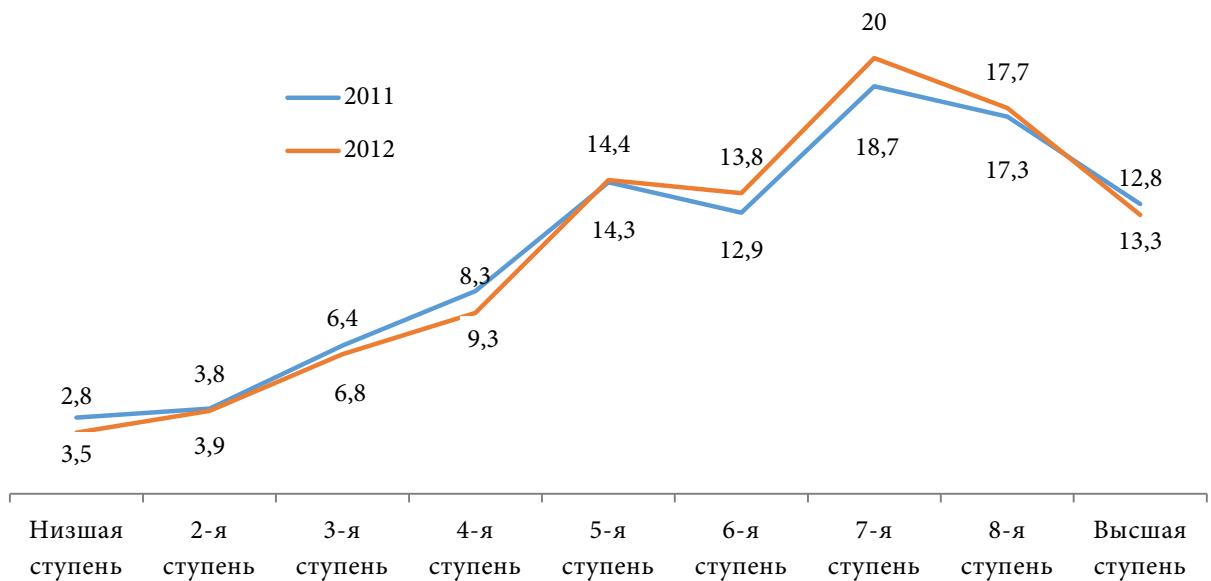

Рисунок 26. Распределение респондентов по ступеням шкалы профессионального мастерства: текущие самооценки (к кому это относится), 2011–2012 г., в %

Более позитивно оценивают жизненные перспективы люди, которые в большей мере удовлетворены своей жизнью, уровнем материального благосостояния своей семьи. Так, если среди респондентов, полагающих, что в следующем году они и их семьи будут жить лучше, доля лиц, довольных своей жизнью, достигала 71,4%, то среди тех, кто негативно оценивает свои жизненные перспективы, таких почти в 3 раза меньше (25,3%). Среди респондентов, которые полагают, что в их жизни ничего не изменится, почти половина (48%) довольна своей жизнью и только каждый четвертый (26,7%) неудовлетворен тем, как складывается его жизнь. Примечательно, что практически так же разделились по уровню удовлетворенности своей жизнью респонденты, которые затруднились дать определенный ответ (соответственно 46,7 и 27,1%).

Таблица 18

Оценка личных и семейных жизненных перспектив, 1994–2012 гг., %

Оценка	Год проведения исследования										
	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2011	2012
Будут жить намного лучше	2,4	1,7	1,5	3,0	3,8	3,6	3,1	3,0	4,0	3,4	4,1
Будут жить немного лучше	14,4	12,3	9,1	15,7	21,6	20,4	22,1	20,5	24,6	23,9	25,6
Ничего не изменится	34,7	37,0	28,3	44,1	46,8	46,0	47,1	41,3	45,3	44,6	44,2
Будут жить немного хуже	20,0	16,7	17,7	11,1	8,3	9,7	5,8	8,9	6,9	6,9	7,0
Будут жить намного хуже	20,8	18,8	25,7	7,7	3,4	4,0	2,5	4,4	2,5	2,4	2,2
Затруднились ответить	7,7	13,5	17,7	18,4	16,1	16,3	19,4	21,9	16,7	18,8	16,9

В 2012 г. лучше других категорий респондентов оценивали личные и семейные жизненные перспективы жители республиканских, краевых и областных центров, тогда как хуже других жители других городов. В 2011 г. ситуация выглядела немного иначе: тогда хуже других оценивали личные и семейные жизненные перспективы сельские жители. Мужчины более оптимистичны в своих оценках жизненных перспектив, чем женщины. Очень четко прослеживается нарастание жизненного оптимизма по мере снижения возраста респондентов. Молодые люди смотрят в будущее с большим оптимизмом, который объясняется возрастными социально-психологическими особенностями, чем реальной оценкой жизненной ситуации. Достаточно позитивный и оптимистический контингент составляют учащиеся общеобразовательных учреждений, которые по анализируемым показателям существенно превосходят учащихся учреждений среднего профессионального образования, острее ощущающих проблемы безработицы, сложности трудоустройства. Но больше всего лиц с оптимизмом оценивающих свои жизненные перспективы среди трудоустроенных респондентов с высшим образованием среднего возраста.

Занятые на предприятиях и в организациях хуже оценивают свои жизненные перспективы, чем занятые вне сектора организованной занятости. В 2012 г. удельный вес лиц, полагающих, что в следующем году они будут жить лучше, среди этих категорий занятых составил соответственно 32,9% против 37%, а доля тех, кто ожидали худшего – соответственно 8,1% против 6,1%. Одной из самых высоких оказалась доля оптимистов среди предпринимателей (50,1% против 5,4% негативно оценивающих жизненные перспективы). Сравнительно высокий уровень оптимистических настроений отмечается у домохозяек (оценивают перспективы позитивно – 38,6%; негативно – 6,8%), а также у женщин, которые находятся в официальном отпуске по уходу за ребенком до 3-х лет с сохранением рабочего места (соответственно 44,1 и 7,1%). На этом фоне крайне низким выглядит уровень оптимистических ожиданий у неработающих пенсионеров (оценивают позитивно – 12,5%; негативно – 14,4%) и лиц, которые не могут работать по состоянию здоровья (соответственно 16,3 и 15,4%).

Практически не изменилась доля респондентов, в той или иной степени обеспокоенных невозможностью обеспечить себя самым необходимым в течение ближайших 12 месяцев: 64,8% в 2012 г. против 65% в 2011 г. (см. таблицу 19). Такой же была эта доля и в 2010 г. (64,8%), тогда как наиболее существенные изменения произошли в предыдущие годы. В целом с 2000 по 2010 г. удельный вес респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных этой проблемой, уменьшился с 72,4 до 64,8%, т. е. на 7,6 процентных пункта, тогда как доля тех, кого эта проблема не беспокоит, увеличилась с 16,9 до 23,4%, т. е. на 6,5 процентных пункта.

Таблица 19

**Обеспокоенность невозможностью обеспечить себя самым необходимым
в ближайшие 12 месяцев, 1994–2012 гг., %**

Оценка	Год проведения исследования										
	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2011	2012
Очень беспокоит	53,6	57,1	64,0	49,6	41,6	40,1	39,2	37,3	32,4	29,7	30,4
Немного беспокоит	22,1	22,3	20,2	22,8	31,0	31,0	31,3	31,5	32,4	35,3	34,4
И да, и нет	7,8	8,5	6,3	10,7	9,1	11,1	11,8	11,0	11,8	12,0	12,1
Не очень беспокоит	11,2	8,2	6,6	11,4	12,6	12,1	12,3	14,4	16,1	15,8	15,5
Совсем не беспокоит	5,3	3,9	2,9	5,5	5,7	5,7	5,4	5,8	7,3	7,2	7,6

Таким образом, в 2012 г. в сравнении с 2011 г. данные мониторинга демонстрировали более уверенный рост социального самочувствия населения России. Об этом убедительно свидетельствовали заметное повышение уровня удовлетворенности россиян своей жизнью в целом, укрепление социального оптимизма, а также некоторое улучшение оценок материального положения семей. Но в то же время, сохраняя определенные надежды на лучшее в следующем году, большинство россиян с тревогой оценивали перспективы своей жизни и готовились к худшему в ожидании очередных кризисных потрясений. Наблюдалась значительная дифференциация населения по уровню удовлетворенности жизнью и степени удовлетворенности материальным положением. Дальнейший рост уровня удовлетворенности россиян своей жизнью и достигнутым уровнем материального положения во многом сдерживается возросшими материальными запросами значительной части граждан.

Проблемы адаптации в сфере занятости и труда

Характерной особенностью настроений самых широких слоев населения постсоветской России является озабоченность проблемами занятости, страх перед безработицей. Пессимизм в отношении решения проблемы занятости, сохраняющийся на протяжении последних двух десятилетий, которые характеризовались экономической и социально-политической нестабильностью и неопределенностью, негативно сказывается на социальном самочувствии огромной части населения и во многом сдерживает рост уверенности российских граждан в завтрашнем дне, ослабляет то чувство социального оптимизма, которое связано с надеждами на собственное будущее, будущее своих детей и других близких людей.

Как следует из анализа данных RLMS-HSE, в 2012 г. проблема безработицы вновь беспокоила значительное число россиян, а для многих она приобрела даже более острый и тревожный характер. Этот вывод основывается, в первую очередь, на анализе ответов респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы можете потерять работу?». Как следует из рисунка 27, в 2012 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных возможностью потери работы, составила 55,8%, что всего лишь на 0,4 процентных пункта меньше, чем в 2011 г. При этом доля лиц, выражающих крайнюю степень беспокойства, увеличилась с 24,5% в 2011 г. до 25,1% в 2012 г. Очень мало изменилась также доля респондентов, для которых проблема безработица никогда не была важной или потеряла свою прежнюю актуальность. Если в 2011 г. их доля составляла 31,6%, то в 2012 г. — 32,1%, т. е. на 0,5 процентных пункта меньше.

В целом вероятность потерять работу волнует россиян сегодня не намного меньше, чем в период ожидания обострения экономического кризиса. С 2008 по 2012 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных возможностью потери рабочего места, сократилась всего лишь на 1,6 процентных пункта (с 57,4 до 55,8%). В 2012 г. уровень обеспокоенности угрозой потери работы был на 3,3 процентных пункта выше, чем в 2004 и 2006 гг., когда доля лиц, выражающих тревогу по поводу возможной потери работы, была минимальной.

Вместе с тем обращает на себя внимание существенный рост в 2012 г. количества россиян, выражающих уверенность в том, что смогут успешно решить проблему трудоустройства в случае потери нынешней работы, о чем свидетельствуют ответы респондентов на следующий вопрос: «Представьте себе не очень

приятную картину: предприятие, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?»

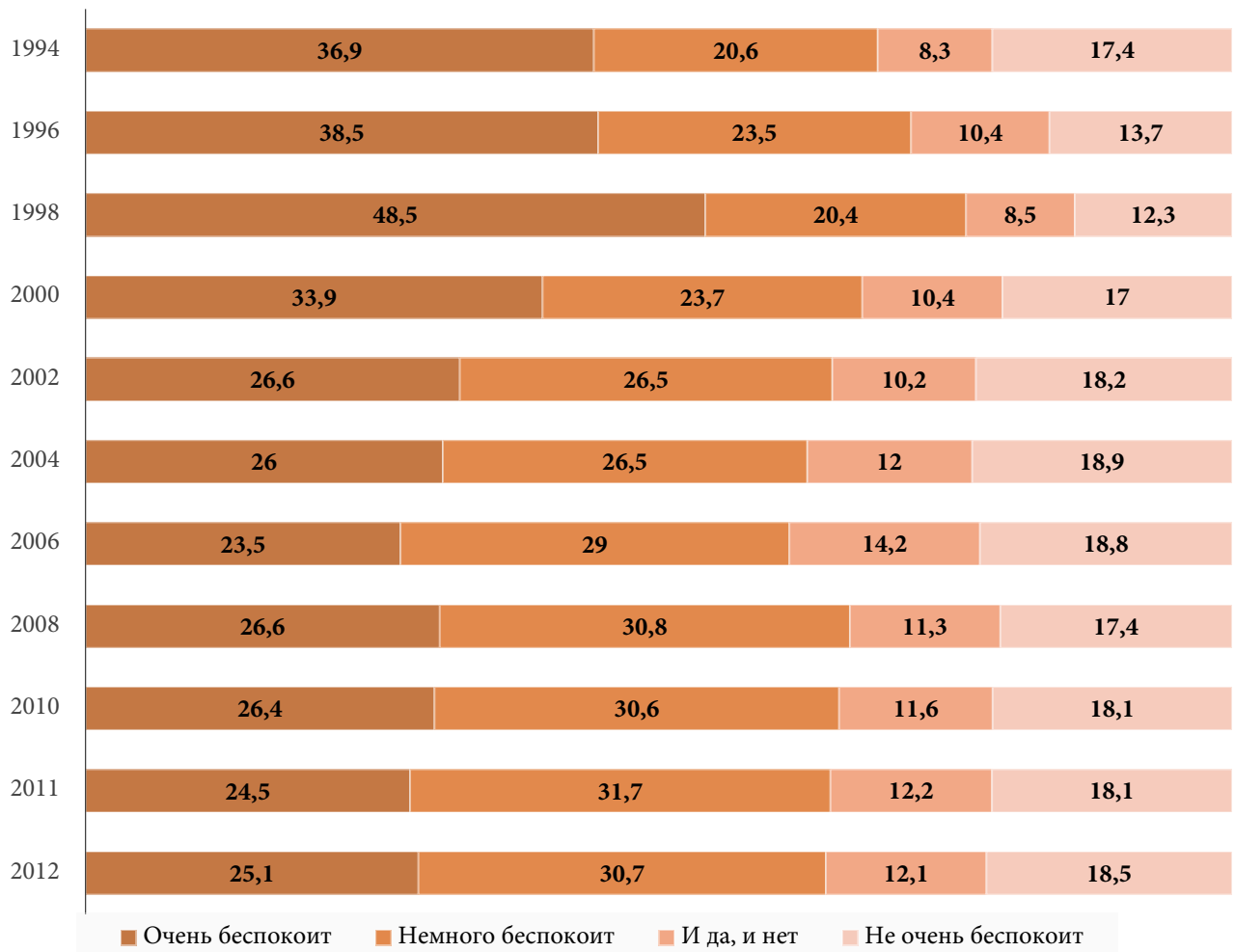

Рисунок 27. Обеспокоенность угрозой потери работы, 1994–2012 гг., %

Из данных мониторинга, представленных на рисунке 28, можно увидеть, что в 2012 г. по сравнению с 2011 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени уверенных в своей способности успешно решить проблему повторного трудоустройства, выросла на 4,8 процентных пункта (с 40,6 до 45,4%). И в то же время удельный вес лиц, не уверенных в своих силах, уменьшился на 4,1 процентных пункта (с 41,4% в 2011 г. до 37,3% в 2012 г.). В целом в 2012 г. уверенность россиян в возможности повторного трудоустройства на условиях не хуже прежних была максимальной за весь постсоветский период, превысив предыдущий максимум, достигнутый в предкризисном 2007 г., когда доля лиц, в той или иной степени уверенных в своих силах, достигала 45%, а доля тех, кто более или менее последовательно выражал неуверенность, была минимальной – 39,2%. Характерно также, что в 2012 г. удельный вес лиц, практически полностью исключających для себя возможность вновь найти новую равноценную работу («совсем не уверены»), сократился с 18,4% в 2011 г. до 15,8% в 2012 г., обозначив новый минимум.

Очевидно, что уверенность в возможности трудоустройства в случае потери рабочего места тем ниже, чем выше обеспокоенность угрозой потери работы. Вместе с тем нельзя не отметить, что хотя многие люди не видели больших рисков потери работы, у них существовала убежденность, что в случае увольнения равноценное место найти будет очень не просто. Среди респондентов, которых проблема безработицы

совершенно не волнует («совсем не беспокоит»), неуверенность по поводу возможности нового трудоустройства выражали 17,8%, а среди тех, кого эта проблема «не очень беспокоит», – 24,4%. Вместе с тем среди тех, кто был «немного» обеспокоен угрозой безработицы, доля лиц, выражающих сомнения в том, что оставшись без работы, им удастся трудоустроиться на новом месте на прежних выгодных условиях, достигала уже 36,7%, а среди выражающих наибольшую тревогу – около 60%.

Существенный рост оптимистических настроений в отношении решения проблемы повторного трудоустройства можно объяснить разными обстоятельствами, но прежде всего повышением адаптационной опытности россиян, которые научились находить выходы из самых трудных ситуаций. Возросло также количество людей, которые умерили свои притязания, добиваясь соответствия между желаемым и действительным. Наконец, сыграло свою роль улучшение ситуации на рынке труда, о чем свидетельствуют результаты мониторинга, раскрывающие главные причины, которые вынуждали респондентов оставлять в 2011 г. свою работу.

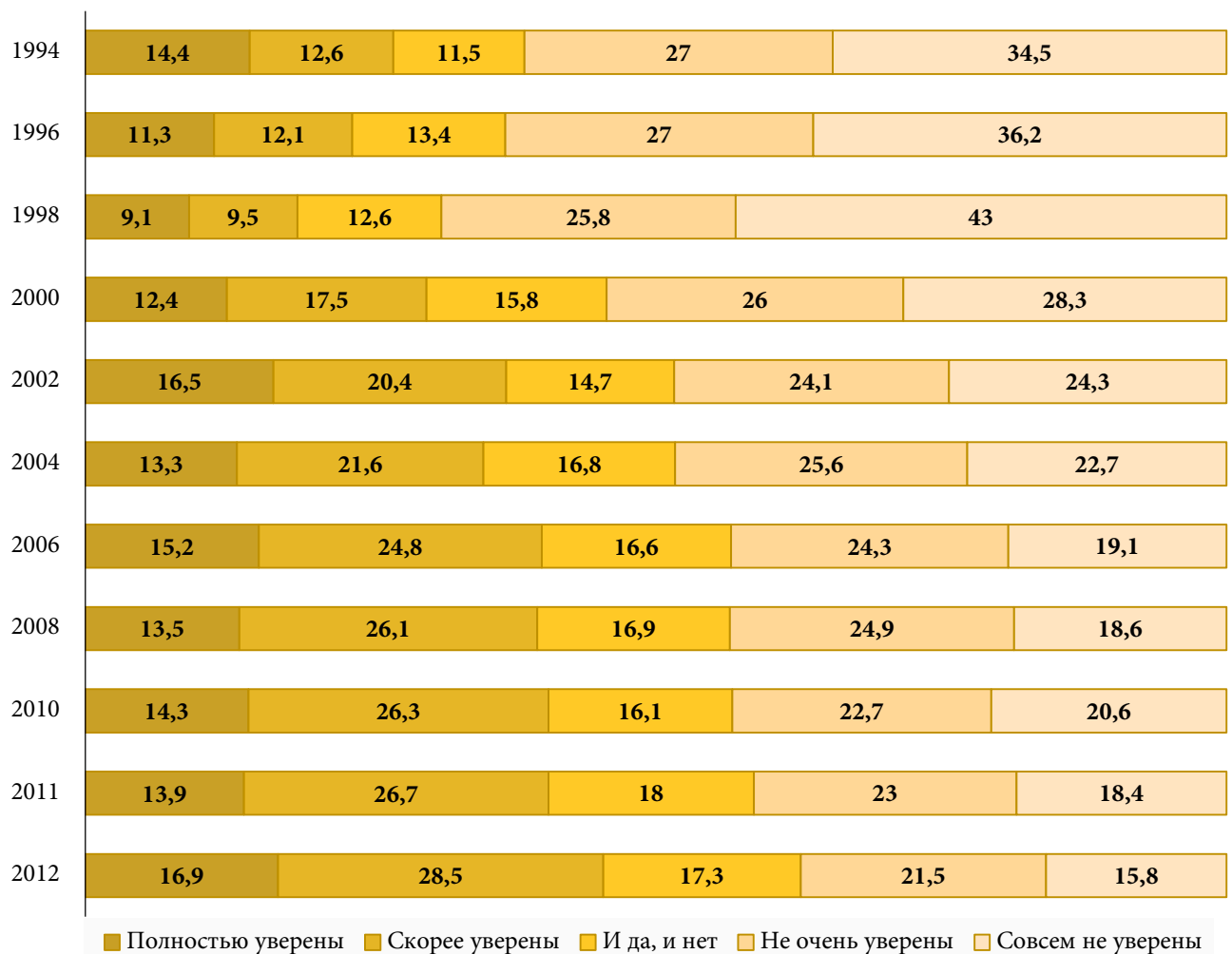

Рисунок 28. Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2012 гг., %

Данные RLMS-HSE об основных причинах увольнений работников в 2011 г., которые были получены в процессе анализа ответов респондентов на два взаимосвязанных вопроса: «В каком году и в каком месяце вы ушли с вашей последней работы, перестали работать?» и «По какой основной причине вы перестали работать на вашей последней работе?», представлены на рисунке 29.

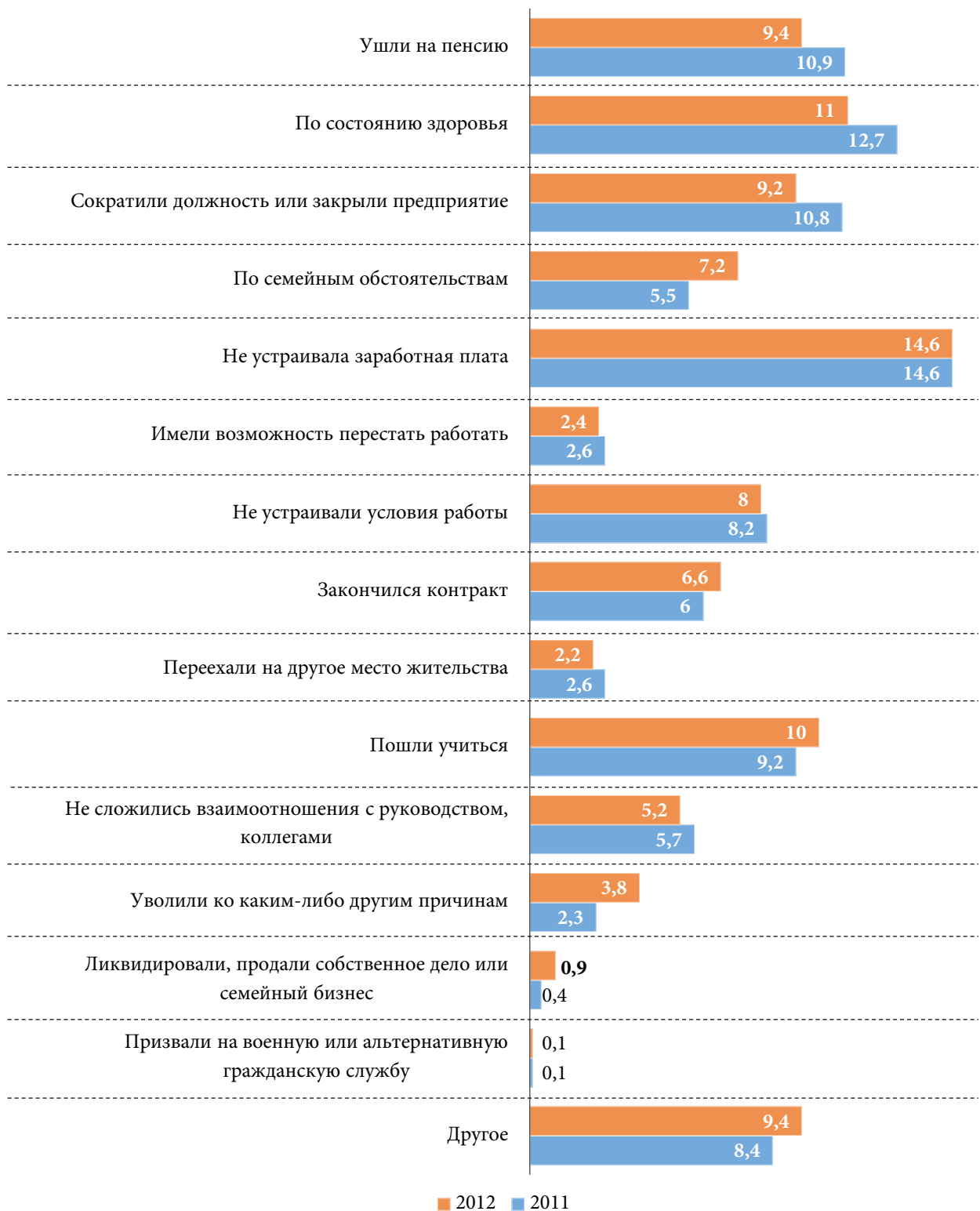

Рисунок 29. Причины прекращения работы, 2011–2012 гг., %

Анализ, в частности, показал, что угроза потери работы в результате сокращения должности, рабочего места или закрытия предприятия, организации стала реальностью для 9,2% респондентов, которые прекратили работать в 2012 г. Но в то же время нельзя не заметить, что по сравнению с 2011 г. данный показатель снизился на 1,6 процентных пункта, а именно: с 10,8 до 9,2%. Это сокращение стало возможным в результате определенного улучшения ситуации на предприятиях и в организациях, в результате которого повысилась потребность в рабочей силе. На протяжении всего 2012 г. довольно четко прослеживался высокий уровень спроса на работников со стороны значительной части работодателей

и умеренная активность соискателей в поиске нового рабочего места, что нашло отражение в снижении конкурса на открытые вакансии и уменьшении количества работников, которые перестали работать по причине сокращения рабочего места или предприятия, организации. В целом по данным разных исследований, в 2012 г. ситуация на рынке труда была немного лучше, чем в 2010–2011 гг.

В 2012 г., как и годом ранее, работники чаще прекращали работу по собственной инициативе, чем в результате сокращения штатов или закрытия предприятий. Так, 14,6% респондентов ушли с последнего места работы, поскольку их не устраивала заработная плата. Причем, по сравнению с 2011 г., количество работников, уволившихся по этой причине, не изменилось. Еще 8% работников покинули свою последнюю работу, поскольку их не устраивали условия труда на данном предприятии (в данной организации), что лишь немного меньше, чем в 2011 г., когда доля таких работников составляла 8,2%. Очень мало изменилась также доля респондентов, которые перестали работать, поскольку у них сложились взаимоотношения с руководством, другими представителями администрации предприятия или коллегами – с 5,7% в 2011 г. до 5,2% в 2012 г.

Весьма значительным в 2012 г. оставалось также количество респондентов, для которых прекращение работы явилось в большей степени вынужденным событием, чем добровольным. При этом доля опрошенных работников, которые вынуждены были уйти с последней работы по состоянию здоровья, сократилась на 1,7 процентных пункта (с 12,7% в 2011 г. до 11% в 2012 г.), тогда как доля тех, кто уволился по семейным обстоятельствам, увеличилась на те же 1,7 процентных пункта (соответственно с 5,5 до 7,2%). Очень многие бросили работу, потому что ушли на пенсию (9,4% против 10,9% в 2011 г.), пошли учиться, повышать свою профессиональную квалификацию (10% против 9,2% в 2011 г.) или переехали на другое место жительства (2,2% против 2,6% в 2011 г.). К числу наиболее значимых причин прекращения работы следует отнести также окончание контракта (6,6% против 6% в 2011 г.).

В 2012 г. было зафиксировано очередное снижение удельного веса лиц трудоспособного возраста, выражающих желание найти новую или другую работу: с 19,4% в 2011 г. до 18,9% в 2012 г. По сравнению с 2009 г., когда о желании найти иную работу заявляли 22,8% респондентов, это сокращение составило 3,4 процентных пункта. На протяжении всех последних лет практически не меняется доля респондентов, которые обращались в целях поиска работы куда-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу. В 2011 г. она составляла 33,7% от числа желающих найти (новую, другую) работу, тогда как в 2011 г. – 34,2%, в 2010 г. – 34,7%, в 2009 г. – 34,1%.

О том, какие способы поиска работы являются сегодня наиболее популярными, дают представление данные мониторинга, сгруппированные в [таблице 20](#). Из них, в частности, следует, что чаще всего люди обращаются в целях поиска работы непосредственно к своим друзьям и хорошим знакомым, которые готовы прийти на помощь в трудную минуту. В 2012 г. этим способом поиска работы воспользовались 81,3% респондентов, озадаченных решением проблемы трудоустройства, что практически столько же, сколько было в предыдущие несколько лет. Так, в 2010 г. к друзьям и знакомым обращались 81,9%, а в 2011 г. – 82,3% респондентов, которые занимались поиском работы. Характерно, что к своим друзьям и знакомым люди обращаются за помощью, пытаясь решить проблему трудоустройства, намного чаще, чем к своим близким родственникам. В 2012 г. помощью родственников попытались воспользоваться только 46,1% ищущих работу, что немного меньше, чем в 2010 и 2011 гг. (соответственно 50 и 49,6%), но больше, чем во все

предыдущие годы. Самые минимальные значения фиксировались в первой половине 1990-х гг., когда в тяжелой ситуации находилось подавляющее большинство россиян, пытающихся трудоустроиться на более или менее выгодную работу.

Таблица 20

Распространенность способов поиска работы, 1994–2012 гг., %*

Обращались в поисках работы	Год проведения исследования										
	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2011	2012
В государственные службы занятости	38,2	45,2	35,1	26,0	30,5	31,0	24,4	20,4	27,7	21,8	19,7
В негосударственные службы занятости	13,1	12,0	15,6	15,9	16,7	13,1	13,4	10,1	9,2	9,7	9,8
К друзьям, знакомым	60,5	66,3	75,6	76,5	78,8	76,0	82,9	78,2	81,9	82,3	81,3
К родственникам	29,5	41,5	40,6	42,7	37,3	36,5	42,1	39,4	50,0	49,6	46,1
Непосредственно на предприятия	45,0	47,3	47,8	52,0	48,9	48,3	50,5	47,7	47,2	46,1	45,7
К рекламным объявлениям	29,6	34,8	41,5	41,0	44,2	40,9	51,8	44,2	40,1	41,5	33,8
К рекламным объявлениям в Интернете	–	–	–	–	–	–	13,1	19,6	32,9	36,8	44,8

*Доля обращающихся к способам поиска работы оценивается в этой таблице относительно всех лиц, обращающихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

Примерно одинаковой популярностью пользуются сегодня и такие способы поиска работы, как обращения непосредственно на предприятия, в организации и знакомство с рекламными объявлениями в Интернете. Однако динамика изменения весомости этих способов совершенно разная. Так, доля лиц, обращающихся в поисках работы за помощью непосредственно на предприятия, в организации, меняется незначительно на протяжении всех лет мониторинга. В 2012 г. она составила 45,7%, т. е. практически столько же, сколько было в 1994 г. (около 45%). Хотя при этом стоит обратить внимание на тот интересный факт, что с 2006 по 2012 г. доля таких респондентов довольно последовательно сократилась на 4,8 процентных пункта (с 50,5 до 45,7%). Что касается обращений к рекламным объявлениям в Интернете, то их значимость как способа поиска работы стремительно нарастает. Если в 2006 г. им воспользовались только 13,1% респондентов, ищущих работу, то в 2012 г. уже почти в 3,5 раза больше – 44,8%. По мере повышения популярности Интернета люди стали намного реже пользоваться для решения проблемы трудоустройства традиционными, т. е. печатными рекламными объявлениями. С 2006 г., когда значимость данного способа была максимальной, по 2012 г. доля лиц, воспользовавшихся печатными рекламными объявлениями для поиска работы, сократилась более чем в полтора раза – с 51,8 до 33,8%.

К хорошо заметным тенденциям, заслуживающим особого внимания, следует отнести также очередное сокращение среди желающих решить проблему занятости доли лиц, которые с целью поиска работы обращались в государственные службы занятости, бюро по трудоустройству: с 21,8% в 2011 г. до 19,7% в 2012 г. В результате последних изменений данный показатель снизился до минимального уровня за все время наблюдений, опустившись ниже предыдущего минимального значения, зафиксированного в 2008 г. И наконец, наименее распространенными оказались обращения в негосударственные службы занятости, бюро по трудоустройству. Если в 2011 г. к этому источнику обращались 9,7% желающих найти работу, то в 2012 г. – 9,8%.

На следующем рисунке представлены данные мониторинга, характеризующие ответы респондентов на вопрос «Как вы нашли эту вашу основную работу?» (см. рис. 30). В отличие от предыдущей таблицы, иллюстрирующей особенности использования разнообразных способов поиска работы, этот рисунок позволяет понять, какие из этих и некоторых других способов в действительности принесли успех.

Рисунок 30. Способы трудоустройства, 2006–2012 гг., %

Как показал анализ данных, представленных на рисунке 30, наиболее эффективным способом трудоустройства остается обращение к друзьям, товарищам и знакомым. Доля лиц, воспользовавшихся их помощью для того, что найти свою нынешнюю основную работу, в 2012 г. составила 41,9%, что мало отличается от 40,9%, зафиксированных в 2011 г. Примерно каждый пятый респондент нашел свою основную работу с помощью традиционного способа, обращаясь непосредственно в отдел кадров предприятия или организации. Однако с 2008 г., когда было зафиксировано максимальное значение, по 2012 г. доля таких респондентов сократилась с 22,5 до 20,2%, т. е. на 2,3 процентных пункта. Примерно каждый восьмой занятый нашел свою основную работу через родственников, и еще один из десяти опрошенных – по приглашению руководства или сотрудников данного предприятия, организации. Характерно, что значимость этих способов трудоустройства за последние годы практически не изменилась. В то же время весомость способа трудоустройства «по распределению» существенно и достаточно последовательно снизилась – с 5,8% в 2006 г. до 3,3% в 2012 г. Доля лиц, которые не устраивались на работу, а сами создали свое предприятие или открыли какое-то собственное дело, колебалась в пределах от 3,1% в 2006–2008 гг. до 3,8% в 2011 г.

Сравнительно небольшой осталась группа респондентов, которые указали, что нашли свою нынешнюю основную работу через службы занятости или бюро по трудоустройству. При этом доля респондентов, которые устроились на работу через государственную службу занятости, составила только 1,2% (2011 г. – 1,1%), тогда как доля тех, кто трудоустроился через негосударственную службу занятости – всего лишь 0,1% (2011 г. – 0,2%). Но несмотря на эти различия, эффективность работы этих служб, призванных проводить политику в области занятости, повышать конкурентоспособность безработных, содействовать занятости населения, остается низкой. Очень многие безработные, в том числе официально зарегистрированные в государственной службе занятости, считают ее бесполезной организацией, обслуживающей в основном свои собственные интересы.

Как показывает практика, большинство граждан, прибегающих к услугам службы занятости, не верят, что она поможет им решить проблему трудоустройства. И только лишь понимание безысходности своего положения на рынке труда вынуждает людей вставать на учет в государственную службу занятости, чтобы получить запас времени для поиска работы, не прерывая трудовой стаж и получая денежное пособие. В 2012 г. указали, что были зарегистрированы в государственной службе занятости около 230 респондентов. Из них 87% получали пособие по безработице, но только 25,5% отметили, что служба занятости в течение трех последних месяцев помогала им трудоустроиться, пройти обучение или переобучение, оказывала психологическую помощь.

Отдельную группу составляют способы трудоустройства, в основе которых лежит использование рекламных и иных объявлений. Однако их значимость в сравнении с другими способами устройства на работу сегодня не столь велика (см. рис. 31). Так, в 2012 г. около 6% респондентов (2011 г. – 5,4%) указали, что устроились на свою нынешнюю основную работу, получив необходимую информацию из рекламных объявлений (увидели рекламное объявление в Интернете или не в Интернете), и еще 1,7% занятых (2011 г. – 1,6%) отметили, что решили проблему трудоустройства, разместив рекламное объявление в средствах массовой информации (подали рекламное объявление через Интернет или не через Интернет).

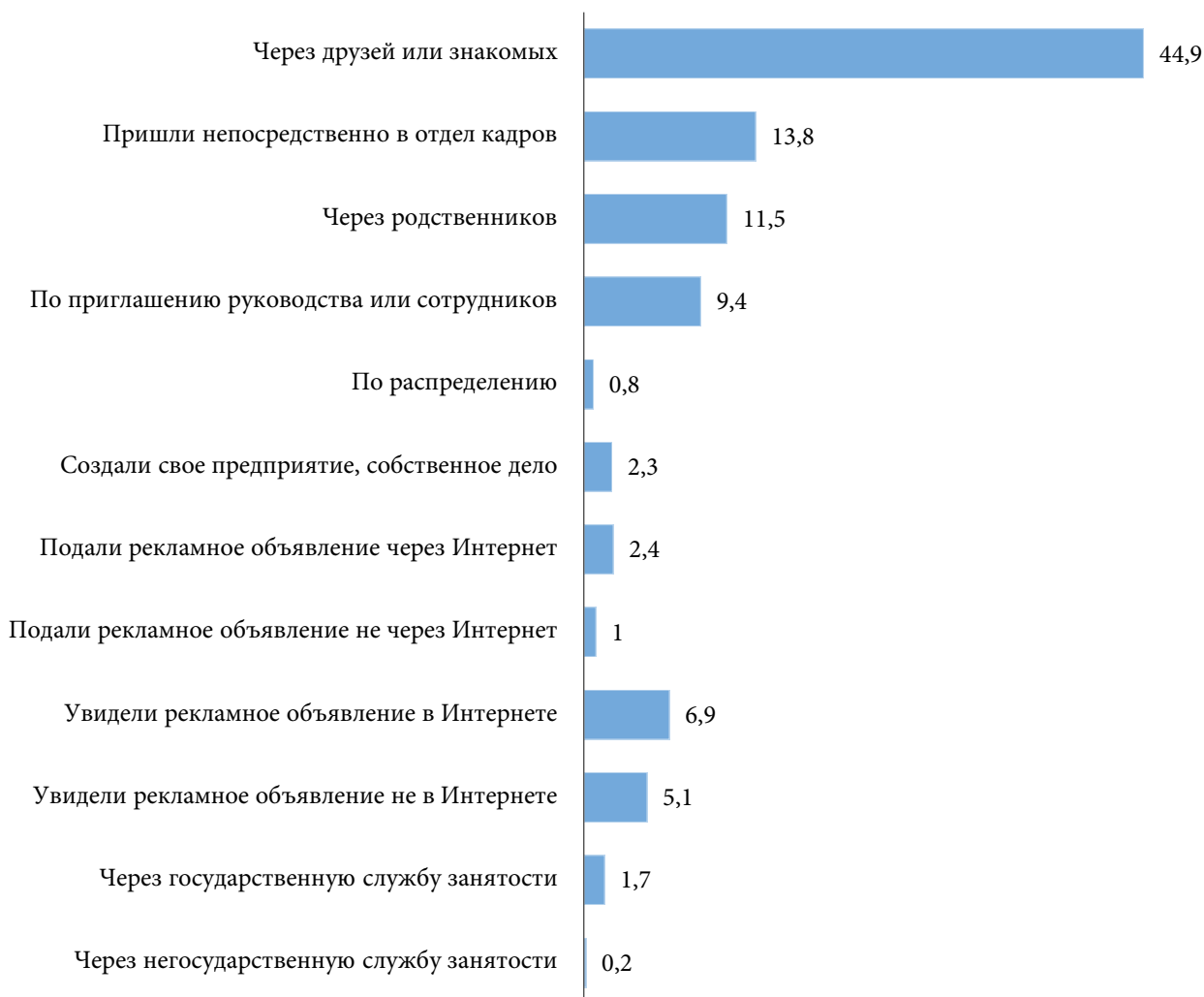

Рисунок 31. Способы трудоустройства респондентов, которые нашли свою основную работу в 2012 г., %

Дальнейший анализ показал, что эффективность трудоустройства с помощью Интернета в последние годы существенно меняется, причем в лучшую сторону. В 2012 г. доля занятых, которые указали, что смогли найти работу и трудоустроиться, увидев или разместив рекламное объявление в Интернете, составила всего лишь 3,8% (данные включены в показатели «увидели рекламное объявление» и «подали рекламное объявление»). Однако если ориентироваться только на тех респондентов, которые трудоустроились в 2012 г., то доля лиц, которым помог в этом Интернет, вырастает до 9,3% (2,4% — разместили рекламное объявление в Интернете и 6,9% — увидели рекламное объявление в Интернете). Этот рост происходит в основном за счет сокращения доли граждан, которые устраиваются на работу, обращаясь непосредственно в отдел кадров предприятия или организации — до 13,8%. Особенно активно пользуются Интернетом в целях трудоустройства молодые люди с высшим образованием.

К перемене места работы, освоению новой профессии или специальности респондентов чаще всего подталкивает недовольство своей нынешней работой. Вопросы об удовлетворенности работой в целом и отдельными ее сторонами (условиями труда, оплатой труда и возможностями для своего профессионального роста), характеризующие эмоциональные аспекты отношения к трудовой деятельности, включаются «В вопросник для взрослых» RLMS-HSE с 2002 г.

Анализ данных мониторинга, полученных в 2012 г., позволил выявить дальнейший рост уровня общей удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей трудовой деятельностью. Так, доля лиц, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей работой в целом, увеличилась с 64,5% в 2011 г. до 65,7% в 2012 г., т. е. на 1,2 процентных пункта. В то же время доля тех, кто не доволен своей нынешней работой, сократилась за этот же период с 14,1 до 12,1%, т. е. на 2 процентных пункта (см. рис. 32). Характерно, что удельный вес работников предприятий и организаций, полностью довольных своей работой, вырос с 14% в 2011 г. до 15,9% в 2012 г., в то время как доля лиц, полностью не удовлетворенных работой, не изменилась и составила 2,8%.

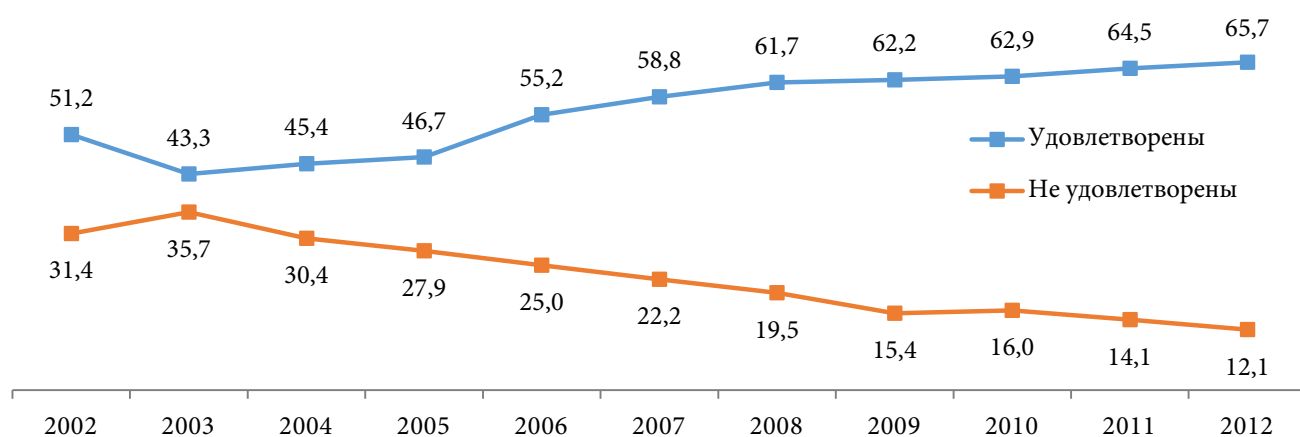

Рисунок 32. Удовлетворенность работой в целом, 2002–2012 гг., %

В результате этих изменений в 2012 г. был достигнут новый максимум общей удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своим трудом за весь период, в течение которого фиксировались анализируемые показатели. В целом с 2003 г., когда общий уровень удовлетворенности работников своим трудом был минимальным, по 2012 г. доля лиц, в большей или меньшей мере довольных своей трудовой деятельностью, выросла на 22,4 процентных пункта, или более чем в 1,5 раза (с 43,3 до 65,7%). В то же время доля тех опрошенных работников предприятий и организаций, которые в большей или меньшей степени не довольны своей нынешней работой, сократилась на 23,6 процентных пункта, или почти в 3 раза (с 35,7 до 12,1%).

Повышение уровня удовлетворенности респондентов работой свидетельствует об улучшении отношения работников к своей трудовой деятельности, которое, с одной стороны, обусловлено улучшением организации производства и труда, с другой стороны, является результатом невысоких притязаний работников. В связи с этим представляют интерес данные мониторинга, свидетельствующие о повышении удовлетворенности работников предприятий и организаций различными сторонами своей трудовой деятельности (см. рис. 33, 34 и 35).

Как следует из рисунка 33, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. удельный вес лиц, в той или иной степени удовлетворенных условиями труда, увеличился на 0,8 процентных пункта (с 63,2 до 63,1%), тогда как удельный вес работников, недовольных условиями своей трудовой деятельности, сократился на 1,4 процентных пункта (с 16,4 до 15%). В 2012 г. доля работников, которые были полностью не довольны условиями труда на своем рабочем месте, составила 3,8%, что лишь немного меньше 3,6%, зафиксированных в 2011 г. В результате этих изменений удовлетворенность работников предприятий и организаций условиями своей трудовой деятельности достигла максимального уровня за все время систематических наблюдений.

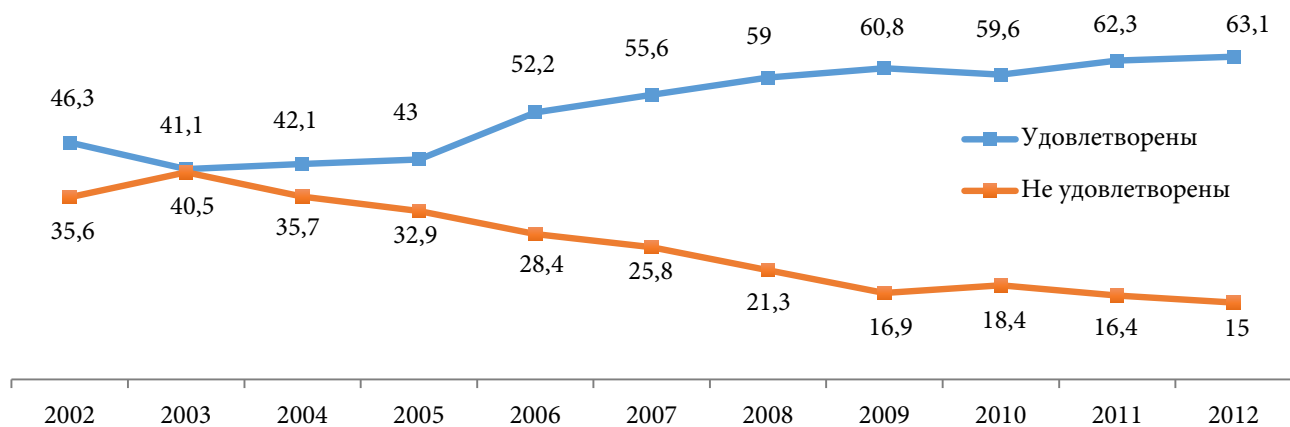

Рисунок 33. Удовлетворенность условиями труда, 2002–2012 гг., %

Но особенно значительным оказался рост уровня удовлетворенности работников оплатой своего труда, что можно объяснить ускоренным ростом заработной платы на предприятиях и в организациях (см. рис. 34). В 2012 г. в сравнении с 2011 г. удельный вес лиц, в той или иной степени удовлетворенных своими заработками, увеличился на 3 процентных пункта (с 34,2% до 37,2%). Одновременно на 3,9 процентных пункта сократилась доля респондентов, которые были в большей или меньшей степени не довольны размером оплаты своего труда (с 43,6% до 39,7%). Это были самые высокие темпы повышения уровня удовлетворенности работников предприятий и организаций оплатой своего труда, начиная с 2008 г. Примечательно также, что в 2012 г. удельный вес работников, которые полностью удовлетворены оплатой своего труда, составил 8,7%, в то время как крайнюю степень недовольства этой стороной труда выражали 13,2% опрошенных работников.

После указанных изменений разрыв между долей респондентов, которых удовлетворяет, и долей респондентов, которых не удовлетворяет оплата их труда, сократился до минимума – до 2,5 процентных пункта. В 2002 г., когда впервые были проведены замеры уровня удовлетворенности занятых своей работой, данный разрыв достигал 44,8 процентных пункта, или более чем 3-х раз. Учитывая степень остроты проблемы справедливой оплаты труда в современной России, можно предположить, что рост удовлетворенности работников своими заработками, не принижая значимости других частных удовлетворенностей, сыграл ключевую роль в повышении уровня общей удовлетворенности работой.

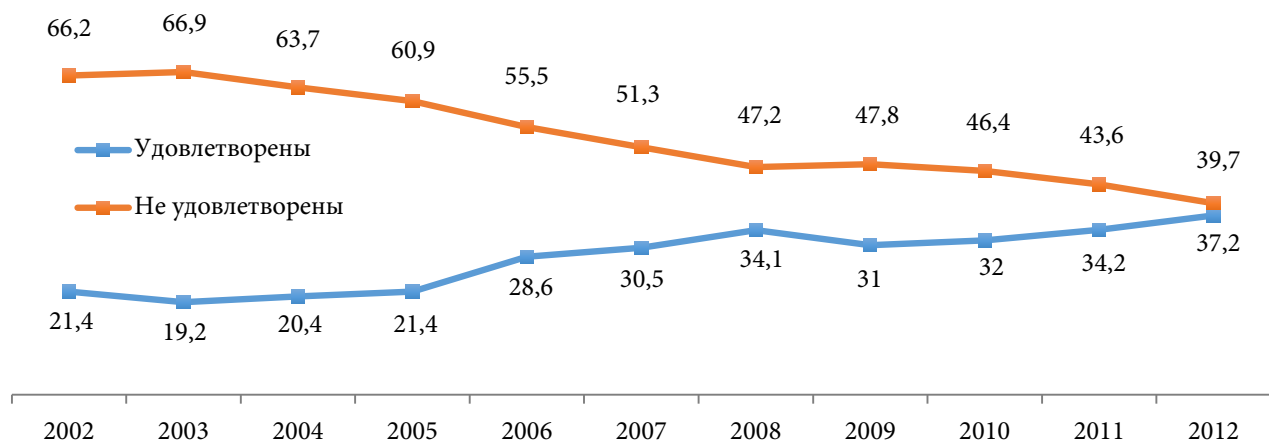

Рисунок 34. Удовлетворенность оплатой труда, 2002–2012 гг., %

Следующей положительной тенденцией является повышение уровня удовлетворенности работников предприятий и организаций возможностями своего профессионального роста (см. рис. 35). Так, доля работников, которые в той или иной мере довольны возможностями карьерного роста, повышения уровня профессионального мастерства, увеличилась с 44% в 2011 г. до 45,9% в 2012 г., т. е. на 1,9 процентных пункта, в то время как удельный вес лиц, которых эти возможности не устраивают, сократился соответственно с 29 до 27,6%, т. е. на 1,4 процентных пункта. В 2012 г. примерно каждый десятый работник был полностью доволен возможностями профессионального роста и столько же респондентов выражали крайнюю степень неудовлетворенности отсутствием таких возможностей.

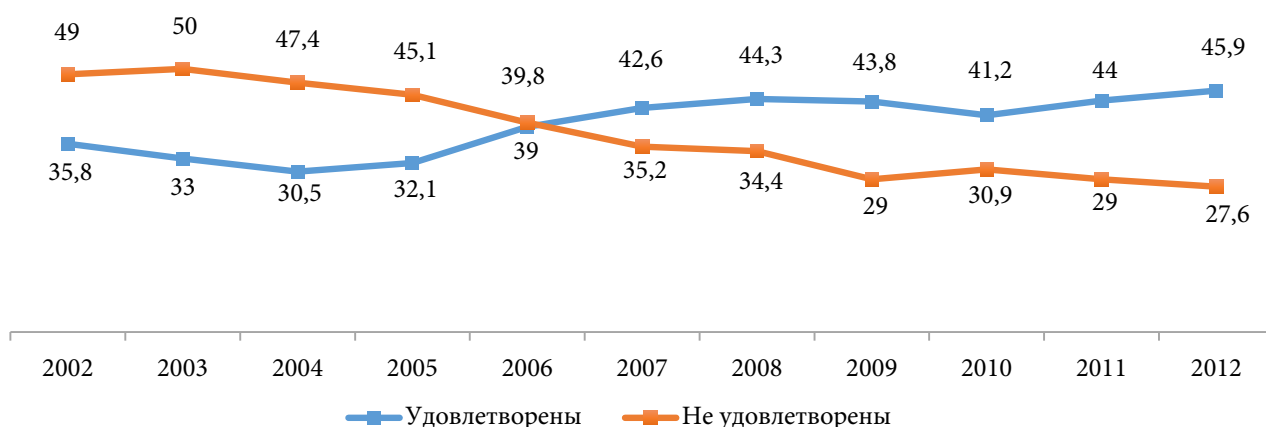

Рисунок 35. Удовлетворенность возможностями профессионального роста, 2002–2012 гг., %

Данные RLMS-HSE из таблицы 21 дают самое общее представление об особенностях обращения россиян к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов. Как следует из анализа этих данных, каких-либо серьезных изменений в обращении россиян к указанным формам рыночного поведения за последний год не произошло. Так, в 2012 г. доля респондентов, занятых на дополнительной работе, составила 6,3%, что практически не отличается от уровня дополнительной занятости, зафиксированного в 2010 и 2011 гг. (соответственно 6,4 и 6,2%). Самым высоким уровень вторичной занятости был в 2002–2004 гг., когда на дополнительной работе трудились около 10% работников.

Обращает на себя внимание также небольшое повышение в 2012 г. удельного веса респондентов, которые отметили, что в течение последнего года оказывали другим людям услуги за плату (подвозили кого-то на своем автомобиле, ремонтировали бытовую технику, автомобили, нанимались делать ремонт в квартире, занимались репетиторством, ухаживали за больными или оставались сидеть с ребенком за плату и т. д.) – до 5,4%. Это увеличение последовало сразу же после снижения рассматриваемого показателя с 5,2% в 2009–2010 гг. до 5% в 2011 г. Как показал более детальный анализ, изменения данного показателя, носящие хаотичный характер, чаще всего обусловлены влиянием случайных факторов.

К другим более или менее заметным тенденциям последнего времени можно отнести последовательное сокращение удельного веса респондентов, которые выращивали овощи, фрукты или что-то иное на своем дачном или огородном участке на продажу или на обмен – с 5,2% в 2009 г. до 3,6% в 2012 г. т. е.

на 1,6 процентных пункта, а также доли лиц, которые разводили скот, птицу или рыбу с целью продажи – с 6,6% в 2004 г. до 4% в 2012 г., т. е. на 2,6 процентных пункта. С 2011 по 2012 г. эти показатели синхронно сократились на 0,3 процентных пункта. Как и во все предыдущие годы, совершенно незначительными оказались в 2012 г. доли респондентов, которые указали, что в течение последних 12 месяцев помещали деньги в банки, давали деньги займы другим людям под проценты (1,5%), а также сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль и другое собственное имущество (0,8%).

Таблица 21

Некоторые формы рыночного поведения, 2000–2012 гг., %

Формы рыночного поведения	Год проведения исследования								
	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010
Работали на дополнительной работе	8,6	10,1	10,0	9,3	6,3	7,0	6,4	6,2	6,3
Выращивали что-то на своем участке на продажу или на обмен	8,6	7,1	6,8	6,2	4,4	5,2	4,1	3,9	3,6
Разводили скот, птицу, рыб на продажу	7,8	6,1	6,6	5,8	5,2	4,7	4,5	4,3	4,0
Оказывали услуги за плату	4,1	5,8	4,4	5,0	4,7	5,2	5,2	5,0	5,4
Продавали с рук продукты или товары, которые сами не производили	2,0	1,8	1,5	1,3	–	–	–	–	–
Ездили за продуктами и товарами, которые потом продавали	1,5	1,5	1,8	1,3	–	–	–	–	–
Продавали продукцию собственного домашнего изготовления	2,0	1,4	1,3	1,3	–	–	–	–	–
Помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты	1,2	0,9	1,0	1,4	1,2	1,6	1,6	1,6	1,5
Сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль	0,6	1,4	1,0	0,8	0,6	0,7	0,7	0,8	0,8

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы относительно социально-экономического положения и поведения домохозяйств в 1992–2012 гг.:

1. К фундаментальным факторам, оказывавшим влияние на развитие социально-экономических процессов в 2012 г., можно отнести снижение темпов роста российской экономики, сохранение относительно низкого уровня инфляции, значительные демографические изменения, рост миграционных потоков, более активное участие в производстве отдельных групп населения. Немаловажное значение имело также сохранение ситуации неопределенности, нарастания рисков и замедления в мировой экономике. В целом можно было говорить о торможении основных экономических процессов и консервации ситуации шаткой стабильности в России, усугублявшейся пессимистическими прогнозами экономического развития, что не могло не сказаться на условиях жизни и социальном самочувствии семей.

2. Небольшое снижение в 2011 г. ежемесячного совокупного дохода домохозяйств (на 1,8%), сменилось в 2012 г. его существенным ростом, который составил 7,3%. Несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию, средние реальные доходы домохозяйств к концу года превысили докризисный уровень. Этот рост во многом был обеспечен повышением зарплат как в бюджетном, так и в коммерческом секторах. Доход от работы на государственных предприятиях вырос на 5,0%, тогда как доход от работы на частных предприятиях остался на прежнем уровне. Была восстановлена тенденция роста дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей, составившего 15% и совокупного дохода (денежного и натурального) от домашнего производства и неформального сектора, который увеличился на 14,6%.

3. Как и в предыдущие годы, основными источниками доходов населения являлись заработная плата и государственные трансфертные платежи. На долю доходов от этих источников приходилось соответственно 47,2 и 38,9% совокупного дохода домохозяйств. Доли доходов от работы на государственных предприятиях и от работы на частных предприятиях были примерно одинаковыми и составляли соответственно 23,3 и 21,5%. Удельный вес домохозяйств с каким-либо доходом от заработной платы практически не изменился и составил 65,9%. При этом 42,7% домохозяйств получали доход от работы в государственном секторе и 35,5% – от работы на предприятиях частного сектора. Доля домохозяйств, получающих доход в виде трансфертных платежей, при незначительном росте составила 72,6%.

4. После непродолжительного периода медленного сокращения, обусловленного финансово-экономическим кризисом, выявлено новое повышение уровня дифференциации домохозяйств по доходам. В 2012 г. доходы наиболее обеспеченных домашних хозяйств росли почти в пять раз быстрее, чем доходы бедных домохозяйств. Разрыв в доходах между домохозяйствами верхнего и нижнего квинтилей увеличился с 4,1 раза в 2011 г. до 4,5 раза в 2012 г. Основу дифференциации доходов домохозяйств, как и прежде, составляли различия в заработной плате. Очень ясно проявлялись территориальные различия в доходах и отраслевые различия в заработках на однотипных рабочих местах. Наибольшая дифференциация наблюдалась в сферах деятельности с наиболее высокой средней заработной платой.

5. Ежемесячные расходы домохозяйств, после сокращения в 2011 г. на 0,9%, резко выросли в 2012 г. на 14,4%. При этом расходы на продукты питания увеличились за год только на 3,2%, тогда как расходы на непродовольственные товары выросли на 19,5%. В 2012 г. было выявлено очередное сокращение доли ежемесячных расходов домохозяйств на продукты питания – с 42,4% в 2011 г. до 40,2% в 2012 г. – и соответствующее увеличение доли расходов на непродовольственные товары – с 57,6 до 59,8%. Увеличилась дифференциация российских домохозяйств по расходам: разница между расходами домохозяйств наиболее обеспеченного квинтиля и расходами домохозяйств наименее обеспеченного квинтиля увеличилась с 6,5 раза в 2011 г. до 7 раз в 2012 г.

6. В 2012 г. наблюдался дальнейший рост уровня обеспеченности домохозяйств предметами длительного пользования. По сравнению с 2011 г. уровень обеспеченности домохозяйств личным автотранспортом увеличился с 39,1 до

41,6%; холодильниками «NO FROST» — с 47,8 до 51,1%; автоматическими стиральными машинами — с 68,1 до 72,7%. Обеспеченность домохозяйств цветными телевизорами достигла 97,6%, в том числе телевизорами нового поколения (плазменными или жидкокристаллическими) — 43%. Повышение уровня обеспеченности домохозяйств компьютерами (в том числе с 56,3% в 2011 г. до 61% в 2012 г.) значительно расширило возможности общения и информационности россиян через глобальную сеть Интернет. За последние три года россияне стали немного реже пользоваться Интернетом для учебы и выполнения работы, но значительно чаще для приобретения разнообразных товаров и услуг.

7. К числу позитивных тенденций следует отнести дальнейшее сокращение уровня безработицы (с 5,5% в 2011 г. до 5,1% в 2012 г.), которое полностью обеспечивалось уменьшением уровня мужской безработицы. Особого внимания заслуживает выход российской экономики на уровень полной занятости. В результате заметного повышения доли работающих пенсионеров, практически полностью был преодолен спад занятости среди граждан выше пенсионного возраста, обусловленный обострением финансово-экономического кризиса. С 2011 по 2012 г. доля занятых среди пенсионеров-мужчин увеличилась с 20,4 до 22%; среди пенсионеров-женщин — с 22,5 до 23,3%. Эти изменения в полной мере соответствовали планам расширения трудовой занятости пенсионеров, которая рассматривается в качестве важного резерва увеличения трудовых ресурсов.

8. Уровень бедности домохозяйств, определяемый как процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума, за год изменился незначительно, лишь немного превысив уровень 2011 г. (2,8% против 2,5%). Доля детей дошкольного возраста (до 6 лет включительно), живущих в бедных семьях, увеличилась с 3% в 2011 г. до 3,6% в 2012 г. При этом существенная часть граждан, чьи доходы превышали прожиточный минимум, испытывала огромные лишения в самом необходимом, т. е. в питании, одежде, жилье, медицинском обслуживании, что свидетельствовало о необходимости повышения внимания не только к снижению количества семей, живущих за чертой бедности, но и к более активному решению многочисленных и сложных проблем малообеспеченных семей.

9. Продолжилось сокращение доли работников, не получающих полностью заработную плату. В 2012 г. по сравнению с 2011 г. она снизилась с 3,7 до 3,1%, т. е. до минимального значения за все время наблюдений. Вместе с тем сроки задолженности по зарплате и средняя сумма задолженности по заработной плате увеличились. Как и во все предыдущие годы, мужчинам заработная плата задерживалась чаще и на большие суммы, чем женщинам.

10. По сравнению с 2011 г. доля мужчин трудоспособного возраста, получающих доход от трудовой деятельности, выросла с 76,9 до 78,1%, тогда как аналогичная доля женщин — только с 70,2 до 70,6%. Сохранилось значительное преобладание мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности (40,1% против 30,7%). Средний размер дохода женщин составлял около 69,3% от среднего дохода, получаемого мужчинами, что лишь немного меньше, чем 70,6% в 2011 г. Наименее существенной была разница между заработками мужчин и женщин в частном секторе, где средний доход женщины составлял 72,6% от дохода мужчины.

11. Значительный рост платы за жилье и коммунальные услуги, наблюдаемый на протяжении длительного периода, в последние годы приостановился. В 2011 г. было выявлено сокращение средней суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги на 1,4%, а в 2012 г. ее увеличение на 1,9%. Снижалась и доля домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам, с 8,1% в 2011 г. до 7,9% в 2012 г. Сумма задолженности по квартплате и/или коммунальным услугам за этот же период увеличилась на 4%, хотя в предыдущем году она уменьшилась на 3,3%.

12. Несмотря на сохраняющиеся жизненные трудности, обусловленные социально-экономической ситуацией, наблюдался уверенный рост социального самочувствия населения, о чем свидетельствовали заметное повышение уровня удовлетворенности россиян своей жизнью, укрепление социального оптимизма, некоторое улучшение оценок материального положения семей, личных и семейных жизненных перспектив. С 2011 по 2012 г. доля лиц, удовлетворенных своей жизнью в целом, выросла с 49,2 до 52,6%, тогда как доля недовольных жизнью сократилась с 28,3 до 24,7%. Возросли оценки граждан относительно возможности приобретения дорогостоящих предметов длительного пользования и услуг. Вместе с тем большинство россиян с тревогой оценивали перспективы своей жизни и подспудно готовились к худшему в ожидании очередных кризисных потрясений. Наблюдалась значительная дифференциация населения по уровню удовлетворенности жизнью и степени удовлетворенности материальным положением.

13. В 2012 г. вероятность потерять работу волновала россиян не намного меньше, чем в период ожидания и обострения экономического кризиса. С 2008 по 2012 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных возможностью потери рабочего места, сократилась незначительно – с 57,4 до 55,8%. Но в то же время выявлен более существенный рост количества россиян, выражающих уверенность в том, что смогут успешно решить проблему трудоустройства в случае потери работы (с 40,6% в 2011 г. до 45,4% в 2012 г.). В 2012 г., как и годом ранее, работники чаще прекращали работу по собственной инициативе, чем в результате сокращения штатов или закрытия предприятий.

14. В 2012 г. было зафиксировано очередное снижение доли лиц трудоспособного возраста, выражающих желание найти работу (с 19,4% в 2011 г. до 18,9% в 2012 г.), одной из причин которого было дальнейшее повышение уровня общей удовлетворенности работников своей работой в целом и отдельными ее сторонами. Наиболее распространенным и наиболее эффективным способом поиска работы оставался поиск работы с помощью друзей и знакомых. На следующих позициях с большим отставанием оказались способы, предполагающие обращение непосредственно на предприятие или в организацию, обращение к родственникам, а также приглашение руководства или сотрудников предприятия или организации. К хорошо заметным тенденциям относится также стремительный рост популярности и эффективности поиска работы с помощью Интернета.

Воронин Г. Л.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТАРОСТИ

Индикатором социально-экономического и морально-нравственного благополучия общества во многом может служить отношение граждан и государства к старикам и детям. В статье 7 Конституции Российской Федерации 1993 г. Россия провозглашена социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»¹. В отношении старшего поколения это положение реализуется посредством выплат государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты достойной жизни в старости. Несмотря на заявленные в Конституции РФ гарантии, в современной постсоветской России старики наравне с детьми во многих отношениях являются аутсайдерской группой, о чем свидетельствует хроническое реформирование пенсионной системы, начавшееся в 1990-х гг. и продолжающееся по сегодняшний день.

Актуальность вопросов обеспечения материального положения пожилых людей не раз подчеркивалась в официальных заявлениях президента страны, в том числе об этом говорилось на одной из последних пресс-конференций В. В. Путина, состоявшейся 19 декабря 2013 г. в Центре международной торговли в Москве. Президент отмечал, что «размер трудовых пенсий по старости в прошлом году (на 1 января 2013 г., точнее) был 9790, сейчас – 10 742»². В общем контексте интервью увеличение размера пенсий в течение одного года на 952 руб. в месяц преподносится в качестве одного из доказательств достижений текущей социально-экономической политики. При этом, как напомнил в рамках того же мероприятия один из присутствующих там журналистов, в 2013 г. была повышена заработная плата федеральных министров и депутатов, и с января 2014 г. она составляет 450 тыс. руб. в месяц.

В представленной статье рассматривается достаточно узкий круг вопросов, касающихся материального обеспечения пожилых людей, и социально-демографический анализ этой группы россиян. Основными параметрами отнесения к анализируемой группе являются назначенная пенсия и возраст (для мужчин это возраст 60 лет и старше, для женщин – 55 лет и старше), начиная с которого значительная часть населения РФ прекращает свою трудовую деятельность.

¹ Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2009.

² Пресс-конференция Владимира Путина. 19 декабря 2013 года, 17:00. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19859> (дата обращения: 21.12.2013).

Учитывая отсутствие в России практики пенсионных накоплений в силу различных причин, прежде всего экономической нестабильности и огромной инфляции, характеризовавшей развитие страны в 1990-е гг., большинство пенсионеров живут, а работающие граждане рассчитывают жить после достижения пенсионного возраста, только на государственную пенсию. По данным RLMS-HSE, доля населения России в 2003–2012 гг., рассчитывающего при достижении пенсионного возраста прежде всего на выплату государственной пенсии, составляла от 88 до 90%.

В социально-демографическую группу граждан старшего пенсионного возраста в 2012 г. входило около четверти населения страны (или около 36 млн человек). В период с 1994 по 2012 г. доля этой группы постепенно увеличивалась и составляла от 1/5 до 1/4 населения России (см. рис. 1). Средний возраст группы в настоящий момент находится в пределах 67–69 лет. Доля женщин в этой группе составляет от 70 до 73%.

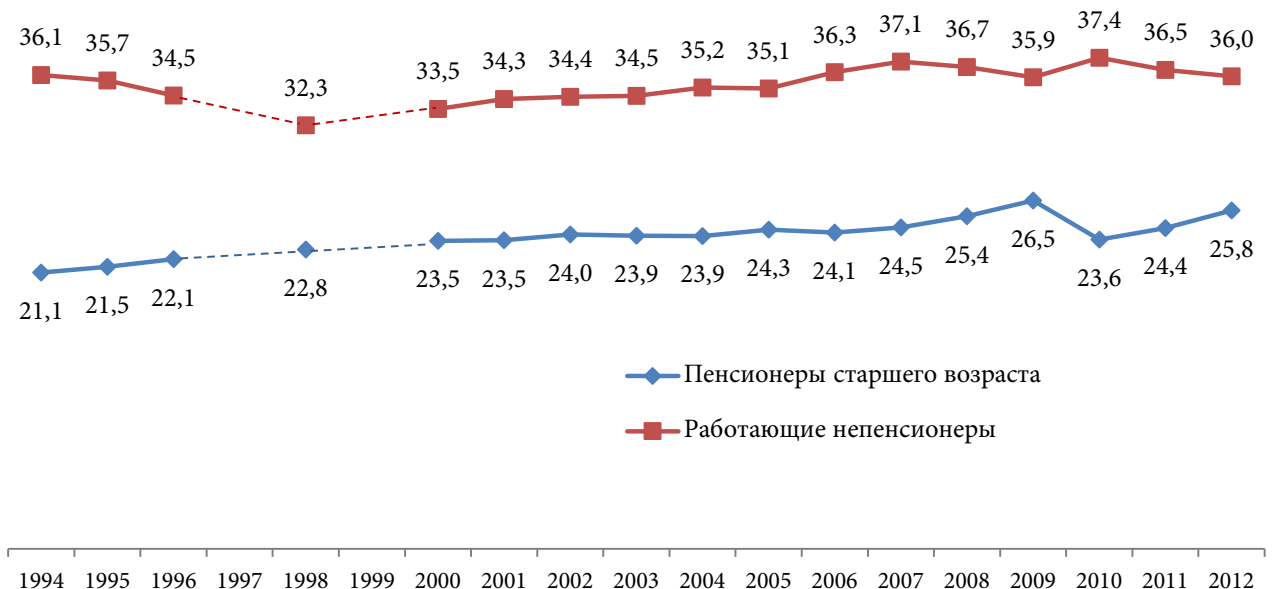

Рисунок 1. Динамика изменения доли пенсионеров старшей возрастной группы и работающих лиц, не получающих пенсию в период с 1994 по 2012 г., %

В качестве контрольной группы для сравнения социально-экономического положения пенсионеров старшего возраста была выбрана группа работающих, не получающих пенсию граждан, составляющая примерно 34–36% населения страны (см. рис. 1). Средний возраст работающих, не получающих пенсию россиян, составляет 37–38 лет. В целом две анализируемые социально-демографические группы составляют около 60% населения России.

Уровень индивидуального дохода пенсионеров

По данным RLMS-HSE на протяжении всех лет наблюдения уровень индивидуального дохода работающих не получающих пенсию россиян был в полтора — два раза выше индивидуального дохода пенсионеров старшей возрастной группы. В 2012 г. уровень индивидуального дохода пенсионеров стар-

шего возраста в среднем составил 14165 руб. в месяц, в группе работающих лиц среднего возраста, не получающих пенсию, – 21094 руб. в месяц. По данным Росстата¹ среднедушевой доход в 2012 г. составлял 22880 руб. в месяц (см. рис. 2).

Рисунок 2. Среднедушевой доход россиян по данным Росстата и средний индивидуальный доход по данным RLMS-HSE, 1994–2012 гг., в руб. 2012 г.

На основе анализа уровня среднего индивидуального дохода пенсионеров старшего возраста в 2012 г. установлено, что суммарный доход 10% респондентов, имеющих самые низкие доходы (среднее значение 5961 руб. в месяц), в 6,2 раза ниже, чем суммарные доходы 10% респондентов с самыми высокими доходами (среднее значение 37400 руб. в месяц). Это свидетельствует о том, что былого единства в бедности, характерного для 1990-х и начала 2000-х годов, в настоящее время не наблюдается. По аналогии с выражением «новый русский» в настоящее время вполне правомерно выражение «новый русский пенсионер». Средний возраст в этих доходных группах примерно одинаковый – 64 года, но при этом респонденты с низкими доходами не работают, а с более высокими работают. Среди первых преобладают жители села, среди вторых – жители областного центра, среди первых преобладают лица с неполным средним образованием, среди вторых – около 75% имеют высшее или среднее специальное образование.

Среди пенсионеров старшего возраста доля работающих в 1994 г. составляла около 14%. На протяжении всех лет исследования доля работающих пенсионеров старших возрастов постепенно увеличивалась и к 2012 г. составила около 20%, т. е. в настоящее время примерно каждый пятый пенсионер старшей возрастной группы работает. Уровень индивидуального дохода в группах работающих и неработающих пенсионеров существенно различается. В среднем индивидуальный доход работающих пенсионеров старшей возрастной группы имеет более чем двукратное, а по отдельным годам (2004, 2008 и 2009) почти трехкратное превышение

¹ Среднедушевые денежные доходы населения / Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 19.01.2014).

над доходом неработающих пенсионеров старшей возрастной группы. В 2012 г. индивидуальный средний доход работающего пенсионера старшей возрастной группы составлял 24 тыс. руб. в месяц, неработающего — 11,7 тыс. руб. в месяц.

Одним из источников доходов работающих пенсионеров старшей возрастной группы является заработная плата. Уровень заработной платы у этой категории россиян составлял в 1994 г. 5,4 тыс. руб. против 9,2 тыс. руб. у работающих и не получающих пенсию россиян, в 2012 г. эти показатели составили 13,4 тыс. руб. и 19,8 тыс. руб. соответственно (цифры указаны в руб. 2012 г.). В среднем по годам исследования превышение размера заработной платы работающих не получающих пенсию россиян примерно в 1,5 раза превышает размер заработной платы работающих пенсионеров старшей возрастной группы. Это различие является нелогичным не только в том плане, что в этих группах примерно одинаковая продолжительность рабочего дня — около 9,3–9,4 часа, — но и в том, что уровень образования работающих пенсионеров старшей возрастной группы несколько выше, чем у работающих и не получающих пенсию россиян. Так, например, доля лиц с высшим образованием среди работающих пенсионеров старшей возрастной группы в 2012 г. составляла около 33% против 30% среди работающих и не получающих пенсию; доля лиц со средним специальным образованием — 34% против 24% соответственно.

Как показал проведенный анализ, факторами, определяющими размер индивидуального дохода пенсионеров старшей возрастной группы, являются уровень образования, место жительства и пол пенсионера. Прежде всего рассмотрим фактор образования. На протяжении всех лет социологического исследования RLMS-HSE, начиная с 1994 по 2012 г., уровень индивидуального дохода пенсионеров старшей возрастной группы с высшим образованием превышает индивидуальные доходы пенсионеров старшей возрастной группы с неполным средним образованием в среднем в 1,6–2 раза. В 2012 г. уровень индивидуального дохода пенсионеров старшей возрастной группы с высшим образованием составлял в среднем 18798 руб. в месяц, лиц со средним специальным образованием, общим средним образованием и неполным средним образованием — 14337, 12981 и 11503 руб. в месяц соответственно (см. рис. 3).

В 2012 г. уровень индивидуального дохода пенсионеров старшей возрастной группы с высшим образованием превышал уровень дохода пенсионеров старшей возрастной группы с неполным средним образованием с учетом 95% доверительного интервала разности средних на 6255–8727 руб. в месяц; для лиц со средним образованием этот показатель находится на уровне от 4537 до 7209 руб. в месяц; для лиц со средним специальным образованием этот показатель составил от 3213 до 5857 руб. в месяц¹.

Рассмотрим уровень индивидуального дохода пенсионеров старшей возрастной группы в зависимости от места жительства респондентов. Наибольший индивидуальный доход зафиксирован у пенсионеров, проживающих в областном центре; так, например, в 1994 г. индивидуальный доход в этой группе составил 5408 руб. (в руб. 2012 г.), а в 2012 г. — 16047 руб. в месяц. Уровень индивидуального дохода пенсионеров старшей возрастной группы, проживающих в селе на протяжении всех

¹ Расчет 95% доверительного интервала разности средних был осуществлен при помощи однофакторного дисперсионного анализа с использованием апостериорного критерия Геймс-Хоуэлла. Данный критерий применяется для случаев, когда дисперсии не равны, что и было характерно для наших данных.

лет наблюдения, по данным RLMS-HSE остается самым низким: в 1994 г. он составил 3732 руб. в месяц (в руб. 2012 г.), а в 2012 г. – 11788 руб. в месяц, что составило примерно 73–74% от индивидуального дохода пенсионеров областного центра.

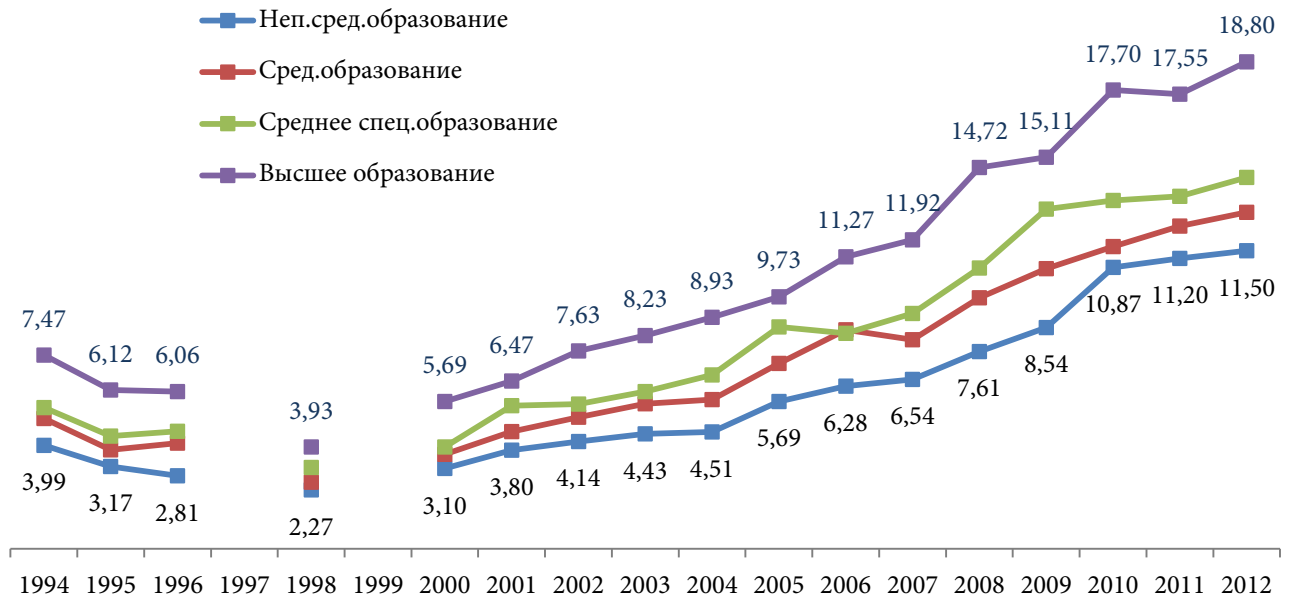

Рисунок 3. Уровень индивидуального дохода пенсионеров в зависимости от уровня образования, 1994–2012 гг., в тыс. руб. 2012 г.

Рассматривая ситуацию по уровню индивидуального дохода пенсионеров старшего возраста в зависимости от места жительства в более обобщенном виде (см. рис. 4), можно утверждать, что в целом за весь период наблюдения уровень дохода горожан превышал уровень дохода селян в среднем на 2741–3108 руб. в месяц (в руб. 2012 г.). В 2012 г. уровень индивидуального дохода пенсионеров – горожан старшего возраста превышал индивидуальный доход пенсионеров – селян старшей возрастной группы с учетом 95% доверительного интервала на 2555–3706 руб. в месяц (или на 20 процентных пунктов).

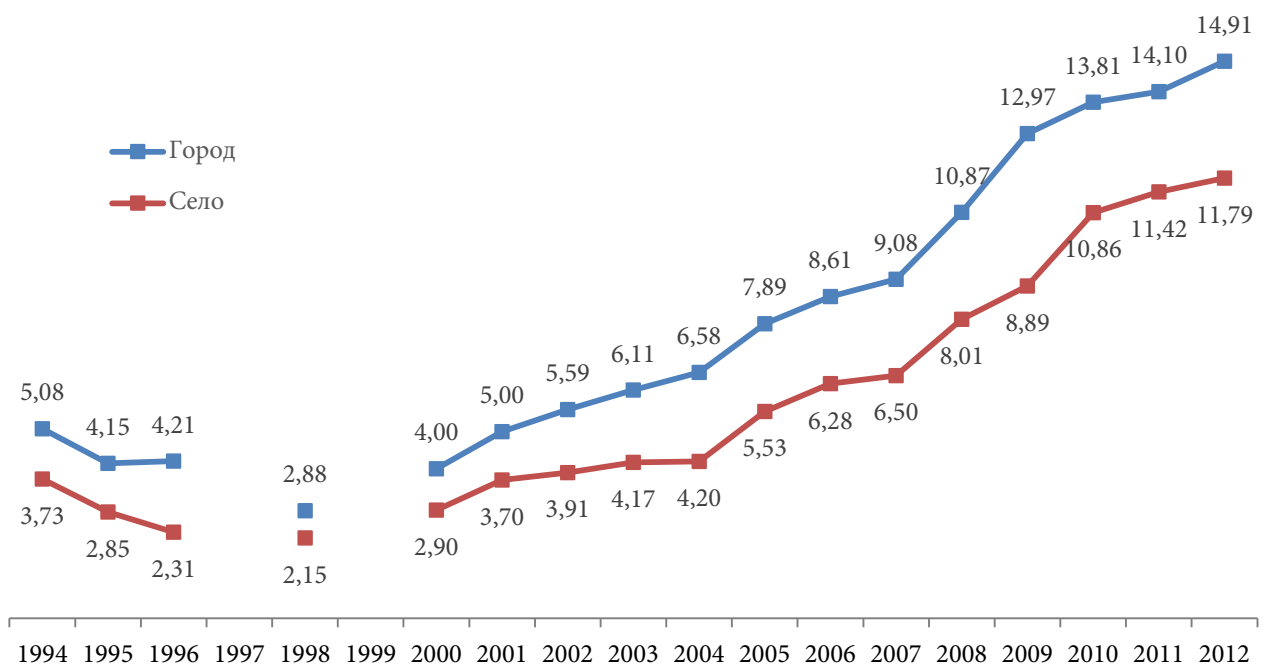

Рисунок 4. Уровень индивидуального дохода пенсионеров в зависимости от места жительства, 1994–2012 гг., в тыс. руб. 2012 г.

Средний уровень индивидуального дохода пенсионеров старшей возрастной группы, мужчин и женщин, в 1994 г. составлял 5678 и 4294 руб. в месяц (в руб. 2012 г.), в 2012 г. — 15366 и 13725 руб. соответственно. Средний уровень индивидуального дохода женщин-пенсионерок старшей возрастной группы на протяжении всех замеров RLMS-HSE с 1994 по 2012 г. уступал среднему уровню индивидуального дохода мужчин-пенсионеров старшей возрастной группы (исключением является 2009 г., где статистически значимых различий в доходах не зафиксировано). Разность средних для этих групп россиян в среднем составляла от 3642 до 3953 руб. в месяц (в руб. 2012 г.). На основе данных RLMS-HSE правомерно утверждать, что этот показатель снижался и в 2012 г. составил от 1000 до 2000 руб. в месяц.

Наименьший уровень индивидуального дохода в 2012 г. зафиксирован у неработающих женщин, проживающих в селе и имеющих среднее образование, — в среднем 9431 руб. в месяц. Наибольший уровень индивидуального дохода пенсионеров старшей возрастной группы зафиксирован у работающих мужчин и женщин с высшим образованием, проживающих в городе, — 31 534 рубля и 30 622 руб. в месяц соответственно (см. рис. 5). Доля этих групп в общей численности населения России составляет среди мужчин около 0,4% (или около 550 тыс. человек), женщин около 1% (или около 1,4 млн человек).

Наибольшей по размеру группой являются неработающие женщины-пенсионеры старшего возраста со средним специальным образованием, проживающие в городе (около 5 млн человек). Среднемесячный доход этой группы составляет около 12 тыс. руб. Второй по численности группой являются неработающие женщины с неполным средним специальным образованием, проживающие в городе (около 4,5 млн человек), с доходом около 11 тыс. руб. в месяц. В целом представленные на рисунке 5 социально-демографические группы репрезентируют около 33 млн россиян.

По данным RLMS-HSE доля пенсии в уровне индивидуального дохода в группе пенсионеров старшего возраста неуклонно повышается после достижения 55 лет. Средний уровень индивидуального дохода в этой группе в возрасте 55 лет составляет около 20,5 тыс. руб. в месяц при пенсии около 8 тыс. руб. в месяц, т. е. доля пенсии в индивидуальном доходе гражданина равна около 40%. В возрасте 60 лет этот показатель возрастает до 60 процентных пунктов, а к 70 годам приближается к 90% (см. рис. 6).

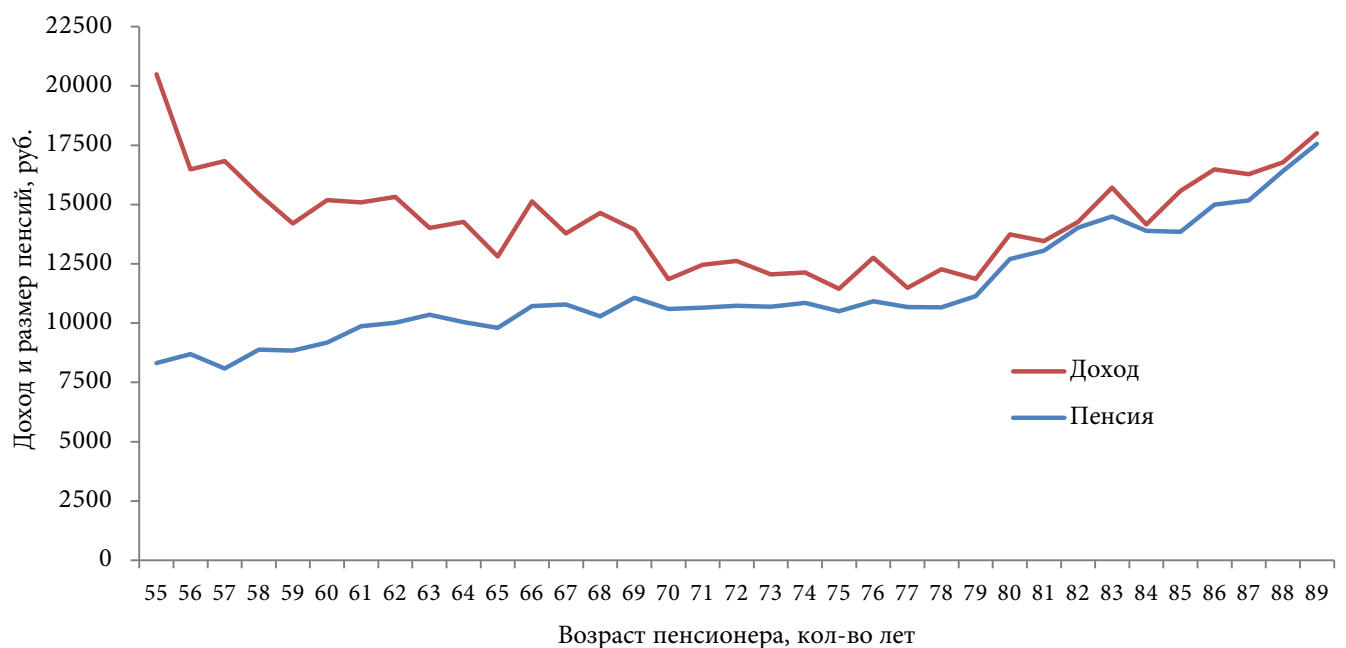

Рисунок 6. Уровень индивидуального дохода пенсионеров и размер пенсий лиц старшего возраста в зависимости от возраста в годичном интервале, 2012 г., в руб. 2012 г.

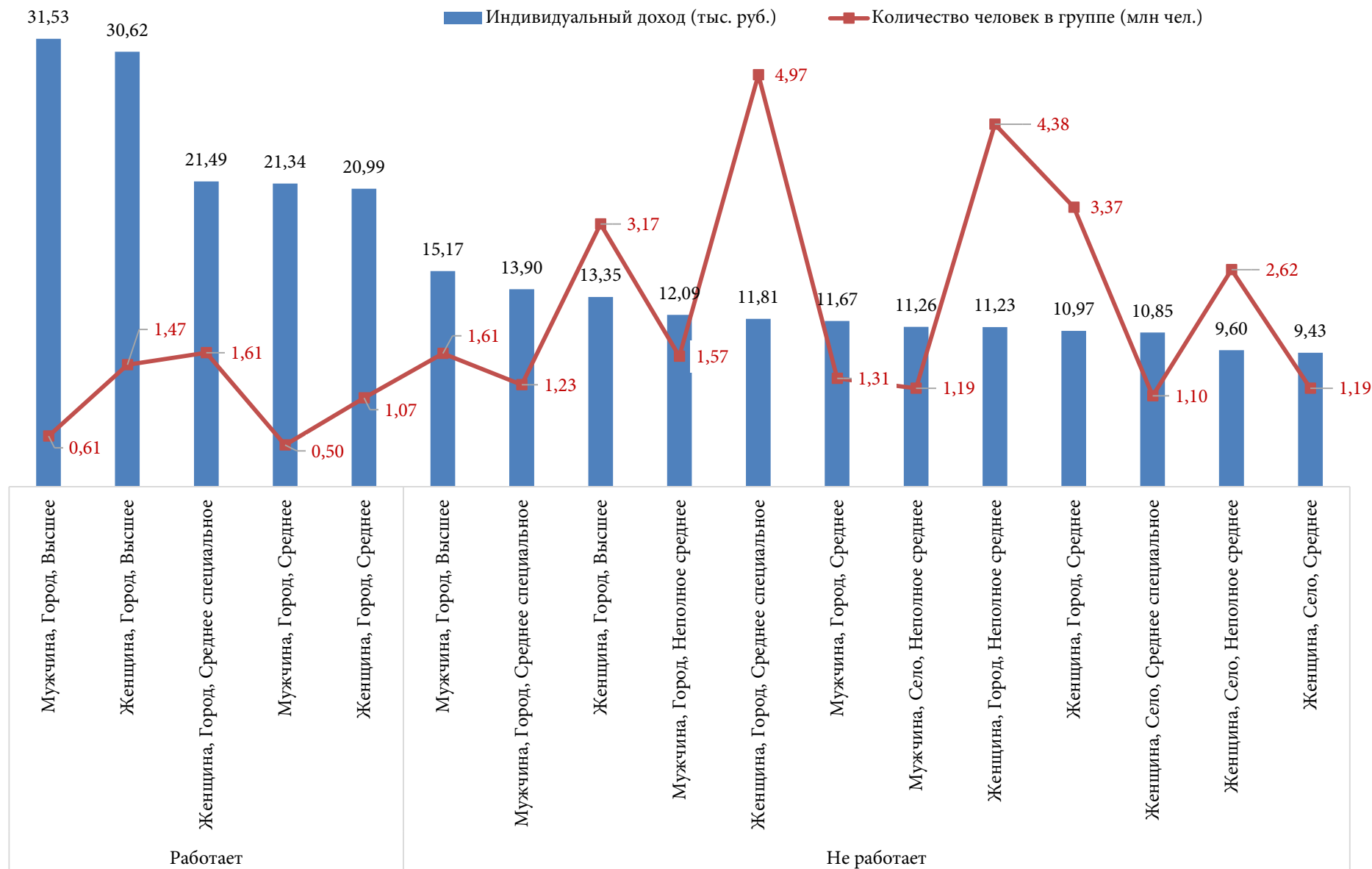

Рисунок 5. Уровень индивидуального дохода пенсионеров в зависимости от трудовой занятости, пола, места жительства и уровня образования и наполнение групп (в абсолютных цифрах по России в целом), в тыс. руб. 2012 г., количество человек

В исследовании RLMS-HSE охвачены одиннадцать видов пенсий, предусмотренных законодательством РФ: трудовая пенсия по инвалидности, пенсия по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению, социальная пенсия по инвалидности, трудовая пенсия по потере кормильца, социальная пенсия по старости, военная пенсия и приравненная к ней, пенсия по выслуге лет как медработнику или учителю, пенсия по выслуге лет госслужащего, пенсия по старости по государственному пенсионному обеспечению и трудовая пенсия по возрасту (включая досрочные пенсии). В России большинство пенсионеров получают трудовую пенсию по возрасту, включая досрочную пенсию. В 2012 г. доля таких пенсионеров составляла около 23% населения России, получателями остальных видов пенсий являлись 8% россиян. Средний размер выплат по различным видам пенсий в период с 2005 по 2012 г. отражен в таблице 1.

Таблица 1

Средний размер пенсий россиян по видам, 2005–2012 гг., в руб. 2012 г.

Виды пенсий	Размер пенсии без доплат					Размер пенсии с доплатами		
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Трудовая пенсия по инвалидности	6192	6348	6519	7627	8158	11 395	11 678	12 017
Пенсия по инвалидности по государственному обеспечению	10 797	11 612	11 199	14 095	14 974	18 334	17 666	18 287
Социальная пенсия по инвалидности	3670	5070	4437	8044	5045	8069	9442	10 760
Социальная пенсия нетрудоспособным гражданам	4131	7073	6902	10 962	10 204	10 782	13 218	13 233
Трудовая пенсия по потере кормильца	4989	5525	5339	7483	7066	10 628	10 105	11 878
Социальная пенсия по старости (без трудового стажа)	5313	4934	3999	3247	4364	8452	8550	8872
Военная пенсия или приравненная к ней	11 061	10 931	10 625	10 546	13 094	13 660	15 305	20 806
Пенсия по выслуге лет как медработнику или учителю	5141	5388	5227	5735	7013	8181	9069	10 163
Пенсия по выслуге лет госслужащему	5956	6550	9739	18 080	14 373	14 286	19 078	14 266
Пенсия по старости по государственному пенсионному обеспечению	5227	6275	6236	6543	7684	10 487	10 521	11 136
Трудовая пенсия по старости, включая досрочные пенсии	5083	5332	5473	6501	7230	9611	10 042	10 298

Как видно из данных, приведенных в таблице 1, в период с 2005 по 2012 г. среди пенсионеров старшей возрастной группы возросли выплаты по всем видам пенсий. Наиболее представительными в количественном отношении являются пенсионеры старшей возрастной группы, получающие трудовую пенсию по старости (21,6% населения России). Для этих лиц трудовая пенсия увеличилась с 5083 руб. (без доплат) в месяц в 2005 г. до 10298 руб. в месяц в 2012 г. (в ценах 2012 г., с доплатами). Наибольший размер пенсионных выплат осуществляется

военным пенсионерам (и приравненным к ним гражданам) и пенсионерам-инвалидам, получающим пенсию по инвалидности по государственному обеспечению, в 2012 г. средний размер пенсий этих групп составлял 20806 и 18287 руб. в месяц соответственно.

Сравнительный анализ среднего размера пенсий пенсионеров старших возрастов по данным RLMS-HSE в период с 1994 по 2012 г. свидетельствует о том, что на протяжении всех лет наблюдения размер пенсий, выплачиваемых этой категории россиян, превышал средние показатели назначенных пенсий по данным Росстата на 10–20 процентных пунктов. В 2012 г. средний размер пенсий пенсионеров старших возрастов составил по данным RLMS-HSE 10565 руб. в месяц, при средних показателях размера пенсий по России 9041 руб. в месяц по данным Росстата (см. рис. 7).

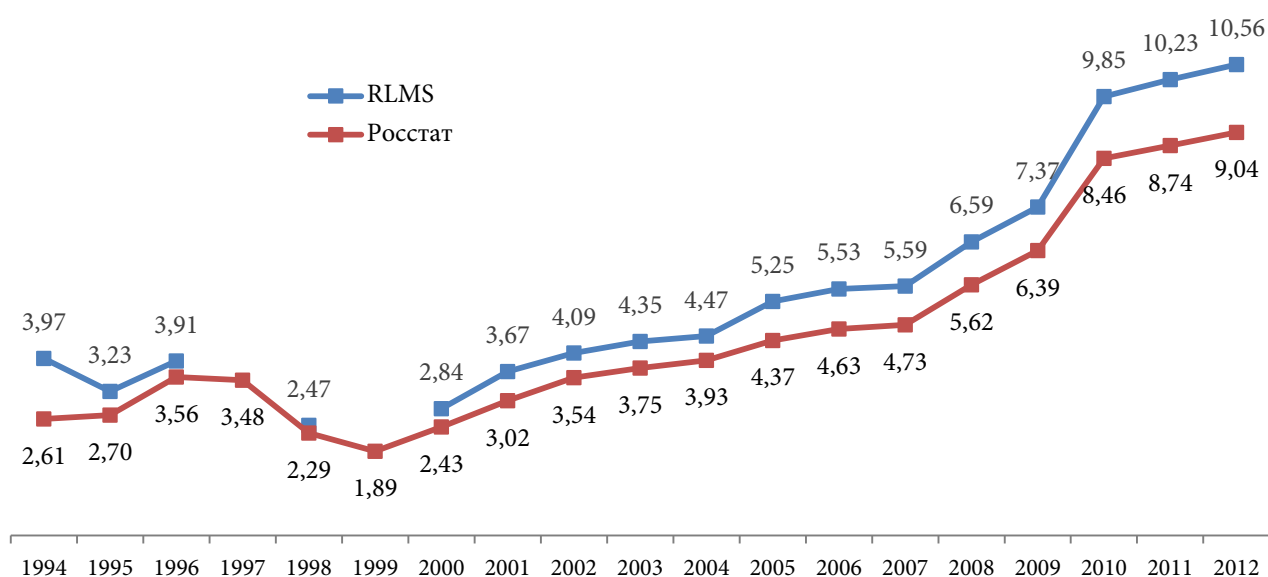

Рисунок 7. Средний размер пенсий пенсионеров по данным RLMS-HSE и размер начисленных пенсий по данным Росстата, 1994–2012 гг., в тыс. руб. 2012 г.

Поскольку, на наш взгляд, приведенные данные об индивидуальном доходе пожилых людей не дают полного представления об уровне их материального благосостояния, проделанный анализ необходимо дополнить сведениями о семейном среднедушевом доходе домохозяйств, где проживают люди пенсионного возраста. Сравнительный анализ среднедушевого дохода домохозяйств, включающих в себя лиц пенсионного возраста, и домохозяйств, где не проживают лица старшей возрастной группы, показал, что с 2000 до 2008 г. в семьях, где проживают пенсионеры, уровень среднедушевого дохода составлял примерно 80% от среднедушевого дохода домохозяйств, состоящих исключительно из лиц предпенсионного возраста. Начиная с 2009 и до 2012 г. статистически значимых различий среднедушевого дохода в указанных группах домохозяйств не зафиксировано (см. рис. 8).

Рассмотрев данные по динамике соотношения среднедушевых доходов домохозяйств, включающих или нет лиц пенсионного возраста старшей возрастной группы, следует отметить, что в 2012 г. в семьях пенсионеров старшего возраста проживало около 13% населения России, т. е. около 19 млн человек.

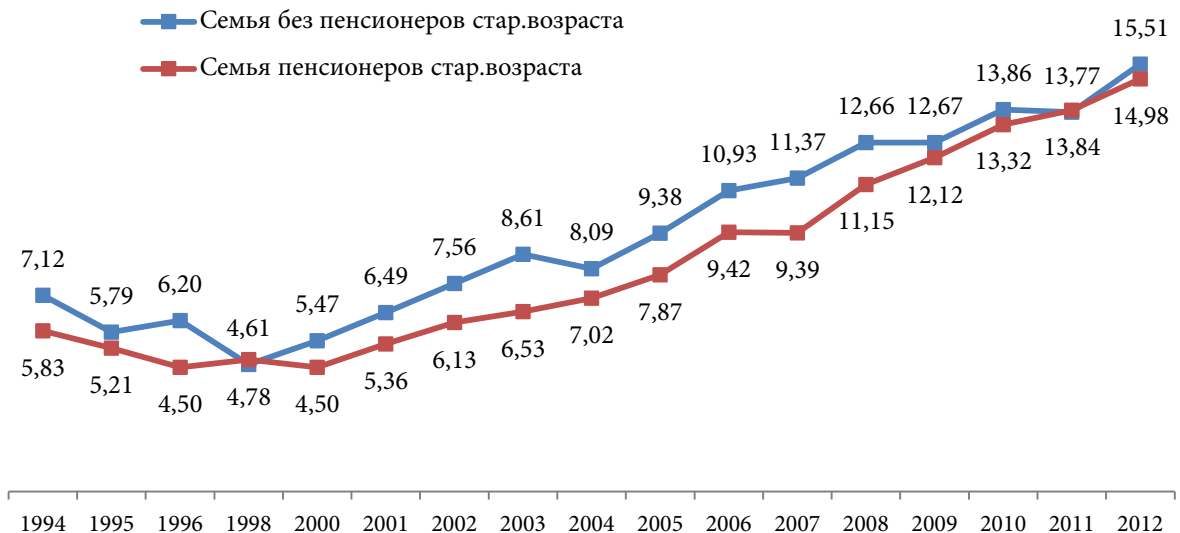

Рисунок 8. Среднедушевой доход в семьях пенсионеров и в семьях без пенсионеров, 1994–2012 гг., в тыс. руб. 2012 г.

Социально-демографические характеристики пенсионеров

В качестве основных социально-демографических характеристик пенсионеров старшей возрастной группы рассмотрим средний возраст выхода на пенсию и средний срок пребывания на пенсии, средний возраст, образовательный уровень и гендерный профиль групп работающих и неработающих пенсионеров, общий трудовой стаж, а также динамику доходов и расходов домохозяйств, включающих в себя лиц пенсионного возраста.

Как видно из данных, приведенных на рисунке 9, средний возраст назначения трудовой пенсии по возрасту, включая досрочные пенсии, в 2007–2012 гг. составлял для мужчин 58–59 лет, для женщин – около 54 лет. В указанный период пенсионеры-мужчины уже находились на пенсии в среднем в течение 14 лет, в случае женщин тот же показатель составлял 11,5 лет.

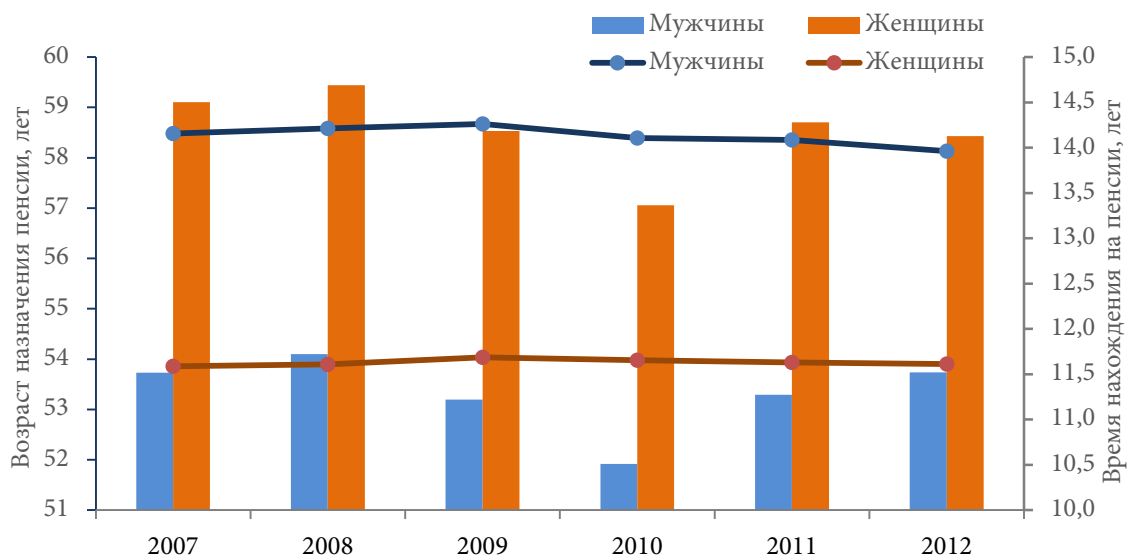

Рисунок 9. Средний возраст назначения трудовой пенсии и средняя продолжительность нахождения на пенсии, 2007–2012 гг., количество лет

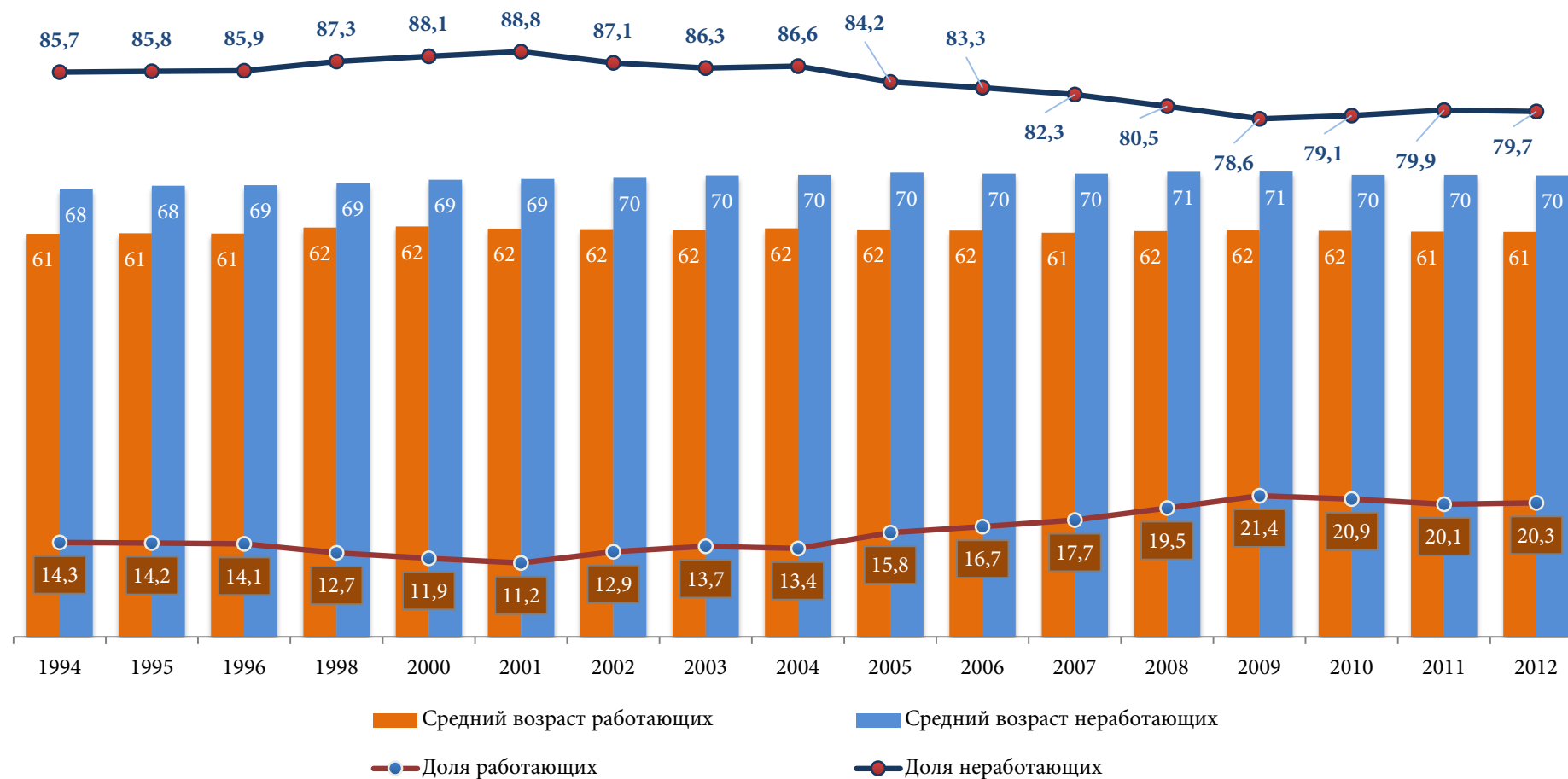

Рисунок 10. Средний возраст и доля пенсионеров, работающих и не работающих на момент проведения опроса, 1994–2012 гг.

На протяжении всех лет исследований RLMS-HSE средний возраст работающих пенсионеров старшей возрастной группы находился в пределах 61–62 лет, возраст неработающих пенсионеров – 68–70 лет (см. рис. 10).

Доля работающих пенсионеров в период с 1994 по 2012 г. увеличилась с 14 до 20% (с небольшим снижением в 2001 г. до 11,2%). В абсолютных значениях в 1994 г. работающие пенсионеры старшего возраста составляли 4,4–4,5 млн человек, тогда как к 2012 г. эта цифра увеличилась до 7,4–7,5 млн человек.

Доля лиц с высшим образованием среди продолжающих работу пенсионеров старшей возрастной группы в 1994 г. составляла 24%, тогда как неполное среднее образование имели 42% работающих пенсионеров. Однако к 2012 г. ситуация изменилась: лица с неполным средним образованием в группе работающих пенсионеров составили только 8%, в то время как число пенсионеров, продолжающих работать, с высшим образованием, достигло 34%. Данная тенденция свидетельствует об увеличении спроса на специалистов и снижении спроса на лиц старшего возраста, имеющих низкую квалификацию. Вероятно, эта ситуация связана также с вытеснением пенсионеров старшего возраста с рынка труда более молодыми и в силу этого более конкурентоспособными в сфере неквалифицированного труда мигрантами из ближнего зарубежья.

В течение всех лет исследования RLMS-HSE зафиксировано увеличение времени работы после назначения пенсий в группе пенсионеров старшего возраста. Исключение составили 1998 и 2010 гг., являвшиеся годами экономического кризиса (см. рис. 11). В 1994 г. пенсионеры старшей возрастной группы после назначения пенсий работали в среднем 6,2–7,5 лет (с учетом 95% доверительного интервала), в 2012 г. этот срок составил 8,1–9 лет (с учетом 95% доверительного интервала).

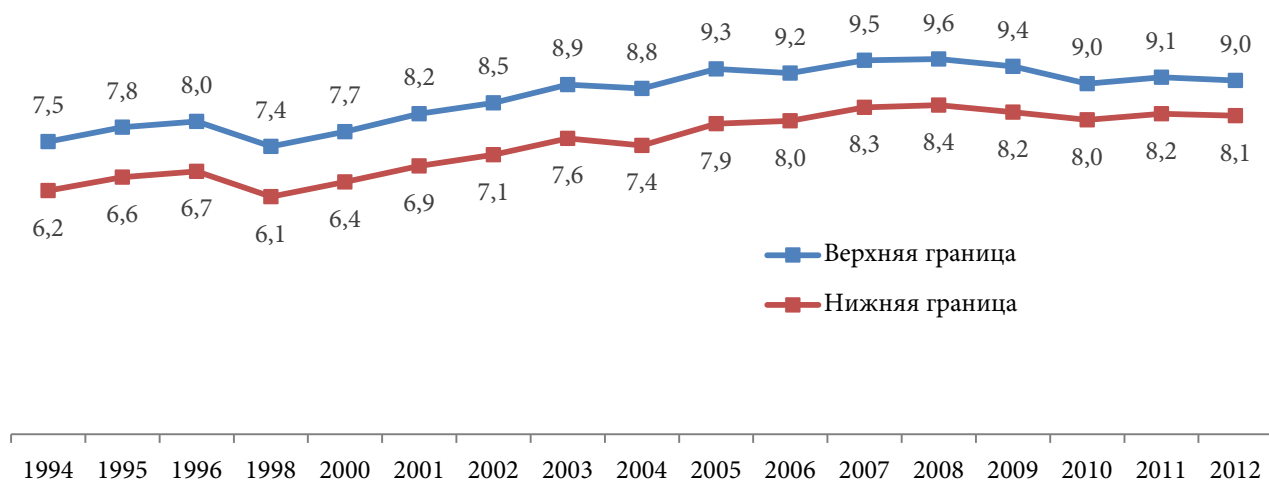

Рисунок 11. Динамика изменения 95% доверительного интервала времени прекращения работы после назначения пенсии, 1994–2012 гг., количество лет

В 2003–2012 гг. к моменту назначения пенсий доля работающих среди женщин в возрасте 55 лет составляла 52%, среди мужчин 60 лет – 41%. Как видно на рисунке 12, в указанный период с увеличением возраста пенсионеров происходило снижение доли работающих лиц¹. Следует обратить внимание на то, что

¹ Анализ осуществлен по консолидированной группе пенсионеров старших возрастов (2003–2012 гг.). Объединение в одну группу пенсионеров старшего возраста десяти последних волн RLMS-HSE было осуществлено с целью увеличения наполняемости групп в годичных возрастных интервалах, что необходимо было сделать во избежание флуктуации показателя.

во всех возрастных группах доля работающих пенсионеров-мужчин несколько превышает долю работающих пенсионеров-женщин. К 72 годам, верхней границе возраста экономически активного населения, доля работающих мужчин составляет около 10%, доля работающих женщин — около 4%.

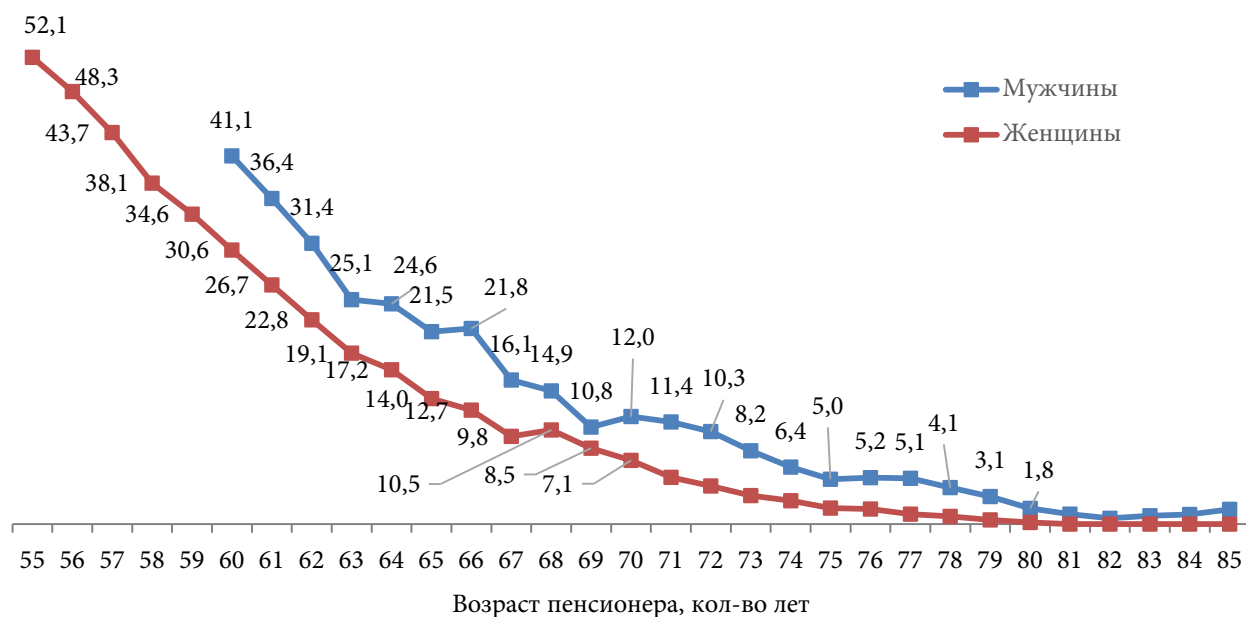

Рисунок 12. Доля работающих пенсионеров по группам мужчин и женщин в зависимости от возраста, 2003–2012 гг., в %

Общий трудовой стаж пенсионеров старшей возрастной группы в период с 2005 по 2012 г. составлял около 37 лет. Статистически значимых различий по продолжительности общего трудового стажа в зависимости от места проживания и уровня образования пенсионеров не зафиксировано. При этом статистически значимыми в группе пенсионеров старшего возраста оказались различия в продолжительности общего трудового стажа между мужчинами и женщинами. Для мужчин в 2012 г. средний трудовой стаж составлял около 39 лет, для женщин — 35 лет (см. рис. 13). В целом за период показатель разности средних значений общего трудового стажа пенсионеров — мужчин и женщин — с учетом 95% доверительного интервала составлял 4,4–5 лет.

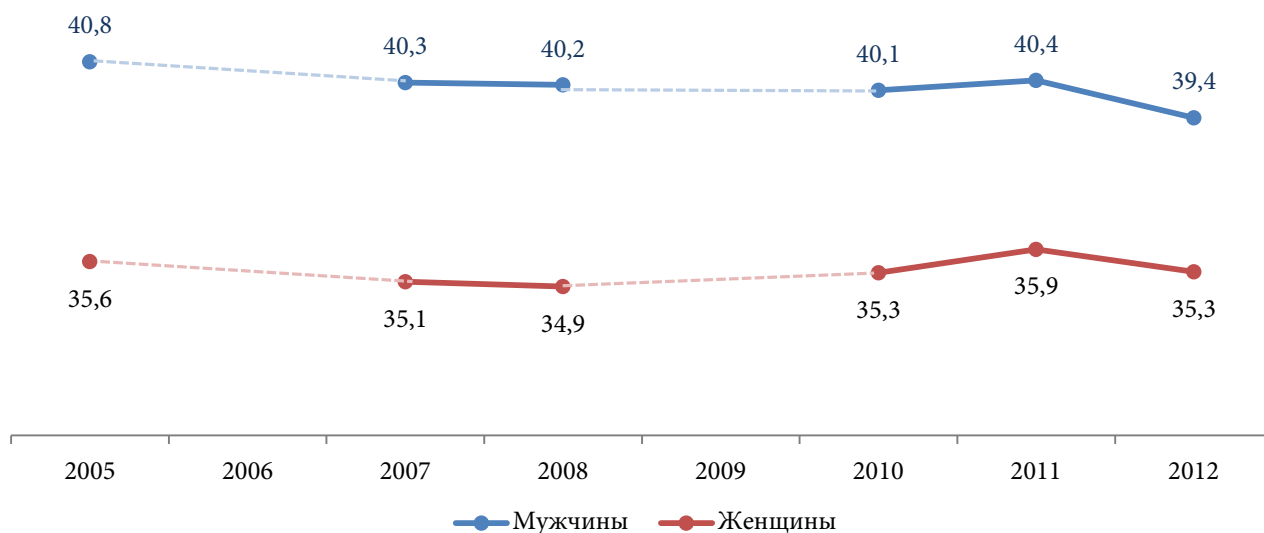

Рисунок 13. Общий трудовой стаж пенсионеров, 2005–2012 гг., лет

В период с 1994 по 2012 г. доля семей пенсионеров старшей возрастной группы постепенно возрастала и к 2012 г. достигла 25,5%, составив в абсолютных цифрах 20 млн человек (см. рис. 14). Среди указанных домохозяйств доля одиноко проживающих пенсионеров в 1994 г. насчитывала около 55%, к 2012 г. она увеличилась почти до 60%. В общей структуре российских домохозяйств семьи одиноко проживающих пенсионеров старшей возрастной группы в 2012 г. составили около 15%.

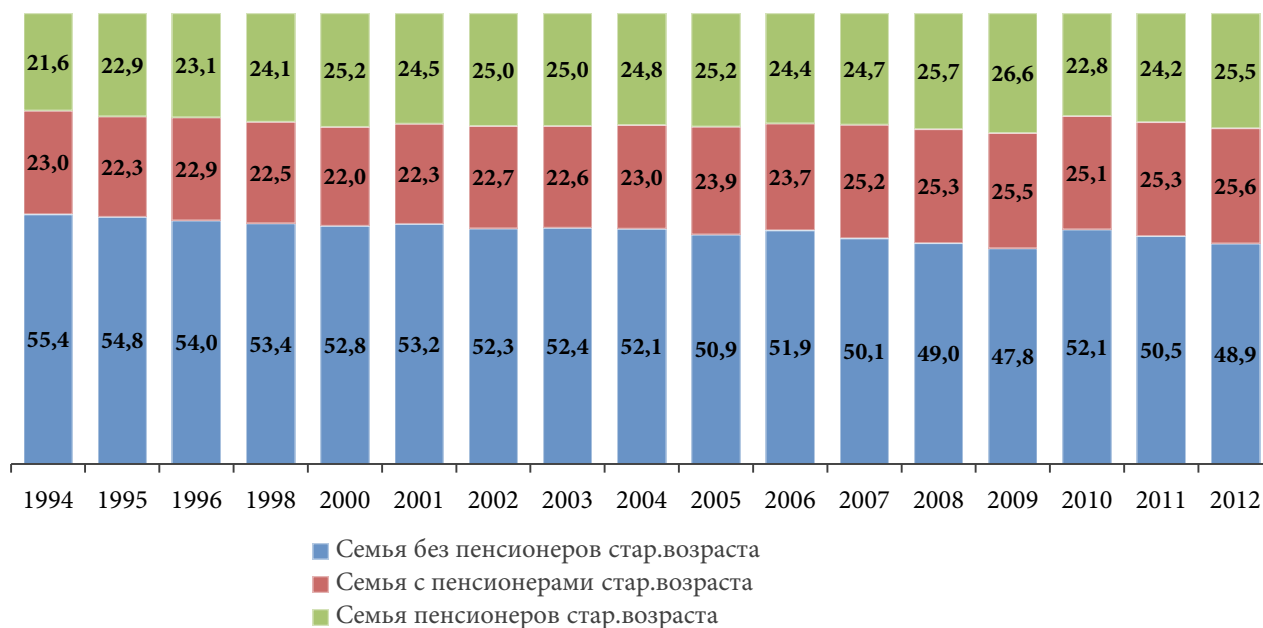

Рисунок 14. Доля семей без пенсионеров, с пенсионерами и семей, состоящих только из пенсионеров, 1994–2012 гг., в %

По данным RLMS-HSE в 2012 г. около 11% российских семей, состоящих из пенсионеров старшей возрастной группы, проживали в областном центре, около 7% – в городах и поселках городского типа, около 7,5% – в селах. В 2012 г. среднедушевой доход одиноко проживающих пенсионеров в областном центре составлял 16 тыс. руб. в месяц, в городе – около 14 тыс. руб. в месяц, в селе – около 13 тыс. руб. в месяц.

Как было указано выше, начиная с 2009 г. среднедушевой доход домохозяйств, включающих пенсионеров старшего возраста, практически не отличался от среднедушевого дохода других домохозяйств. При этом в 2012 г. потребительские расходы семей без пенсионеров из расчета на одного человека превышали соответствующий показатель семей пенсионеров старшего возраста в 1,4 раза и составляли 19162 руб. в месяц по сравнению с 14188 руб. в месяц семей пенсионеров старшего возраста. В целом за анализируемый период 1994–2012 гг. расходы семей без пенсионеров в 1,3 раза превышали расходы семей пенсионеров старшего возраста (см. рис. 15).

В семьях пенсионеров старшего возраста основной статьёй расходов являются продукты питания. За период с 1994 по 2012 г. доля этих расходов снизилась с 57 до 30%. Особенно резко расходы на питание сократились в 1998 г. (с 52,6% по данным 1996 г. до 35,3% по данным 1998 г.). За тот же период 1994–2012 гг. в бюджетах семей пенсионеров произошло увеличение доли расходов на медицинские нужды с 2,8 до 13% и коммунальных платежей с 1 до 11,5% (см. рис. 16).

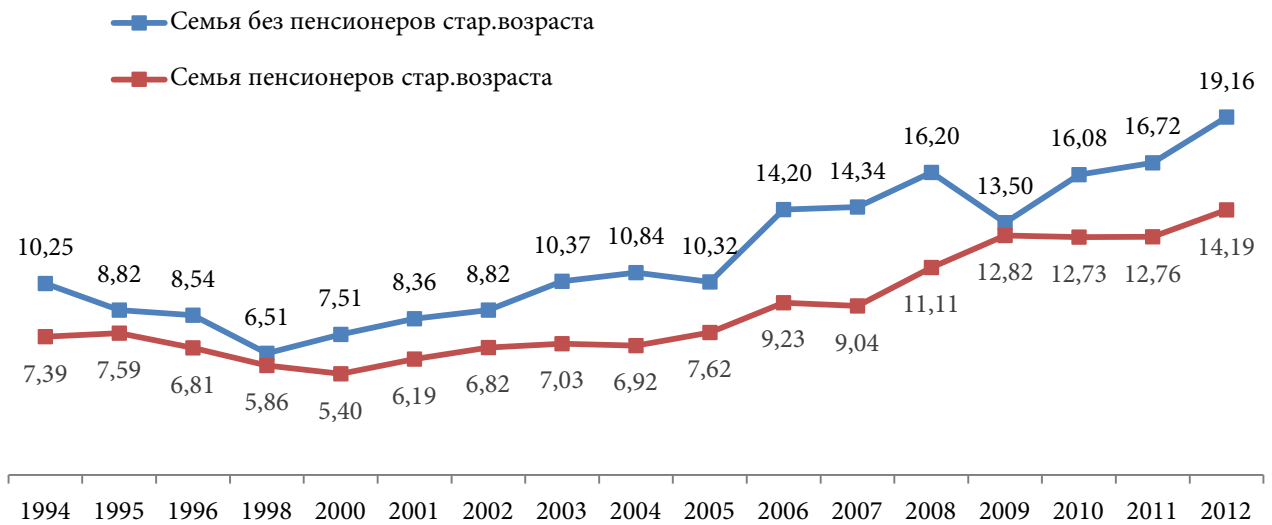

Рисунок 15. Потребительские денежные расходы семей без пенсионеров и семей пенсионеров из расчета на одного человека, 1994–2012 гг., в тыс. руб. 2012 г.

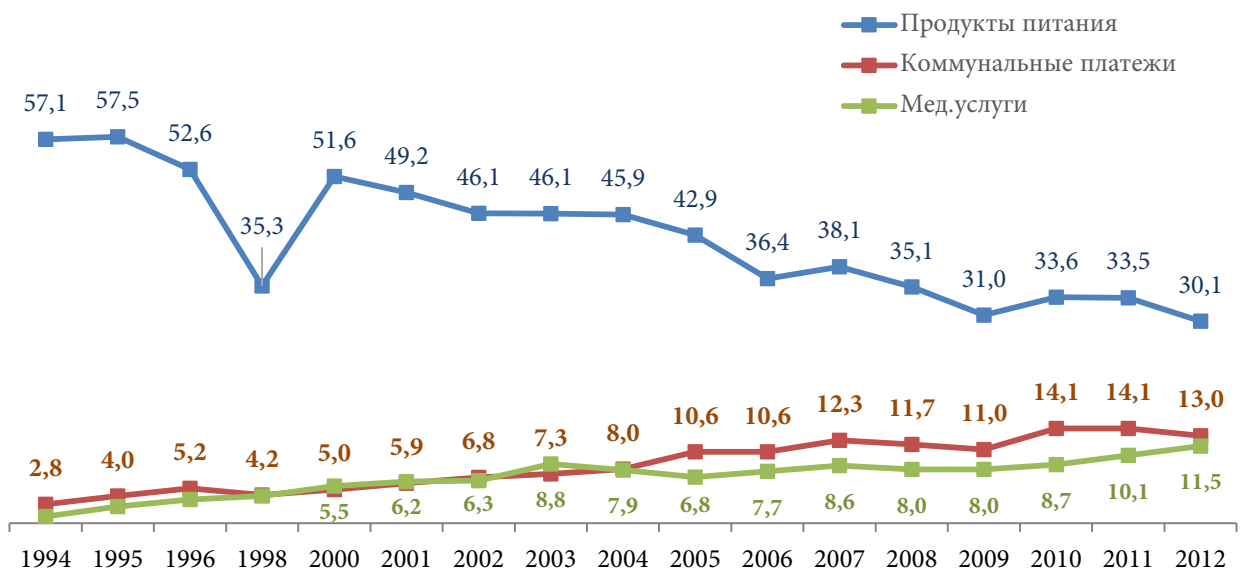

Рисунок 16. Расходы семей пенсионеров на продукты питания, коммунальные и медицинские услуги из расчета на одного человека, 1994–2012 г., в %

В 2012 г. суммарная доля расходов по указанным статьям в семьях лиц пенсионного возраста достигла 54,5%, тогда как в семьях без пенсионеров старшего возраста суммарная доля расходов по тем же статьям составила 31,2 процентных пункта.

Социальное самочувствие и состояние здоровья российских пенсионеров старшего возраста

Для пояснения понятия социального самочувствия воспользуемся подходом Ж. Тощенко и С. Харченко, которые понимают социальное самочувствие как «потребность в самосохранении себя как социального существа, члена группы и общества...»¹. В монографии «Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект», выпущенной в 2011 г. Институтом социологии РАН, социальное самочувствие характеризуется как «фактор и показатель адаптации и социокультурной интеграции личности и социума»². Однако применительно к изучаемой группе пенсионеров старшего возраста, на наш взгляд, целесообразно сделать акцент не столько на адаптации, сколько на «не выдавливании» этой группы из социума, т. е. не столько на присоединении группы (личности) к социуму, сколько на способности социума (общества, государства, отдельного человека) принять позиции, взгляды, установки, мнения людей старшего поколения.

Данные RLMS-HSE позволяют проследить динамику субъективных оценок социального самочувствия лиц пенсионного возраста. В качестве эмпирического индикатора диагностики социального самочувствия воспользуемся ответами респондентов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?». Для интерпретации социального самочувствия пенсионеров старшей возрастной группы и его сравнения с условно эталонным индикатором воспользуемся ответами респондентов по выборке в целом.

В период с 1994 по 2012 г. доля лиц, удовлетворенных своей жизнью, возросла в несколько раз. Для выборки в целом это показатель возрос с 14,6% в 1994 г. до 52,4% в 2012 г. За этот же период доля пенсионеров старшего возраста, считающих свою жизнь вполне удовлетворительной, возросла с 13,6 до 45,3% (см. рис. 17). Если в период с 1994 по 2002 г. доли удовлетворенных своей жизнью в группе пенсионеров старшего возраста и по выборке в целом не имели статистически значимых различий, то с 2003 по 2012 г. отставание пенсионеров старшего возраста составило 7–8 процентных пунктов. Если абстрагироваться от всех внеэкономических факторов, то можно сказать, что в 2012 г. для удовлетворенности жизнью пенсионерам старшего возраста необходим средний индивидуальный доход в размере 13,5 тыс. руб. в месяц, в то время как по выборке в целом этот показатель составил 17,5 тыс. руб. в месяц.

Начиная с 1998 г. наметилась определенная тенденция снижения доли лиц, идентифицирующих себя с наименее обеспеченной частью населения России (1–3 ступени) в экономическом пространстве по 9-балльной шкале. Это характерно как для выборки в целом, так и для пенсионеров старшего возраста. С 1998 г. среди пенсионеров старшего возраста доля таких лиц сократилась с 71% в 1998 г. до 44% в 2012 г. (см. рис. 18). В 2012 г. средний уровень индивидуального дохода пенсионеров старшего возраста, идентифицировавших себя с 1–3 ступенями

¹ Тощенко Ж., Харченко С. Социальное настроение. М.: Академия, 1996. С. 28.

² Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / Под ред. М. К. Горшкова. М.–СПб.: Нестор – История, 2011. С. 5.

пенями, составлял около 12,5 тыс. руб., а у пенсионеров старшего возраста, идентифицировавших себя с 7–9 ступенями (высокий уровень экономического положения), средний индивидуальный доход в том же году составлял около 15,5 тыс. руб. в месяц. Сравнение полученной информации с размером среднего уровня индивидуального дохода пенсионеров старшего возраста, удовлетворенных жизнью, делает правомерным вывод, что деньги в структуре социального самочувствия старшего поколения не являются определяющим фактором.

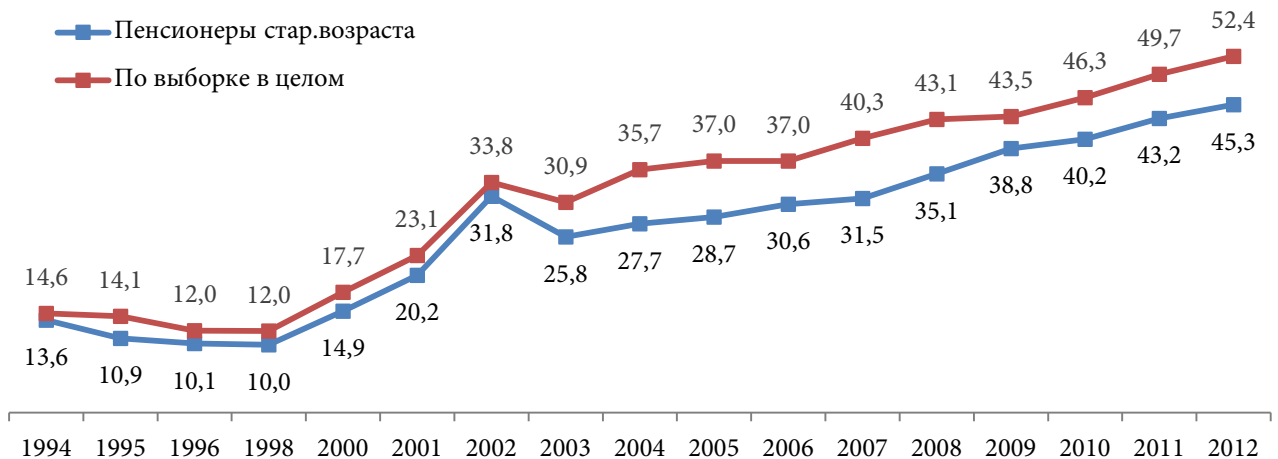

Рисунок 17. Уровень удовлетворенности жизнью пенсионеров и по выборке RLMS-HSE в целом, 1994–2012 гг., в %

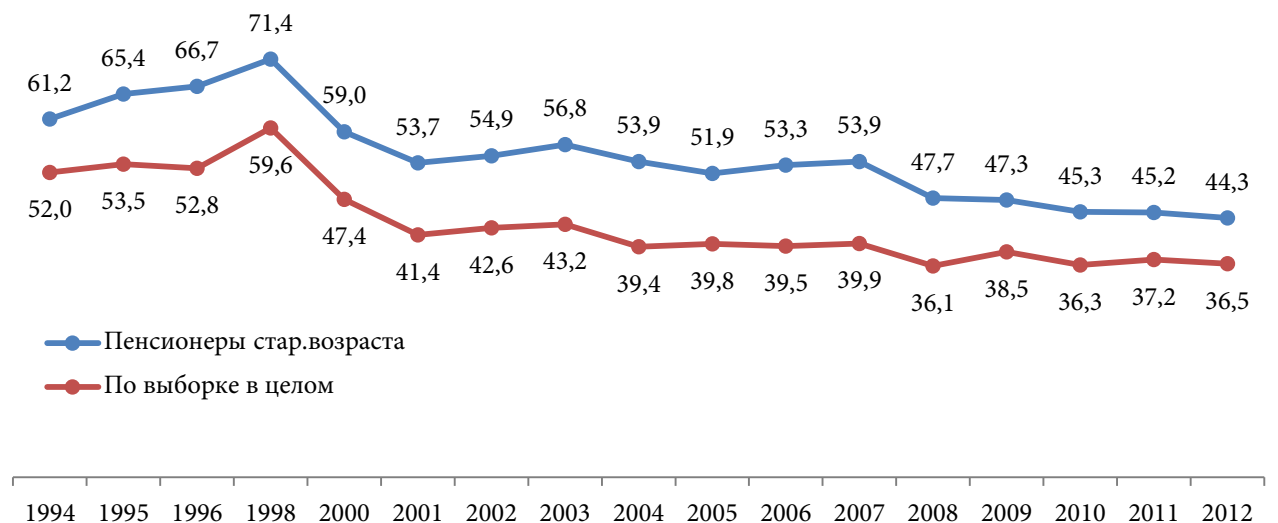

Рисунок 18. Доля пенсионеров старшего возраста в сопоставлении с долей лиц по выборке в целом, идентифицирующих себя с бедными людьми, 1994–2012 гг., в %

В правовом пространстве пенсионеры старшего возраста склонны определять свое положение как бесправное. Такой вывод можно сделать на основании ответов респондентов этой группы на вопрос «Представьте себе лестницу, из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей — те, у кого большая власть. На какой из девяти ступени находитесь Вы?» В 2012 г. 52,3% респондентов из этой группы отнесли себя к 1–3 ступеням (бесправные).

Тем не менее, необходимо отметить некоторый прогресс в правовом поле России: если в 1998 г. в определенной степени бесправными себя считали 72% населения России, то к 2012 г. этот показатель снизился до 41,4% (см. рис. 19).

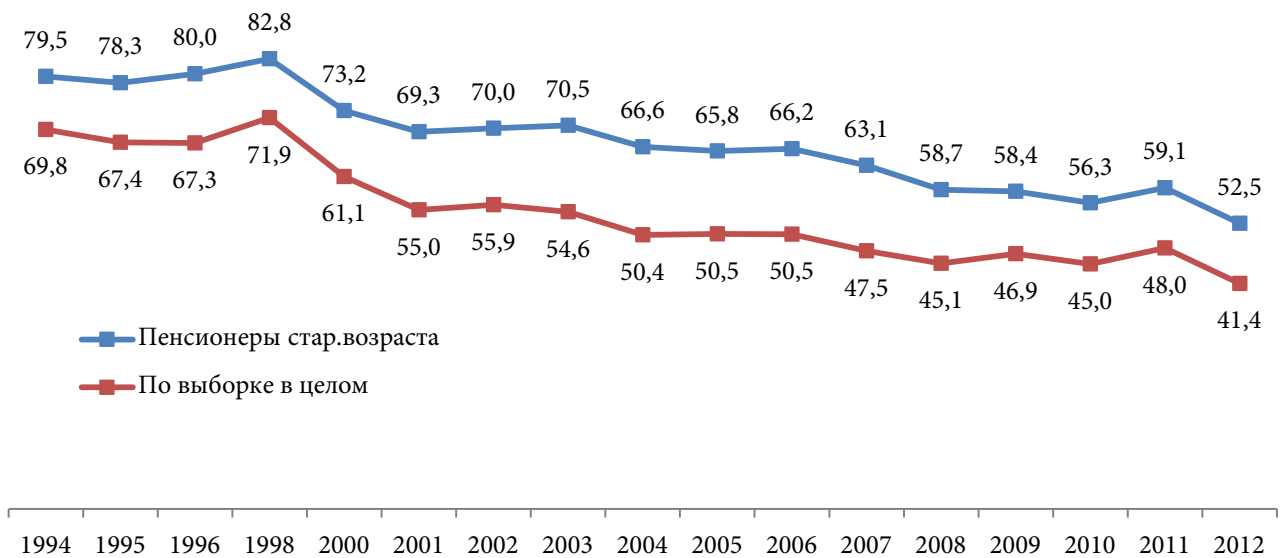

Рисунок 19. Доля пенсионеров в сопоставлении с долей лиц по выборке в целом, идентифицирующих себя с бесправными людьми, 1994–2012 гг., в %

В целом по выборке лица, считающие себя бесправными в правовом отношении (1–3 степени), и лица, по их словам обладающие определенным уровнем правовой защищенности (7–9 степени), отличаются друг от друга по уровню индивидуального дохода в среднем на 6 тыс. руб. Среднее значение уровня индивидуального дохода составляет 14,3 тыс. руб. в месяц у первой группы и 20,5 тыс. руб. в месяц у второй. В случае пенсионеров старшего возраста эта разница сокращается до 2 тыс. руб. в месяц, среднее значение уровня индивидуального дохода составляет 13,7 тыс. руб. в месяц в случае лиц, чувствующих себя незащищенными в правовом поле, и 15,7 тыс. руб. в месяц у уверенно чувствующих себя пенсионеров.

Доля пенсионеров старшего возраста, оценивающих свое здоровье как плохое в анализируемый период, снизилась с 46% в 1994 г. до 32% в 2012 г. Для населения в целом доля лиц, оценивающих свое здоровье как плохое, в тот же период находилась в интервале 11–16 процентных пунктов (см. рис. 20). По данным 2012 г. индивидуальный доход пенсионеров с субъективной оценкой своего здоровья как плохого составлял около 12,5 тыс. руб. в месяц, доход пенсионеров, оценивших свое здоровье как хорошее, доходил до 18 тыс. руб. в месяц. В ходе проделанного анализа была выявлена закономерность, состоящая в том, что на протяжении всех 17 волн RLMS-HSE индивидуальный доход лиц, субъективно оценивающих свое здоровье как плохое, был значительно ниже, чем у лиц, оценивающих свое здоровье как хорошее. Это положение касается как пенсионеров старшего возраста, так и всех респондентов в целом.

В период с 2003 по 2012 г. доля пенсионеров старшего возраста, имеющих первую группу инвалидности, была равна 3–4% (в 2012 г. – 3,2%). Средний возраст этих людей в 2012 г. составлял около 73 лет, индивидуальный доход – около 15 тыс. руб. в месяц. Вторую группу инвалидности в период с 1994 по 2012 г. имели от 15 до 19% пенсионеров старшего возраста (в 2012 г. – около 15%). Средний возраст этой группы так же составлял около 73 лет, при среднем инди-

видуальном доходе в 2012 г. около 14 тыс. руб. в месяц. Третью группу инвалидности в анализируемый период имели от 2 до 7% пенсионеров старшего возраста (в 2012 г. – 7,2%), средний уровень их индивидуального дохода в 2012 г. равнялся 13,7 тыс. руб. в месяц.

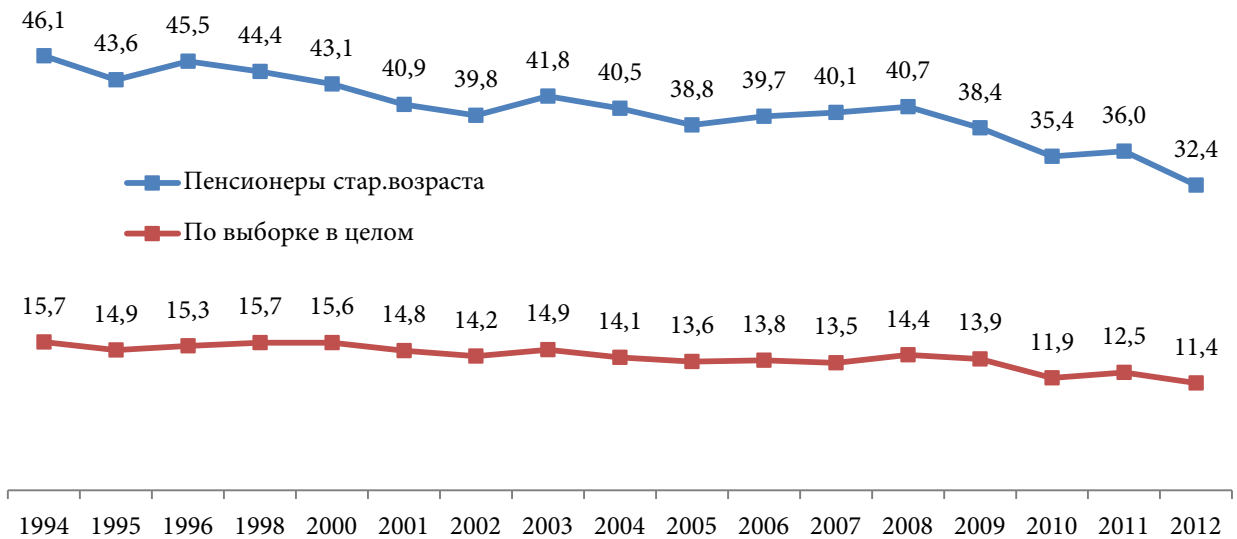

Рисунок 20. Доля пенсионеров в сопоставлении с долей лиц по выборке в целом, оценивших свое здоровье как плохое, 1994–2012 г., в %

Проведенный анализ материального положения пенсионеров старшей возрастной группы может быть резюмирован в следующих утверждениях:

1. Доля пенсионеров старшего возраста в структуре населения России составляла в 2012 г. около четверти населения, или около 36 млн человек, средний возраст – 67–69 лет, около 73% этой группы составляют женщины.

2. Уровень среднего индивидуального дохода пенсионеров старшего возраста в 2012 г. составлял около 14 тыс. руб. в месяц, или около 62% от среднедушевого дохода по России по данным Росстата.

3. Пенсионеры старшего возраста являются далеко не гомогенной группой по уровню материального обеспечения: суммарный доход 10% респондентов группы с наименьшим уровнем индивидуального дохода более чем в 6 раз уступает суммарному доходу 10% респондентов этой же группы с наибольшим уровнем индивидуального дохода (по данным 2012 г.).

4. На протяжении 1994–2012 гг. доля работающих пенсионеров старшего возраста постепенно увеличивалась и к 2012 г. составляла 20%; средний уровень индивидуального дохода работающих пенсионеров в 2012 г. составлял 24 тыс. руб. в месяц, тогда как у неработающих пенсионеров старшего возраста – 12 тыс. руб. в месяц.

5. Средний уровень индивидуального дохода пенсионеров старшего возраста с высшим образованием в 2012 г. превышал средний уровень индивидуального дохода пенсионеров старшего возраста с неполным средним образованием на 6,2–8,7 тыс. руб. в месяц.

6. Наименьший уровень индивидуального дохода в 2012 г. в группе пенсионеров старшего возраста был зафиксирован у неработающих женщин со средним образованием, проживающих в селе (около 9,5 тыс. руб. в месяц), численность этой группы составляет около 1,1 млн человек; наибольший уровень индивидуального дохода в 2012 г. зафиксирован у работающих мужчин с высшим образованием, проживающих в городе (около 31,5 тыс. руб. в месяц), численность этой группы составляет около 555 тыс. человек.

7. Доля пенсионных выплат в структуре индивидуального дохода пенсионера старшего возраста возрастает с увеличением возраста и к 70 годам составляет около 90% от индивидуального месячного дохода.

8. Средний размер пенсий лиц старшего возраста превышает средний размер назначенных пенсий по России (по данным Росстата) на протяжении всех лет исследования RLMS-HSE (1994–2012) на 10–20 процентных пунктов.

9. Средний возраст назначения пенсии по возрасту (включая досрочные пенсии) в группе пенсионеров старшего возраста составлял для мужчин 58–59 лет, для женщин около 54 лет.

10. Прекращение работы пенсионерами старшего возраста происходит через 8–9 лет после назначения пенсии. К 72 годам (верхней возрастной границе экономически активного населения) в группе пенсионеров старшего возраста продолжают работать около 10% мужчин и около 4% женщин.

11. Средняя продолжительность общего трудового стажа в группе пенсионеров старшего возраста составляет для мужчин около 40 лет, для женщин – около 35 лет.

12. В семьях, состоящих из пенсионеров старшей возрастной группы, в 2012 г. проживало около 20 млн человек. Доля этих семей в общей численности семей России составляет около 25,5%. Семьи одиноко проживающих пенсионеров старшей возрастной группы в структуре семей России в 2012 г. составляли около 15%.

13. Доля расходов на питание в семьях пенсионеров старшего возраста в структуре общих расходов в 2012 г. составляла 30%, на коммунальные услуги – 13% и на медицинское обслуживание – 11,5%.

14. Уровень общей удовлетворенности жизнью в целом в группе пенсионеров старшего возраста составляет около 45%, что на 7 процентных пунктов ниже, чем по выборке в целом.

15. Около 36% пенсионеров старшего возраста идентифицируют себя с бедными слоями общества, а около 40% считают себя бесправными членами общества.

Евграфова К. О.

ТРАНСПОРТНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Перемещение — один из важнейших и самых распространенных видов деятельности человека. Однако перемещение может как являться целью само по себе, так и входить в цепочку ключевых действий, предпринимаемых для достижения иных разнообразных целей: от посещения работы до поездки на отдых. Преодоление расстояний физического пространства оказывается совершенно необходимым для того, чтобы вступить во взаимодействие с большинством предметов и объектов. Тот факт, что изменения в транспортной системе влияют на организацию человеческой деятельности в городском и региональном пространствах, структурируют искусственную среду, стимулируют рост городов и определяют отношения между городами в национальных системах городов, широко известен еще со времен первых социальных исследований взаимозависимости городского общества и технологий¹.

Конечно, развитие телекоммуникационных технологий за последние полтора века внесло существенные коррективы в структуру взаимодействия физического и социального пространства. «Кротовые норы» радио и телефонных сетей, а также Всемирной глобальной сети способны мгновенно соединить две удаленные точки пространства нашей планеты в коммуникативный канал в реальном времени. Однако, даже если сегодня возможно совершать покупки в Интернете не выходя из дома, перемещение, необходимое для завершения данного действия, т. е. доставки, все равно будет осуществлено — если не одним индивидом, то другим. В данном случае мы видим феномен перераспределения структуры перемещений. А вот в случае с распространением удаленной занятости мы определенно сталкиваемся с сокращением количества перемещений. Все это открывает широкое поле для исследований, как теоретических, так и практических.

Когда мы говорим о перемещениях, предпринимаемых индивидами, мы неизбежно выходим на вопросы транспортной сферы, поскольку именно транспортные средства, как личные, так и средства общественного транспорта, — это то, что делает возможным совершать перемещения на более значительные расстояния на регулярной основе. В первую очередь транспорт оказывает влияние на взаимоотношения между физическим и общественным пространствами.

Трудно представить себе современные города и поселения, не пронизанные сетью автомагистралей и других транспортных артерий. Однако взаимодействие между транспортной и социальной сферами — не слишком популярная

¹ Yago G. The sociology of transportation // Annual Review of Sociology. Vol. 9. 1983. P. 171–190.

тема в современной отечественной социологии. В западной социологии эта тема стала активно развиваться также относительно недавно – примерно с середины 1970-х гг. Хорошая база для развития была на тот момент подготовлена проводящимися на регулярной основе транспортными обследованиями населения. Инициаторами таких обследований выступали представители транспортной сферы, нуждающиеся в данных для формирования программ транспортной политики и контроля их эффективности.

Причины, ограничивавшие развитие этого направления социологии, связаны с тем, что развитие транспортной системы за последнее столетие было столь стремительным, а его взаимодействие с социальной сферой столь сложным и опосредованным, что проследить и зафиксировать их взаимовлияние в краткосрочном периоде практически невозможно.

Основная трудность оценки социального влияния изменений в транспортной сфере связана с тем, что оно может принимать разнообразные формы, некоторые из которых практически невозможно измерить и оценить. Восприятие исследователями значимости разных социальных воздействий также может варьировать, возможно, отчасти потому, что до сих пор не так много внимания уделялось развитию методов, инструментов и техник оценки социальных последствий изменений в транспортной сфере¹.

Взаимодействие социальной и транспортной систем может носить очень разнообразный характер, но факт наличия этой связи совершенно очевиден. Так, исследования, проведенные в Великобритании, дают основание полагать, что около 40% лиц, находящихся в активном поиске работы, считают, что отсутствие личного транспорта и/или недостаточно развитая инфраструктура общественного транспорта – это основные проблемы, мешающие им в трудоустройстве. А более 1,4 млн человек указывают на то, что они пропустили или отменили визит к врачу или вообще не обращались за медицинской помощью в связи с транспортными проблемами².

В общем виде можно выделить основные точки взаимозависимости транспортной системы и социальной сферы, как это делается в англоязычной литературе. Так, само *наличие транспортных путей* (автомобильные дороги, железнодорожные пути и т. п.) может влиять на качество физической среды: видимость, световое и звуковое загрязнение, восприятие местности людьми, эстетика и качество жизни.

Еще один важный фактор транспортной системы, взаимодействующий с социальной средой, – это *припаркованные транспортные средства*, которые занимают большие открытые пространства и сокращают возможности активности на улицах. В литературе высокая плотность припаркованного транспорта ассоциируется с повышенными рисками травм среди пешеходов-детей³.

Ряд эффектов транспортной системы связан с *инфраструктурой общественного транспорта*: развитость маршрутных сетей, качество, стоимость и временные затраты на дорогу. Все это оказывает влияние на уровень «доступности»

¹ Forckenbrock D. J., Benschhoff S., Weisbrod G. E. Assessing the Social and Economic Effects of Transportation Projects. Iowa City, IA/Boston, MA: University of Iowa/Economic Development Research Group, 2001.

² Social Exclusion Unit // Making the connections: Final report on transport and social exclusion. 2003. London: Social Exclusion Unit, 2003.

³ Agran P. F., Winn D. G., Anderson C. L., Tran C., Del Valle C. P. The role of the physical and traffic environment in child pedestrian injuries // Pediatrics. 1996. № 98 (6). P. 1096–1103.

для населения различных видов социальной активности (работа, магазины, здравоохранение). Даже люди, имеющие в распоряжение личный автотранспорт, могут уделять этим аспектам значительное внимание — пусть и «на всякий случай». Развитость системы общественного транспорта оказывает потенциальное влияние также на культурное разнообразие. Наиболее показателен этот эффект при организации транспортного сообщения между удаленными и урбанизированными областями.

Следующий важный аспект транспортной системы, который выделяется в качестве фактора влияния на социальную жизнь, — это *плотность дорожного трафика*. В первую очередь, это дорожная безопасность. Причем важным тут оказывается не только фактическое количество дорожно-транспортных происшествий, но и оценка безопасности дорожного движения населением: если люди не чувствуют себя в безопасности, это может оказать влияние на их поведение и психологическое благополучие. Исследования показывают, что уплотнение дорожного трафика усиливает чувство дискомфорта и потенциальной опасности для здоровья среди местных жителей¹. Во-вторых, это загрязнение воздуха и повышение уровня шума, негативно отражающиеся на здоровье. В-третьих, это уровень беспокойства и раздражения, которые вызывает плотный дорожный трафик. В-четвертых, это эффект, называемый «избегающее поведение» («*averting behavior*»), — когда отдельные социальные группы (например, дети, пожилые люди, астматики) изменяют свое повседневное поведение из-за повышенного риска для здоровья. Например, они воздерживаются от занятий спортом, прогулок на свежем воздухе в теплый летний день, а детям может запрещаться нахождение на улице без присмотра взрослых. Существует мнение, что за последние 50 лет одно из важнейших социальных изменений, касающееся детей в Великобритании, — это именно нежелание родителей отпускать детей на самостоятельные прогулки из-за страха ДТП или нападения².

Другой важный фактор транспортной системы, оказывающий влияние на систему социальную, — это *само перемещение*. Перемещение имеет огромное значение с психологической точки зрения как, например, удовольствие от движения, любопытство, поиск новых впечатлений. Растет объем литературы, демонстрирующей, что время, проведенное в путешествии, воспринимается как нечто позитивное. Сюда относятся как дальние путешествия при помощи транспортных средств, так и небольшие локальные перемещения, в том числе пешие или велосипедные прогулки³.

Если влияние изменений транспортной системы на организацию социальной сферы становится заметным уже в краткосрочной перспективе, то долгосрочные эффекты, связанные с трансформацией городского пространства и изменением привычек и предпочтений населения, менее очевидны и, следовательно, нуждаются в более пристальном внимании.

¹ Song Y., Gee G. C., Fan Y., Takeuchi D. T. Do physical neighborhood characteristics matter in predicting traffic stress and health outcomes? // *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*. 2007. № 10 (2). P. 164–176.

² Lucas K. Providing transport for social inclusion within a framework for environmental justice in the UK // *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. 2006. № 40 (10). P. 801–809.

³ Geurs K. T., Boon W., Van Wee B. Social Impacts of Transport: Literature Review and the State of Practice of Transport Appraisal in the Netherlands and the United Kingdom // *Transport Reviews*. Vol. 29. 2009. № 1. P. 69–90.

В последние годы интерес американских и европейских социологов обратился на проблему взаимосвязи социальных сетей, социальной эксклюзии и транспорта. Дело в том, что нарастающий уровень автомобилизации населения привел к изменениям пространственной организации поселений, что, в свою очередь, значительно повлияло на уровень социальной эксклюзии домохозяйств и индивидов, не имеющих в пользовании личных транспортных средств. Речь тут идет о том, что доступ к различным типам социальной активности, в том числе доступ к торговым и развлекательным центрам, местам проведения досуга, рабочим местам, местам учебы и т. п. для лиц, не имеющих личного транспорта, стал значительно труднее на фоне территориальной удаленности по сравнению с обществами, существующими на более компактно организованных территориях. Особенно остро суть этого явления наблюдается в сельской местности, где охват сетями общественного транспорта менее широк. Свидетельством тому является повышение показателей количества поездок, совершаемых в качестве пассажиров личных транспортных средств, принадлежащих другим домохозяйствам, а также развитие частных пассажирских перевозок на микроавтобусах и минивэнах, развивающихся на локальных уровнях¹.

Таким образом, мы видим, что преодоление расстояний физического пространства и, как одно из следствий, транспортная система, обслуживающая эту потребность, неизбежно находятся в постоянном взаимодействии. Поведение населения в отношении повседневных перемещений практически бесполезно рассматривать в отрыве от комплекса множества социально-демографических характеристик индивидов как членов отдельных домохозяйств. Наилучшим методом сбора репрезентативной и разносторонней информации, необходимой для подобного рода исследований, является лонгитюдное выборочное обследование.

«Российский мониторинг экономического поведения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) представляет на сегодняшний день редкую возможность получить хотя и очень ограниченный, но весьма уникальный для нашей страны набор показателей, позволяющий заглянуть в плоскость поведения населения в отношении некоторых аспектов перемещений, причем в динамике.

Еще одним важным источником информации об использовании общественного и личного транспорта и повседневных перемещениях членов домохозяйств являются данные проведенного в 2011 г. выборочного репрезентативного обследования «Российское национальное транспортное обследование» (РНТО), фактический объем выборочной совокупности которого составили 11021 респондентов. Организаторами обоих обследований являются Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики и ЗАО «Демоскоп».

В рамках данной статьи мы постараемся рассмотреть некоторые базовые показатели, представленные в этих выборочных обследованиях населения, и посмотреть, какую информацию на текущий момент мы можем извлечь для понимания процессов, происходящих в транспортной сфере и их взаимодействии с социальной средой.

¹ Gray D., Shaw J., Farrington J. Community transport, social capital and social exclusion in rural areas // Area. 2006. Vol. 38. № 1. P. 89–98.

Уровень автомобилизации домохозяйств

Очень важным и информативным показателем развития сектора личного автотранспорта является *уровень автомобилизации населения*. Он измеряется числом индивидуальных легковых автомобилей на 1 тыс. жителей. Как отмечают эксперты в области транспорта, «автомобилизация в России идет быстрыми темпами, хотя и отстает от экономически развитых стран Западной Европы, Азии и Северной Америки. На 2002 г. уровень автомобилизации оценивался как 148 автомобилей на душу населения в среднем по России. По более свежим данным за 2004 – 2009 гг. показатель уровня автомобилизации населения вырос на 35% и составил 270 автомобилей на 1000 жителей¹. Динамика показателя в России за последние 40 лет представлена на рисунке 1.

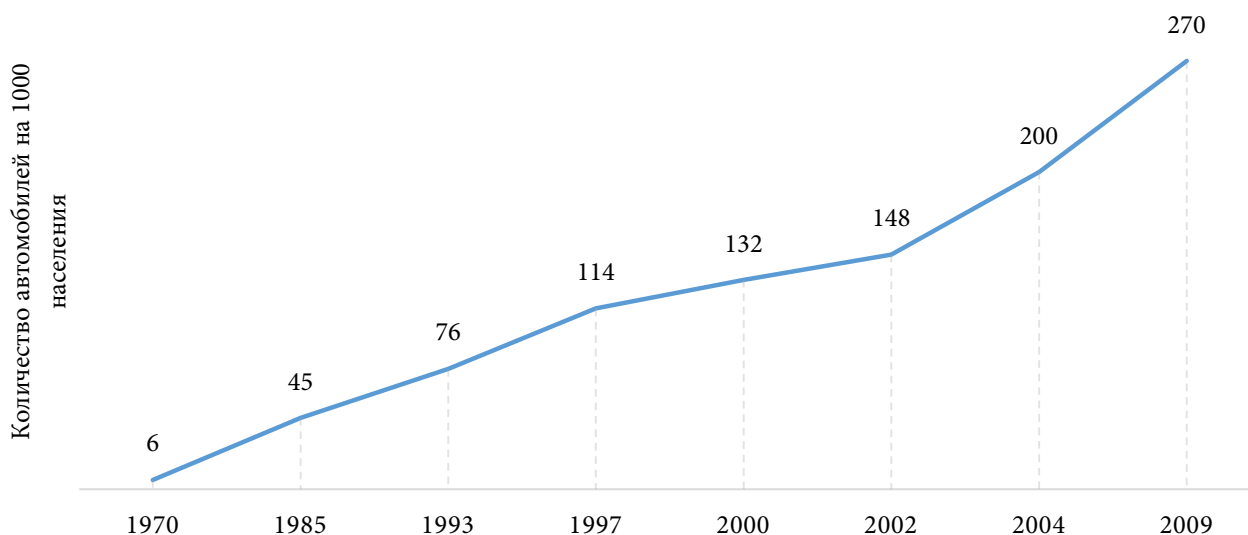

Рисунок 1. Динамика уровня автомобилизации в России, на 1 тыс. населения

Данные RLMS-HSE не позволяют рассчитать аналогичный показатель, поскольку в них отсутствует информация о количестве личных транспортных средств в каждом домохозяйстве, однако они позволяют получить другой ценный показатель, доступный лишь при обследовании домохозяйств, — это *доля домохозяйств, имеющих в распоряжении личные транспортные средства*. Такая информация дает возможность изучения распределения парка личного автотранспорта не просто среди индивидов, ими владеющих, но определяет более широкий круг лиц, имеющих преимущество доступа к использованию личного транспорта в качестве водителя либо пассажира. На рисунке 2 представлены диаграммы, отражающие динамику роста количества домохозяйств, владеющих разными типами транспортных средств. Изменения, внесенные в вопросы о владении личными транспортными средствами в 15-й волне RLMS-HSE, позволяют, начиная с 2006 г., отследить динамику распространения личных автомобилей отечественных и иностранных марок по отдельности. Так, мы видим, что общий достаточно стремительный рост количества домохозяйств с личным

¹ Блинкин М. Я., Сарычев А. В. Куда ведут российские дороги? // Россия в глобальной политике. 2005. № 2. Март-апрель. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_4822

транспортом происходит за счет автомобилей иностранных марок, тогда как доля домохозяйств, владеющих автомобилями отечественного производства, медленно сокращается.

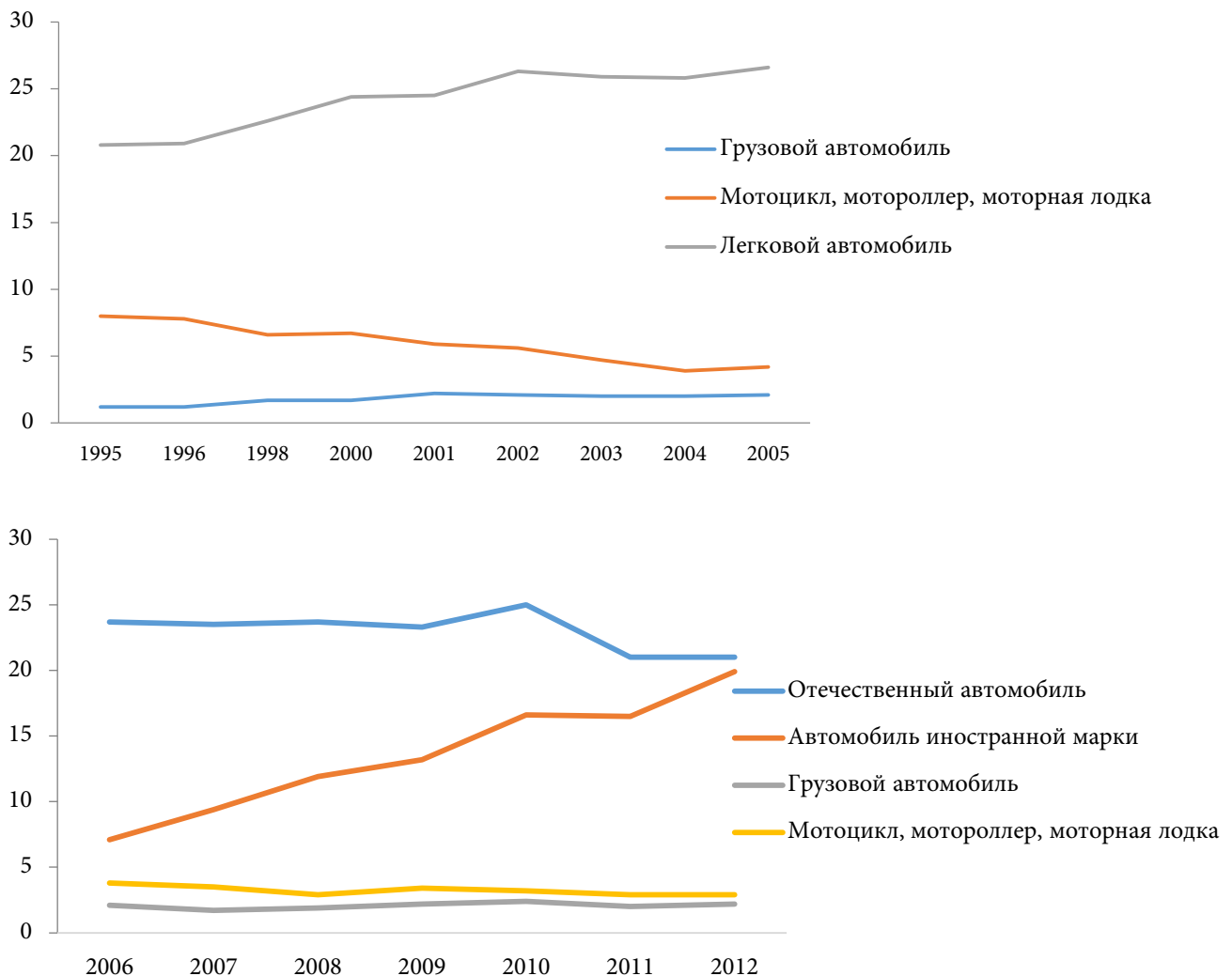

Рисунок 2. Динамика доли домохозяйств, имеющих в собственности личные транспортные средства разного типа, %

Источник: данные RLMS-HSE, волны 6–21 (1995–2012 гг.)

Доля домохозяйств, владеющих грузовым транспортом, с 2001 г. остается практически неизменной, а вот доля домохозяйств, имеющих сезонные транспортные средства, такие как мотоцикл, мотороллер или моторная лодка, сократилась за последние 17 лет более чем в два раза. Основная масса этого сокращения произошла за счет сельской местности, где доля домохозяйств, владевших мотоциклами, мотороллерами и моторными лодками, сократилась за рассматриваемый период с 20 до 6%. Даже принимая во внимание более чем компенсирующий рост домохозяйств сельской местности, владеющих автомобилями, эти цифры отражают не слишком благоприятную ситуацию, поскольку такого рода сезонный транспорт способствует повышению локальной мобильности населения.

Дополнить информацию о распределении автомобилей среди домохозяйств помогают данные о концентрации автомобилей внутри домохозяйств. Эти данные получены на основании Российского национального транспортного обследования (РНТО). Рисунок 3 характеризует концентрацию транспортных

средств внутри домохозяйств в 2011 г. Мы видим, что 64% домохозяйств личных транспортных средств не имеют вообще. Также на диаграмме видно, что только 5% российских домохозяйств в 2011 г. имели в своем распоряжении более одного транспортного средства.

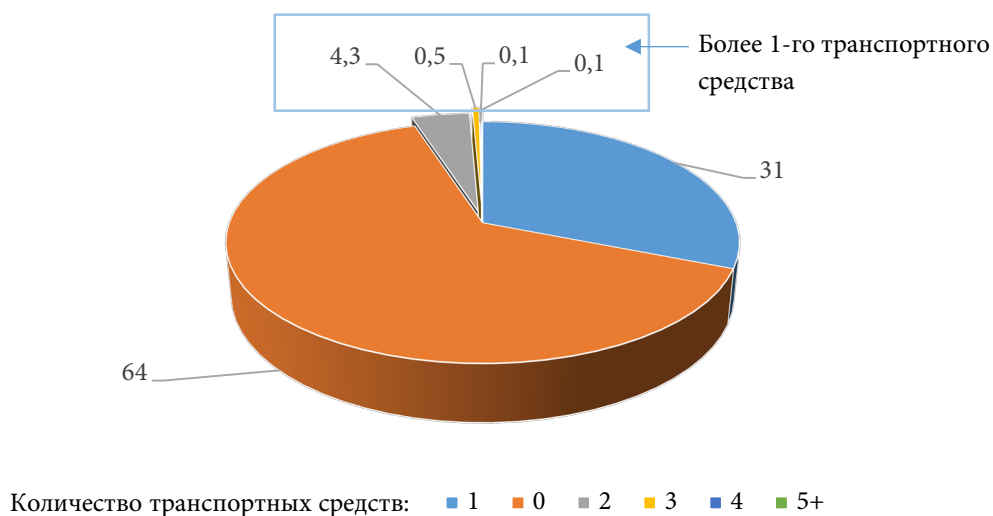

Рисунок 3. Доля домохозяйств, имеющих в распоряжении различное количество транспортных средств, 2011 г., в %

Источник: данные РНТО. 2011 г.

Важно обратить внимание на то, что прямое сравнение данных о транспортных средствах в обследованиях РНТО и RLMS-HSE на текущий момент делать невозможно, поскольку тогда как в RLMS-HSE мы говорим о транспортных средствах, находящихся в собственности, в РНТО понятие личного транспортного средства расширено до транспортных средств, которыми домохозяйство имеет возможность пользоваться для собственных нужд. Таким образом, в РНТО учитываются не только перераспределение транспортных средств среди домохозяйств, когда фактическая и номинальная собственность не совпадают, но и случаи, когда служебный автотранспорт находится в свободном пользовании работника во внеурочное время. Хотя указанное различие в определениях и накладывает значительные ограничения, но взаимодополняющий анализ, избегающий прямого сравнения и сопоставления, допустим для формирования более широкой картины рассматриваемого предмета.

Заслуживает внимания анализ изменения распространения транспортных средств в разрезе типов поселений, поскольку тут картина значительно меняется. Из данных на рисунке 4 видно, что общий тренд роста доли домохозяйств с личным автотранспортом движется в одном направлении, но динамика роста в селах и поселках городского типа (ПГТ) немного выше.

Хотя такая тенденция кажется вполне логичной и закономерной, поскольку в сельской местности, где общественный транспорт менее развит, а расстояния до значимых объектов больше, потенциальная польза от владения собственным транспортным средством выше, однако значимость различий в темпе прироста доли сельских домохозяйств с личным автотранспортом статистически подтверждается только начиная с 2009 г. Динамика автомобилизации домохозяйств в ПГТ носит очень неравномерный, скачкообразный характер, тогда как в городах мы наблюдаем уверенный плавный рост.

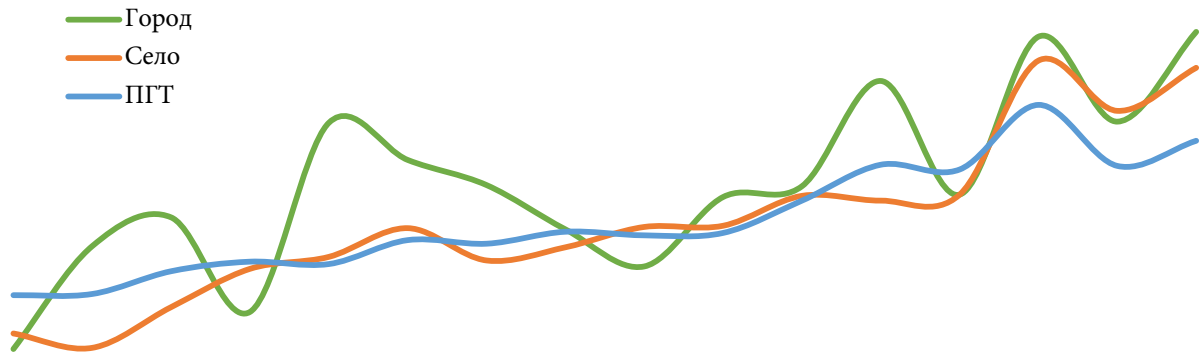

Рисунок 4. Динамика доли домохозяйств, имеющих в собственности личные легковые и грузовые автомобили по типам поселений, %

Источник: данные RLMS-HSE, волны 6–21 (1995–2012 гг.)

Более детальное рассмотрение, учитывающее различия между автомобилями отечественных и иностранных марок, делает картину еще более четкой: на фоне общего снижения доли домохозяйств, владеющих автомобилями отечественных марок, мы, напротив, наблюдаем прирост таких домохозяйств в сельской местности в период с 2006 по 2012 г. (см. рис. 5).

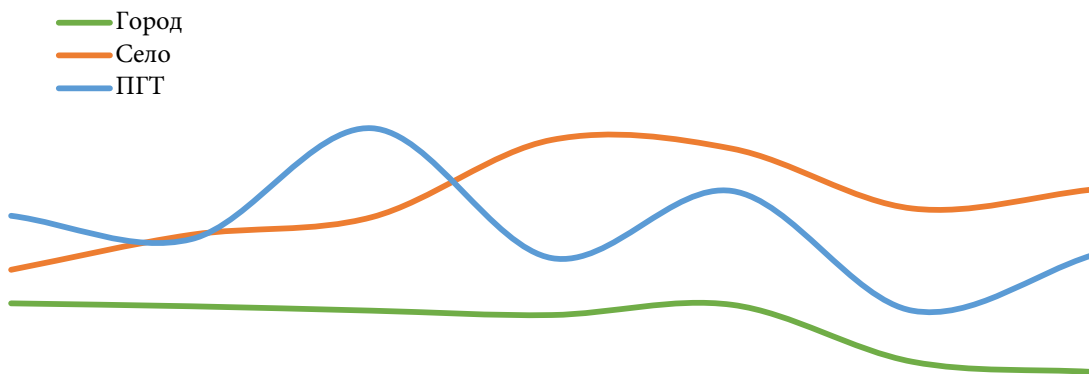

Рисунок 5. Динамика доли домохозяйств, имеющих в собственности легковые автомобили отечественных марок по типам поселений, %

Источник: данные RLMS-HSE, волны 15–21 (1995–2012 гг.)

Что касается автомобилей иностранных марок, мы наблюдаем рост доли домохозяйств, обладающих ими, во всех типах населенных пунктов. Однако темпы роста доли таких домохозяйств в сельских поселениях заметно ниже, и это различие статистически значимо.

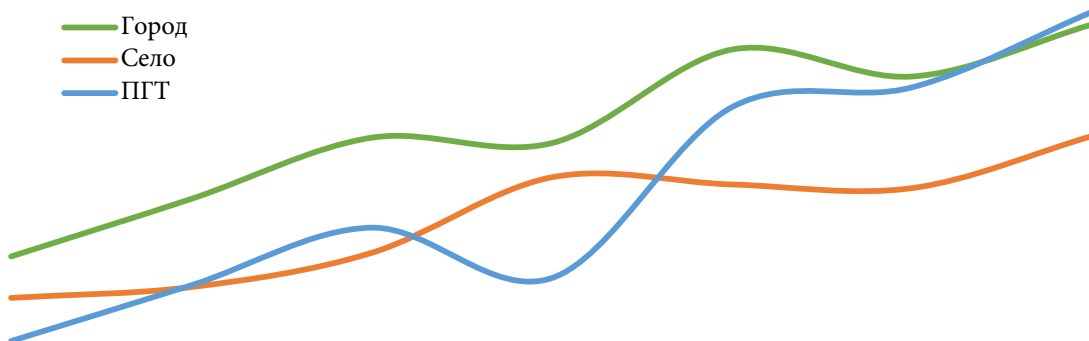

Рисунок 6. Динамика доли домохозяйств, имеющих в собственности легковые автомобили иностранных марок по типам поселений, в %

Источник: данные RLMS-HSE, волны 15–21 (1996–2012 гг.)

На рисунках 5 и 6 мы можем также заметить реакцию на кризисную ситуацию 2008 г.: в городах и ПГТ заметно сократилась доля домохозяйств, владеющих автомобилями иностранных марок. Легко предположить, что это связано с потребностью (стремлением) домохозяйств перевести свое имущество в активы. Реакция домохозяйств в ПГТ оказалась наиболее сильной, и мы наблюдаем не только наибольшее сокращение этого показателя, но также и сокращение здесь доли домохозяйств, владеющих отечественными автомобилями. Хотя уже к 2010 г. наблюдается компенсация и возвращение к ранее намеченному тренду.

Автомобилизация как показатель благополучия

Наличие личного автомобиля сегодня считается одним из показателей благополучия во многих европейских исследованиях. Однако его использование в таком качестве не так однозначно, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что для малоимущих слоев населения финансовые издержки от наличия личного автомобиля могут перевесить все преимущества от его использования, таким образом еще больше ухудшая статус домохозяйства. В свою очередь, как показывают западные исследования социальной эксклюзии, низкий уровень общего благополучия (index of disadvantage) зависит не только от финансового благосостояния, но является также результатом исключенности индивида из ключевых видов активности общества, в значительной степени в связи с транспортными ограничениями¹.

Данные RLMS-HSE демонстрируют тесную статистическую связь между показателем среднедушевого дохода домохозяйства и наличием в нем автомобиля во всех волнах обследования². При этом значимо выделяются из общей массы только два верхних дециля по доходам³. В данных RLMS-HSE также присутствует такой показатель, как «расходы на ремонт автомобиля или мотоцикла, включая покупку запчастей». Подобная информация могла бы значительно помочь осветить проблему финансового бремени, налагаемого на домохозяйства владением личным автотранспортом, особенно финансовую нагрузку на домохозяйства из малообеспеченных категорий. Однако количество наблюдений в этих категориях оказалось недостаточным для проведения подобного анализа. Основной проблемой здесь является ограничение периода всего тридцатью днями, предшествующими опросу.

Возможность провести подобный анализ для 2011 г. дают данные РНТО. Так, сравнение средних годовых расходов домохозяйства на содержание личных автомобилей (не считая расходы на топливо) для каждого из децилей по среднедушевому доходу домохозяйства подтверждает гипотезу о высокой финансовой нагрузке на наиболее бедные домохозяйства с автомобилями. Нижний дециль по распределению доходов находится на уровне девятого по суммам ежегодных

¹ Johnson V., Currie G., Stanley J. Measures of Disadvantage: is Car Ownership a Good Indicator? // Social Indicators Research. Vol 97 (3). 2010. P. 439–450.

² Коэффициент корреляции Пирсона на уровне 0,138 – 0,338 в разных волнах обследования при уровне значимости 0,000.

³ Результаты однофакторного дисперсионного анализа и критерия Геймс-Хоуэлла для множественных сравнений без предположения равенства дисперсий.

расходов на обслуживание автомобилей (см. таблицу 1), статистические методы подтверждают значимость отличий нижнего и двух верхних децилей по доходу от остальной части домохозяйств по рассматриваемому показателю¹.

Таблица 1

Средние расходы на содержание личных автомобилей, за исключением расходов на топливо, по децилям по среднему доходу домохозяйств (2011 г., в руб.)

Децили по среднему доходу домохозяйства	Средние годовые расходы на содержание автомобилей	Средние годовые расходы на содержание автомобилей в городах
1 (бедные)	22,0	22,3
2	17,7	18,8
3	12,8	11,9
4	13,5	10,8
5	13,6	14,0
6	15,5	17,1
7	17,4	18,1
8	16,1	17,9
9	20,9	22,9
10 (богатые)	23,0	23,1
Итого	17,7	18,9

Источник: данные РНТО. 2011 г.

Автотранспорт, принадлежащий наименее обеспеченной части домохозяйств, в значительной степени более изношен. Соответственно, расходы, которые несут такие домохозяйства на обслуживание своих автомобилей, более высоки, нежели в домохозяйствах из прочих слоев населения.

Тот факт, что данные обследования показывают сильную статистическую связь² между наличием в домохозяйстве автомобиля и количеством детей в возрасте до 18 лет, а с увеличением количества детей мы наблюдаем понижение среднедушевого дохода, позволяет утверждать, что дети являются важным фактором в решении домохозяйств содержать автомобиль, несмотря на финансовую невыгодность. Попытка исключить влияние такой переменной, как среднедушевой доход домохозяйства, на связь между количеством детей и наличием автомобиля, лишь незначительно увеличила значение коэффициента корреляции³, что позволяет говорить о том, что рассматриваемая связь имеет самостоятельный смысл, не зависящий от финансовых условий.

С другой стороны, опыт зарубежных исследований показывает, что люди, не имеющие личного автотранспорта, несут более высокие издержки на продовольственные товары, поскольку вынуждены совершать повседневные покупки

¹ Результаты однофакторного дисперсионного анализа и критерия Геймс-Хоуэлла для множественных сравнений без предположения равенства дисперсий.

² Коэффициент корреляции Пирсона = 0,229 на уровне значимости 0,000 на данных 21-й волны RLMS-HSE.

³ Коэффициент частных корреляций = 0,242 на уровне значимости 0,000 на данных 21-й волны RLMS-HSE.

в магазинах, расположенных в пешей доступности, по более высоким ценам¹. На данных 21-ой волны RLMS-HSE были проведены расчеты, учитывающие расходы домохозяйств на некоторые группы продуктов питания за 7 дней, предшествующих опросу. Для расчета среднедушевых расходов на продукты питания в домохозяйстве использовался эквивалентный размер домохозяйства, рассчитанный на основании эквивалентной шкалы ОЭСР². Однако результат показал, что значимых различий в расходах на основные группы продуктов питания (мясные, рыбные, молочные продукты, хлеб, овощи, фрукты) между домохозяйствами, владеющими и не владеющими личными автомобилями, которые могли бы подтвердить такую гипотезу для нашей страны, обнаружено не было. Напротив, присутствующие значимые различия свидетельствовали о более высоких среднедушевых расходах домохозяйств на мясные и рыбные продукты, а также, на фрукты среди домохозяйств с автомобилями, что обусловлено концентрацией транспортных средств среди более состоятельных слоев населения.

Данные РНТО, включающие в себя дневник перемещений, в котором фиксировалась вся информация о каждом перемещении респондента за сутки до опроса, позволяют рассчитать и экстраполировать на население РФ данные об интенсивности и дальности перемещений, совершаемых при помощи каждого из транспортных средств. Результаты такого расчета приведены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение перемещений, совершенных разными видами транспортных средств (в период май–октябрь 2011 г.), экстраполяция данных обследования

Средство перемещения	Экстраполяция на генеральную совокупность		
	Перемещений в день, тыс.	Км в день, млн	Средняя дальность перемещения, км
За рулем личного транспортного средства	37 046,2	606,6	17,93
Подвозили родственники или знакомые	14 901,1	252,6	19,70
Велосипед	2418,6	6,0	2,88
Городской автобус	34 179,2	220,5	7,93
Троллейбус	4259,1	15,2	4,77
Трамвай	5745,7	22,2	5,03
Метро	6949,1	29,1	15,54
Маршрутное такси	23 083,1	184,6	9,84
Служебный автобус	5651,3	110,0	20,89
Междугородний автобус	1268,3	55,3	46,40
Электричка	2070,6	62,9	44,43
Такси	2047,0	18,1	10,77

Источник: данные РНТО. 2011 г.

¹ Social Exclusion Unit // Making the connections: Final report on transport and social exclusion. 2003. London: Social Exclusion Unit, 2003.

² ЭР=0,5+0,5*Количество взрослых + 0,5*Количество детей (в возрасте до 15 лет).

Если рассмотреть приведенные в таблице 2 данные РНТО о количестве и дальности перемещений с использованием личных моторизованных транспортных средств относительно всех прочих средств перемещения, станет заметна огромная диспропорция в транспортной активности между населением, имеющим в распоряжении личные транспортные средства (36% домохозяйств), и населением, транспортных средств в распоряжении не имеющим. Однако поддержание новых социальных сетей, возникающих в более широких пространственных границах современной реальности, зависит от автомобилизации, поскольку личные транспортные средства часто являются единственными средствами достижения пространственной близости. В терминах социального участия ограничение возможности перемещаться, особенно ограничение возможности личной встречи, является источником социальной эксклюзии¹.

Конечно, роль транспорта в повышении уровня социальной эксклюзии не стоит переоценивать, поскольку это лишь один из факторов, действующий наравне с другими, такими как пол, возраст, семейное положение, физическое состояние, материальное благополучие и многие другие. Однако социально-демографические и экономические характеристики населения в значительной степени влияют на транспортную систему в целом, определяя особенности транспортного поведения. Это подтверждает необходимость понимания взаимодействия транспортной и социальной подсистем для эффективного достижения целей с помощью рычагов решения в области транспорта.

Транспортная активность и социально-демографические характеристики

Факторы, способные влиять на транспортную активность отдельных групп населения, очень разнообразны и подчас непредсказуемы в связи со сложными механизмами взаимосвязи и взаимовлияния транспортной системы с остальными подсистемами общества. Например, в США уровень сплоченности между соседями статистически значимо связан с тем, ходят ли дети в школу пешком, — родители с большей вероятностью готовы отпускать детей добираться до школы (и обратно) пешком в тех сообществах, где уровень доверия между соседями выше². Выделение этих факторов и моделирование поведения кластеров подвижности — интересная и сложная задача, требующая большого объема качественной социально-экономической информации. В рамках данной статьи кратко остановимся только на некоторых показателях, обнаруживших взаимосвязь с транспортной активностью респондентов. Эти показатели относятся как к отдельным индивидам, так и домохозяйствам в целом. Источником расчетов выступали данные РНТО.

В первую очередь, это пол и возраст. Наибольшая транспортная активность характерна средневозрастным группам населения, однако особенно выделяются возрастные группы 20—29 и 45—54 лет. При этом если более молодые и бо-

¹ Urry J. Mobility and proximity // *Sociology*. 2002. № 36. P. 255—274.

² McDonald N. C. Travel and the social environment: evidence from Alameda County, California // *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 2007. № 12 (1). P. 53—63.

лее старшие категории чаще перемещаются на личном транспорте и маршрутном такси, то тяготеющие к середине распределения группы заметно выделяются как водители личных транспортных средств. В то же время женщины отличаются значительно более высоким уровнем транспортной активности.

Во-вторых, это уровень доходов домохозяйства. Разницу в среднем количестве дневных перемещений между разными группами по доходу можно увидеть в [таблице 3](#): по мере роста дохода увеличивается среднее количество перемещений. Эта разница, несмотря на кажущиеся небольшие отличия, на самом деле весьма существенна, поскольку речь идет о средних цифрах для больших групп населения и подтверждается статистическими методами.

Таблица 3

Среднее количество перемещений в день между группами по доходу домохозяйства

Децильные группы по доходу	Среднее количество перемещений в день
1 (бедные)	2,5754
2	2,1386
3	2,1964
4	2,3223
5	2,4284
6	2,6532
7	2,6569
8	2,6875
9	2,9036
10 (богатые)	2,8872

Источник: данные РНТО. 2011 г.

Другим важным фактором является состав семьи; так, например, для лиц, имеющих несовершеннолетних детей в составе домохозяйства, характерно меньшее количество перемещений, и чем больше количество детей, тем ниже транспортная активность в целом. Также существует взаимосвязь между количеством перемещений и наличием партнера или супруга: при наличии партнера транспортная активность повышается.

Кроме того, обнаруживается взаимосвязь между количеством перемещений и субъективными показателями качества жизни, такими как удовлетворенность жизнью в целом и оценка состояния своего здоровья. На [рисунке 7](#) заметно, как растет среднее дневное количество перемещений для лиц, склонных давать более положительные ответы.

При изучении данных RLMS-HSE мы обнаруживаем другую интересную особенность, касающуюся перемещений на работу и удовлетворенности жизнью. В волнах с 15-й по 18-ю, проведенных в период с 2006 по 2009 г., респондентам задавался вопрос о количестве времени, потраченном на дорогу до работы или учебы и обратно в среднем в день за 30 дней, предшествовавших опросу. Результаты распределения средней длительности перемещений между разными группами по удовлетворенности жизнью в целом отдельно для разных типов населенных пунктов представлены на [рисунке 8](#).

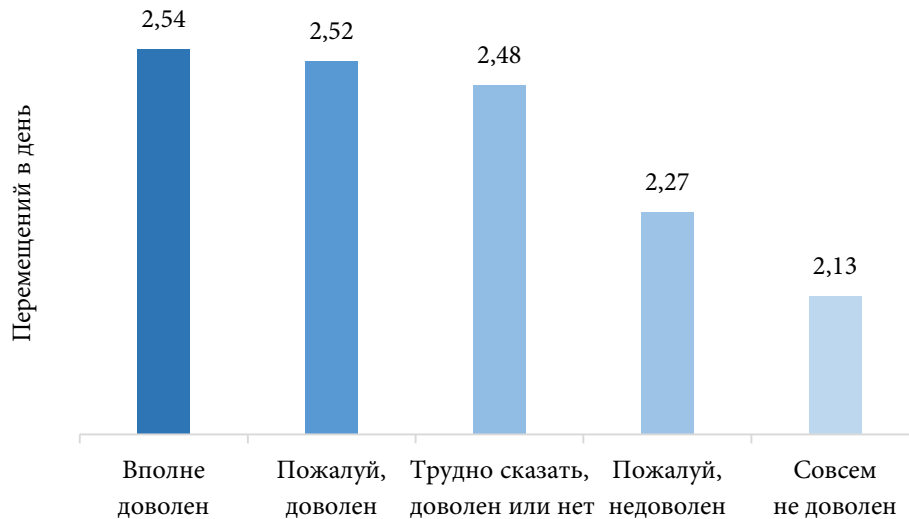

Рисунок 7. Среднее количество перемещений в день между разными группами по удовлетворенности жизнью в целом, 2011 г.

Источник: данные РНТО. 2011 г.

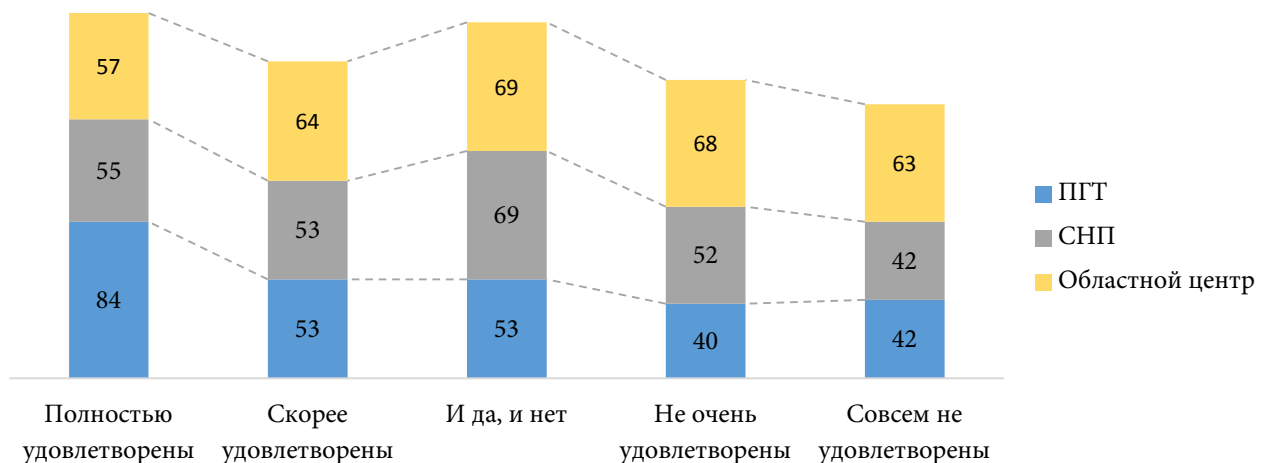

Рисунок 8. Количество минут в пути на работу/учебу и обратно в среднем в день для разных групп по удовлетворенности жизнью в целом, 2009 г.

Источник: данные RLMS-HSE, волна 18 (2009 г.).

Значимые различия обнаружались во всех типах населенных пунктов, кроме городов, не являющихся областными центрами. В областных центрах значимо выделяется группа полностью удовлетворенных жизнью в целом, время на перемещения в которой на 8 минут меньше, чем в среднем по выборке. Для ПГТ, напротив, мы видим значительное увеличение длительности перемещений как раз для групп наиболее удовлетворенных жизнью респондентов. Но предположение о том, что уровень дохода, вероятно, способен сильно опосредовать эту связь для городов-спутников, поселков городского типа и т. п., где основная часть наиболее привлекательных рабочих мест находится за пределами самого населенного пункта, показала неожиданный результат. При снятии части зависимости между временем на перемещения и удовлетворенностью жизнью, обусловленной уровнем дохода, связь между этими переменными перестала проявляться только

для сельских населенных пунктов (СНП). Остается только догадываться, что может объяснить тот факт, что наиболее «оптимистичные» жители ПГТ совершают столь длительные перемещения.

Очень вероятно, что все эти наблюдения лишь одно из проявлений транспортно обусловленной социальной эксклюзии индивидов, но более глубокое изучение этой взаимосвязи остается за рамками данной статьи, как направление для будущих исследований.

Однако как этот, так и прочие вопросы о взаимодействии транспортной и социальной систем, а также о вкладе владения транспортными средствами в общий уровень благополучия в нашей стране, в особенности его роли для наименее обеспеченных слоев населения, требуют дальнейшего подробного изучения в условиях развития транспортной системы РФ.

Козырева П. М., Сафронова А. М., Старовойтов М. Л.

АНАЛИЗ ФАКТИЧЕСКОГО ПИТАНИЯ И ПИЩЕВОГО СТАТУСА РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

В последнее время, несмотря на затянувшийся экономический кризис, прослеживается тенденция увеличения потребления населением основных продуктов питания. Вместе с тем питание у большинства взрослого населения не соответствует принципам здорового питания из-за высокого потребления жира животного происхождения и простых углеводов при недостатке в рационах овощей и фруктов, рыбы и морепродуктов, что приводит к распространению избыточной массы тела и ожирения.

По оценкам экспертов ВОЗ, к 2030 г. на долю неинфекционных заболеваний будет приходиться до 75% случаев смертей в мире¹. Признано, что среди экономически эффективных мер по снижению риска неинфекционных заболеваний наряду с мерами борьбы против табака, снижению потребления соли и сокращению вредного употребления алкоголя, особая роль принадлежит пропаганде здорового питания (низкое потребление насыщенных жиров, транс-жиров, соли и сахара, высокое потребление фруктов и овощей), а также ежедневной физической активности.

Питание относится к важнейшим факторам, обеспечивающим поддержание здоровья, работоспособности, творческого потенциала нации. В числе приоритетных направлений государственной политики в области здорового питания — разработка и внедрение программ государственного мониторинга состояния питания и здоровья населения². В связи с этим в очередную волну Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения в 2011–2012 гг. был включен специализированный модуль для обследования состояния питания. С использованием метода 24-часового воспроизведения питания была опрошена 21744 респондентов. Наряду с этим у каждого респондента были проведены необходимые для анализа антропометрические измерения.

¹ Московская декларация / Первая глобальная министерская конференция по здоровому образу жизни и неинфекционным заболеваниям (Москва, 28–29 апреля 2011 г.). URL: <http://www.rosminzdrav.ru/health/zozh/71> (дата обращения: 23.12.2013).

² Основы государственной политики Российской Федерации в области здорового питания на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2010 г. № 1873-р. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/03/pravila-dok.html> (дата обращения: 23.12.2013).

Материалы и методы

Методы оценки индивидуального питания

Сбор первичной информации, проверка, кодирование, введение в компьютерную базу данных, расчет количества потребляемых пищевых продуктов и пищевых веществ, а также анализ полученных данных осуществались по разработанной в НИИ питания РАМН методике. Сбор первичной информации о фактическом потреблении пищи осуществляли методом 24-часового (суточного) воспроизведения питания¹. Интервью проводили прошедшие обучение интервьюеры. Оценка количества потребляемой пищи осуществлялась с помощью специального альбома порций продуктов и блюд, содержащего фотографии различной величины порций основных продуктов и блюд, потребляемых населением России².

Расчет потребления пищевых веществ и энергии проводился с использованием электронной базы данных химического состава продуктов и блюд, фактически потребляемых населением, сформированной на основании имеющихся таблиц химического состава пищевых продуктов и блюд, а также рассчитанных рецептур по данным фактического потребления видов блюд населением России³. Для анализа фактического потребления пищи и расчетов использовались сведения, полученные от респондентов старше 2-х лет.

В ходе обработки первичного материала, полученного с помощью вопросников, появилась необходимость расширить базу данных химического состава блюд и продуктов за счет ввода новых 90 наименований продуктов.

Антропометрические показатели

Антропометрические измерения включали: снятие показаний массы тела электронными напольными весами «Tanita»; показаний роста с помощью портативного ростомера HR-001, а также измерение окружности (обхвата) талии и обхвата бедер сантиметровой лентой у каждого респондента.

Результаты антропометрических измерений использовались для оценки и анализа пищевого статуса. В процессе анализе состояния питания взрослых использовался наиболее распространенный индекс массы тела (ИМТ). Величина ИМТ рассчитывается как отношение массы тела, выраженной в килограммах, к квадрату роста, выраженному в метрах:

¹ Методические рекомендации по оценке количества потребляемой пищи методом 24-часового (суточного) воспроизведения питания. № CI-19/14-17 / А. Н. Мартинчик, А. К. Батулин, А. И. Феоктистова и др. М., 1996.

² Мартинчик А. Н., Батулин А. К., Баева В. С., Пескова Е. В., Ларина Т. И., Забуркина Т. Г. Альбом порций продуктов и блюд. М., 1995.

³ Химический состав пищевых продуктов: Справ. таблицы содержания основных пищевых веществ и энергетич. ценности блюд и кулинар. изделий / [Разраб. В. А. Шатерников и др.] Под ред. И. М. Скурхина, В. А. Шатерникова. М., 1984; Химический состав пищевых продуктов: Справочник / Под ред. И. М. Скурхина, М. Н. Волгарева. Кн. 1–2. М., 1987; Сборник рецептур блюд и кулинарных изделий для предприятий общественного питания / [Разраб. А. С. Ратушный и др.]. М., 1983; Сборник рецептур блюд и кулинарных изделий для предприятий общественного питания / [Сост. А. В. Павлов]. СПб., 1996.

$$\text{ИМТ} = \frac{\text{масса тела (кг)}}{\text{рост (м}^2\text{)}}$$

Показатели ИМТ характеризуют следующие состояния пищевого статуса взрослого человека:

<16,5 кг/м ²	недостаточность 3 степени
16,5–17,5 кг/м ²	недостаточность 2 степени
17,5–18,5 кг/м ²	недостаточность 1 степени
18,5–24 кг/м ²	нормальная масса тела
25–29 кг/м ²	ожирение 1 степени
30–40 кг/м ²	ожирение 2 степени
>40 кг/м ²	ожирение 3 степени

При оценке антропометрических параметров детей использовались стандартные кривые роста.

Оценка химического состава и энергетической ценности рационов питания

Результаты расчетов химического состава и энергетической ценности рационов питания взрослого населения и детей (отдельно для детей в возрасте от 2 до 7 лет и от 7 до 17 лет) представлены в [таблицах 1 и 2](#).

Таблица 1

Потребление пищевых веществ и энергии взрослым населением РФ
по данным обследования RLMS-HSE, 2011 г.

Потребление пищевых веществ в сутки	Все взрослое население
Белок (г)	67,00
Жир (г)	80,00
Общие углеводы (г)	228,00
Энергия (ккал)	1923,00
Процент белка по калорийности	14,10
Процент жира по калорийности	36,00
Белок/Масса тела	0,91
Общий ретинол (рет. экв.)	802,00
Витамин В1 (мг)	0,98
Витамин В2 (мг)	1,09
Витамин С (мг)	57,00
Кальций (мг)	597,00
Железо (мг)	14,40

Как следует из таблицы 1, структура питания взрослого населения не соответствует принципам рационального питания. В рационе питания взрослых людей содержание белка и жира по калорийности превышает рекомендуемые уровни в 1,2 раза. При этом расчетные показатели потребления витаминов и минеральных веществ оказываются ниже рекомендуемых величин¹.

Как показывают данные, представленные в таблице 2, питание детей также характеризуется достаточным содержанием белка по калорийности, избыточным содержанием жира и существенным дефицитом витаминов и минеральных веществ. Относительно рекомендуемых величин в питании малолетних детей в возрасте от 2 до 7 лет наблюдается значительный дефицит по содержанию кальция, составляющий около 40%, а также по содержанию витамина В1 и железу на уровне 20%.

Таблица 2

Потребление пищевых веществ и энергии детьми в возрасте от 2 до 7 лет и от 7 до 17 лет, RLMS-HSE, 2011 г.

Потребление пищевых веществ в сутки	Дети 2–7 лет	Дети 7–17 лет
Белок (г)	47,40	59,50
Жир (г)	54,00	73,00
Общие углеводы (г)	206,00	243,00
Энергия (ккал)	1497,00	1868,00
Процент белка по калорийности	12,70	12,90
Процент жира по калорийности	32,00	35,00
Белок/Масса тела	2,69	1,44
Общий ретинол (рет. экв.)	626,00	648,00
Витамин В1 (мг)	0,68	0,90
Витамин В2 (мг)	0,98	1,00
Витамин С (мг)	48,00	60,00
Кальций (мг)	606,00	568,00
Железо (мг)	10,30	13,30

Результаты выполненных расчетов доказывают, что в питании детей в возрасте от 7 до 17 лет содержание витаминов и минеральных веществ не соответствует принятым нормам. Дефицит регистрируется по всем исследуемым показателям. Наибольший дефицит отмечен по содержанию кальция – более 50%. Содержание в рационе витаминов А, В1, В2, зафиксированное на момент исследования, предположительно может обеспечить потребность детского организма лишь на 70%, потребность в витамине С – на 80%, потребность в железе – на 89%.

Расчеты потребления пищевых веществ взрослыми мужчинами представлены в таблице 3. Как следует из приведенных данных, рацион питания российских мужчин характеризуется повышенным содержанием по калорийности жира – 37% (по сравнению с нормой 30%) и белка – 14% (по сравнению с нормой 12%), при существенно сниженной доле углеводов – 49% (норма 55–58%). Значение показателя потребления

¹ Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации: Методические рекомендации МР 2.3.1.2432-08 / Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. М., 2008.

белка на кг массы веса мужчин соответствует рекомендуемой величине потребления пищевых веществ. Рассчитанные количества в рационе основных витаминов и кальция ниже рекомендуемых величин: содержание витамина В1 ниже на 20%, витамина В2 – на 30%, витамина С – на 33%, кальция – на 40%. Уровни содержания витамина А и железа в рационе питания мужчин соответствуют рекомендуемым нормам¹.

Таблица 3

Потребление пищевых веществ и энергии мужчинами, RLMS-HSE, 2011 г.

Потребление пищевых веществ в сутки	
Белок (г)	82,70
Жир (г)	98,00
Общие углеводы (г)	271,00
Энергия (ккал)	2346,00
Процент белка по калорийности	14,20
Процент жира по калорийности	37,00
Белок/Масса тела	1,06
Общий ретинол (рет. экв.)	934,00
Витамин В1 (мг)	1,21
Витамин В2 (мг)	1,28
Витамин С (мг)	59,00
Кальций (мг)	654,00
Железо (мг)	17,00

Результаты оценки характера питания российских мужчин в возрасте старше 18 лет по отдельным регионам представлены в [таблице 4](#).

Таблица 4

Суточное потребление мужчинами энергии, вклад белка и жира в энергетическую ценность рациона, RLMS-HSE, 2011 г., в ккал, %

Регионы	Энергия, ккал	% жира по калорийности	% белка по калорийности	Белок/масса тела
Республика Коми	1950	34,3	15,3	0,91
г. Сыктывкар	2422	33,9	14,3	1,14
Ленинградская обл.	2817	37,7	13,6	1,23
г. С. -Петербург	2448	38,8	14,8	1,13
Калининская обл.	2456	38,3	13,8	1,06
г. Смоленск	1987	39,1	13,8	0,86
г. Тула	2539	38,6	14,9	1,18
Московская обл.	2384	39,2	14,3	1,05
г. Москва	2263	39,0	15,3	1,07
Калужская обл.	2335	39,4	12,8	0,93

¹ Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации: Методические рекомендации.

Продолжение таблицы 4

Регионы	Энергия, ккал	% жира по калорийности	% белка по калорийности	Белок/масса тела
Чувашская Республика	2147	34,4	13,8	0,97
Тамбовская обл.	2759	39,3	14,1	1,20
г. Липецк	2437	42,5	15,3	1,16
Волгоградская обл.	2366	35,5	13,2	0,99
г. Саратов	2579	36,9	14,0	1,16
Саратовская обл.	2079	34,6	14,4	0,92
Пензенская обл.	2379	35,8	12,8	0,98
г. Казань	2549	34,4	15,1	1,29
г. Нижний Новгород	2336	38,9	15,1	1,10
г. Краснодар	2452	38,2	15,9	1,21
Ставропольский край	2539	38,2	14,0	1,12
Кабардино-Балкарская Республика	1503	35,4	14,4	0,72
Краснодарский край	2018	35,9	14,6	0,90
г. Батайск (Ростовская обл.)	2253	38,2	13,9	0,98
Удмуртская Республика	2131	32,1	14,6	1,04
Пермская обл.	2755	36,7	13,7	1,23
г. Курган	2330	34,8	14,0	1,08
г. Орск (Оренбургская обл.)	2409	37,3	14,3	1,09
г. Челябинск	2386	37,1	14,4	1,09
Челябинская обл.	2746	32,4	12,8	1,13
Алтайский край	2375	33,0	13,0	1,01
г. Томск	2325	37,6	13,5	1,04
г. Бийск и район	2254	34,7	13,9	1,01
г. Красноярск	2363	37,8	14,2	1,07
Красноярский край	2749	36,6	12,7	1,12
г. Владивосток	2340	38,4	15,4	1,14
Амурская обл.	2227	32,6	13,0	0,98
Бердский район (Новосибирская область)	2382	36,2	14,0	1,02
Итого	2346	36,9	14,2	1,06

Наименьшие величины энергетической ценности рационов отмечаются в Кабардино-Балкарской Республике и Республике Коми, а также в г. Смоленске. Лишь немного выше данный показатель в Удмуртской Республике, Чувашской Республике и Саратовской области. В то же время самые высокие уровни потребления энергии регистрируются у мужчин Ленинградской, Тамбовской и Пермской, Челябинской областей, Красноярского края. По вкладу жира в калорийность рациона питания наблюдается следующее распределение. Минимальные величины, составляющие около 32–33% жира по калорийности, отмечены в питании мужчин Республики Удмуртия, Челябинской и Амурской областей, Алтайского края; мак-

симальные значения, достигающие 40–42% жира по калорийности, определены в питании мужчин города Липецка, Калужской, Тамбовской областей. Значения, близкие к максимальным, были зафиксированы в Москве и Московской области (около 39% жира). Содержание белка по калорийности в рационе колеблется от 12,7 до 13% у мужчин, проживающих в Красноярском крае, в Калужской, Челябинской и Пензенской областях; до 15% и более – в питании мужчин, являющихся жителями Краснодара, Владивостока и Липецка. Значения показателя потребления белка на кг массы веса изменяются в минимальных пределах от 0,7–0,8 (норма 1,0–1,5) у мужчин Кабардино-Балкарской Республики, города Смоленска; до максимального значения 1,2–1,3 – у мужчин Казани и Краснодара, Тамбовской, Пермской и Ленинградской областей.

В таблице 5 представлены результаты расчетов содержания пищевых веществ и энергетическая ценность рационов питания женщин. Как следует из данных, в питании женщин, так же как и в питании мужчин, наблюдается повышенное по сравнению с рекомендуемыми величинами содержание жира и белка по калорийности. Значение показателя потребления белка на кг массы веса у женщин несколько превышает рекомендуемые величины потребления пищевых веществ ВОЗ. В тоже время вклад углеводов в энергетическую ценность рациона женщин ниже рекомендуемых значений. Также расчеты выявили дефицит содержания витаминов и минеральных веществ в рационе питания. Относительно рекомендуемых величин уровень потребления витамина А составляет – 79%; В1, В2 – 54%; С – 61%; кальция – 56%; железа – 69%.

Таблица 5

Потребление пищевых веществ и энергии женщинами, RLMS-HSE, 2011 г.

Потребление пищевых веществ в сутки	
Белок (г)	55,70
Жир (г)	66,00
Общие углеводы (г)	197,00
Энергия (ккал)	1616,00
Процент белка по калорийности	14,00
Процент жира по калорийности	36,00
Белок/Масса тела	0,81
Общий ретинол (рет. экв.)	707,00
Витамин В1 (мг)	0,81
Витамин В2 (мг)	0,96
Витамин С (мг)	55,30
Кальций (мг)	556,00
Железо (мг)	12,40

В таблице 6 представлены региональные характеристики структуры питания женщин. Согласно данным, наибольшие значения калорийности рациона наблюдаются у женщин Ленинградской, Пермской и Тамбовской областей, наименьшие величины – у жительниц Республики Коми, Краснодарского края, Саратовской области. Жир в составе рациона питания по калорийности составляет от 33% у женщин Алтайского края, Амурской области, Чувашской Республики

до 40% в питании женщин городов Смоленска, Санкт-Петербурга и Липецка. Наибольшее значение белка по вкладу в калорийность, составляющее более 15%, наблюдается в питании женщин Краснодарского края, Санкт-Петербурга и Москвы, тогда как наименьшие значения, составляющие 12–13%, зафиксированы в питании женщин Калужской и Волгоградской областей, Алтайского края и Красноярского края. Значение показателя потребления белка на кг массы веса женщин колеблется от минимального значения, составляющего менее 0,7 у жительниц Краснодарского края, Республики Коми, Алтайского края, до величины 0,9 и более у жительниц Казани, Пермской и Тамбовской областей.

Таблица 6

Суточное потребление женщинами энергии, вклад белка и жира в энергетическую ценность рациона, RLMS-HSE, 2011 г., в ккал, %

Регионы	Энергия, ккал	% жира по калорийности	% белка по калорийности	Белок/масса тела
Республика Коми	1293	34,2	14,2	0,65
г. Сыктывкар	1691	35,4	13,8	0,87
Ленинградская обл.	1925	36,0	13,6	0,91
г. С. -Петербург	1607	39,2	15,4	0,90
Калининская обл.	1664	37,2	14,1	0,82
г. Смоленск	1541	39,3	13,5	0,75
г. Тула	1748	36,3	14,5	0,91
Московская обл.	1546	38,2	14,5	0,80
г. Москва	1564	37,7	15,3	0,85
Калужская обл.	1775	36,7	12,5	0,75
Чувашская Республика	1588	32,9	13,2	0,78
Тамбовская обл.	1841	36,9	14,3	0,94
г. Липецк	1648	39,0	14,6	0,87
Волгоградская обл.	1588	33,3	12,8	0,71
г. Саратов	1672	35,1	13,9	0,85
Саратовская обл.	1466	35,3	13,6	0,67
Пензенская обл.	1836	34,5	13,1	0,83
г. Казань	1741	34,7	14,4	0,93
г. Нижний Новгород	1658	38,4	15,1	0,90
г. Краснодар	1633	37,5	15,6	0,90
Ставропольский край	1647	35,0	13,0	0,79
Кабардино-Балкарская Республика	1493	35,5	14,3	0,78
Краснодарский край	1300	33,5	14,3	0,63
г. Батайск (Ростовская обл.)	1483	36,3	13,6	0,74
Удмуртская Республика	1585	34,2	13,9	0,83
Пермская обл.	1913	34,7	13,5	0,97
г. Курган	1549	34,1	13,8	0,75
г. Орск (Оренбургская обл.)	1694	36,9	14,0	0,87

Продолжение таблицы 6

Регионы	Энергия, ккал	% жира по калорийности	% белка по калорийности	Белок/масса тела
г. Челябинск	1570	36,1	14,5	0,80
Челябинская обл.	1799	32,9	12,8	0,79
Алтайский край	1552	32,9	12,3	0,66
г. Томск	1575	36,5	13,2	0,76
г. Бийск и район	1567	35,9	13,5	0,76
г. Красноярск	1608	37,0	13,4	0,82
Красноярский край	1742	35,4	12,7	0,79
г. Владивосток	1487	35,4	14,8	0,83
Амурская обл.	1620	32,9	12,9	0,76
Бердский район (Новосибирская область)	1522	35,7	13,5	0,73
Всего	1616	36,0	14,0	0,81

Проведенный анализ химического состава рационов питания как взрослого населения, так и детей, свидетельствует об избыточном потреблении жиров гражданами России, что подтверждается высоким вкладом жира в рацион питания, особенно у мужчин – 37%, при одновременном дефиците в рационе витаминов и минеральных веществ. Указанные неблагоприятные тенденции являются важнейшим фактором риска развития ожирения, сердечнососудистых заболеваний, диабета и ряда злокачественных новообразований.

Оценка состояния пищевого статуса населения

Данные, характеризующие состояние пищевого статуса взрослого населения старше 18 лет, представлены в таблице 7. Как следует из данных, доля лиц с нормальной массой тела среди населения РФ составляет около 40%, в том числе среди мужчин – 44%, среди женщин – меньше 37%. Недостаточная масса тела отмечается в целом у 3% населения, причем среди женщин доля таких лиц в 2 раза больше. Вместе с тем среди мужчин в 1,3 раза больше лиц с избыточной массой тела, а среди женщин больше лиц с ожирением в 1,7 раза, чем в группе мужчин.

Таблица 7

Пищевой статус взрослого населения России, 2011 г., %

ИМТ	
Все взрослое население	
Недостаточная масса тела: <18,5	2,9
Нормальная масса тела: 18,5 – <25	39,8
1-я степень ожирения: 25 – <30	32,3
2-я и 3-я степени ожирения: 30=<	25,0

Продолжение таблицы 7

Мужчины	
Недостаточная масса тела: <18,5	1,8
Нормальная масса тела: 18,5 – <25	43,8
1-я степень ожирения: 25 – <30	36,8
2-я и 3-я степени ожирения: 30= \leq ,	17,7
Женщины	
Недостаточная масса тела: <18,5	3,7
Нормальная масса тела: 18,5 – <25	36,9
1-я степень ожирения: 25 – <30	29,0
2-я и 3-я степени ожирения: \geq 30	30,4

Результаты расчетов распределения индекса массы тела относительно мужчин в возрасте от 18 до 75 лет и старше представлены в таблице 8. Как следует из данных, в каждой из выделенных семи возрастных групп распределение мужчин по индексу массы тела неоднозначно.

Таблица 8

Распределение индекса массы тела среди взрослого населения России. Мужчины, 2011 г., %

Возрастные группы	ИМТ	Процент в группе
1-я группа 18–25 лет	Недостаточная масса тела: <18,5	5,5
	Нормальная масса тела: 18,5 – <25	69,5
	1-я степень ожирения: 25 – <30	19,6
	2-я степень ожирения: 30 – <40	5,2
	3-я степень ожирения: \geq 40	0,1
2-я группа 25–35 лет	Недостаточная масса тела: <18,5	1,6
	Нормальная масса тела: 18,5 – <25	50,7
	1-я степень ожирения: 25 – <30	35,5
	2-я степень ожирения: 30 – <40	11,8
	3-я степень ожирения: \geq 40	0,5
3-я группа 35–45 лет	Недостаточная масса тела: <18,5	0,6
	Нормальная масса тела: 18,5 – <25	39,5
	1-я степень ожирения: 25 – <30	40,6
	2-я степень ожирения: 30 – <40	18,4
	3-я степень ожирения: \geq 40	0,9
4-я группа 45–55 лет	Недостаточная масса тела: <18,5	0,7
	Нормальная масса тела: 18,5 – <25	34,9
	1-я степень ожирения: 25 – <30	40,5
	2-я степень ожирения: 30 – <40	22,7
	3-я степень ожирения: \geq 40	1,3

Продолжение таблицы 8

Возрастные группы	ИМТ	Процент в группе
5-я группа 55–65 лет	Недостаточная масса тела: <18,5	1,5
	Нормальная масса тела: 18,5 – <25	31,6
	1-я степень ожирения: 25 – <30	42,6
	2-я степень ожирения: 30 – <40	22,4
	3-я степень ожирения: ≥40	1,8
6-я группа 65–75 лет	Недостаточная масса тела: <18,5	1,6
	Нормальная масса тела: 18,5 – <25	35,4
	1-я степень ожирения: 25 – <30	41,9
	2-я степень ожирения: 30 – <40	20,2
	3-я степень ожирения: ≥40	1,0
7-я группа от 75 лет и старше	Недостаточная масса тела: <18,5	5,9
	Нормальная масса тела: 18,5 – <25	37,8
	1-я степень ожирения: 25 – <30	39,3
	2-я степень ожирения: 30 – <40	16,3
	3-я степень ожирения: ≥40	0,7

Среди мужчин в возрасте 18–25 лет лица с недостаточной массой тела составляют 5,5% от общего числа опрошенных мужчин. Приблизительно столько же в этой когорте респондентов с ожирением второй степени, тогда как с нормальной массой тела – около 70%. Удельный вес мужчины с ожирением третьей степени для данного возраста составил всего лишь 0,1%. В когорте 25–35-летних мужчин респонденты с нормальной массой тела составили около 51%, в то время как доля лиц с недостаточной массой тела – только 1,6%, что в 3,4 раза меньше, чем в предыдущей возрастной группе. При этом доля мужчин, имеющих первую и вторую степени ожирения, больше, чем в первой возрастной группе в 1,8 и в 2,3 раза соответственно.

Распределение респондентов по индексу массы тела в когорте 35–45-летних мужчин показало, что доля лиц с недостаточной массой тела среди них 2,7 раза меньше, чем во второй группе, и в 9 раз меньше, чем в первой возрастной группе. Лица с нормальной массой тела составляют среди 35–45-летних мужчин только 40%, что меньше, чем во второй группе, в 1,3 раза и меньше, чем в первой группе, в 1,8 раза. При сравнении анализируемых данных с данными относительно первой и второй возрастных групп доля мужчин с избыточной массой тела увеличилась в 2,1 и 1,1 раза соответственно. Доля мужчин со второй и третьей степенью ожирения по сравнению с распределением в первой возрастной группе увеличилась в 3,5 и 9 раз соответственно, по сравнению со второй возрастной группой – в 1,6 и 1,8 раза соответственно.

В возрастной когорте 45–55-летних мужчин доля лиц с нормальной массой тела меньше, чем доля респондентов с избыточной массой, приблизительно в 1,2 раза. Отмечены также существенные отличия от других возрастных групп в распределении по остальным показателям ИМТ. Доля лиц с недостаточной массой тела среди представителей анализируемой группы в 8 раз меньше, чем

в первой группе, и в 2,3 раза меньше, чем во второй группе, но несколько больше, чем в третьей возрастной когорте. Доля мужчин с нормальной массой тела в рассматриваемой когорте уменьшается относительно первой возрастной группы в 2 раза, второй возрастной группы — в 1,5 раза, третьей группы — в 1,1 раза. Возросшая доля мужчин с избыточной массой тела оказывается больше, чем в первой возрастной когорте, в 2 раза, во второй возрастной когорте — в 1,1 раза, но в то же время соответствует аналогичной доле лиц в третьей возрастной группе.

Среди обследованных мужчин пятой возрастной группы (55–65 лет) нормальный вес зафиксирован только у 32%. При этом доля лиц с избыточной массой тела среди них в 1,4 раза больше, чем в предыдущей группе, а доля мужчин второй степени ожирения составляет около 22%. Такое же распределение отмечено в четвертой возрастной группе, тогда как доля мужчин третьей степени ожирения в пятой возрастной когорте в 1,4 раза больше, чем в четвертой возрастной группе.

Характерно, что в возрастной группе 65–75-летних мужчин (шестая возрастная когорта) распределение респондентов по индексу массы тела такое же, как в предыдущей пятой группе. Но в то же время немного уменьшается доля мужчин со второй степенью ожирения и увеличивается доля лиц с недостаточной массой тела. У мужчин в возрасте 75 лет и старше (седьмая возрастная когорта) зафиксированы приблизительно равные доли респондентов, имеющих нормальный вес и избыточную массу тела, но меньше доли лиц с ожирением второй и третьей степеней. При этом увеличивается доля мужчин с недостаточной массой тела, которая соответствует распределению в первой возрастной группе и даже превышает эти показания.

Таким образом, максимальные значения доли лиц с недостаточной массой тела, составляющие 5,5–5,9%, отмечены только в первой и седьмой возрастной группах, в то время как в остальных возрастных когортах данный показатель варьирует в границах от 0,6 до 1,6%. Доля мужчин с нормальной массой тела изменяется с возрастом от 70% в первой возрастной группе до 32% в пятой группе и равнозначна доле мужчин с избыточной массой тела в третьей и седьмой возрастных когортах. Максимальное значение доли мужчин, имеющих вторую степень ожирения, которое составило 23%, отмечено в четвертой возрастной группе (45–55 лет). Примечательно, что среди всех обследованных мужчин доля лиц третьей степени ожирения не превышает 1,8% (указанное значение зафиксировано в шестой возрастной группе).

В таблице 9 представлены результаты распределения индекса массы тела среди мужчин по обследуемым регионам. Как следует из результатов проведенных расчетов, доля мужчин с недостаточной массой тела колеблется по регионам от 0 (Республика Коми) до 3,9% (Томск). В то же время доля мужчин с нормальной массой тела составила от 35% в Краснодарском крае до 53% в Удмуртской Республике. Удельный вес лиц с избыточной массой тела варьирует в пределах от 28% (Владивосток) до 47% (Кабардино-Балкарская Республика), а доля мужчин с ожирением регистрируется на уровне от 11% в Красноярске до 27% в Саратове. В среднем среди всех обследуемых мужчин (7297 человек) доля лиц с недостаточной массой тела составила 1,8%, с нормальной массой — 44%, с избыточной массой тела — 37%, с ожирением — 17%.

Таблица 9

Распределение ИМТ среди мужчин (18 лет и старше) различных регионов России, 2011 г.

Регионы	Количество в % с величинами ИМТ				Всего человек
	Менее 18,5	18,5–24,99	25–29,99	30 и более	
Республика Коми	0,00	37,04	40,12	22,84	162
г. Сыктывкар	1,48	43,70	37,78	17,04	135
Ленинградская обл.	0,65	44,16	35,71	19,48	154
г. С. -Петербург	1,15	52,30	32,76	13,79	174
Калининская обл.	1,26	42,77	39,62	16,35	159
г. Смоленск	1,43	43,57	37,86	17,14	140
г. Тула	2,37	42,01	37,28	18,34	169
Московская обл.	1,37	41,21	36,54	20,88	364
г. Москва	1,23	40,89	37,83	20,06	653
Калужская обл.	1,36	38,10	36,73	23,81	147
Чувашская Республика	1,57	48,17	33,51	16,75	191
Тамбовская обл.	1,74	39,53	36,63	22,09	172
г. Липецк	0,38	46,99	39,85	12,78	266
Волгоградская обл.	3,02	43,22	37,69	16,08	199
г. Саратов	3,45	43,10	39,08	14,37	174
Саратовская обл.	2,16	38,85	31,65	27,34	139
Пензенская обл.	0,56	50,28	37,43	11,73	179
г. Казань	3,52	50,25	31,66	14,57	199
г. Нижний Новгород	0,59	41,76	35,88	21,76	170
г. Краснодар	1,54	37,95	40,00	20,51	195
Ставропольский край	2,31	46,82	35,26	15,61	173
Кабардино-Балкарская Республика	1,17	36,96	47,08	14,79	257
Краснодарский край	0,81	35,22	41,30	22,67	247
г. Батайск (Ростовская обл.)	3,09	36,42	43,83	16,67	162
Удмуртская Республика	3,61	53,09	31,44	11,86	194
Пермская обл.	2,38	44,05	39,88	13,69	168
г. Курган	2,26	48,12	34,59	15,04	133
г. Орск (Оренбургская обл.)	2,17	40,76	45,11	11,96	184
г. Челябинск	2,01	43,62	32,89	21,48	149
Челябинская обл.	1,64	43,72	30,60	24,04	183
Алтайский край	0,48	44,29	39,05	16,19	210
г. Томск	3,93	47,75	31,46	16,85	178
г. Бийск и район	2,19	50,36	31,39	16,06	137
г. Красноярск	2,55	49,68	36,94	10,83	157
Красноярский край	1,71	49,14	31,43	17,71	175

Продолжение таблицы 9

Регионы	Количество в % с величинами ИМТ				Всего человек
	Менее 18,5	18,5–24,99	25–29,99	30 и более	
г. Владивосток	3,33	48,33	27,50	20,83	120
Амурская обл.	2,02	52,53	29,29	16,16	198
Бердский район (Новосибирская область)	2,29	43,51	37,40	16,79	131
Итого	1,77	43,84	36,74	17,65	7297

Анализ пищевого статуса женщин в зависимости от распределения по возрастным группам показал несколько иную структуру распределения индексов массы тела по сравнению с мужчинами (см. таблицу 10). Максимальное значение доли женщин с недостаточной массой тела зарегистрировано в первой возрастной когорте (13,6%), а наименьшее значение – в шестой (0,5%). Удельный вес женщин с нормальной массой тела колеблется от максимального значения в первой возрастной группе (67%) до минимального значения в пятой (14%). В шестой и седьмой группах доля женщин с нормальной массой тела увеличивается и достигает 17 и 23% соответственно.

Таблица 10

Распределение индекса массы тела среди взрослого населения России. Женщины, 2011 г., %

Возрастные группы	ИМТ	Процент в группе
1-я группа 18–25 лет	Недостаточная масса тела <18,5	13,6
	Нормальная масса тела 18,5 – <25	67,3
	1-я степень ожирения 25 – <30	14,2
	2-я степень ожирения 30 – <40	4,7
	3-я степень ожирения ≥40	0,2
2-я группа 25–35 лет	Недостаточная масса тела <18,5	6,3
	Нормальная масса тела 18,5 – <25	59,6
	1-я степень ожирения 25 – <30	21,7
	2-я степень ожирения 30 – <40	11,6
	3-я степень ожирения ≥40	0,8
3-я группа 35–45 лет	Недостаточная масса тела <18,5	2,3
	Нормальная масса тела 18,5 – <25	41,8
	1-я степень ожирения 25 – <30	31,8
	2-я степень ожирения 30 – <40	21,7
	3-я степень ожирения ≥40	2,4
4-я группа 45–55 лет	Недостаточная масса тела <18,5	0,9
	Нормальная масса тела 18,5 – <25	26,4
	1-я степень ожирения 25 – <30	33,1
	2-я степень ожирения 30 – <40	34,6
	3-я степень ожирения ≥40	5,0

Продолжение таблицы 10

Возрастные группы	ИМТ	Процент в группе
5-я группа 55–65 лет	Недостаточная масса тела <18,5	0,7
	Нормальная масса тела 18,5 – <25	13,9
	1-я степень ожирения 25 – <30	34,5
	2-я степень ожирения 30 – <40	43,7
	3-я степень ожирения ≥40	7,2
6-я группа 65–75 лет	Недостаточная масса тела <18,5	0,5
	Нормальная масса тела 18,5 – <25	16,8
	1-я степень ожирения 25 – <30	34,0
	2-я степень ожирения 30 – <40	44,2
	3-я степень ожирения ≥40	4,6
7 группа от 75 лет и старше	Недостаточная масса тела <18,5	1,8
	Нормальная масса тела 18,5 – <25	23,3
	1-я степень ожирения 25 – <30	35,7
	2-я степень ожирения 30 – <40	35,0
	3-я степень ожирения ≥40	4,3

Избыточная масса тела у опрошенных женщин регистрируется по возрастным группам от 14% среди 18–25-летних до 36% в последней возрастной когорте. С 35–45-летнего возраста женщины с избыточной массой тела составляют более 30%. Примечательно, что среди обследуемых женщин доля лиц с ожирением первой степени колеблется от наименьшего значения, равного 5%, в первой возрастной когорте до максимального значения, достигающего 44%, в шестой возрастной группе (65–75 лет). Ожирение второй степени зарегистрировано только у 0,2% женщин первой возрастной группы, тогда как в пятой возрастной группе (55–65 лет) эта доля достигла 7%, что является максимальным значением показателя. При этом в шестой и седьмой возрастных группах доля женщин с ожирением второй степени заметно падает.

Распределение индексов массы тела среди женщин по обследуемым регионам представлено в [таблице 11](#).

Как свидетельствуют приведенные данные, наименьшая доля женщин с недостаточной массой тела отмечена в Липецке (0,85%), в то время как наибольшая – в Санкт-Петербурге (7,2%). Женщины с нормальной массой тела составили от 22% в Саратовской области (минимальное значение) до 49% в Удмуртской Республике (максимальное значение). Доля женщин с избыточной массой тела (или первая степень ожирения) колеблется от 22% в Бийске и его районе до 43% среди обследуемых женщин в Кабардино-Балкарской Республике. Распределение доли женщин с ожирением по регионам колеблется от 16% в Кабардино-Балкарской Республике (минимальное значение) до 43% в Калужской области (максимальное значение). В среднем среди всех обследованных женщин (10073 респондентов) удельный вес лиц с недостаточной массой тела составил 3,7%, с нормальной массой тела – почти 37%, с избыточной массой тела – до 29% и с ожирением – около 30%.

Таблица 11

Распределение ИМТ среди женщин (18 лет и старше) различных регионов России, 2011 г.

Регионы	Количество в % с величинами ИМТ				Всего человек
	Менее 18,5	18,5–24,99	25–29,99	30 и более	
Республика Коми	2,87	34,43	26,64	36,07	244
г. Сыктывкар	4,13	41,28	27,52	27,06	218
Ленинградская обл.	2,16	34,91	27,59	35,34	232
г. С. -Петербург	7,24	37,93	33,79	21,03	290
Калининская обл.	2,30	28,57	35,48	33,64	217
г. Смоленск	2,79	41,34	26,82	29,05	179
г. Тула	4,72	36,05	27,90	31,33	233
Московская обл.	2,62	32,86	27,42	37,10	496
г. Москва	3,82	37,43	29,06	29,69	943
Калужская обл.	1,93	24,15	30,92	43,00	207
Чувашская Республика	2,83	38,87	29,96	28,34	247
Тамбовская обл.	4,68	35,74	25,53	34,04	235
г. Липецк	0,85	46,88	25,85	26,42	352
Волгоградская обл.	3,77	33,58	32,83	29,81	265
г. Саратов	3,85	36,32	27,78	32,05	234
Саратовская обл.	3,11	22,28	32,12	42,49	193
Пензенская обл.	1,42	29,72	33,02	35,85	212
г. Казань	4,42	36,73	32,65	26,19	294
г. Нижний Новгород	4,03	37,50	27,02	31,45	248
г. Краснодар	4,35	39,86	22,10	33,70	276
Ставропольский край	6,38	36,60	25,96	31,06	235
Кабардино-Балкарская Республика	2,30	38,82	43,09	15,79	304
Краснодарский край	4,72	32,70	28,62	33,96	318
г. Батайск (Ростовская обл.)	3,27	47,35	26,12	23,27	245
Удмуртская Республика	1,66	48,55	28,22	21,58	241
Пермская обл.	2,94	44,96	23,11	28,99	238
г. Курган	4,25	33,49	29,25	33,02	212
г. Орск (Оренбургская обл.)	3,17	44,44	30,56	21,83	252
г. Челябинск	3,12	38,39	25,45	33,04	224
Челябинская обл.	4,42	26,11	33,19	36,28	226
Алтайский край	3,48	25,22	31,30	40,00	230
г. Томск	4,25	44,02	22,39	29,34	259
г. Бийск и район	4,19	44,50	21,99	29,32	191
г. Красноярск	5,46	44,12	26,89	23,53	238
Красноярский край	2,51	30,13	36,82	30,54	239

Продолжение таблицы 11

г. Владивосток	5,26	42,11	31,05	21,58	190
Амурская обл.	4,76	34,20	27,27	33,77	231
Бердский район (Новосибирская область)	6,49	33,51	27,03	32,97	185
Итого	3,66	36,91	29,00	30,43	10073

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что среди женщин больше, чем среди мужчин, лиц с недостаточной массой тела (в 2 раза) и ожирением (в 1,7 раза). Вместе с тем женщин с нормальной массой тела меньше, чем мужчин, в 1,2 раза и с избыточной массой тела – в 1,3 раза.

В таблице 12 представлена динамика изменения пищевого статуса всего взрослого населения России по данным обследований за 2000, 2005, 2011 гг.

Таблица 12

Динамика изменения пищевого статуса среди взрослого населения России, 2000–2011 гг., %

ИМТ	2000	2005	2011	2011/2000
Все взрослое население				
<18,5	17,2	15,2	2,9	17
18,5 – <25	43,7	42,4	39,8	91
25 – <30, 1 ст.	23,5	24,6	32,3	137
30 – <40, 2 ст.	14,5	16,2	22,7	157
>=40, 3 ст.	1,1	1,6	2,3	209
Мужчины				
<18,5	19,3	16,6	1,8	9
18,5 – <25	49,1	47,5	43,8	89
25 – <30, 1 ст.	23,5	25,6	36,8	157
30 – <40, 2 ст.	8,0	9,8	16,8	210
>=40, 3 ст.	0,2	0,4	0,9	450
Женщины				
<18,5	15,6	14,1	3,7	24
18,5 – <25	39,3	38,3	36,9	94
25 – <30, 1 ст.	23,5	23,9	29,0	123
30 – <40, 2 ст.	19,7	21,3	27,0	137
>=40, 3 ст.	1,9	2,4	3,4	179

Согласно представленным расчетам, среди лиц с недостаточной массой тела изменения в распределении индекса массы тела за последние 6 лет были более значительными, чем за первый рассматриваемый период. Наибольшие изменения отмечены среди мужчин: среди них доля лиц с недостаточной массой тела уменьшилась в 11 раз, тогда как среди женщин – в 5 раз. Доля мужчин с избыточной массой тела увеличилась в 2 раза, доля женщин – в 1,2 раза; со второй степенью ожирения доля мужчин возросла в 4,5 раза, доля женщин – в 1,8 раза. Таким образом, за исследуемый период доля лиц с избыточной массой тела выросла как среди мужчин, так и среди женщин, но в мужской когорте этот рост оказался намного существеннее, чем в женской когорте.

Динамика изменения веса и регулярность питания

Более широкое представление о рассматриваемых проблемах дает анализ ответов респондентов, содержащих их собственные оценки по кругу исследуемых вопросов. Речь идет, в частности, об ответах респондентов на вопрос о том, как изменился их вес в течение последнего года. Как показал анализ, изменения количественных и качественных параметров питания в 2000-е гг. вследствие повышения уровня жизни населения во многом определили основные тенденции, характеризующие динамику веса респондентов (см. рис. 1). С одной стороны, при высокой доле лиц, которые не меняли своего веса (с 2000 по 2008 г. она выросла с 39,8 до 54,1%, т. е. на 14,3 процентных пункта, но к концу 2011 г. вновь снизилась до 48,5%), довольно низким оставался удельный вес россиян, у которых наблюдалось снижение массы тела. С 2000 по 2008 г. доля таких респондентов сократилась почти в полтора раза – с 23,6 до 16,7% и затем практически не менялась. Как известно, снижение массы тела у людей чаще всего является признаком недостаточности питания. Речь идет о сложившемся у части населения «бедном» типе питания, который характеризуется хроническим недоеданием и приводит к возрастанию частоты белково-калорийной недостаточности. Питание этой части населения не соответствует современным представлениям о здоровом питании¹.

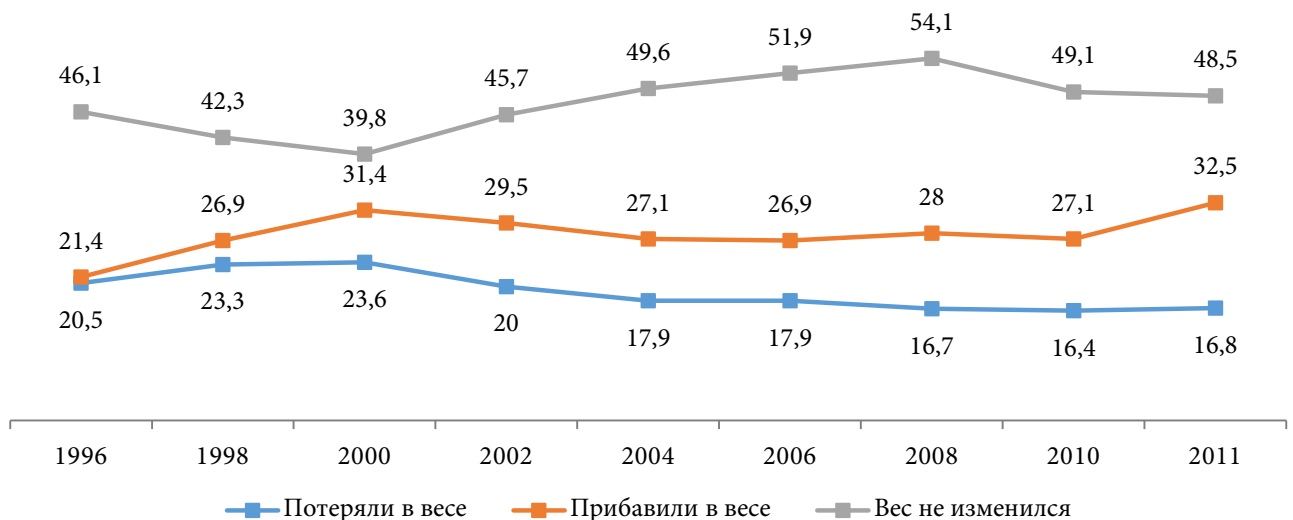

Рисунок 1. Динамика изменения веса, 1996–2011 гг., %²

С другой стороны, около трети россиян постоянно прибавляли в весе тела, нередко накапливая излишки, что также имело негативные последствия для здоровья. На протяжении практически всех лет мониторинга наблюдалось увеличение количества людей, страдающих избытком веса, среди граждан среднего возраста и, особенно, среди пожилых людей. Это связано как со сложным материальным положением многих россиян, которые вынуждены заменять в рационе дорогие продукты питания более дешевыми, но менее полезными, так

¹ Питание и здоровье в бедных семьях / А. К. Батуринов, В. Г. Зинин, В. А. Тутельян и др. М.: Просвещение, 2002.

² На рисунке не отражена позиция «Затруднились ответить».

и с отсутствием прочных традиций здорового питания, неумением многих людей правильно выстраивать свое питание вне дома. В условиях повышения расходов населения на продукты питания, которое наблюдается с 2000 г., последние обстоятельства становятся ключевыми для увеличения потребления высококалорийных продуктов питания, вызывающих ожирение.

Данные, характеризующие изменение веса респондентов по возрастным группам за 2011 г., показывают, что доля лиц, теряющих в весе, уменьшается по мере повышения возраста с 16,5% среди 18–24-летних до 14,8% среди 35–44-летних, но затем последовательно увеличивается до 30% среди граждан в возрасте 75 лет и более (см. таблицу 13). В целом рост составил 15,2 процентных пункта. Наибольшие изменения отмечены на границе между старшими возрастными когортами, т. е. лицами в возрасте 65–74 лет и 75 лет и старше. В то же время удельный вес лиц, прибавивших в весе в течение предыдущего года, практически не менялся среди респондентов в возрасте от 18 до 54 лет, а затем достаточно быстро и последовательно снизился до 18,2% среди граждан в возрасте 75 лет и старше. Это снижение, в целом, составило 16,4 процентных пункта. В результате таких равновеликих, но разнонаправленных изменений, удельный вес респондентов, сохраняющих свой вес в течение года, предшествующего опросу, менялся при переходе от одной возрастной когорты к другой менее существенно.

Таблица 13

Изменения веса по возрастным группам, 2011 г., %

Возраст	Потеряли в весе	Прибавили в весе	Вес не изменился
18–24 лет	16,5	34,6	48,9
25–34 лет	16,2	32,7	51,1
35–44 лет	14,8	34,0	51,2
45–54 лет	15,6	34,6	49,8
55–64 лет	16,8	30,4	52,8
65–74 лет	20,9	25,5	53,6
75 и более лет	30,0	18,2	51,8

Анализ данных мониторинга, характеризующих изменение веса респондентов в зависимости от места проживания (тип населенного пункта), выявил минимальные различия, которые не позволяют делать какие-либо серьезные выводы. Можно лишь отметить превышение доли лиц, потерявших в весе, среди жителей республиканских, краевых и областных центров (19,2%) в сравнении с респондентами, проживающими в других городах, т. е. в средних и небольших провинциальных городах (15,4%), и в сельской местности (16,2%). Представляет интерес также тот факт, что среди женщин в сравнении с мужчинами оказались выше доли лиц, как потерявших, так и прибавивших в весе (соответственно 18,2% против 15% среди мужчин и 34,1% против 30,2% среди мужчин). При этом мужчины намного чаще удерживали свой вес неизменным (54,8% против 47,7% среди женщин).

Известно, что в России потребление жиров традиционно превышало рекомендованные нормы, что постоянно вызывало расстройства здоровья, способствовало развитию у людей опасных хронических заболеваний. Поэтому

снижение потребления жиров в 1992–1998 гг. в результате экономического кризиса благоприятно сказалось на здоровье россиян. Однако начиная с 2000 г. доля жиров в потребляемой энергии начала опять увеличиваться во всех возрастных группах и уже в 2005 г. достигла у лиц в возрасте от 18 до 59 лет почти 35%, тогда как рекомендуется не более 30%. Одновременно увеличилась также снижавшаяся до 2000 г. доля потребляемых белков до 14% при рекомендованных 10–15%. В связи с развитием столь неблагоприятных для здоровья человека тенденций проблема борьбы с лишним весом приобрела для многих россиян особую значимость.

Вместе с тем, согласно сведениям, полученным от респондентов в 2011 г., только около 8% опрошенных российских граждан взрослых возрастов пользовались какими-либо диетами для того, что сбросить вес. Такой способ борьбы с избыточной массой тела в гораздо большей мере характерен для женщин, чем для мужчин (соответственно 10,9 и 3,3%). При этом представляет интерес тот факт, что обращение к диетам женщин практически не зависит от их возраста (10–12% во всех возрастных группах), тогда как у мужчин наблюдается последовательный рост доли лиц, пользующихся различными диетами, с 1,1% среди 14–17-летних юношей до 6% среди пожилых мужчин, достигших 60-летнего возраста.

В течение месяца, предшествующего опросу (за последние 30 дней), принимали какие-либо витамины, минеральные вещества, биологически активные добавки только около 17% россиян. Женщины пользовались этими средствами, помогающими сохранить и укрепить здоровье, вдвое чаще, чем мужчины (соответственно 20,2% против 10,5%). Данная тенденция проявлялась в равной мере во всех возрастных группах. Так, среди 14–17-летних девушек и юношей доля респондентов, пользовавшихся в течение указанного периода витаминами, минеральными веществами и биологически активными добавками, составила соответственно 23,3 и 14,8%; среди 18–29-летних женщин и мужчин – 21,9 и 10,9%; среди 30–59-летних респонденток и респондентов – 21,5 и 9,6%; среди пожилых женщин и мужчин в возрасте 60 лет и старше – 20,1 и 11,4%. Доля респондентов, указавших, что они принимали поливитамины в день, предшествующий опросу, составила 10,4%. При этом удельный вес женщин, принимавших поливитамины, оказался намного больше аналогичной доли мужчин (12,5% среди женщин против 7,7% среди мужчин).

Согласно данным проведенного опроса, жевательную резину жуют 14,6% респондентов. Самая высокая доля любителей жевательной резинки зафиксирована среди молодых людей 15–17-летнего возраста (40,7%). Далее, при переходе к каждой следующей возрастной когорте, этот показатель постоянно снижается. Так, среди 18–24-летних доля любителей жевательной резинки составила 33,5%; среди 25–34-летних – 21%; среди 35–44-летних – 13,2%; среди 45–54-летних – 6,3%; среди 55–64-летних – 2,8%; среди 65–74-летних – 1%. В более старшем возрасте стараются хотя бы изредка или регулярно жевать резинку единицы опрошенных.

Из общего числа любителей жевательной резинки около четверти (25,6%) жевали ее только после еды; свыше трети, а именно 37,1%, – после еды и между приемами пищи; еще около четверти (25,3%) – только между приемами пищи и примерно каждый десятый – постоянно. Характерно, что после еды чаще всего предпочитают пользоваться жевательной резинкой респонденты среднего и старшего возраста. Так, среди 55–64-летних их доля составила 40,5%; среди

45–54-летних – 30,5%; среди 35–44-летних – 34,2%. И это более чем вдвое больше, чем среди респондентов других возрастных когорт. После еды и между приемами пищи чаще других предпочитают жевать резинку люди самого молодого и самого старшего возраста (15–17-лет – 40,3%; 65–74 лет – 43,8%). Характерно также, что постоянно жуют жевательную резинку чаще всего молодые люди. Среди 15–17-летних доля таких респондентов составила 12,2%.

Исследование позволило установить, что подавляющее большинство лиц, потребляющих жевательную резинку, не придают какого-либо значения наличию или отсутствию сахара в данном продукте. Среди респондентов в возрасте до 35 лет таких оказалось почти две трети, а среди 35–64-летних респондентов – свыше половины. Что касается людей, которые обращают внимание на то, чтобы жевательная резинка не содержала сахара, то их больше всего среди людей старшего поколения (среди 65–74-летних доля лиц, обращающих внимание на наличие сахара в данном продукте, достигает 50%). Однако по мере снижения возраста удельный вес таких граждан, старающихся заботиться о своем здоровье, постоянно снижается. Так, если среди 45–64-летних респондентов на их долю пришлось не более 40%, среди 35–44-летних – 35,2%, то среди 18–24-летних – только около 25%.

Дальнейший анализ показал, что большинство респондентов стараются питаться дома, причем доля лиц, питающихся только дома, в 2011 г. составила 57,9% от общего количества опрошенных (см. таблицу 14). Среди женщин доля таких респондентов существенно больше, чем среди мужчин (соответственно 63,4% женщин против 50,4% мужчин). Значительная часть опрошенных россиян (30,7%), представленная работающим населением, питается вне дома все рабочие дни недели. Такой тип питания в большей мере характерен для мужчин (36,7% среди мужчин против 26,5% среди женщин). Кроме того, около 5,5% респондентов питаются вне дома в среднем 2–3 раза в неделю и 3,2% посещают предприятия общественного питания в среднем меньше двух раз в неделю. И, наконец, только 2,7% опрошенных россиян практически всегда питаются в столовых, ресторанах, барах, кафе и других предприятиях общественного питания. Особых различий между мужчинами и женщинами в данном случае не наблюдается.

Таблица 14

Частота питания дома и вне дома, 2011 г., %

Частота питания	Все население	В зависимости от пола	
		Мужчины	Женщины
Практически всегда питаются вне дома	2,7	3,0	2,4
Все рабочие дни недели вне дома	30,7	36,7	26,5
В среднем 2–3 раза в неделю вне дома	5,5	6,4	4,8
В среднем меньше 2-х раз в неделю	3,2	3,5	2,9
Питаются только дома	57,9	50,4	63,4

Чаще всего питаются вне дома молодые мужчины в возрасте от 18 до 29 лет (см. таблицу 15). Среди них минимальной является доля лиц, питающихся только дома (около 33%), и максимальной доля тех, кто питается вне дома все рабочие дни недели (46%). Сравнительно большими среди них являются также доли лиц, питающихся в среднем 2–3 раза в неделю вне дома (11,2%) и питающихся практически всегда вне

дома (5,1%). Очень четко прослеживается тенденция роста удельного веса питающихся только дома по мере увеличения возраста респондентов. Так, среди женщин эта доля увеличивается достаточно медленно с 44% среди 14–17-летних девушек до 55,1% среди 30–59-летних женщин и затем резко возрастает до 90,9% среди тех, кому 60 лет и более.

Таблица 15

Частота питания дома и вне дома мужчин и женщин по возрастным группам, 2011 г., %

Частота питания	Возраст							
	14–17 лет		18–29 лет		30–59 лет		60 лет и больше	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Практически всегда питаются вне дома	3,5	1,9	5,1	3,4	2,5	2,0	1,6	2,4
Все рабочие дни недели вне дома	40,6	35,0	46,0	36,5	42,2	34,7	8,0	4,8
В среднем 2–3 раза в неделю вне дома	9,7	14,9	11,2	7,8	5,8	5,0	1,1	1,1
В среднем меньше 2-х раз в неделю	3,8	4,2	4,7	5,3	3,9	3,2	0,5	0,8
Питаются только дома	42,4	44,0	33,0	47,0	45,6	55,1	88,8	90,9

Напомним, что данные мониторинга свидетельствуют о значительном росте расходов российских домохозяйств на питание вне дома. С 1998 г., когда были зафиксированы минимальные значения, по 2010 г. средние ежемесячные расходы домохозяйств на питание в столовых, ресторанах, кафе, барах и других предприятиях общественного питания выросли почти в четыре раза и лишь в начале 2011 г. немного снизились, что было обусловлено последствиями распространившегося на Россию глобального финансово-экономического кризиса. Отмечен также существенный рост, хотя и не всегда последовательный, удельного веса расходов домохозяйств на питание вне дома в структуре семейных расходов. С 1998 по 2010 г. доля этих расходов увеличилась с 2,9 до 4,7%, т. е. более чем в полтора раза, и затем немного уменьшилась в 2011 г. до 4,6%. Как показывает анализ, мода на рестораны, кафе и бары завоевывает не только столицу, но и другие крупные и средние города страны. Хотя население регионов реже посещает предприятия общественного питания, в 2011 г. наблюдалась тенденция некоторого расширения сети кафе и ресторанов в средних и небольших провинциальных городах. Наметилась также тенденция восстановления докризисных показателей популярности быстрого питания в молодежной среде. Для части молодых людей посещение баров, кафе, ресторанов превратилось в один из важных видов досуга.

Примерно каждый пятый россиянин питается не регулярно, т. е. реже трех раз в день. В 2011 г. к этой категории граждан (ответили «скорее нет, чем да» и «никогда не удастся») относились 22,9% опрошенных мужчин и 17,3% опрошенных женщин (см. таблицу 16). В силу возросшего ритма жизни и неупорядоченности досуга чаще всего попадают в число лиц, которым не удается питаться регулярно, молодые мужчины и женщины в возрасте от 18 до 29 лет (соответственно 31,9 и 29,3%). Надо заметить, что количество респондентов, которым никогда не удается питаться регулярно, сравнительно невелико: среди мужчин – 4,2%, среди женщин – 3,4%. Что касается самых высоких показателей, то они, как и в предыдущем случае, зарегистрированы среди молодых мужчин и женщин в возрасте от 18 до 29 лет (соответственно 6 и 7,1%).

Таблица 16

Регулярность питания (не менее 3-х раз в день), 2011 г., %

Регулярность питания	В целом		В зависимости от возраста							
			14–17 лет		18–29 лет		30–59 лет		60 лет и больше	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Удается питаться регулярно	48,9	57,4	62,0	50,5	37,9	42,8	44,1	54,4	72,5	73,3
Скорее да, чем нет	28,3	25,3	23,9	29,4	30,3	27,9	30,3	26,7	21,1	20,5
Скорее нет, чем да	18,7	13,9	11,0	16,3	25,9	22,2	20,9	15,6	5,8	5,1
Никогда не удается	4,2	3,4	3,2	3,8	6,0	7,1	4,7	3,3	0,6	1,1

Нерегулярное и несбалансированное питание в ресторанах, столовых, кафе, барах и различного рода пунктах быстрого питания (fast food), как правило, не обеспечивает удовлетворение физиологических потребностей организма в питании. Нерегулярно питаются среди 30–59-летних мужчин и женщин 25,6 и 18,9% опрошенных, среди юношей и девушек подросткового возраста 14,2 и 20,1%. Напротив, наиболее высокие показатели регулярности питания наблюдаются у респондентов старшего возраста (60 лет и более). Почти три четверти пенсионеров питаются не менее трех раз каждый день, один из пяти опрошенных пожилых людей питается регулярно практически каждый день.

Частота и регулярность питания занятого населения зависит от характера и содержания трудовой деятельности. Занятые в этой ситуации оказываются в худшем положении, чем неработающие, которые, по понятным причинам, гораздо чаще питаются дома. Так, если среди занятых доля лиц, питающихся регулярно, составила 73,1% (в том числе «всегда удается питаться регулярно» – 44,4%), то среди неработающих – 90,5% (в том числе «всегда удается питаться регулярно» – 62,9%).

Таблица 17

Зависимость частоты питания дома и вне дома от характера и содержания трудовой деятельности, 2011 г., %

Частота питания	Оформлены на работе		Наличие подчиненных		Форма собственности предприятия		
	Официально	Не официально	Имеют подчиненных	Не имеют подчиненных	Государственное	Иностранное частное	Российское частное
Практически всегда питаются вне дома	2,5	4,3	2,6	2,6	2,2	2,2	2,8
Все рабочие дни недели вне дома	51,2	54,0	52,9	49,7	45,2	61,5	57,6
В среднем 2–3 раза в неделю вне дома	6,9	8,8	8,9	6,5	6,7	7,6	6,9
В среднем меньше 2-х раз в неделю	3,8	3,8	4,1	4,0	4,0	3,1	3,5
Питаются только дома	35,6	29,1	31,5	37,2	41,9	25,6	29,2

Как следует из данных, представленных в таблице 17, среди лиц, занятых на рабочем месте официально, т. е. по трудовой книжке, трудовому соглашению или контракту, доля лиц питающихся только дома существенно больше, чем среди тех, кто работает на неофициальной основе (35,6 против 29,1%). В то же время среди последних выше удельный вес тех, кто практически всегда питается вне дома (4,3 против 2,5%), питается все рабочие дни недели вне дома (54 против 51,2%) и питается в среднем 2–3 раза в неделю вне дома (8,8 против 6,9%).

Работающим официально удается также намного чаще, чем занятым на неофициальной основе, питаться регулярно, т. е. не менее трех раз в день, о чем убедительно свидетельствуют данные, приведенные в таблице 18. Если среди лиц, работающих официально, доля респондентов, которым практически всегда удается питаться регулярно, достигла 47,2%, то среди работающих без официального оформления трудовых отношений – только 38,2%. Подобное соотношение отмечено также в группах респондентов, указавших «скорее да, чем нет», соответственно 28,3 и 24,6%. В то же время суммарные доли тех, кто отметил, отвечая на вопрос о регулярности питания, «никогда не удастся» и «скорее нет, чем да», составили соответственно 24,5 и 37,2%.

Таблица 18

Зависимость регулярности питания (не мене 3-х раз в день)
от характера и содержания трудовой деятельности, 2011 г., %

Регулярность питания	Оформлены на работе		Наличие подчиненных		Форма собственности предприятия		
	Официально	Неофициально	Имеют подчиненных	Не имеют подчиненных	Государственное	Иностранное частное	Российское частное
Удается питаться регулярно	47,2	38,2	46,4	44,9	50,7	45,9	43,0
Скорее да, чем нет	28,3	24,6	27,6	28,5	28,5	26,3	28,6
Скорее нет, чем да	19,9	28,9	21,0	21,1	17,4	20,0	22,6
Никогда не удастся	4,6	8,3	4,9	4,9	3,4	7,8	5,8

К хорошо заметным тенденциям можно отнести и то, что респонденты, имеющие подчиненных, в отличие от других занятых чаще питаются все рабочие дни вне дома (соответственно 52,9 против 49,7%), тогда как те, кто не имеют подчиненных и отвечают только за самих себя, чаще питаются только дома (37,2 против 31,5%). Вместе с тем, как следует из таблицы 18, влияние фактора наличия подчиненных практически не сказывается на регулярности питания респондентов, занятых официально и неофициально.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что в более выгодном положении с точки зрения частоты питания оказываются работники государственных предприятий. Доля лиц, питающихся только дома, среди них составила намного больше, чем среди занятых на предприятиях, владельцами или совладельцами которых являются иностранные частные фирмы или иностранные частные лица, а также российские частные лица или российские частные фирмы (соответственно 41,9 против 25,6 и 29,2%). При этом среди работников государственных предприятий намного меньше оказалась доля граждан, которые питаются вне дома

практически все рабочие дни недели (соответственно 45,2 против 61,5 и 57,6%). На фоне таких значительных различий менее существенными выглядят отличия в показателях регулярности питания в зависимости от формы собственности предприятий, на которых заняты респонденты. Можно лишь обратить внимание на то, что работникам, занятым на предприятиях и в организациях с государственной формой собственности, чаще удается питаться регулярно (50,7%), чем тем, кто работает на частных предприятиях и в организациях, владельцами или совладельцами которых являются иностранные фирмы или иностранные частные лица (45,9%), а также российские частные фирмы или российские частные лица (43%).

Влияние дополнительной работы на показатели частоты и регулярности питания проявляется в значительном преобладании среди вторично занятых по сравнению с другими занятыми удельного веса респондентов, которые чаще или реже питаются вне дома, и пониженной доле лиц, имеющих возможность питаться дома (см. таблицу 19). Если среди вторично занятых доля лиц, питающихся дома, составила 44,9%, то среди занятых только на основной работе – 58,6%. Также хорошо заметно, что занятым на дополнительной работе реже удается питаться регулярно, чем другим работникам (47,6 против 54,2% в когорте не имеющих дополнительной работы).

Таблица 19

**Зависимость частоты и регулярности питания дома и вне дома
от наличия дополнительной работы, 2011 г., в %**

Характеристики	Имеют дополнительную работу	Не имеют дополнительной работы
Частота питания		
Практически всегда питаются вне дома	4,3	2,6
Все рабочие дни недели вне дома	35,8	30,5
В среднем 2–3 раза в неделю вне дома	9,8	5,2
В среднем меньше 2-х раз в неделю	5,2	3,1
Питаются только дома	44,9	58,6
Регулярность питания		
Удается питаться регулярно	47,6	54,2
Скорее да, чем нет	24,5	26,6
Скорее нет, чем да	20,9	15,7
Никогда не удается	7,0	3,5

Примечательным является тот факт, что фактор домашнего питания практически не оказывает влияния на уровень удовлетворенности работников своим трудом, в отличие от фактора регулярности питания. Анализ показал, что чем чаще работникам удается питаться регулярно, тем реже они выражают недовольство условиями своего труда. В частности, доля лиц, в той или иной степени удовлетворенных условиями своего труда, последовательно сокращается с 65,8% среди респондентов, которые всегда питаются регулярно, до 55,7% среди лиц, которые совсем лишены регулярного питания. Аналогичные тенденции наблюдаются и в ходе изучения влияния факторов домашнего питания и регулярности питания на уровень удовлетворенности респондентов своей работой в целом.

Достаточно указать, что удельный вес респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей работой, поступательно сокращается с 66,7% среди работников, практически всегда питающихся регулярно, до 57,5% среди работников, которым не удается питаться регулярно практически никогда.

Интересные результаты показал анализ зависимости самооценок здоровья работников от частоты и регулярности питания. Как оказалось, самые плохие оценки состояния здоровья принадлежат работникам, которые питаются только дома. Доля лиц с хорошим и очень хорошим здоровьем среди них составила только 26,8%. При этом самые высокие оценки дают респонденты, которые питаются все рабочие дни недели вне дома и в среднем 2–3 раза в неделю вне дома (соответственно 47,6 и 46,4%). Схожие тенденции наблюдаются и в отношении регулярности питания. Так, среди респондентов, которым удается питаться регулярно, т. е. не менее трех раз в день, доля лиц, оценивающих свое здоровье как хорошее и очень хорошее, составила 30,4%. В то же время среди респондентов, которые расположились на двух центральных позициях («скорее да, чем нет» и «скорее нет, чем да») данный показатель составил около 40%, а среди тех, кому никогда не удается питаться регулярно – 36,9%.

Предпочтения в потреблении «здоровых» продуктов

Как известно, здоровый образ жизни человека зависит не только от его физической активности и регулярности занятий спортом, правильного режима труда и отдыха, но и во многом, если не в основном, от качества питания, выступающего важнейшим фактором, который определяет здоровье людей. В современных условиях, в силу ухудшения экологической ситуации, ускорения ритма жизни, повышения трудовой нагрузки и иных факторов, здоровое, т. е. качественное, полезное питание приобретает особый смысл. Такое питание, помогающее сохранить и укрепить здоровье человека, подразумевает, прежде всего, умеренное потребление многих натуральных продуктов, но особенно жиров, сахара и соли.

Вместе с тем, как показал анализ данных мониторинга, в настоящее время у значительного большинства россиян отсутствует понимание опасности избыточного потребления жира, осознание того, что ограничение потребления жира, и в первую очередь насыщенных животных жиров и холестерина, способствует профилактике целого ряда очень серьезных болезней (атеросклероза сосудов сердца и головного мозга, заболеваний раком и др.), предупреждает развитие ожирения, гипертонии и иных хронических заболеваний. В ходе опроса только 15,7% взрослых россиян сделали выбор в пользу потребления продуктов с пониженным содержанием жира.

Как следует из данных, представленных на рисунке 2, рост доли респондентов, отдающих предпочтение потреблению продуктов с пониженным содержанием жира, обнаруживается только при подходе к пенсионному возрасту¹. В возрасте старше 55 лет доля таких респондентов увеличивается в два раза. Но если учесть, что до наступления указанного возрастного рубежа удельный вес граждан, предпочитающих потреблять продукты с пониженным содержанием жира, составляет всего лишь 13–14%, то назвать подобный рост существенным нельзя.

¹ На рисунке не отражена позиция «Затруднились ответить».

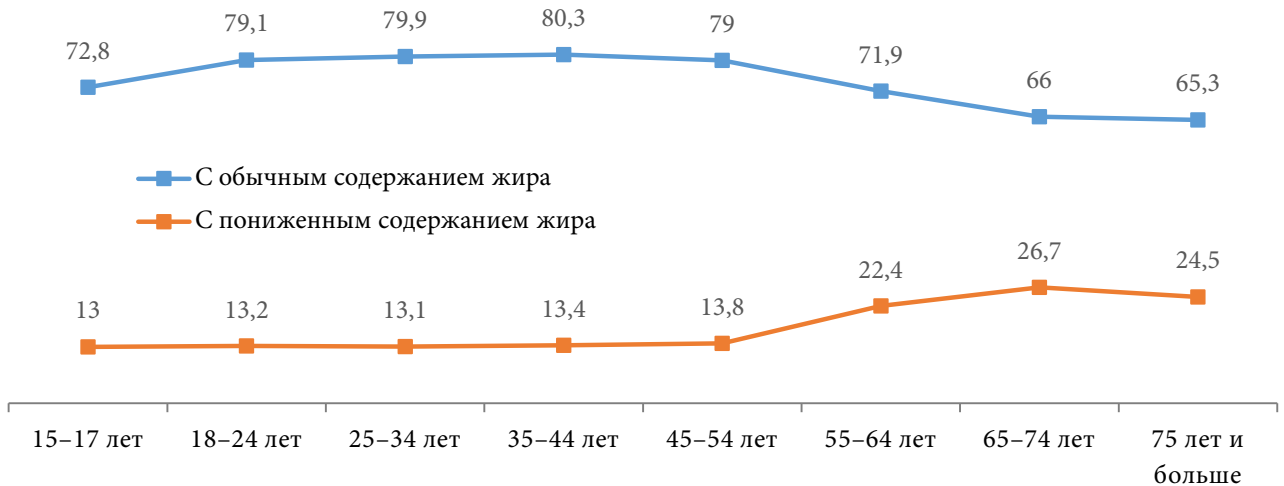

Рисунок 2. Предпочтения в выборе продуктов по содержанию жира, 2011 г., %

По-видимому, выявленное увеличение вызвано не столько осознанием важности и целесообразности здорового питания, сколько вынужденными ограничениями, обусловленными обострением серьезных болезней в пожилом возрасте. Как бы то ни было, но даже в возрасте старше 65 лет две трети взрослого населения потребляет продукты с обычным содержанием жира, не особенно задумываясь о вреде такого питания или в силу финансовых трудностей, не позволяющих приобретать качественные и, следовательно, более дорогие продукты.

Сравнительно небольшим является также количество россиян, предпочитающих потреблять продукты с пониженным содержанием соли. Среди всех респондентов их доля составила всего лишь 10,7%. Как и в предыдущем случае, увеличение доли лиц, которые осознанно или вынужденно снижают потребление соли, начинается только в позднем предпенсионном возрасте. Судя по данным, приведенным на рисунке 3, если среди респондентов в возрасте до 55 лет доля лиц, предпочитающих потреблять продукты с пониженным содержанием соли, не превышает 8–9%, то в самых старших возрастных когортах данный показатель увеличивается в два раза. Такую картину нельзя назвать даже удовлетворительной, если учесть, что потребление соли вызывает повышенное артериальное давление и развитие гипертонической болезни, которая в настоящее время все чаще появляется уже в подростковом и молодом возрасте.

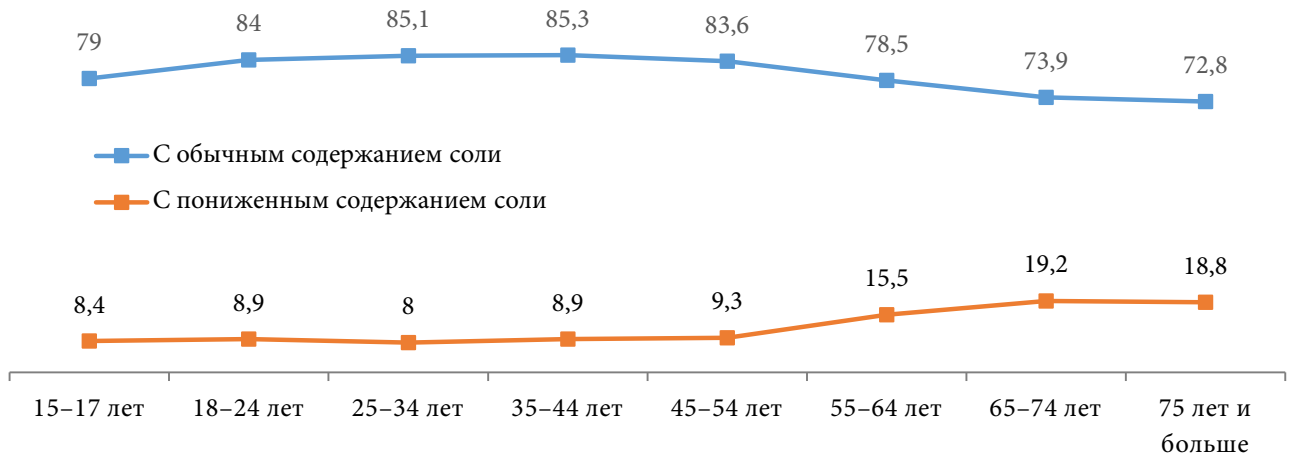

Рисунок 3. Предпочтения в выборе продуктов по содержанию соли, 2011 г., %

Еще менее благополучной выглядит картина, характеризующая отношение населения к продуктам питания, содержащим сахар, неумеренное потребление которого способствует избыточному потреблению энергии и переяданию, провоцирующему развитие ряда серьезных заболеваний, кариеса и т. п. Среди всех респондентов доля лиц, предпочитающих покупать продукты, содержащие заменители сахара, оказалась минимальной – не превышающей 5,3%. В возрасте до 55 лет данный показатель составил около 4,5–5%, увеличиваясь в следующих возрастных когортах (см. рис. 4). Максимальное значение данного показателя, достигающее всего лишь 11%, было зафиксировано в группе 65–74-летних респондентов.

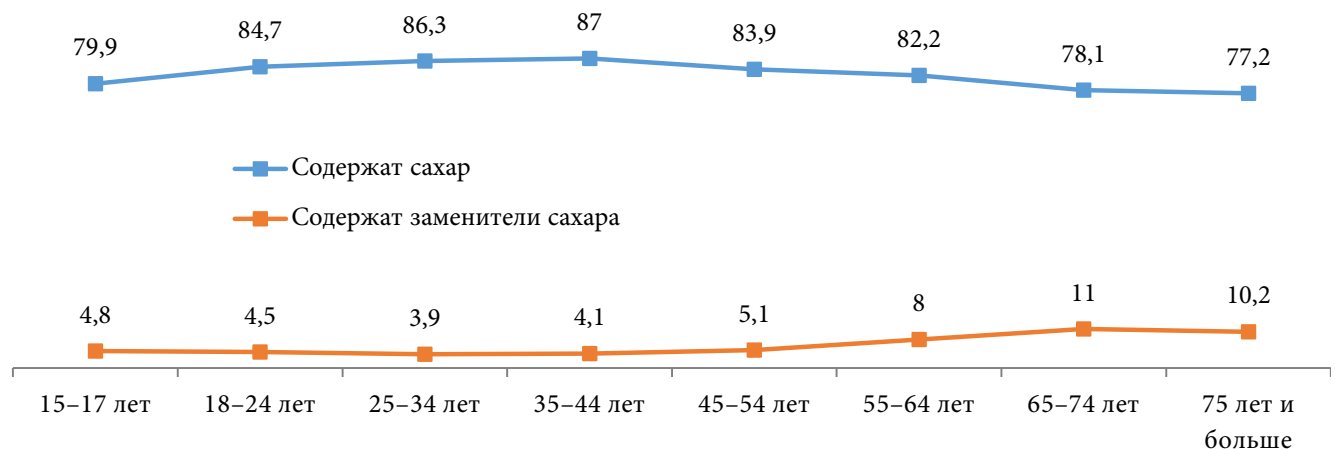

Рисунок 4. Предпочтения в выборе продуктов по содержанию сахара, 2011 г., %

Провоцирует увеличение потребления сахара постоянный рост доходов и расходов семей и отдельных граждан, наблюдающийся в последнее десятилетие практически во всех группах и слоях населения при отсутствии прочных традиций и навыков здорового питания. Поскольку основными источниками сахара в питании являются чистый столовый сахар, газированная вода, конфеты и кондитерские изделия, наиболее уязвимыми в данном случае оказываются дети. Особенно вредным является увеличение потребления чистого, т. е. очищенного химическим путем белого сахара, поскольку при очищении из него удаляются все те минералы и большая часть витаминов, которые крайне необходимы для организма человека. И именно чистый сахар используется при изготовлении конфет и большинства других кондитерских изделий.

На фоне крайне низких показателей, характеризующих позитивное отношение населения к сокращению потребления жира, соли и сахара, довольно значительной выглядит доля опрошенных граждан, отдающих предпочтение потреблению «здоровых» продуктов питания с добавлением различных, полезных для здоровья, витаминов и минералов, которая составила 28,5%. Эта доля остается довольно стабильной, за редким исключением, во всех возрастных когортах допенсионного жизненного цикла (см. рис. 5). После достижения пенсионного возраста количество людей, обращающих внимание на содержание витаминов и минералов в продуктах питания, постепенно снижается. Это объясняется в первую очередь значительным сокращением доходов в пенсионном возрасте, что негативно сказывается на возможностях приобретения пожилыми людьми «здоровых» продуктов, в том числе насыщенных полезными для организма витаминами и минералами.

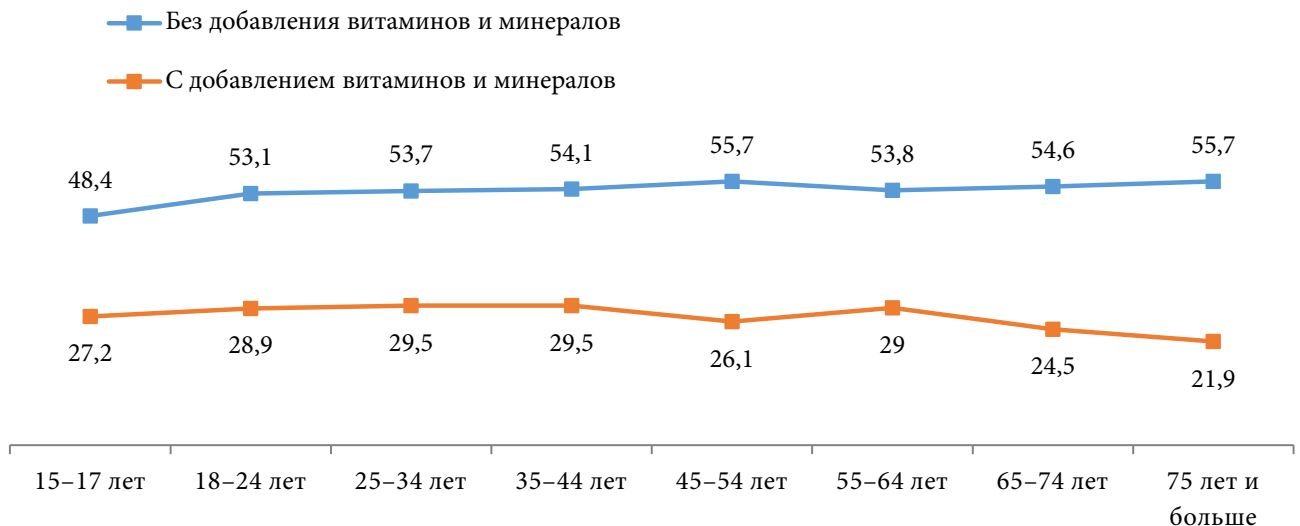

Рисунок 5. Предпочтения в выборе продуктов по содержанию витаминов и минералов, 2011 г., %

Доля респондентов, отдающих предпочтение потреблению низкокалорийных продуктов, составила 9,7%. Увеличение данного показателя отмечается в пенсионном возрасте: с 8–9% среди респондентов в возрасте менее 55 лет до 15–16% среди пожилых людей в возрасте 65 лет и старше (см. рис. 6). Но, несмотря на такое существенное увеличение, три четверти россиян пожилого возраста потребляют обычные по калорийности продукты, не особенно заботясь о последствиях.

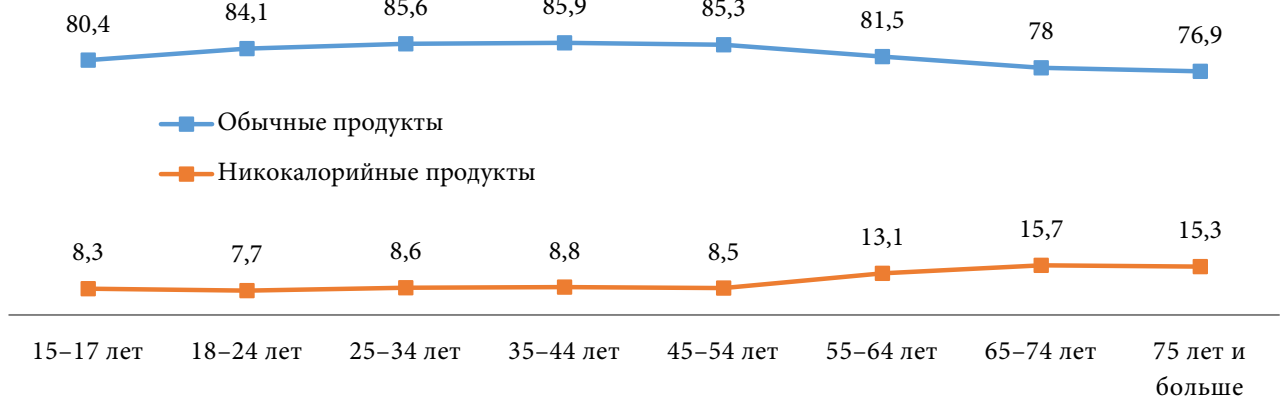

Рисунок 6. Предпочтения в выборе продуктов по калорийности, 2011 г., %

Характерно, что женщины социально активнее и намного ответственнее как в отношении собственного здоровья, так в отношении благополучия и здоровья семьи, они гораздо чаще по сравнению с мужчинами имеют привычку обращать внимание на здоровое питание (см. таблицу 20). В частности, женщины более чем в два с половиной раза чаще отдают предпочтение потреблению низкокалорийных продуктов (13,3% среди женщин против 5% среди мужчин), в два с лишним раза — потреблению продуктов с низким содержанием жира (20,9% против 9%) и низким содержанием соли (14% против 6,6%). Менее существенной является разница между женщинами и мужчинами в предпочтениях относительно потребления продуктов, содержащих заменители сахара (6,5% женщин против 3,8% мужчин), и в отношении продуктов с добавлением витаминов и минералов (31,5% против 23,4% соответственно).

Таблица 20

Различия предпочтений мужчин и женщин в отношении здорового питания, 2011 г., %

Характеристика продукта	Пол	
	Мужчины	Женщины
Продукты с пониженным содержанием жира	9,0	20,9
Продукты с пониженным содержанием соли	6,6	14,0
Продукты, содержащие заменители сахара	3,8	6,5
Продукты с добавлением витаминов и минералов	23,4	31,5
Низкокалорийные продукты	5,0	13,3

Таблица 21

Различия предпочтений мужчин и женщин разного возраста в отношении здорового питания, 2011 г., %

Характеристика продукта	Возраст, лет							
	15–17	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65–74	75 и более
Мужчины								
Продукты с пониженным содержанием жира	7,8	5,9	6,1	7,2	8,7	13,0	17,2	21,1
Продукты с пониженным содержанием соли	5,7	4,6	3,9	5,0	5,9	10,1	13,0	13,9
Продукты, содержащие заменители сахара	3,6	3,0	2,3	3,7	4,4	5,5	7,0	10,2
Продукты с добавлением витаминов и минералов	23,6	22,9	24,9	23,9	21,9	24,9	22,0	22,2
Низкокалорийные продукты	3,1	3,9	3,1	3,8	5,5	7,2	8,5	13,6
Женщины								
Продукты с пониженным содержанием жира	18,8	19,6	19,4	18,6	17,6	28,4	31,2	28,2
Продукты с пониженным содержанием соли	11,5	12,7	11,8	12,2	11,9	18,9	22,2	20,4
Продукты, содержащие заменители сахара	6,2	5,7	5,2	4,5	5,5	9,6	12,9	10,3
Продукты с добавлением витаминов и минералов	31,2	34,1	33,5	34,2	29,3	31,6	25,8	21,8
Низкокалорийные продукты	14,1	14,8	13,4	12,9	10,9	16,8	19,1	15,8

Более детальная картина половозрастных различий в предпочтениях относительно потребления здоровых продуктов представлена в таблице 21. Данные таблицы, в частности, демонстрируют хорошо заметный последовательный рост доли мужчин, отдающих предпочтение обезжиренным продуктам: доля таких лиц возрастает с 7,8% среди 15–17-летних респондентов до 21,1%

среди мужчин в возрасте 75 лет и старше. В то же время в женской когорте наблюдаются несколько иные тенденции: характерны достаточно стабильные значения данного показателя в возрасте до 55 лет (17,5–18,5%), за которыми следует существенный рост в последующей возрастной когорте до 28,4% с дальнейшей относительной стабилизацией. В силу отличия указанных тенденций самые большие различия в доле лиц, предпочитающих потреблять продукты с пониженным содержанием жира, достигающие трех и более раз, наблюдаются в младших возрастных когортах.

Что касается остальных характеристик «здоровых» продуктов питания, то в большинстве случаев как у мужчин, так и у женщин отмечаются одинаковые тенденции, отражающие соответствующие предпочтения: незначительные колебания показателей в возрасте до 55-летнего возраста и дальнейший рост в следующей возрастной когорте. Среди наиболее существенных отклонений важно обратить внимание на достаточно ровные значения доли мужчин, предпочитающих потреблять продукты с добавлением витаминов и минералов, по всем возрастным группам. Значения этой доли в мужской когорте колеблются в достаточно узком коридоре – от 22 до 25%. В то же время в женской когорте довольно ровные значения доли лиц, отдающих приоритет продуктам с добавлением витаминов и полезных минералов, по возрастным группам (колебания в пределах 30–34%), сменяются ее последовательным сокращением среди 65–74-летних женщин до 25,8% и среди пожилых женщин в возрасте 75 лет и старше до 21,8%. Обращает на себя внимание также существенное увеличение доли лиц, отдающих предпочтение низкокалорийным продуктам, среди 56–64-летних и 65–74-летних женщин (соответственно до 16,8 и 19,1%), а также сокращение этой доли в самой старшей возрастной группе (до 15,8%).

Согласно данным опроса, доля респондентов, принимавших пищу в день, предшествующий опросу, в соответствии с рекомендациями врачей, составила 5,1%. При этом удельный вес таких респондентов среди женщин оказался вдвое выше, чем среди мужчин (соответственно 6,6 и 3,1%). У 4,9% респондентов «вчерашнее» питание было связано с соблюдением специальной диеты. Причем среди опрошенных женщин доля лиц, «сидящих» на диете, была в два с половиной раза больше, чем среди мужчин (соответственно 6,7 и 26%). Примечательно также, что, несмотря на огромный рост религиозности в стране в постсоветский период, фиксируемый многочисленными социологическими исследованиями, количество россиян, регулирующих свое питание в соответствии с религиозными обычаями и традициями, остается минимальным, не превышающим 1%. Среди женщин доля таких респондентов составила 1,2%, в то время как среди мужчин – всего лишь 0,7%.

Расширенные данные, раскрывающие различия в регулировании питания между мужчинами и женщинами разного возраста, представлены в [таблице 22](#).

Из представленных в таблице данных хорошо заметно увеличение удельного веса лиц, регулирующих питание в соответствии с рекомендациями врачей, по мере повышения возраста, как среди мужчин, так и среди женщин. Наиболее заметный рост данного показателя наблюдается на рубеже между 35–44-летними и 45–54-летними мужчинами и женщинами. При этом особенно существенным является рост данного показателя в женской когорте.

Таблица 22

**Различия между мужчинами и женщинами разного возраста: регулирование питания,
2011 г., %**

Характеристика продукта	Возраст, лет							
	15–17	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65–74	75 и более
Мужчины								
Питание связано с рекомендациями врача	1,0	0,7	1,2	1,9	3,7	6,2	10,9	7,8
Питание связано с соблюдением специальной диеты	0,8	0,9	1,1	1,6	2,8	5,4	7,8	6,1
Питание связано с религиозными обычаями	0,8	0,6	0,5	0,4	1,2	0,7	0,6	1,7
Женщины								
Питание связано с рекомендациями врача	1,8	2,8	3,8	2,7	5,1	10,9	15,1	16,0
Питание связано с соблюдением специальной диеты	4,4	5,4	6,4	3,9	6,0	9,0	12,4	11,4
Питание связано с религиозными обычаями	1,2	0,4	0,6	0,9	1,0	1,8	2,3	2,4

Аналогичные тенденции наблюдаются при анализе данных мониторинга, характеризующих особенности регулирования питания в связи с соблюдением диеты и религиозными обычаями. Характерно, что количество респондентов, регулирующих питание в связи с необходимостью соблюдения религиозных обычаев и традиций, по всем возрастным группам как среди мужчин, так и среди женщин, крайне мало. Максимальный показатель, составляющий всего лишь 2,4%, зафиксирован в когорте, объединяющей женщин самого старшего возраста, т. е. в возрасте 75 лет и более.

Очевидно, что подавляющее большинство российских граждан совершенно индифферентно, без должного внимания относятся к потреблению полезных продуктов, отдавая предпочтение обычному питанию, т. е. высококалорийным продуктам с повышенным содержанием жира, соли и сахара, без добавления крайне необходимых организму человека витаминов и полезных минералов. Сравнительно небольшим является количество россиян, регулирующих питание в связи с рекомендациями врачей, соблюдением диеты и религиозными обычаями.

Таким образом, исследование состояния здоровья и питания населения, проведенное в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, позволило прийти к заключению о том, что структура потребления пищевых продуктов не соответствует потребностям в пищевых веществах и энергии всех групп населения. Содержание жира по калорийности превышает рекомендуемые значения, как в рационе детей, так и в рационе взрослых. Максимальные значения жира по калорийности, достигающие 40–42%, оказались в рационе питания мужчин Липецка, Калужской

и Тамбовской областей. В питании женщин максимальные значения жира по калорийности, составляющие около 40%, были выявлены у жительниц Смоленска, Санкт-Петербурга и Липецка. Содержание белка по калорийности, а также показатель «белок на кг массы тела» для всего обследуемого населения соответствовал рекомендуемым нормам. Поскольку избыточное содержание жира в рационе приводит к развитию у большинства взрослых избыточной массы тела и ожирения, что является наиболее значимым фактором риска развития алиментарно-зависимых заболеваний, полученные данные не могут не вызывать тревогу.

Проведенные расчеты показали, что рационы питания как у детей, так и у взрослого населения дефицитны по содержанию основных витаминов и полезных для организма человека минеральных веществ. В питании малолетних детей в возрасте от 2 до 7 лет наблюдается дефицит по содержанию кальция около 40%, по витамину В1 и железу – на уровне 20%. В рационах питания детей 7–17 лет отмечен наибольший дефицит по содержанию кальция – более 50%. Содержание в рационе витаминов А, В1, В2 может обеспечить потребность детского организма на 70%. Потребность организма ребенка школьного возраста в витамине С может быть обеспечена на 80%, в железе – на 89%. Рассчитанные количества в рационе питания основных витаминов и кальция у взрослых мужчин ниже рекомендуемых величин, в том числе: витамина В1 – на 20%; витамина В2 – на 30%; витамина С – на 33%; кальция – на 40%. В питании женщин уровень содержания витамина А относительно рекомендуемых величин составляет 79%; витаминов В1 и В2 – 54%, витамина С – 61%, кальция – 56%, железа – 69%.

Анализ состояния пищевого статуса взрослого населения свидетельствует о том, что среди всего населения доля лиц с нормальной массой тела составляет около 40%, в том числе среди мужчин – 44%, среди женщин меньше – 37%. Недостаточная масса тела отмечается в целом у 3% населения, причем среди женщин доля таких лиц в два раза выше. Вместе с тем среди мужчин в 1,3 раза больше, чем среди женщин, лиц с избыточной массой тела, а среди женщин в 1,7 раза больше, чем среди мужчин, лиц с ожирением. Результаты изучения динамики изменения пищевого статуса всего взрослого населения России по данным обследований 2000–2011 гг. свидетельствуют о росте лиц с избыточной массой тела и ожирением. Наибольшие изменения отмечены у мужчин, среди которых доля лиц с недостаточной массой тела уменьшилась в 11 раз, тогда как среди женщин – только в 5 раз. Доля мужчин с избыточной массой тела увеличилась в 2 раза, в то время как среди женщин это увеличение составило 1,2 раза. Кроме того, удельный вес лиц со второй степенью ожирения среди мужчин увеличился более чем в 4,5 раза, среди женщин – в 1,8 раза.

Распределение индекса массы тела у мужчин в зависимости от возрастных групп свидетельствует о том, что максимальные значения доли лиц с недостаточной массой тела, достигающие 5,5–5,9%, отмечены только в первой и седьмой возрастных когортах (соответственно 18–25 лет; 75 лет и старше). Доля мужчин с нормальной массой тела изменяется с возрастом от 70% в первой возрастной группе до 32% в пятой возрастной когорте (55–65 лет) и равнозначна доле мужчин с избыточной массой тела в третьей и седьмой возрастных группах (соответственно 35–45 лет; 75 лет и старше). Максимальное значение доли мужчин второй степени ожирения, составляющее 23%, наблюдается в четвертой возрастной когорте (45–55 лет). Среди всех обследованных мужчин доля лиц третьей степени ожирения не превышает 1,8%, тогда как максимальное значение отмечается

в шестой возрастной группе (65–75 лет). Сравнение средних показателей пищевого статуса мужчин по регионам выявило, что доля мужчин с недостаточной массой тела колеблется в границах от 0 в Республике Коми до 3,9% в Томске. Доля мужчин с нормальной массой тела составляет от 35% в Краснодарском крае до 53% в Удмуртской Республике, а доля лиц с избыточной массой тела – от 28% во Владивостоке до 47% в Кабардино-Балкарской Республике. Доля мужчин с ожирением регистрируется на уровне от 11% в Красноярске до 27% в Саратове.

Анализ изменения пищевого статуса женщин в зависимости от возраста показал, что максимальное значение доли женщин с недостаточной массой тела, достигающее 13,6%, регистрируется в первой возрастной группе (18–25 лет), тогда как наименьшая величина, равная 0,5%, отмечена в шестой возрастной группе (65–75 лет). Удельный вес женщин с нормальной массой тела колеблется от 14% среди 55–65-летних (5-я возрастная когорта) до 67% в первой возрастной группе. При этом в шестой и седьмой возрастных группах (соответственно 65–75 лет; 75 лет и старше) доля женщин с нормальной массой тела увеличивается и составляет 17 и 23% соответственно. Избыточная масса тела у женщин регистрируется в пределах от 14% в когорте 18–25-летних (первая возрастная группа) до 36% в последней группе. В возрасте 35–45 лет женщины с избыточной массой тела составляют более 30%. Среди обследованных женщин наименьшее значение доли лиц с ожирением первой степени, составляющее около 5%, зафиксировано в первой возрастной группе, тогда как максимальное значение, достигающее 44%, зарегистрировано в шестой возрастной группе, объединяющей лиц в возрасте 65–75 лет. Максимальное значение доли лиц с ожирением второй степени, составляющее 0,2%, зарегистрировано у женщин первой возрастной группы, а наибольшее, достигающее 7%, у женщин пятой возрастной группы (55–65 лет). В шестой и седьмой возрастных группах доля таких женщин уменьшается. Наименьшее количество женщин с недостаточной массой тела отмечено в Липецке (0,85%), а наибольшее – в Санкт-Петербурге (7,2%). Удельный вес женщин с нормальной массой тела колеблется в пределах от 22% (минимальное значение) в Саратовской области до 49% (максимальное значение) в Удмуртской Республике. В то же время удельный вес женщин с избыточной массой тела (или первая степень ожирения) варьирует от 22% в Бийске и его районе до 43% в Кабардино-Балкарской Республике. Распределение доли женщин с ожирением по обследованным регионам колеблется от 16% в Кабардино-Балкарской Республике до 43% в Калужской области.

Большинство граждан стремятся питаться дома (57,9%). Причем женщины принимают пищу дома гораздо чаще мужчин (соответственно 63,4 и 50,4%). При этом вне дома питаются все рабочие дни недели 30,7% респондентов; в среднем 2–3 раза в неделю – 5,5% и в среднем меньше двух раз в неделю – 3,2%. И только 2,7% опрошенных практически всегда питаются в столовых, ресторанах, кафе и других предприятиях общественного питания. Примерно каждый пятый россиянин питается не регулярно, т. е. реже трех раз в день. К этой категории респондентов относится 22,9% мужчин и 17,3% женщин. Чаще всего попадают в число лиц, которым не удается питаться регулярно, молодые мужчины и женщины в возрасте от 18 до 29 лет (соответственно 31,9 и 29,3%). Количество респондентов, которым никогда не удается питаться регулярно, сравнительно невелико: среди мужчин – 4,2%; среди женщин – 3,4%.

Подавляющее большинство опрошенных россиян без должного внимания относятся к выбору продуктов питания с точки зрения их полезности для организма. Среди взрослого населения доля лиц, пользующихся какими-либо диетами для уменьшения веса, не превышает 8%. Женщины прибегают к этому способу борьбы с лишним весом втрое чаще, чем мужчины (соответственно 10,9 и 3,3%). Только 15,7% респондентов отдают предпочтение продуктам с пониженным содержанием жира; 10,7% – продуктам с пониженным содержанием соли; 5,3% – продуктам, содержащим заменители сахара; 9,7% – низкокалорийным продуктам, т. е. продуктам, снижающим вероятность серьезных заболеваний. Более значительной является только доля опрошенных, отдающих предпочтение продуктам с добавлением полезных для организма человека витаминов и минералов, которая достигает 28,5%. Рост интереса к потреблению полезных продуктов наблюдается в пожилом возрасте. Женщины гораздо чаще мужчин имеют привычку обращать внимание на здоровое питание и следовать в этом вопросе рекомендациям врачей.

Количество россиян, которые всерьез задумались о пользе здорового питания и получили рекомендации о том, как скорректировать свой образ жизни, пока составляет значительное меньшинство. Относительно небольшим является количество граждан, регулирующих питание в связи с рекомендациями врачей (5,1%), соблюдением диеты (4,9%) и религиозными обычаями (около 1%). К наиболее важным факторам, препятствующим рациональному питанию, относятся не только недостаточная материальная обеспеченность значительной части населения, но и отсутствие или недостаток у большинства граждан знаний о том, как нужно правильно питаться, какие продукты, когда и в каком количестве следует потреблять.

Рощина Я. М.

РОССИЯ ДО И ПОСЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2011–2012 ГГ.: ФАКТОРЫ СПРОСА НА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

В России 2011–2012 гг. наблюдалась существенная активизация политических процессов, как со стороны населения, так и со стороны власти. Фактически можно говорить о политическом кризисе, начавшемся с выступлений против фальсификации выборов осенью и зимой 2011 г., и в какой-то мере закончившимся разгоном митинга 6 мая и «Болотным делом». Роль спускового механизма сыграло решение В. Путина баллотироваться на третий срок¹, а затем фальсификация результатов выборов в Государственную думу 4 декабря. За более чем десятилетие у власти (в роли президента или премьер-министра) происходило постепенное сворачивание институтов демократии и гражданского общества, однако это не вызывало массовых волнений. На этом пути можно отметить такие шаги, как разгон НТВ и инициация «дела Юкоса», отмена выборности губернаторов в 2004 г., принятие закона о политических партиях 2006 г., установившего минимальную численность партий в 50 тыс. человек. Наконец, в 2006 г. был принят целый ряд мер, изменивших «лицо» Государственной думы: отмена выборов по одномандатным округам; запрет избирательных блоков, состоящих из нескольких политических партий; отмена графы «Против всех» на выборах; отмена минимальной явки выборов; повышение минимального количества голосов, необходимого для прохождения в Государственную думу, с 5 до 7 %. Реформируется судебная система, начиная с 2005 г. растет количество заключенных. В 2008 г. увеличивается срок полномочий президента до 6 лет, а Государственной думы – до 5 лет.

Конечно, нельзя сказать, что гражданская активность находилась на нулевой отметке, начиная с первой половины 1990-х годов. Как отмечают исследователи проекта Института «Коллективное действие», отдельные массовые протесты наблюдались и в середине 2000-х (против монетизации льгот, уничто-

¹ Зигерт Й. Гражданская активность в России и западный опыт // Pro et Contra. 2012. Июль – октябрь. URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2012/4-5/ProEtContra_2012_4-5_04.pdf (дата обращения: 01.02.2014).

жения Химкинского леса в Москве, и др.)¹. Авторы показывают также возникновение и развитие такого феномена, как «городское движение» в целом ряде регионов России, начиная с 2009 г. Однако в основном они носили характер социальных движений, которые определяются как «продолжительная кампания, которая выдвигает социальные требования и производит общие ценности и эмоции...»², и были направлены на локальные инициативы. Но авторы исследования «Городские движения в России...» подчеркивают разницу между социальным, политическим и гражданским движениями³, к которому относится и «Болотное движение», или гражданская мобилизация «За честные выборы». Выборы в Думу в 2011 г. и Президента в 2012 г., как и сопутствующие им протестные движения, изменили характер власти в России и степень ее легитимности и позволили заявить об отказе от «управляемой демократии»⁴.

Однако, как показывает Д. Волков, волна массовых протестов возникла не на пустом месте, среди ее истоков — изменение социально-экономической ситуации и самоощущения людей, в частности, нарастание чувства неопределенности в связи с экономическим кризисом и снижением стабильности, недовольство властями, судебной системой, и т. д.⁵ Тем не менее те, кто вышел на улицу в 2011—2012 гг., составляли меньшинство и существенно отличались от «среднего россиянина»⁶. При этом основные различия наблюдаются, по мнению автора, не только по социально-экономическим характеристикам, но и, главное, в разном понимании власти, приемлемости (или неприемлемости) ее репрессивного характера. Однако протестовавшее «меньшинство», хотя по сути пока и проиграло «битву за демократию» (в 2012—2013 гг. последовал ряд фактически репрессивных мер как в части ужесточения законодательства, так и в области подавления политических противников, в первую очередь при помощи судебных процессов), остается потенциалом возвращения страны к гражданскому обществу⁷.

Некоторые исследователи видят причину неразвитости демократических институтов в России в различиях системы ценностей в Европе и России⁸. В самом деле, как показывают многолетние исследования ценностей россиян В. Магуна и М. Руднева, «можно представить сегодняшнего среднего россиянина как человека, для которого, в сравнении с жителями большинства других европейских стран, характерна более высокая осторожность (или даже страх) и более выраженная потребность в защите со стороны сильного государства; у которого слабее выражены потребности в новизне, творчестве, свободе и самостоятельности и которому менее свойственна склонность к риску, стремление к веселью

¹ Городские движения в России в 2009—2012 годах: на пути к политическому / Под ред. К. Клеман. М., 2013. С. 7.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 520.

⁴ Крастев И., Холмс С. Странная смерть управляемой демократии // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 48.

⁵ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 гг.: истоки, динамика, результаты. М., 2012. С. 5

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 — начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 73.

⁸ Пряников П. Почему в России невозможно построение демократии // Свободная Пресса. 21.02.2011. URL: <http://svpressa.ru/society/article/39132/> (дата обращения: 01.02.2014).

и удовольствиям»¹. Возможности развития гражданского общества и демократии традиционно связываются также с уровнем межличностного и институционального доверия². Согласно К. Ньютону, уровень взаимного доверия в стране позитивно влияет на развитие демократии и негативно — коррупции³. Как показывают исследования Левада-Центра, низкий уровень доверия к окружающим в России компенсируется высоким декларативным доверием к главе государства, армии и церкви, а доверие к другим социальным институтам находится на среднем уровне⁴, причем эти закономерности стабильны в течение длительного периода времени. Этот низкий уровень межличностного доверия, согласно Л. Гудкову, связан с дистанцированием от политики, низкой гражданской активностью и ответственностью, неготовностью участвовать в общественной жизни.⁵

Но, может быть, что-то изменилось за последние 2—3 года не только на уровне гражданской активности (хотя и характерной только для меньшинства), но и в ценностях и установках людей? Насколько высок в России «спрос» на институты демократического общества? Какие группы населения его предъявляют?

Попробуем посмотреть на ситуацию через призму эмпирических данных RLMS-HSE. В этом исследовании в 2006 и 2012 гг. респондентам задавались вопросы, позволяющие оценить уровень институционального и межличностного доверия, а также важность ряда демократических институтов. Так как 2006—2007 гг. — это время наивысшей социальной и экономической стабильности российского общества, а 2012 г. (осень) — время после всплеска протестной активности, можно было бы ожидать некоторых изменений в установках. С другой стороны, исследования Левада-Центра показывают высокую их стабильность. Везде далее мы будем анализировать только ответы респондентов старше 18 лет, используя взвешенные (репрезентативные) данные. Таким образом, в выборке оказалось почти 8,5 тыс. человек в 2006 г. и почти 13 тыс. 700 человек — в 2012 г.

Уровень межличностного доверия и включающего капитала

Первый вопрос касался межличностного доверия: «Считаете ли Вы, что: 1) большинству людей можно доверять, 2) в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным, 3) и то, и другое, в зависимости от человека, условий». С первым утверждением были согласны около 15% опрошенных как в 2006, так и в 2012 г., что подтверждает низкий уровень межличностного доверия в России. Оценка уровня межличностного доверия до распада Советского Союза показывает, что оно было на

¹ Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами / Полит.ру. 2.06.2008. URL: <http://polit.ru/article/2008/06/02/rusvalues/> (дата обращения: 01.02.2014).

² Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (N. J.), 1990, P. 34—38.

³ Newton K. Taking a bet with ourselves Can we put trust in trust? // WZB Mitteilungen Heft 135. März 2012. URL: <http://bibliothek.wzb.eu/artikel/2012/f-17059.pdf> (дата обращения: 01.02.2014).

⁴ Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 11—12.

⁵ Там же. С 17.

порядок выше¹. Однако за 2006—2012 гг. доля тех, кто ориентируется на «осторожность», снизилась на 10 процентных пунктов (с 57,5 до 47,4%), а доля тех, кто занимает «нейтральную» позицию, соответственно увеличилась (см. таблицу 1). Таким образом, можно утверждать, что межличностное доверие за последние годы, хотя и медленно, но все же растет.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что...»,
RLMS-HSE, 2006 и 2012 гг., респонденты 18+, вертикальный %**

	2006	2012
В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным	57,5	47,4
И то, и другое, в зависимости от человека, условий	27,3	37,8
Большинству людей можно доверять	15,2	14,8

Анализ П. Козыревой межличностного доверия на данных RLMS-HSE в 2006 г. показал, что в большей степени склонны доверять другим людям менее образованные, молодые и пожилые люди, сельские жители². Эти же тенденции характерны для 2012 г.

Респондентам, которые на момент опроса имели работу, также задавался вопрос о степени их доверия коллегам по работе и руководству предприятия (см. таблицу 2), этот тип доверия также принято интерпретировать как «включающий капитал»³.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос: «В какой степени Вы доверяете...»,
RLMS-HSE, 2006 и 2012 гг., респонденты 18+, имеющие работу, вертикальный %**

	Вашим коллегам		Руководству предприятия	
	2006	2012	2006	2012
Совсем не доверяете	0,9	0,9	4,3	3,8
Скорее не доверяете	2,2	2,2	8,5	7,4
И доверяете, и не доверяете	15,3	13,9	22,4	19,1
Скорее доверяете	53,2	56,2	41,9	47,0
Полностью доверяете	27,3	26,0	21,1	21,3
Затрудняюсь ответить	1,0	0,8	1,7	1,4
Количество ответивших	4672	7243	4645	7230

С 2006 по 2012 г. ответы изменились незначительно, хотя все же доля «скорее доверяющих» несколько выросла за счет тех, кто «и доверяет, и не доверяет». В целом степень доверия коллегам по работе очень высока: его выразили 80,5% опрошенных в 2006 г. и 82,2% в 2012 г. Несколько ниже уровень доверия руководству предприятия: ему доверяли 63,1% в 2006 г. и 68,3% в 2012 г. Однако следует заметить, что уровень персонального межличностного доверия (к знакомым людям, к тем, с кем связан по работе) гораздо выше, чем общего межличностного доверия (т. е. доверия к «большинству людей»).

¹ Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. М., 2011. С. 30.

² Там же. С. 33—37.

³ Козырева П. М. Доверие в российском обществе: противоречивые тенденции // Философские науки. 2012. № 4. С. 65—78.

Как показали данные 2012 г., с ростом уровня образования и должности возрастает степень доверия как коллегам по работе, так и менеджменту организации; наименьшую степень доверия как тем, так и другим, выражают люди 30—50 лет; женщины в целом более доверчивы, чем мужчины. Сотрудники государственных предприятий больше доверяют начальству, чем те, кто работает на частных российских или иностранных предприятиях; а уровень доверия коллегам по работе ниже всего в частных российских предприятиях. Эти же закономерности наблюдались и в 2006 г.¹

Институциональное доверие и его динамика

Следующие вопросы касались институционального доверия («В какой степени вы доверяете...»), и предполагали ответы от «полностью доверяете» до «совсем не доверяете» по пятибалльной шкале (см. таблицу 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «В какой степени Вы доверяете...»,
RLMS-HSE, 2006 и 2012 гг., респонденты 18+, горизонтальный %

	Год	Совсем не доверяете	Скорее не доверяете	И да, и нет	Скорее доверяете	Полностью доверяете	Затруднились ответить
Правительству РФ	2006	12,4	17,2	31,1	29,8	6,5	3,0
	2012	13,6	19,6	28,8	29,0	6,4	2,5
Государственной думе	2006	20,8	24,5	29,1	18,5	3,3	3,7
	2012	20,7	26,2	27,2	18,6	3,9	3,5
Судам	2006	15,0	20,5	34,0	20,2	3,1	7,1
	2012	14,4	24,0	33,0	18,9	3,6	6,2
Армии	2006	12,8	15,5	26,0	31,9	8,3	5,5
	2012	9,9	15,9	26,5	33,6	8,5	5,6
Милиции	2006	24,0	24,3	28,8	16,3	3,7	2,9
	2012	19,1	25,0	30,3	18,0	3,9	3,6
Российским банкам	2006	14,3	17,2	29,0	25,4	4,3	9,8
	2012	12,5	18,9	30,4	26,9	3,8	7,5
Иностраным банкам	2006	18,3	17,2	19,8	11,8	2,2	30,7
	2012	16,6	19,3	19,6	11,7	1,9	30,9
Страховым компаниям	2006	19,9	21,6	25,5	14,1	1,9	16,9
	2012	19,1	23,8	26,1	14,1	1,8	15,1
Мелкому и среднему частному бизнесу	2006	16,0	19,3	30,7	15,7	2,9	15,5
	2012	12,9	19,4	31,1	18,7	3,0	14,9
Политическим партиям	2006	31,1	24,6	23,1	6,8	1,3	13,1
	2012	29,4	26,5	21,6	7,7	1,8	13,1

¹ Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. С. 55—62.

Очевидно, что, как показывают и другие аналогичные исследования, уровень институционального доверия изменился незначительно. Среди институтов, к которым респонденты выражали степень своего доверия, четко выделяются три сферы: государственные институты (правительство, Государственная дума, суды, армия и милиция), бизнес (банки, страховые компании и частный бизнес) и политические партии. Очень высока доля тех, кто затруднился оценить уровень своего доверия институтам бизнеса, особенно иностранным банкам. Доля тех, кто отметил «полностью доверяю» по всем категориям не превышает 8% (армия), а полностью доверяют партиям, страховым компаниям, иностранным банкам менее 2% населения. Больше всего людей «совсем не доверяют» политическим партиям (около 30%), Государственной думе (около 21%), милиции (24% в 2006 г., 19% в 2012 г.), страховым компаниям (около 19%). В среднем наибольшее доверие население выражало армии, правительству и российским банкам.

С 2006 по 2012 г. хотя и не слишком сильно, но все же значимо упало доверие к правительству РФ, и выросло — к армии, милиции, мелкому и среднему бизнесу и политическим партиям (значимый критерий разницы средних приведен в таблице 3).

Важность демократических институтов

В 2006 и 2012 гг. в опросе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (RLMS-HSE) также задавался вопрос, в котором респондентам предлагали оценить важность наличия в стране ряда демократических институтов (вопрос: «Насколько для Вас лично важно, чтобы в нашей стране сегодня были...», ответы от «совсем не важно» до «очень важно» по пятибалльной шкале). Как показал опрос, очень малая доля россиян считают «совсем не важным» или «скорее не важным» существование таких институтов, как свободные и честные выборы, закон и порядок, справедливые суды, свобода слова (см. таблицу 4). Однако в 2006 г. 10,4% отмечали, что для них не важны независимая пресса; 11,2% — защита прав национальных, религиозных и прочих меньшинств; 16,2% — политическая оппозиция (в 2012 г. доля этих ответов несколько уменьшилась). Наибольшую важность как в 2006, так и в 2012 г. россияне придавали «закону и порядку» и «справедливым судам», наименьшую — наличию политической оппозиции и защите прав меньшинств.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Насколько для Вас лично важно, чтобы в нашей стране сегодня были...», RLMS-HSE, 2006 и 2012 гг., респонденты 18+, горизонтальный %

	Год	Не важно*	И да, и нет	Скорее важно	Очень важно	Затруднились ответить
Свободные и честные выборы	2006	6,4	7,5	38,8	45,8	1,6
	2012	4,2	5,1	34,9	54,4	1,4
Закон и порядок	2006	1,2	3,0	28,7	66,2	0,9
	2012	0,6	2,0	24,9	71,7	0,8
Свобода слова	2006	6,7	13,6	40,6	37,3	1,9
	2012	4,8	11,8	37,5	44,1	1,8

Продолжение таблицы 4

Независимая пресса	2006	10,4	20,2	36,7	29,2	3,4
	2012	8,1	17,2	35,4	36,3	3,0
Политическая оппозиция	2006	16,2	22,6	29,4	21,1	10,7
	2012	14,2	19,9	30,5	27,2	8,3
Справедливые суды	2006	1,8	4,3	30,8	61,5	1,6
	2012	1,1	3,1	24,8	69,4	1,6
Защита прав нац., Религиозных и пр. Меньшинств	2006	11,2	17,9	34,2	29,1	7,5
	2012	10,3	16,0	33,6	33,1	6,9

*Объединены градации «совсем не важно» и «скорее не важно».

Однако за 2006–2012 гг. спрос на демократические институты довольно существенно вырос, о чем свидетельствуют значимые критерии разницы средних значений в таблице 5. Особенно заметен рост доли тех, кто считает «очень важным» наличие политической оппозиции (с 21 до 27%, т. е. более чем на четверть), независимой прессы (с 29 до 36%), свободы слова (с 37 до 44%), свободных и честных выборов (с 46 до 54%). Напомним, в 2012 г. опрос проходил осенью, т. е. уже после всплеска протестной активности населения осенью 2011 – весной 2012 гг., поэтому эти данные, безусловно, отражают рост внимания населения к наличию политических свобод и демократии в стране. Если эти институты нормально «работают», люди могут даже не полностью осознавать для себя их важность. Однако когда они дают сбой, как это случилось во время выборов 2011–2012 гг., для многих это осознается как важная проблема. Тем не менее в среднем для россиян по-прежнему важность «закона и порядка» (а также справедливых судов) намного превосходит важность упомянутых выше демократических институтов.

Таблица 5

Изменения в средних значениях оценок доверия и спроса на демократические институты, RLMS-HSE, 2006 и 2012 гг., респонденты 18+, средние значения, значимость разницы средних

	2006, среднее	2012, среднее	Значимость t-критерия разницы средних
В какой степени Вы доверяете...			
Правительству Российской Федерации	3,01	2,95	0<001
Государственной думе	2,59	2,59	0,798
Судам	2,76	2,73	0,081
Армии	3,07	3,15	0<001
Милиции	2,51	2,63	0<001
Российским банкам	2,88	2,91	0,145
Иностраным банкам	2,63	2,63	0,782
Страховым компаниям	2,57	2,56	0,301
Мелкому и среднему частному бизнесу	2,70	2,79	0<001
Политическим партиям	2,23	2,26	0<001

Продолжение таблицы 5

	2006, среднее	2012, среднее	Значимость t-критерия разницы средних
<i>Насколько для Вас лично важно, чтобы в нашей стране сегодня были...</i>			
Свободные и честные выборы	4,22	4,38	0<001
Закон и порядок	4,59	4,68	0<001
Свобода слова	4,07	4,20	0<001
Независимая пресса	3,82	3,97	0<001
Политическая оппозиция	3,50	3,66	0<001
Справедливые суды	4,51	4,62	0<001
Защита прав меньшинств	3,77	3,85	0<001

Компоненты и кластеры институционального доверия

Перейдем теперь к многомерному статистическому анализу изучаемых феноменов. Сначала построим модель факторного анализа компонент институционального доверия (см. таблицу 6), метод вращения варимакс. Выделенные два фактора объясняют в сумме 64,4% дисперсии. Первый фактор можно интерпретировать как «доверие к государству», так как он включает высокие нагрузки на такие компоненты, как доверие правительству РФ, Государственной думе, судам, армии и милиции. Второй фактор можно интерпретировать как «доверие бизнесу», так как он включает высокие нагрузки на доверие банкам, страховым компаниям и частным предприятиям и организациям. Доверие политическим партиям входит в оба рассматриваемых фактора с примерно одинаковыми нагрузками чуть выше уровня 0,5. Таким образом, оказывается, что два типа институтов (государство и бизнес) в сознании населения располагаются в разных сферах доверия, не связанных между собой (так как выделенные факторы линейно независимы). При этом уровень межличностного доверия значимо коррелирует как с доверием к государству, так и с доверием к бизнесу, однако сила связи в первом случае выше.

Таблица 6

Факторный анализ компонент институционального доверия,
ответы на вопрос: «В какой степени вы доверяете...», RLMS-HSE, 2006 и 2012 гг.,
респонденты 18+, факторные нагрузки, матрица повернутых компонент, метод варимакс

	1 фактор	2 фактор
Правительству Российской Федерации	0,834	0,175
Государственной думе	0,838	0,241
Судам	0,767	0,335
Армии	0,689	0,204
Милиции	0,740	0,313

Продолжение таблицы 6

Иностранным банкам	0,156	0,826
Страховым компаниям	0,272	0,777
Мелкому и среднему частному бизнесу	0,205	0,718
Российским банкам	0,372	0,690
Политическим партиям	0,520	0,512
% объясненной дисперсии	52,4	12,0

Можно предполагать, что среди россиян можно выделить 5 групп, различающихся сочетанием уровня доверия к институтам каждой из этих сфер: 1) высокий уровень доверия к обеим сферам; 2) низкий уровень доверия к обеим сферам; 3) средний уровень доверия к обеим сферам; 4) высокое доверие к государству и низкое – к бизнесу; 5) наоборот. Эту гипотезу подтверждает модель кластерного анализа (на выделенных факторах институционального доверия), которая позволила выделить такие кластеры (см. таблицу 7). Численность кластеров в 2006 и 2012 и гг. различается незначительно.

Таблица 7

Модель кластерного анализа компонент институционального доверия. Конечные центры кластеров (средние значения), количество и доля респондентов в кластерах. RLMS-HSE, 2006 и 2012 гг., респонденты 18+, N=21695

	Номер кластера				
	1 Высокое доверие	2 Низкое доверие	3 Среднее доверие	4 Доверие к гос-ву	5 Доверие к бизнесу
Центры кластеров					
Фактор доверия к государству	1,10	-0,84	0,04	1,00	-1,32
Фактор доверия к бизнесу	0,91	-1,06	0,32	-1,10	0,83
Кол-во объектов в кластере, 2006–12	3665	4210	7037	3491	3292
% объектов в кластере, 2006–12	16,9	19,4	32,4	16,1	15,2
% объектов в кластере, 2006	15,7	18,3	33,1	17,4	15,5
% объектов в кластере, 2012	17,6	20,1	32,0	15,3	15,0

Выделенные кластеры несколько отличаются по своим социально-демографическим характеристикам. В первый кластер, с высоким уровнем доверия как к государству, так и к бизнесу, входило 15,7% респондентов в 2006 г. и 17,6% в 2012 г. Здесь самый высокий уровень межличностного доверия (26,4% считают, что большинству людей можно доверять). В этом кластере несколько выше, чем в среднем по выборке, доля людей старше 65 лет, тех, чье образование не выше общего среднего, проживающих в селе (и наоборот, ниже доля москвичей и петербуржцев). В нем меньше, чем среди всех россиян, представлены обеспеченные слои населения, но больше – не занятые на рынке труда; по национальному составу здесь выше доля представителей национальностей Северного Кавказа и ниже – русских.

Доля представителей второго кластера, с низким уровнем институционального доверия, несколько выросла (с 18,3 до 20,1%). В этой группе только 8,1% выразили доверие большинству окружающих, т. е. это люди с низким уров-

нем не только институционального, но и межличностного доверия. В отличие от остальных групп, здесь выше доля мужчин (51%, тогда как в среднем по выборке — 45%), но нет значимых отличий от среднероссийского профиля по возрасту, образованию, доходу, занятости и национальному составу.

Треть респондентов демонстрирует средний уровень институционального доверия как к сфере государства, так и бизнеса. Уровень межличностного доверия этой группы, а также их социально-демографические характеристики примерно соответствуют «среднему россиянину».

Высокое доверие к государству и низкое к бизнесу выражали 17,4% людей в 2006 г. и 15,3% — в 2012 г. Здесь самая высокая доля людей старше 65 лет (23,5%, тогда как в среднем — 16%) и не активных на рынке труда (39,5%, тогда как в среднем — 33,2%). Напротив, в этой группе ниже доля людей с высокими доходами, а также жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Несколько выше среднего доля русских, и ниже — представителей народов Северного Кавказа.

Наконец, около 15% доверяли бизнесу, но не доверяли государству. В этой группе больше всего людей младше 30 лет (почти 30%, тогда как в среднем по выборке — 25%), с высшим образованием (27,9%, против 24,3% в среднем), жителей обеих столиц (20,9%, против 12,6% в среднем), людей с высокими душевыми доходами (29% — из верхней квинтильной группы), занятых на рынке труда (71%, против 63,4% в среднем), русских (87,6%, против 84% в среднем). Уровень межличностного доверия в этой группе не высокий (10% готовы доверять большинству людей, тогда как в среднем — 15%).

Таким образом, можно утверждать, что доверие к бизнесу на фоне недоверия к государству выше у людей более высокого социального статуса (образования, доходов, занятости), более молодых и живущих в крупных городах. Прямо противоположное можно сказать о тех, кто доверяет государству и не доверяет бизнесу. Однако в целом нельзя сказать, что детерминированность уровня и типа институционального доверия социально-демографическими и экономическими характеристиками человека очень высока, т. е. структура доверия может рассматриваться как фактор экономического и политического поведения наряду с другими переменными без риска возникновения мультиколлинеарности в регрессионном анализе.

Компоненты спроса на демократические институты

Наконец, для оценки «спроса на демократические институты» построим две модели факторного анализа на переменных важности тех или иных характеристик общества для человека (см. таблицу 8), первую из них — без вращения методом главных компонент, а вторую — с вращением варимакс.

В модели без вращения первая главная компонента объясняет 52,5% дисперсии и имеет высокие нагрузки на все переменные; она может быть интерпретирована как «степень важности демократических институтов в целом», и будет использоваться нами в качестве зависимой переменной в регрессионной модели. Во второй модели, полученной методом вращения варимакс, наблюдается поляризация восприятия этих институтов. В первый фактор вошли те из них, которые относительно реже признаются россиянами как «очень важные», но, как правило, в наибольшей степени ассоциируются с понятием «демократия»: это политическая оппозиция, независимая пресса, свобода слова, защита прав

меньшинств и, в меньшей степени, свободные и честные выборы. Между этими переменными существует высокая степень корреляции, и включающий их фактор может быть интерпретирован как «степень важности свободы». Второй фактор включает высокие нагрузки на переменные, измеряющие важность «закона и порядка», «справедливых судов» и «свободных и честных выборов». Так как эти категории в качестве важных и очень важных выбирает большинство респондентов, не удивительно, что данный фактор объясняет относительно небольшую долю дисперсии (12%). Его можно интерпретировать как «степень важности закона».

Таблица 8

Факторный анализ компонент спроса на демократические институты, ответы на вопрос: «Насколько для Вас лично важно, чтобы в нашей стране сегодня были...», RLMS-HSE, 2006 и 2012 гг., респонденты 18+, факторные нагрузки

	Анализ методом главных компонент, без вращения		Матрица повернутых компонент, метод варимакс	
	1-й фактор	2-й фактор	1-й фактор	2-й фактор
Свободные и честные выборы	0,737	0,212	0,442	0,627
Закон и порядок	0,675	0,612	0,143	0,900
Свобода слова	0,808	-0,188	0,748	0,359
Независимая пресса	0,801	-0,351	0,844	0,228
Политическая оппозиция	0,716	-0,450	0,840	0,098
Справедливые суды	0,673	0,531	0,192	0,836
Защита прав национальных, религиозных и прочих меньшинств	0,644	-0,266	0,668	0,196
% объясненной дисперсии	52,5	16,2	52,5	16,2

Интересно, что построенная таким образом «степень важности свободы» имеет значимую положительную корреляцию с уровнями доверия к государству и к бизнесу (сконструированными выше в модели факторного анализа), а также с общим межличностным доверием, тогда как «степень важности закона» имеет с этими же переменными значимую отрицательную корреляцию. Это подтверждает идею о важности доверия как фактора развития свободы и демократии в обществе, также как и возможного влияния демократического государства на рост обобщенного доверия населения¹.

Факторы спроса на демократические институты

Попробуем оценить теперь, от чего зависит «спрос на демократические институты». Для этого мы оценим три модели множественной линейной регрессии, где зависимой переменной будут выступать построенные выше на основе факторного анализа векторы важности «демократии в целом», «свободы» и «закона» (см. таблицу 9, приведены стандартизованные коэффициенты). Хотя качество полученных регрессий не слишком высокое, тем не менее все модели значимы, т. е. в них есть

¹ Uslaner E. M. Trust, Democracy and Governance: can Government Policies Influence Generalized Trust? // Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in Comparative Perspective / Ed. By M. Hooghe, D. Stolle. New York and Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. P. 171–190.

ненулевые коэффициенты. В первой модели, с зависимой переменной «важность демократии в целом», значимыми детерминантами, положительно влияющими на спрос, являются такие переменные, как уровень образования (высшее и среднее профессиональное по сравнению с более низким), уровень душевого дохода семьи и региона в целом, состояние в браке, а также уровень доверия к государству и к бизнесу.

Таблица 9

Модель множественной линейной регрессии (стандартизованные коэффициенты).
Зависимые переменные – важность демократических институтов.
RLMS-HSE, 2006 и 2012 гг., респонденты 18+, N= 18145

	Зависимая переменная			Среднее значение
	Важность демократии	Важность свободы	Важность закона	
Мужской пол	-0,005	0,020**	-0,033***	0,45
Возраст/10	0,045	-0,044	0,128***	4,51
Возраст/10 в квадрате	-0,019	0,013	-0,048	23,4
Среднее проф. образование	0,028***	0,000	0,046***	0,44
Высшее образование	0,077***	0,062***	0,045***	0,24
Есть работа	0,017*	-0,002	0,030***	0,63
Состоит в браке	0,024***	0,008	0,029***	0,62
Количество детей до 18 лет, живущих в семье	-0,013	-0,022***	0,007	0,37
Пользуется Интернетом	0,057***	0,026***	0,060***	0,39
Логарифм душевых доходов семьи	0,056***	0,033***	0,047***	9,19
Потребление чистого алкоголя в месяц (логарифм)	-0,041***	-0,034***	-0,024***	2,50
Украинцы, белорусы, молдаване (база – русские)	0,008	0,005	0,006	0,02
Национальности Северного Кавказа	0,075***	0,141***	-0,058***	0,04
Малые народы Севера и Поволжья	-0,014*	0,016**	-0,044***	0,03
Татары, башкиры	-0,017**	0,000	-0,028***	0,03
Прочие европейские национальности	0,023***	0,032***	-0,004	0,02
Прочие неевропейские национальности	0,012*	0,007	0,010	0,00
Уровень доверия к государству (фактор 1)	0,054***	0,093***	-0,031***	0,00
Уровень доверия к бизнесу (фактор 2)	0,050***	0,086***	-0,030***	0,00
Уровень межличностного доверия	0,005	0,012	-0,007	0,00
Областной центр (база – Москва, С. -Петербург)	0,010	-0,007	0,026	0,30
Город областного подчинения	0,027	0,021	0,016	0,26
Село, поселок	-0,025	-0,040**	0,011	0,32
Логарифм душевых доходов по региону	0,068***	0,077***	0,011	9,82
2012 г.	0,014	0,004	0,016*	0,62
R ²	0,042	0,055	0,032	

Значимость: *** – 1%, ** – 5%, * – 10%.

Негативным фактором выступает уровень потребления алкоголя. Демократические институты более важны для тех, кто пользуется Интернетом, а также по сравнению с русскими для людей, принадлежащих к национальностям Северного Кавказа и другим европейским национальностям. Напротив, по сравнению с русскими, ниже их важность для татар, башкир, малых народов Севера и Поволжья. Не значимыми оказались переменные возраста, пола, количества детей, уровня межличностного доверия, уровня урбанизации. Однако уровень урбанизации, очевидно, незначим только вследствие включения в модель переменной региональных доходов, так как они существенно зависят от места жительства.

Несколько отличаются результаты во второй модели, «спроса на свободу». Такие институты, как свободная пресса, политическая оппозиция, свобода слова, защита прав меньшинств, более важны для людей с высшим образованием, для мужчин, тех, кто имеет более высокие доходы и живет в более богатых регионах, пользуется Интернетом. Позитивное (и более сильное, чем в первой модели) влияние оказывает уровень институционального доверия. Сохраняется негативное влияние потребления алкоголя. По сравнению с русскими, «спрос на свободу» выше у народов Северного Кавказа, малых народов Поволжья и Севера, а также других европейских национальностей. Семейный статус не влияет на важность свободы, а количество детей оказывает негативное влияние.

Факторы «спроса на закон» частично совпадают с выявленными в первой модели. Однако есть и отличия. Так, закон более важен для женщин и для людей старшего возраста, для тех, у кого есть работа (эти переменные в первой модели были не значимы). Однако наиболее существенно, на наш взгляд, то, что «спрос на закон» выше у людей с более низким уровнем институционального доверия (как к государству, так и к бизнесу), и ниже — у народов Кавказа, Севера и Поволжья по сравнению с русскими.

В 2012 г. в анкету также были включены вопросы о том, пользуется ли респондент социальными сетями (VKontakte, Facebook, Одноклассники, Twitter, Живой Журнал), и если да, то какими именно и как долго. Оказалось, что 78% россиян никакими социальными сетями не пользуются. Из тех, кто ими пользуется, 80,4% посещают «Одноклассники», 61,4% — «В контакте», 15,9% — «Facebook», 6,6% — Twitter, 4,1% — Живой Журнал. Интенсивность пользования социальными сетями позитивно влияет как на «спрос на свободу», так и на «спрос на закон» (коэффициент был значимым и положительным в моделях, рассчитанных на данных 2012 г.).

Таким образом, наиболее важный вывод, который мы можем сделать, это то, что рост уровня образования, доходов и институционального доверия позитивно влияет на спрос на демократические институты, прежде всего такие, как свободная пресса, политическая оппозиция, свобода слова, защита прав меньшинств. Это соответствует результатам, представленным в работе Д. Асемоглу и Дж. Робинсона¹.

Однако сам по себе рост спроса на демократические институты не приводит к демократизации общества. Это показало развитие политических событий в России после весны 2012 г., т. е. пика протестных настроений. За прошедшие

¹ Asemoglu D., Robinson J. A. Economic origin of dictatorship and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

полтора года после прихода Путина к третьему президентскому сроку и два года после начала работы Государственной думы 6-го созыва наблюдается скорее сворачивание демократических институтов, ужесточение запретов и ограничение свобод. Так, в июле 2012 г. были подписаны законы о статусе «иностранного агента» некоммерческих организаций, о регулировании информации в Интернете. В январе 2013 г. принят закон о запрете на усыновление российских сирот гражданами США, а в июне — законы о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» и о введении уголовного наказания за оскорбление чувств верующих. Этот ряд можно продолжить. Главное, что эти законы направлены на сворачивание демократических свобод и гражданского общества, которое в конце 2010-х гг. имело большой потенциал в отражении реальных интересов населения и развитии России¹.

Однако принятие этих законов, как показал ряд социологических опросов, было скорее поддержано большинством россиян. Не вызвали бурных протестов и политические процессы 2012—2013 гг. Хотя интерес населения к политике, по ряду оценок, вырос, однако в большинстве своем он остается скорее умозрительным, а для подавляющего большинства участие в политической жизни сводится к голосованию на выборах². П. Козырева и А. Смирнов объясняют низкую политическую активность граждан их разочарованием в результатах своего участия в политике, отстраненностью от властных институтов и ощущением невозможности повлиять на ситуацию в стране³.

Нужно признать, что хотя в стране существует потенциал спроса на институты демократии, для его реализации необходимо наличие благоприятных условий в обществе. Пока лишь очень малая часть населения, прежде всего с достаточно высоким уровнем образования и доходов, готова защищать свои демократические ценности.

¹ Jakobson L., Sanivich S. The changing models of the Russian Third sector: Import Substitution Phase // Journal of Civil Society. Vol. 6. 2010. № 3. December. P. 279—300.

² Солянская К. Политика невмешательства // Газета.ру. 03.04.2013. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/04/03_a_5243061.shtml (дата обращения: 01.02.2014).

³ Козырева П. М., Смирнов А. И. Политическое участие и особенности развития политической активности в современной России // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 53—77.

Никитина Е. А.

СПОРТ В ЖИЗНИ РОССИЯН

С точки зрения экономической и социологической теории занятия спортом являются не только способом проведения досуга, но представляют собой инвестиции в здоровье, т. е. в физический капитал человека. Понятие физического капитала, применяемое социологами для анализа групп населения с высокими доходами от заработной платы, отличается от понятия физического капитала, используемого при исследовании эффективности предприятий. В социологии физический капитал связан с «состоянием здоровья, уровнем работоспособности хозяйственных агентов, а также их внешними физическими данными, которые могут использоваться для мобилизации других видов ресурсов»¹. Физический капитал человека наследуется биологическим путем, а занятия спортом позволяют его поддерживать и развивать.

На более общем уровне физический капитал является частью человеческого капитала. К человеческому капиталу социологи относят умения, знания, здоровье, способность к труду, т. е. характеристики, влияющие на социальную успешность человека. Экономическую эффективность вложения в человеческий капитал обосновал Г. Беккер, доказавший, что чем образованнее, здоровее и работоспособнее человек, тем больше его экономическая эффективность для предприятия и тем больше его возможное денежное вознаграждение².

Значение инвестиций в здоровье было обоснована М. Гроссманом. Согласно Гроссману, здоровье входит в индивидуальную функцию полезности индивида. Капитал здоровья изменяется во времени, и когда он становится равен нулю, т. е. полностью изнашивается, человек умирает. Капитал здоровья человека равен инвестициям в здоровье минус неизбежное «изнашивание» здоровья. Чем больше инвестиций делает человек, тем больше будет его капитал здоровья при прочих равных условиях. Таким образом, человек не только «потребляет» свое здоровье (выполняя трудовую деятельность), но и «производит» его³. Под «производством» Гроссман понимает инвестиции в здоровье, причем наряду с позитивными (занятия спортом) существуют и негативные инвестиции (потребление табака и алкоголя)⁴.

¹ Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. Т. 3. 2002. № 4. С. 24. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/634/586/1234/ecsoc_t3_n4.pdf (дата обращения: 07.11.2013).

² Becker Gary S. Human Capital. N. Y.: Columbia University Press, 1964.

³ Grossman M. The Human Capital Model // Handbook of Health Economics / Ed. by A. J. Culver, J. P. Newhouse. Vol. 1A. Amsterdam: Elsevier, 2000.

⁴ Рощина Я. М. Микроэкономический анализ отдачи от инвестиций в здоровье в современной России // Экономический журнал ВШЭ. Т. 13. 2009. № 3. С. 428–451.

Если рассматривать население России с предложенной точки зрения, то прежде всего следует отметить, что по данным официальной государственной статистики здоровье россиян в 2000-е гг. ухудшилось. На рисунке 1 видно, что число людей с диагнозом, установленным впервые в жизни, начиная с 2000 г., постоянно росло. В 2000 г. таких людей было чуть больше 106 тыс., а в 2012 г. уже 114 тыс. За 12 лет доля людей с впервые зарегистрированными заболеваниями выросла на 7%.

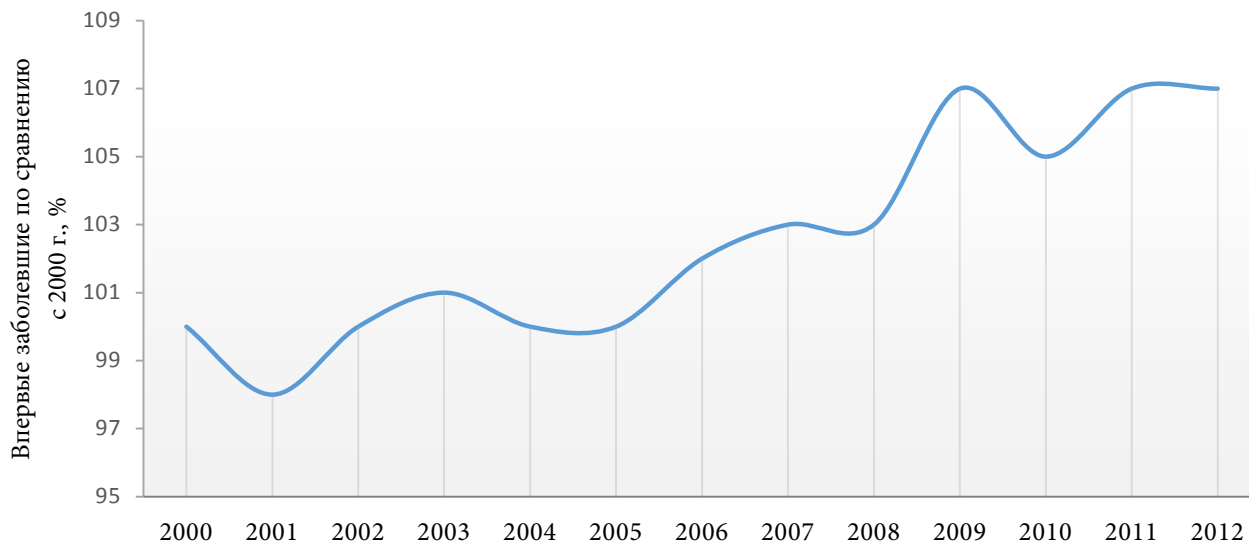

Рисунок 1. Динамика заболеваемости населения¹ по основным классам болезней, 2000–2012 гг., %²

По данным Фонда общественное мнение³, людей в хорошей физической форме 30 лет назад было больше, чем сейчас. По мнению респондентов, раньше (т. е. в советское время) пропагандировался здоровый образ жизни, занятия спортом поощрялись государством и работодателем, было много бесплатных спортивных секций, в населенных пунктах были условия для занятия спортом. Сейчас пропагандируется успешный образ жизни (хорошая работа, высокий доход, машина, дом, поездки за границу), для занятий спортом бесплатно осталось мало возможностей, а посещение секций и фитнес-клубов стало платным, причем плата стала сильно ощутимой для семейного бюджета средней российской семьи. В результате большинство людей сейчас находятся не в лучшей физической форме. Тем не менее 62% опрошенных считают, что население России в целом находится в хорошей физической форме. Почти 80% опрошенных сказали, что стремятся поддерживать себя в хорошей физической форме. Молодые люди в возрасте 18–30 лет и люди среднего возраста 46–60 лет заинтересованы в хорошей физической форме больше других.

По данным другого опроса ФОМ, посвященного зимним видам спорта⁴, активно или время от времени занимаются зимними видами спорта лишь 38% опрошенных людей в возрасте 18–30 лет. Среди населения в целом занимается

¹ Зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни. Данные Минздрава России, расчет Росстата, перевод в проценты автора статьи.

² Данные Росстата. Официальная статистика / Население / Здравоохранение. Данные обновлены 09.10.2013. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения: 07.11.2013).

³ Данные ТелеФОМ, июль 2013 г., опрошено 1000 граждан РФ в возрасте от 18 лет и старше. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11057> (дата обращения: 07.11.2013).

⁴ Проект «Доминанты», опрос «ФОМнибус», опубликовано 13 января 2013 г. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10790> (дата обращения: 07.11.2013).

зимними видами спорта лишь каждый двадцатый опрошенный. При этом 61% опрошенных считает, что в их населенном пункте есть условия для занятия зимними видами спорта. Чаще других зимними видами спорта занимаются люди со среднедушевым доходом свыше 20 000 руб., проживающие в городах-миллионниках и имеющие высшее образование.

В опросе про досуг населения лишь 6% опрошенных сказали, что в свободное время занимаются спортом¹, 5% проводят время на даче, занимаясь активным физическим трудом, еще 8% гуляют или отдыхают на природе. Остальные опрошенные предпочитают отдыхать пассивно: 18% смотрят телевизор, 11% – читают. Некоторые люди не относят спорт к досуговым занятиям, так как предпочитают вписывать его в свой рабочий график. Среди работающих людей 13% за последний год посещали спортивный клуб или бассейн. Назвали спорт своим увлечением лишь 10% опрошенных россиян.

Для того чтобы определить, какие основные факторы влияют на вовлеченность россиян в занятия спортом, обратимся к данным RLMS-HSE². Данные обследования позволяют описать субъективные ощущения людей относительно той физической нагрузки, которую они дают себе, а также понять, какие социально-демографические характеристики преобладают в группах с разной субъективной оценкой степени физической нагрузки. С целью продемонстрировать, какие факторы и как влияют на принадлежность россиян к группе людей, занимающихся спортом, в статье будет построена регрессионная модель. Контрольной группой в исследовании являются люди, не занимающиеся спортом. К тестируемым переменным относятся: доход, образование, возраст, семейное положение, размер населенного пункта, наличие спортивной инфраструктуры.

Динамика спортивных предпочтений

Данные RLMS-HSE являются лонгитюдными, поэтому позволяют посмотреть динамику анализируемых показателей. Для построения динамики использовались данные RLMS-HSE 6–21 волн³.

На рисунке 2 показано, как с 1995 по 2012 г. изменялась доля людей, занимающихся спортом в нашей стране. В целом наблюдается положительная тенденция: в 2012 г. занимающихся спортом было на 6% больше, чем в 1996 г. Пик популярности спортивных занятий наблюдался в 2008 г., после этого мы видим падение доли занимающихся спортом на 5%. Скорее всего, в 2009 г., после того, как в стране начался кризис⁴, люди сократили свои расходы на спортивные заня-

¹ Проект «Доминанты», опрос «ФОМнибус», опубликовано 16 декабря 2012 г. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10846> (дата обращения: 07.11.2013).

² «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ». Это международный исследовательский проект, осуществляемый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения университета Северной Каролины в Чапел Хилле (США) и Института социологии РАН. URL: <http://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 09.11.2013).

³ Вопрос m114 «Какой из вариантов описания лучше всего соответствует Вашим занятиям физкультурой? Не учитывайте физические нагрузки на работе».

⁴ Финансовый кризис в России: причины, следствия и потерпевшие. URL: <http://www.banki.ru/news/pressreleases/?id=647927> (дата обращения: 09.11.2013).

тия. Они были вынуждены отказаться от абонементов в фитнес-клубы, бассейны. А для занятий спортом дома у многих не хватает мотивации. Отсюда можно сделать вывод, что одной пропаганды здорового образа жизни мало, нужны еще и условия.

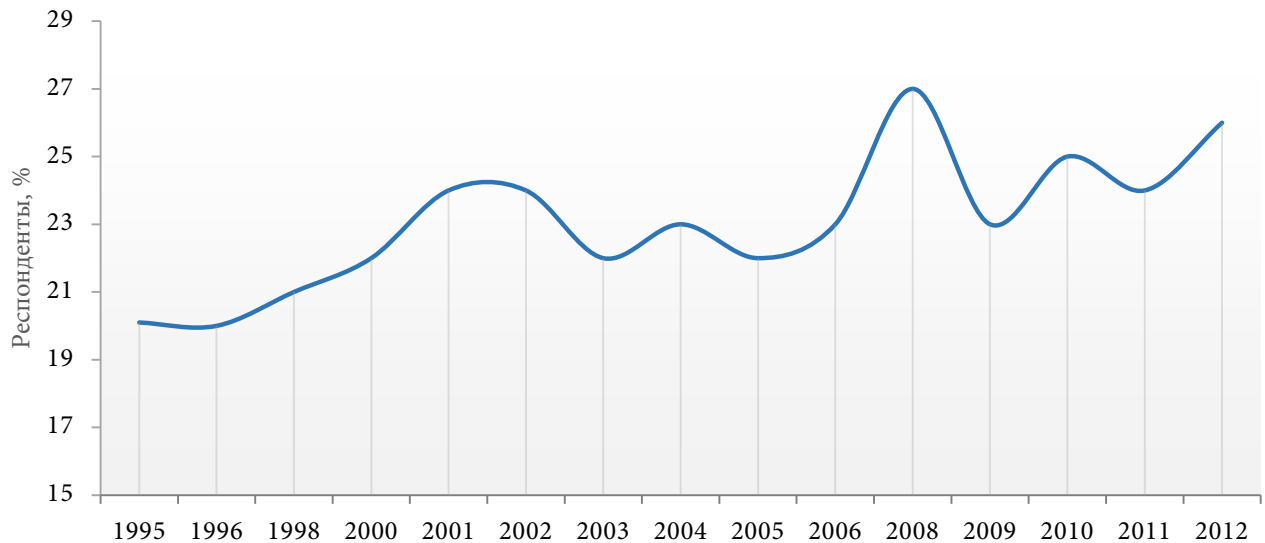

Рисунок 2. Доля россиян, занимающихся спортом, 1995–2012 гг., %

Данные предыдущих волн позволяют посмотреть динамику популярности спорта разной интенсивности по годам (см. рис. 3). За 17 лет число людей, занимающихся спортом каждый день, увеличилось на 3%. Наблюдается хоть и очень медленная, но положительная динамика в сторону увеличения популярности утренней гимнастики, что, по мнению медиков, является очень полезным для здоровья. Доля любителей тяжелого спорта и спорта средней интенсивности не изменилась и осталась в районе 2 и 4% соответственно. Популярность легкого спорта за 17 лет выросла на 2%. Если сравнить данные по отдельным категориям с данными об общей доле занимающихся спортом, то мы увидим, что на пиковый 2008 г. приходится рост интереса ко всем спортивным категориям, кроме занятий спортом каждый день. Возможно, причина кроется в доступных ценах на абонементы в фитнес-клубы, которые были приобретены еще до кризиса.

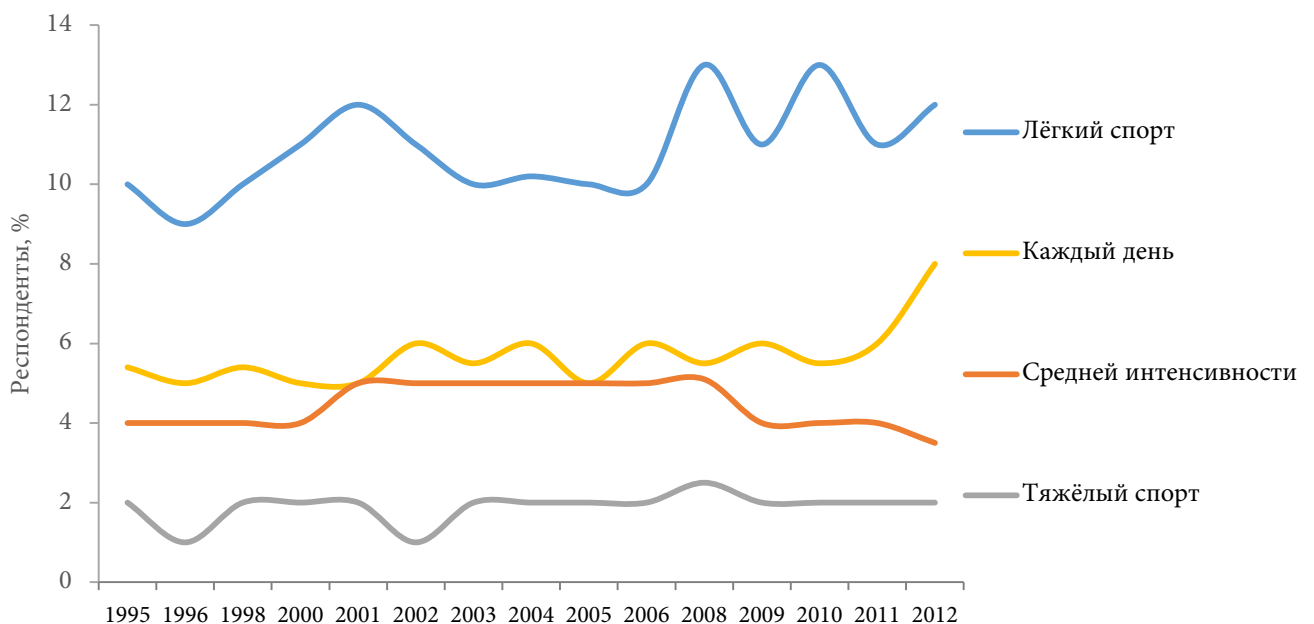

Рисунок 3. Доля россиян, занимающихся спортом разной интенсивности, 1995–2012 гг., %

Основная информация об анализируемых данных

В базе RLMS-HSE за 2012 г.¹ содержится информация о 11150 респондентах в возрасте старше 13 лет, которые ответили на вопрос «Какой вариант описания лучше всего соответствует Вашим занятиям физкультурой?» Из них занимаются физкультурой 2765 респондента, или 25% опрошенных.

Среди респондентов можно выделить 5 групп согласно тяжести физической нагрузки: «легкий спорт» — люди, которые занимаются легкими спортивными упражнениями не больше 2 раз в неделю; «средней интенсивности» — люди, которые занимаются спортом средней или высокой тяжести не больше 2 раз в неделю; «тяжелый спорт» — люди, которые предпочитают высокие физические нагрузки не реже 3 раз в неделю; «каждый день» — люди, которые делают спортивные упражнения каждый день не меньше 30 минут; «никогда» — люди, которые вообще не занимаются спортом (см. таблицу 1).

Таблица 1

Самооценка сложности и частоты занятий спортом, RLMS-HSE, 2012 г.

Название группы	Варианты ответов	Число ответивших	% от ответивших	% от занимающихся физкультурой
Легкий спорт	Легкие физкультурные упражнения для отдыха менее 3 раз в неделю	1305	12	46
Средней интенсивности	Физкультурные упражнения средней или высокой тяжести менее 3 раз в неделю	419	4	16
Тяжелый спорт	Физкультурные упражнения высокой тяжести по крайней мере 3 раза в неделю	199	2	7
Каждый день	Ежедневные занятия физкультурой по меньшей мере 30 минут в день	842	8	31
Никогда	Физкультурой не занимаюсь	8385	75	
Всего		11 150	100	

Отметим основные социально-демографические характеристики выборочной совокупности. Из 11150 респондентов, ответивших на вопрос о занятиях физической культурой, 41% мужчин и 59% женщин. Среди опрошенных 51% работает, 2% женщин находятся в декретном отпуске, а 47% опрошенных — не работают. Больше половины (59%) состоят в зарегистрированном или не зарегистрированном браке, 19% — никогда не состояли в браке и 22% — разведены или овдовели. В селах проживают 30% опрошенных, в ПГТ — 7%, в городах — 25%, в областных центрах — 38%. Для анализа мы выделили 6 возрастных категорий: 14–17 лет (5% опрошенных), 18–25 лет (11% опрошенных), 26–35 лет (16% опрошенных), 36–45 (16% опрошенных), 46–55 лет (18% опрошенных), старше 56 лет (34% опрошенных).

¹ 21-я волна, опрос проводился с октября по декабрь 2012 г. URL: <http://www.hse.ru/rlms/timetable> (дата обращения: 09.11.2013).

Данные об интенсивности занятий спортом по возрастным группам содержатся в таблице 2. Данные показывают, что чем старше становятся люди, тем больше среди них тех, которые никогда не занимаются спортом. Самая спортивная группа – подростки. Если сравнить две старшие возрастные категории, мы увидим, что среди людей старше 56 лет занимающихся ежедневными упражнениями больше, чем среди 46–55 летних. Это может быть вызвано медицинскими рекомендациями или самостоятельным осознанием необходимости поддерживать здоровье.

Таблица 2

Распределение по возрасту в группах по тяжести занятий спортом, RLMS-HSE, 2012 г., вертикальный %

Название группы	14–17	18–25	26–35	36–45	46–55	56 и старше
Легкий спорт	26	16	12	11	9	10
Средней интенсивности	20	10	5	3	2	1
Тяжелый спорт	8	4	2	1	1	0
Каждый день	18	10	7	5	5	8
Никогда	28	60	74	80	83	81
Объем выборки, чел.	517	1264	1773	1813	1955	3828

Предпочтение легкого спорта преобладает во всех возрастных группах. Спортивные нагрузки средней тяжести два раза в неделю и нагрузки высокой тяжести более двух раз в неделю относительно распространены только среди молодых людей 14–25 лет. В эту группу людей попадают школьники и студенты. У них в отличие от других возрастных групп больше возможностей и времени для занятия спортом. Молодой возраст и хорошее здоровье делают возможными интенсивные спортивные занятия с большой нагрузкой.

Как свидетельствуют данные таблицы 3, мужчин, занимающихся спортом, на 3% больше, чем женщин. Всего в нашей выборке спортом занимаются 27% мужчин и 24% женщин. Несмотря на зафиксированное различие, приведенные цифры не позволяют делать какие-либо значимые выводы о гендерном дисбалансе в области занятий спортом. При этом необходимо отметить, что среди тех, кто занимается легким спортом пару раз в неделю, немного больше женщин, что, вероятно, свидетельствует о большей озабоченности женщин своей привлекательностью. В остальных категориях, напротив, мужчин больше, чем женщин. Как мы выяснили из предыдущей таблицы, в основном это молодые люди.

Таблица 3

Распределение по полу в группах с разными спортивными предпочтениями, RLMS-HSE, 2012 г., вертикальный %

Название группы	Мужчины	Женщины
Легкий спорт	11	13
Средней интенсивности	5	3
Тяжелый спорт	3	1
Каждый день	8	7
Никогда	73	76
Объем выборки, чел.	4602	6548

Затраты времени на занятия спортом

Теперь посмотрим, каким спортом и как часто занимаются люди, находящиеся в разных спортивных группах. Не все люди, ответившие на вопрос о своей оценке степени тяжести занятий спортом, ответили и про конкретные временные затраты на каждый вид спорта. После исключения из анализа людей, по которым эти данные пропущены, в выборке осталось 14 329 человек.

Из рисунка 4 видно, сколько в среднем тратят на спорт люди из разных групп по степени тяжести занятий физической культурой. Как и следовало ожидать, люди, занимающиеся спортом очень интенсивно, тратят на это достаточно много времени — в среднем около 4 часов в неделю.

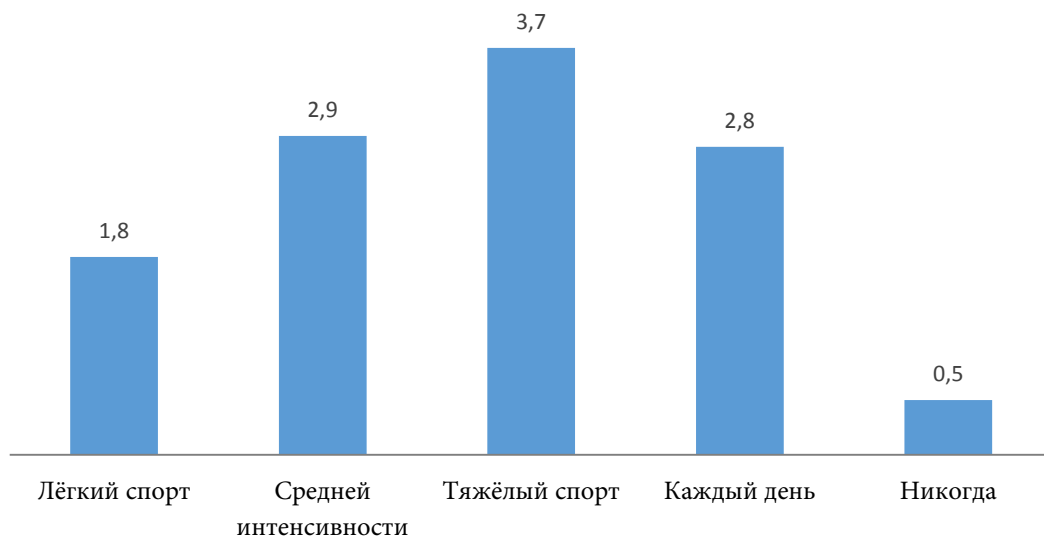

Рисунок 4. Средние затраты времени на спорт в неделю, RLMS-HSE, 2012 г., часов в неделю

Как свидетельствуют приведенные данные, люди, отрицательно ответившие на вопрос о занятиях спортом, тратят на физические нагрузки примерно полчаса в неделю, в основном на прогулочную ходьбу. Следует отметить, что прогулочная ходьба является лидером по затратам времени во всех группах. Похоже, что для России именно прогулочную ходьбу можно назвать национальным спортом и основой физической культуры населения.

Люди, причисляющие себя к сторонникам ежедневных занятий спортом, и люди, предпочитающие спорт средней интенсивности пару раз в неделю, тратят на спорт в неделю примерно одинаковое время — чуть меньше 3 часов. Сторонники легко спорта в среднем уделяют ему всего 2 часа в неделю.

Какие виды спорта требуют наибольших временных затрат? На рисунке 5 видно, на спорт какой интенсивности люди затрачивают больше всего времени. Безусловным временным лидером во всех группах является прогулочная ходьба. Наименьшие временные затраты приходятся на спортивную ходьбу. В России, в отличие от Европы, этот вид спорта является малоизвестным, что можно объяснить погодными условиями и особенностями застройки.

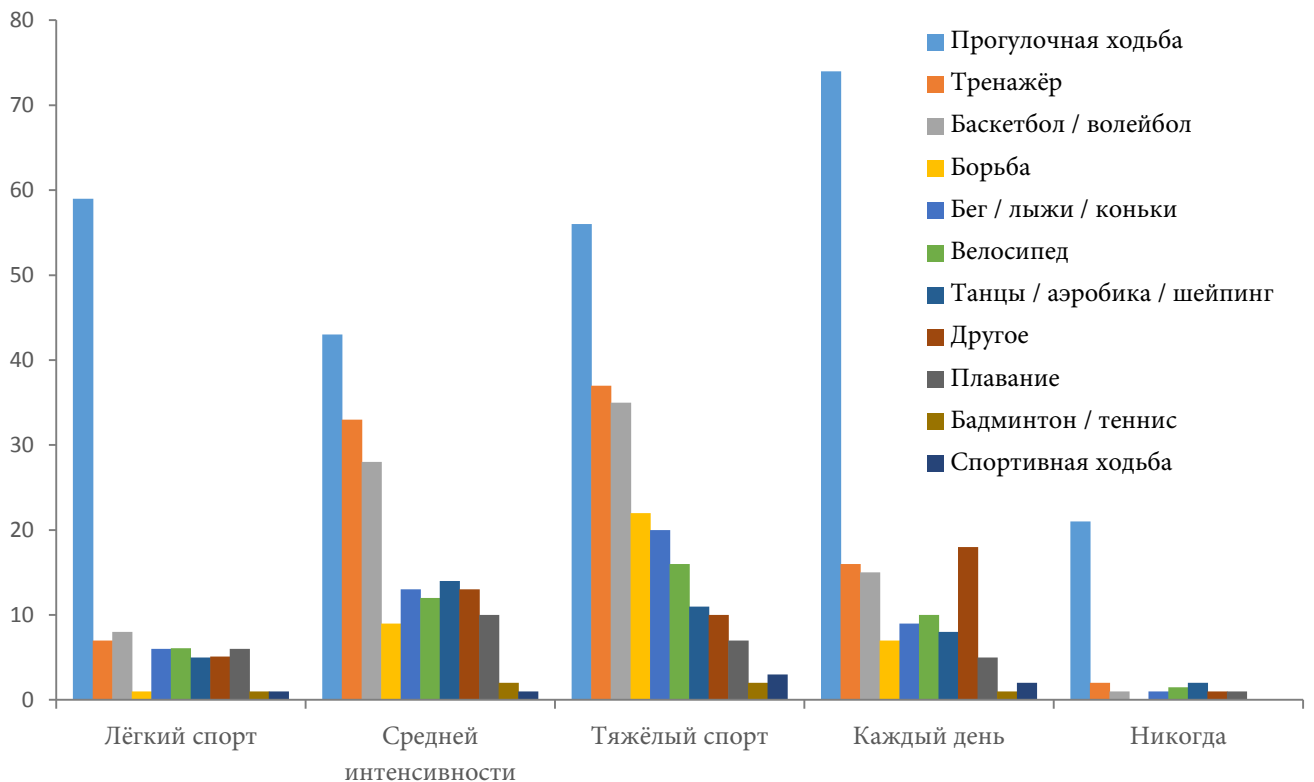

Рисунок 5. Соотношение средних затрат времени при занятиях разными видами спорта¹, RLMS-HSE, 2012 г., минут в неделю

Во всех группах на плавание и игру в теннис или бадминтон в среднем тратится не больше 10 минут. Скорее всего, это связано с отсутствием необходимой для этого инфраструктурой или ее дороговизной. Крытых теннисных кортов немного даже в Москве, а стоимость часа аренды варьируется от 800 до 2500 руб.² Бассейнов даже в Москве, которые находятся не в детских садах, школах или фитнес-клубах и открыты для свободного посещения, совсем мало (это «Чайка», «Олимпийский» и «Лужники»). Стоимость часа посещения стоит от 200 до 2000 руб., а годовой абонемент не меньше 50 000 руб.³

Как следует из данных на рисунке 5, помимо прогулочной ходьбы достаточно много времени люди тратят на упражнения на тренажерах, игру в баскетбол или волейбол. На эти занятия люди, предпочитающие тяжелый спорт, затрачивают более 30 минут в неделю. В этой же группе уделяется довольно много времени борьбе и бегу или лыжным прогулкам.

Средние временные затраты на спорт в неделю в двух группах — занятия средней интенсивности и каждый день — примерно равны. Интересно сравнить их между собой и понять, почему при разной организации занятий люди тратят примерно одинаковое время. На рисунке 6 видно, что люди, занимающиеся спортом средней интенсивности, тратят время на прогулочную ходьбу, упражнения на тренажерах, баскетбол или волейбол, бег и танцы. Те же, кто занимается спортом

¹ В каждой группе люди могут заниматься несколькими видами спорта (например, танцы, ходьба и бассейн).

² Информационный портал Спорт-аренда. URL: <http://www.sportarenda.com/tennis/> (дата обращения: 09.11.2013).

³ «Экономика»: Сколько стоит посещение столичных бассейнов. Москва 24, эфир от 17.07.2013. URL: <http://www.m24.ru/videos/24099> (дата обращения: 09.11.2013).

каждый день, значительно больше других тратят времени на спортивную ходьбу. Они же чаще других отмечали, что занимаются другим спортом, не представленным в анкете.

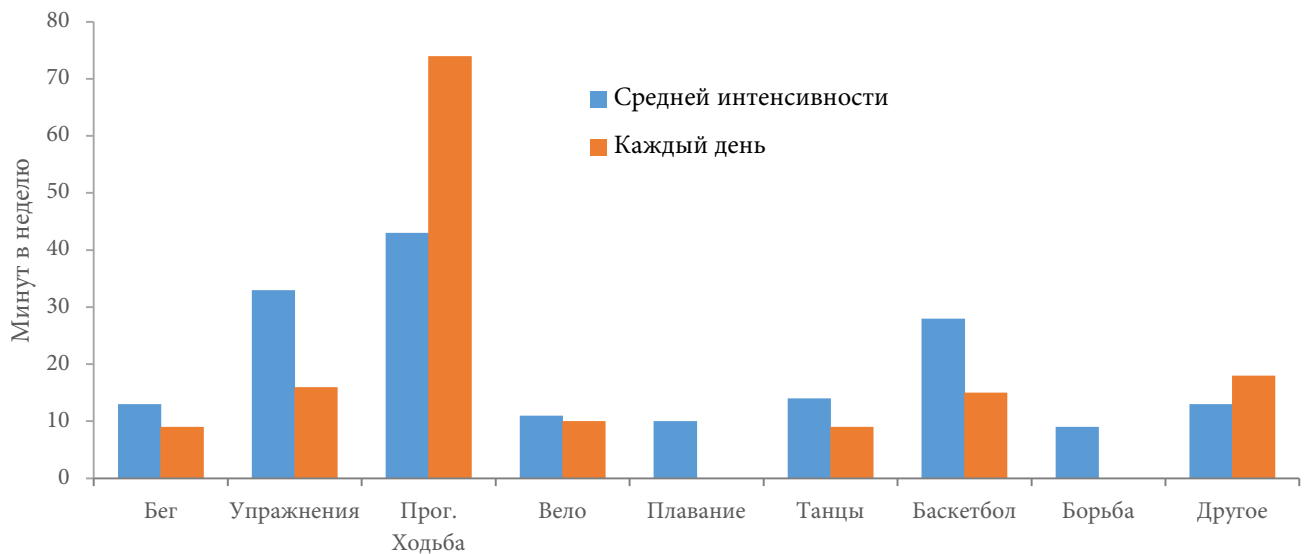

Рисунок 6. Соотношение средних затрат времени на разные виды спорта, R LMS-HSE, 2012 г., минут в неделю

Детерминанты степени сложности занятий физической культурой

Для того чтобы понять, почему разные люди выбирают занятия спортом различной степени интенсивности, используем модель множественной мультиномиальной логистической регрессии. В качестве зависимой переменной используется переменная о самооценке интенсивности спортивных занятий с 5-ю градациями — «легкий спорт», «спорт средней интенсивности», «тяжелый спорт», «каждый день» и «никогда не занимаюсь». Последняя градация используется в качестве эталонной (базовой).

Показатель качества модели псевдо R^2 равен 0,188. Однако модель является значимой, т. е. в ней есть ненулевые коэффициенты. В модели использовались качественные и порядковые переменные. При создании дамми-переменных в качестве базовых категорий были использованы: отсутствие своих детей; проживание в Москве или Санкт-Петербурге; наличие диплома только о среднем общем образовании; самооценка здоровья в прошлом году как удовлетворительного; самооценка здоровья в текущем году как удовлетворительного; семейное положение — в браке (официально зарегистрированном или не зарегистрированном, гражданском); мужской пол; отсутствие спортивной инфраструктуры в месте проживания; наличие работы; отсутствие личного дохода; возраст 26–35 лет (см. таблицы 4, 5).

Таблица 4

Оценка модели множественной мультиномиальной логистической регрессии. Зависимая переменная – степень сложности занятий физической культурой. Базовая категория – «не занимаюсь». Легкий спорт и спорт средней интенсивности. RLMS-HSE, 2012 г.

	Легкий спорт			Спорт средней интенсивности		
	<i>B</i>	<i>sig</i>	<i>Exp(B)</i>	<i>B</i>	<i>sig</i>	<i>Exp(B)</i>
Свободный член	-2,789	0,000		-3,580	0,000	
Наличие своих детей до года	-0,323	0,253	0,724	-0,328	0,425	0,720
Наличие своих детей от 1 года до 3 лет	-0,487	0,008	0,614	-1,155	0,001	0,315
Наличие своих детей от 3 до 6 лет	-0,116	0,409	0,891	0,101	0,638	1,106
Наличие своих детей от 6 до 17 лет	0,021	0,842	1,022	0,061	0,749	1,063
Проживание в городе	-0,328	0,005	0,721	-0,092	0,662	0,912
Проживание в селе или поселке городского типа	-0,380	0,002	0,684	-0,362	0,092	0,696
Есть диплом о среднем профессиональном образовании	0,437	0,000	1,549	0,030	0,864	1,030
Есть диплом о высшем образовании	1,048	0,000	2,852	0,579	0,000	1,784
Самооценка здоровья в прошлом году как хорошего или очень хорошего	0,011	0,900	1,011	0,058	0,668	1,059
Самооценка здоровья в прошлом году как плохого или очень плохого	-0,017	0,887	0,983	-0,838	0,036	0,433
Самооценка здоровья в этом году как хорошего или очень хорошего	-0,082	0,336	0,921	0,195	0,149	1,215
Самооценка здоровья в этом году как плохого или очень плохого	-0,269	0,033	0,764	-0,362	0,320	0,696
Проживание в областном центре	0,144	0,181	1,155	0,384	0,052	1,469
Никогда не состоял/а в браке	0,112	0,331	1,119	0,045	0,806	1,046
Уже не в браке (разведен/а или вдовец/вдова)	0,144	0,112	1,154	-0,271	0,297	0,763
Трудовой деятельностью в данный момент не занимается	0,277	0,004	1,319	0,285	0,117	1,330
Возраст: 14–17 лет	2,131	0,000	8,421	2,638	0,000	13,984
Возраст: 18–25 лет	0,730	0,000	2,074	1,100	0,000	3,005
Возраст: 36–45 лет	-0,186	0,128	0,830	-0,603	0,005	0,547
Возраст: 46–55 лет	-0,418	0,002	0,658	-0,978	0,000	0,376
Возраст: больше 56 лет	-0,437	0,002	0,646	-1,486	0,000	0,226
Наличие спортивной инфраструктуры в месте проживания (стадионы, бассейны, гимнастические залы)	0,356	0,012	1,428	0,490	0,050	1,633

Продолжение таблицы 4

	Легкий спорт			Спорт средней интенсивности		
	<i>B</i>	<i>sig</i>	<i>Exp(B)</i>	<i>B</i>	<i>sig</i>	<i>Exp(B)</i>
Женский пол	0,157	0,028	1,170	-0,452	0,000	0,637
Личный доход в месяц ниже 7500 руб.	0,487	0,002	1,628	0,605	0,014	1,831
Личный доход в месяц от 7500 до 10 600 руб.	0,356	0,022	1,427	0,334	0,175	1,397
Личный доход в месяц от 10 600 до 15 000 руб.	0,281	0,056	1,325	-0,137	0,591	0,872
Личный доход в месяц от 15 000 до 23 000 руб.	0,076	0,615	1,079	-0,099	0,704	0,906
Личный доход в месяц выше 23 000 руб.	-0,015	0,911	0,985	0,084	0,637	1,087

Таблица 5

Оценка модели множественной мультиномиальной логистической регрессии. Зависимая переменная — степень сложности занятий физической культурой. Базовая категория — «не занимаюсь». Тяжелый спорт и ежедневный спорт. RLMS-HSE, 2012 г.

	Тяжелый спорт			Каждый день		
	<i>B</i>	<i>sig</i>	<i>Exp(B)</i>	<i>B</i>	<i>sig</i>	<i>Exp(B)</i>
Свободный член	-3,598	0,000		-3,954	0,000	
Наличие своих детей до года	0,023	0,966	1,023	0,030	0,929	1,030
Наличие своих детей от 1 года до 3 лет	-0,466	0,268	0,627	-0,178	0,435	0,837
Наличие своих детей от 3 до 6 лет	-0,287	0,425	0,750	0,009	0,961	1,009
Наличие своих детей от 6 до 17 лет	-0,480	0,115	0,619	0,069	0,628	1,071
Проживание в городе	-0,561	0,038	0,570	0,202	0,200	1,224
Проживание в селе или поселке городского типа	-0,704	0,009	0,494	0,451	0,004	1,569
Есть диплом о среднем профессиональном образовании	-0,165	0,496	0,848	0,489	0,000	1,631
Есть диплом о высшем образовании	0,475	0,025	1,608	0,636	0,000	1,888
Самооценка здоровья в прошлом году как хорошего или очень хорошего	0,434	0,023	1,544	0,056	0,588	1,058
Самооценка здоровья в прошлом году как плохого или очень плохого	-0,501	0,287	0,606	0,159	0,250	1,172
Самооценка здоровья в этом году как хорошего или очень хорошего	-0,048	0,797	0,953	0,018	0,863	1,018
Самооценка здоровья в этом году как плохого или очень плохого	-0,825	0,104	0,438	-0,662	0,000	0,516
Проживание в областном центре	0,074	0,762	1,077	0,446	0,003	1,563
Никогда не состоял/а в браке	0,197	0,450	1,218	0,404	0,005	1,498
Уже не в браке (разведен/а или вдовец/вдова)	0,576	0,032	1,779	0,227	0,036	1,254
Трудовой деятельностью в данный момент не занимается	0,200	0,405	1,222	0,462	0,000	1,588

Продолжение таблицы 5

	Тяжелый спорт			Каждый день		
	<i>B</i>	<i>sig</i>	<i>Exp(B)</i>	<i>B</i>	<i>sig</i>	<i>Exp(B)</i>
Возраст: 14–17 лет	1,825	0,000	6,205	1,685	0,000	5,393
Возраст: 18–25 лет	0,792	0,003	2,208	0,516	0,002	1,675
Возраст: 36–45 лет	-0,690	0,035	0,502	-0,249	0,127	0,779
Возраст: 46–55 лет	-0,451	0,150	0,637	-0,290	0,100	0,748
Возраст: больше 56 лет	-1,288	0,001	0,276	0,202	0,251	1,223
Наличие спортивной инфраструктуры в месте проживания (стадионы, бассейны, гимнастические залы)	0,594	0,100	1,810	0,812	0,000	2,252
Женский пол	-0,645	0,000	0,525	-0,167	0,046	0,846
Личный доход в месяц ниже 7500 руб.	0,150	0,647	1,162	0,262	0,153	1,299
Личный доход в месяц от 7500 до 10 600 руб.	-0,430	0,220	0,650	-0,025	0,891	0,976
Личный доход в месяц от 10 600 до 15 000 руб.	-0,416	0,211	0,660	-0,148	0,375	0,862
Личный доход в месяц от 15 000 до 23 000 руб.	-0,101	0,754	0,904	-0,407	0,017	0,665
Личный доход в месяц выше 23 000 руб.	-0,214	0,385	0,807	-0,204	0,167	0,816

Легкий спорт

Сравним, как отличаются люди, занимающиеся легким спортом, от людей, которые спортом не занимаются совсем. Сначала посмотрим, какие факторы влияют отрицательно. Наличие своих детей от 1 года до 3 лет снижает вероятность того, что человек будет заниматься легким спортом, на 39%. Проживание в городе и селе также отрицательно влияет на занятия легким спортом. Самооценка здоровья в этом году как плохого или очень плохого снижает вероятность занятия даже легким спортом на 24%.

Зато наличие диплома о среднем специальном образовании повышает вероятность занятий легким спортом в 1,5 раза, а наличие диплома о высшем образовании – почти в 3 раза. Это говорит о том, что более образованные люди больше заботятся о своем здоровье, чем люди, закончившие только школу. Отсутствие работы в настоящий момент повышает вероятность занятия спортом на 32%. Скорее всего, здесь имеет место временной фактор – у неработающих людей больше свободного времени, часть которого они могут уделить занятиям спортом. Возраст оказался значимым фактором, причем молодой возраст от 14 до 25 лет положительно влияет на занятия легким спортом, а возраст от 46 лет и старше – наоборот, отрицательно. Наличие спортивной инфраструктуры почти в 1,5 повышает вероятность занятий легким спортом. Положительно на занятия легким спортом влияют женский пол и личный доход до 15000 руб.

Спорт средней интенсивности

Наличие своих детей от 1 года до 3 лет так же, как и в предыдущем случае, снижает вероятность того, что человек будет заниматься спортом, но уже не на 39%, а на 69%. Занятия спортом средней интенсивности требует время,

а с маленькими детьми его достаточно тяжело выкроить. Самооценка здоровья в прошлом году как плохого или очень плохого, а также возраст от 36 лет и старше также влияют негативно. В отличие от легкого спорта, здесь принадлежность к женскому полу на 36% снижает вероятность занятиями спортом средней тяжести. Таким образом, мы видим, что дамы отдают предпочтение легкому спорту.

Вероятность того, что человек предпочтет спорт средней интенсивности, а не полное его отсутствие, повышается, если у человека есть высшее образование, он проживает в областном центре и там есть спортивная инфраструктура. Личный доход ниже 7500 руб. больше чем на 80% увеличивает вероятность занятиями спортом средней интенсивности. Возраст от 14 до 25 лет значительно (больше, чем в 3 раза) повышает вероятность занятиями спортом со средней нагрузкой. Это может являться следствием наличия большего свободного времени и лучшего здоровья.

Тяжелый спорт

На занятия тяжелым спортом отрицательно влияет проживание в городе или селе. Так как сравниваемой категорией являлись Москва и Санкт-Петербург, можно сделать вывод, что в этих городах людей, предпочитающих тяжелый спорт, больше. Возраст от 36 до 45 лет и старше 56 лет также влияет отрицательно. А принадлежность к женскому полу на 47% снижает вероятность таких спортивных пристрастий.

Положительно влияют на занятия тяжелым спортом высшее образование и возраст от 14 до 25 лет. Самооценка здоровья в прошлом году как хорошего или очень хорошего в 1,5 раза повышает вероятность занятиями тяжелым спортом. Значимым фактором оказалось и состояние в браке. Если человек разведен или вдов, вероятность занятия тяжелым спортом у него почти в 2 раза больше его женатого друга. Это можно объяснить как наличием большего свободного времени, так и желаем наполнить свою одинокую жизнь каким-то смыслом, который некоторые находят в интенсивных занятиях спортом.

Занятия спортом каждый день

На занятия спортом каждый день отрицательно влияют женский пол, самооценка здоровья как плохого в этом году и личный доход от 15000 до 23000 руб. Оказывает положительное влияние наличие образования не ниже среднего специального. Проживание в селе, поселке городского типа или областном центре в 1,5 раза увеличивает вероятность занятий спортом каждый день по сравнению с теми, кто проживает в Москве и Санкт-Петербурге. Значимым фактором оказалось и состояние в браке. Если человек никогда не состоял в браке, то у него вероятность заниматься спортом каждый день почти на 50% выше по сравнению с человеком, состоящим в браке, и на 25% выше по сравнению с разведенным или вдовым. Положительно влияет на интенсивные занятия спортом отсутствие трудовой деятельности в настоящий момент, а также возраст от 14 до 25 лет. Наличие спортивной инфраструктуры увеличивает вероятность занятий спортом каждый день в 2 раза.

Курение, прием алкогольных напитков и диета

Мы определили, какие социально-демографические характеристики влияют на спортивные предпочтения россиян. Прежде чем перейти к выводам, посмотрим, есть ли связь между курением, употреблением алкоголя и диетой. Корреляционный анализ показал, что связь между курением в настоящий момент и занятиями спортом есть ($\alpha = 0,000$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$). Среди опрошенных доля курящих людей составила 28%. «Курильщики» реже занимаются спортом. А среди занимающихся спортом каждый день курящих людей в два раза меньше, чем не курящих. Диета и занятия спортом также взаимосвязаны ($\alpha = 0,000$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$). За последние 12 месяцев на диете были всего 8% опрошенных. Таких людей больше среди лиц, занимающихся спортом. Отсюда можно сделать вывод, что диета воспринимается людьми как дополнение, способствующее поддержанию хорошей физической формы и здоровья.

Интересно, что между приемом алкогольных напитков и занятиями спортом связи нет ($\alpha = 0,170$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$). Употребление алкоголя россиянами является культурной особенностью, его потребляет почти 70% опрошенных в возрасте старше 17 лет. Желания расслабиться в компании друзей с алкоголем и порадовать свой организм спортивной нагрузкой мирно уживаются в сознании людей.

В заключение перечислим основные выводы, которые позволил сделать проведенный анализ. Во-первых, вероятность того, что человек предпочтет занятие спортом его отсутствию увеличивается, если человек принадлежит к возрастной группе 14–25 лет, имеет мужской пол (исключение составляет легкий спорт, вероятность занятий которым больше среди женщин), получил образование не ниже среднего профессионального, не занят трудовой деятельностью, в месте его проживания есть спортивная инфраструктура. В некоторых случаях отсутствие брачных уз, т. е. если человек никогда не был женат или уже не в браке по причине развода или смерти супруга, также повышает вероятность того, что этот человек в отличие от его женатого друга будет заниматься спортом.

Во-вторых, вероятность того, что человек предпочтет занятие спортом его отсутствию снижается, если индивид оценивает свое здоровье как плохое или очень плохое, имеет маленьких детей до 3 лет, принадлежит к возрастной группе старше 36 лет. Проживание не в Москве и Санкт-Петербурге уменьшает вероятность занятий спортом каждый день и спортом средней интенсивности, но увеличивает вероятность занятий легким и тяжелым спортом. Если у человека есть личный доход, то это повышает вероятность того, что он будет заниматься легким спортом, но снижает вероятность занятий спортом каждый день. Как уже было замечено выше, причину этого мы видим в наличии меньшего свободного времени.

Таким образом, наиболее значимыми факторами, влияющими на занятия спортом, являются возраст, свободное время и наличие в месте проживания спортивной инфраструктуры. Из этого следует, что для повышения здоровья нации прежде всего необходимо заботиться о наличии спортивной инфраструктуры в местах проживания людей и популяризировать спорт не только среди молодых людей, но и людей старшего возраста.

Трошина А. А.

ОСНОВАНИЯ «МЫ-КОНЦЕПЦИИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

По уровню выраженности и направленности чувства единства в обществе можно судить о тенденциях в динамике идентичности людей. А изменения и реформы, происходящие в обществе, способны влиять на самоопределение его членов. Групповая идентичность и чувство единства с теми или иными группами находят свое отражение в социальной интеграции. Содержание «Мы-концепции» и тенденции гражданского общества взаимосвязаны. Трансформация групповой самоидентификации идет вслед за трансформацией общественных институтов и при этом порождает перемены в них.

С одной стороны, групповое самоопределение в ключе тех или иных общностей отражает акценты доверия людей к группам, возлагаемые надежды и желание людей принадлежать к определенным группам. С другой стороны, социальная идентичность демонстрирует роли, которые принимает на себя человек, с большей вероятностью и при некоторых обстоятельствах — конфликт этих ролей.

Постсоветское российское общество в силу особенностей его исторического развития обладает достаточно сильным эффектом *path dependence*, следующего из происшедших в последние десятилетия перемен — будь то развал Советского Союза, тяжелые 90-е, финансовые кризисы 1998 и 2008—2009 гг. Между тем рыночная экономика уже укоренилась в стране в качестве базовой, а значит, и ценности рыночного устройства хозяйства сменили устои централизованного планирования. В связи с этим (а также с постепенным отдалением от социалистических ценностей) растет уровень индивидуализации в обществе, усиливается необходимость полагаться только на собственные силы, происходит уменьшение открытости людей в обществе, участия в жизни друг друга на среднем и макроуровне.

С конца 2011 и по середину 2012 г. в России произошел заметный всплеск гражданской активности, которой не наблюдалось с 90-х годов XX в. Он был обусловлен, прежде всего, недовольством значительной части граждан ходом и результатами выборов депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VI созыва 4 декабря 2011 г. и президента России 4 марта 2012 г. Недовольства начали нарастать в связи с решением тогда председателя Правительства РФ В. В. Путина избираться на очередной президентский срок и из-за показавшейся многим очевидной его политической «договоренности» с Д. А. Медведевым о чередовании на высших государственных постах. «Спусковым крючком» недовольства стали выборы в российский пар-

ламент. По убеждению оппозиционно настроенных граждан, правящая партия «Единая Россия» злоупотребляла имеющимся у нее административным ресурсом. Через несколько дней после выборов директор Аналитического центра Юрия Левады Лев Гудков так комментировал ситуацию в интервью «Радио свободы»: «Последний опрос показал чрезвычайно любопытную тенденцию — очень быструю мобилизацию протестных настроений, прежде всего, конечно, в крупных городах»¹. В период активных протестов против фальсификации выборов социальные сети стали наиболее насыщенной средой для осмысления ситуации, обмена информацией, активного выражения мнений, согласования позиций, координации действий. Социальные медиа стали той «кухней», где варились и готовились протестные настроения, вырабатывалась гражданская позиция.

Сбор данных волны RLMS-HSE 2012 г. проводился после этих событий и мог отразить настроения людей, касающихся их групповой идентичности. Можно предполагать, что в результатах волны RLMS-HSE 2012 г. отражено влияние на структуру «Мы-концепции» двух разнонаправленных сил — экономической атомизации и единения на основании политических движений. Основной анкетный вопрос данной статьи звучит так: «о ком Вы могли бы сказать: «Это — мы». Респондентам задавались следующие детализирующие вопросы:

- Как часто Вы ощущаете близость, единство с людьми Вашего поколения, возраста?
- Как часто Вы ощущаете близость, единство с людьми той же профессии, рода занятий?
- Как часто Вы ощущаете близость, единство со всеми гражданами России?
- Как часто Вы ощущаете близость, единство с жителями Вашего края, республики, области?
- Как часто Вы ощущаете близость, единство с теми, кто живет в том же городе или селе, где и Вы?
- Как часто Вы ощущаете близость, единство с людьми вашей национальности?
- Как часто Вы ощущаете близость, единство с людьми того же достатка, что и Вы?
- Как часто Вы ощущаете близость, единство с людьми, близкими Вам по политическим взглядам?
- Как часто Вы ощущаете близость, единство с людьми Вашей веры?
- Как часто Вы ощущаете единство с другими? С кем именно?

В качестве вариантов ответа были предложены: «никогда», «иногда», «часто».

Тот же вопрос фигурировал в волне RLMS-HSE 2005 г., т. е. шестью годами ранее, в так называемые «тучные годы» в российской экономике. Следовательно, мы можем отследить динамику трансформации «Мы-концепции», обусловленную сдвигами в обществе, экономике, политике. О политических волнениях мы упоминали ранее. Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. обусловил экономическую

¹ Лев Гудков — о разочарованных в «Единой России» / Радио Свобода, 9.12.2011. URL: <http://www.levada.ru/09-12-2011/lev-gudkov-o-razocharovannykh-v-edinoi-rossii> (дата обращения: 01.02.2014).

нестабильность и замедление темпов роста последующего периода. Эти же обстоятельства отразились на экономической активности населения и на рынке труда. С 2006 по 2007 г. наблюдался заметный подъем уровня экономической активности населения и уровня занятости населения относительно числа экономически активных граждан: если ранее уровень рос на десятые процента, то в этот год – на процент и больше. Таким образом, в 2007 г. (предкризисном) уровень экономической активности населения составлял 67,1%¹, уровень занятости – 63%, уровень занятости относительно числа экономически активных граждан – 93,8% и уровень безработицы – 6,1%². Первые признаки финансового кризиса в России проявились в конце мая 2008 г. Рост уровня безработицы среди населения России произошел с временным лагом, он начал повышаться в октябре 2008 г. и достиг пика (9,4%) в феврале 2009 г. (см. рис. 1). В начале осени 2008 г. кризис из виртуального (финансового) сектора перешел в реальный сектор экономики, и начался спад промышленного производства.

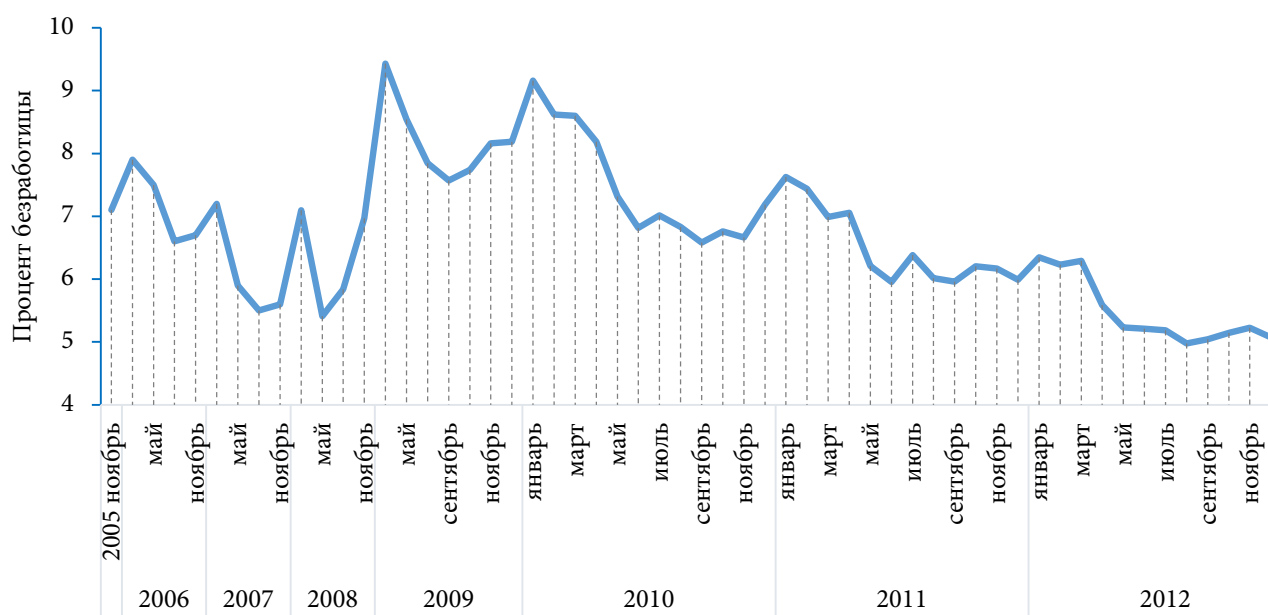

Рисунок 1. Уровень безработицы по данным Росстата, 2005–2012 гг., %

Ситуация на рынке труда

Содержание «Мы-концепции» подвержено влиянию тех обстоятельств, с которыми человеку приходится справляться. В промежутке 2005–2012 гг. одним из серьезных примеров таких обстоятельств был финансово-экономический кризис, который привел к изменению структуры обстоятельств появления статуса безработного. В предкризисный 2007 г. 17,6% безработных оставили прежнее место работы в связи с высвобождением по причине сокращения штатов, ликви-

¹ В России доля экономически активного населения рассчитывается среди людей в возрасте 15–72 лет / Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 01.02.2014).

² Трудовые ресурсы // Рынок труда, занятость и заработная плата / Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 01.02.2014).

дации организации, собственного дела. К 2009 г. этот процент вырос до 28,2% от всего числа безработных. Данная статистика отражает структуру обстоятельств безработицы и для мужчин, и для женщин.

Однако есть некоторые гендерные расхождения для безработицы, возникающей при других обстоятельствах. К 2009 г. произошел небольшой рост доли женщин, получивших статус безработных, которые ранее не имели работы и при этом. В общей статистике и статистике по мужской безработице этот тренд не отражен. Позволим себе предположение, что указанный факт связан со стремлением части женщин найти работу в условиях, когда в семье в период кризиса сократились доходы.

Данные RLMS-HSE за рассматриваемые 2005 и 2012 гг. отражают динамику роста доли занятых с 47,5 до 51,4% опрошенных и снижения доли тех, у кого нет работы, с 51,2 до 46,5%.

В рамках поверхностной оценки текущей ситуации на рынке труда можно говорить о том, что в целом к 2012 г. рынок труда реабилитировался после кризиса, однако, возможно, еще не достиг того довольно комфортного состояния, которое наблюдалось в 2007 г. Подобная ситуация на рынке труда могла внести изменения в характер самоидентификации с людьми той же профессии. Если человек терял место работы и ему приходилось трудоустроиваться в несвойственной ему сфере деятельности, то, с одной стороны, «Мы-концепция» в аспекте профессионального сообщества могла пошатнуться из-за смены сферы деятельности. С другой стороны, профессиональная «Мы-концепция» выражена острее среди тех, для кого профессиональная группа является референтной: это, прежде всего, люди, которые собираются войти или недавно вошли в эту группу, — подобным самонаименованием они осваивают свою новую идентификацию.

В условиях финансово-экономического кризиса размер среднемесячной номинальной заработной платы не уменьшился, однако значительно снизились темпы роста зарплаты. Данные с учетом корректировки на потребительские цены (среднемесячная реальная начисленная заработная плата работников организаций) отражены на рисунке 2, как изменение заработной платы в процентах к предыдущему периоду, и в целом имеют ту же динамику, что и номинальная заработная плата. Однако в отличие от номинальной реальная заработная плата снижалась в 2009 г.

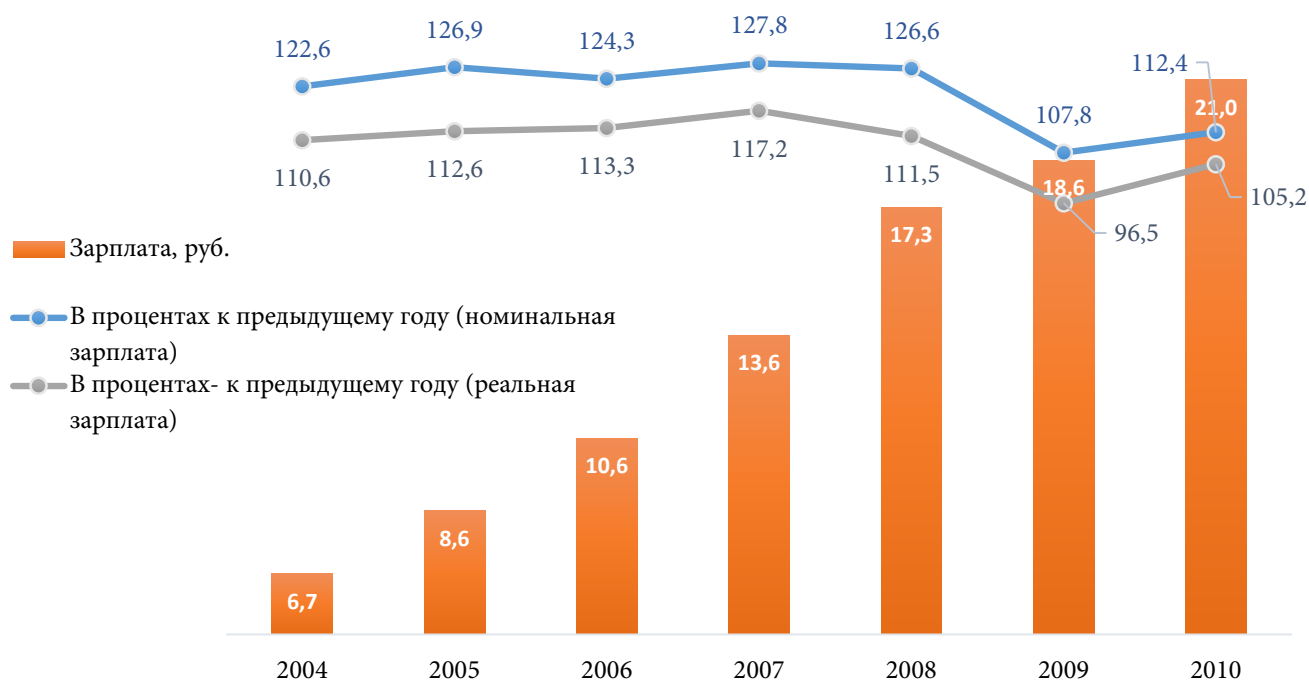

Рисунок 2. Динамика среднемесячной номинальной и реальной начисленной заработной платы работников организаций по данным Росстата, 2004–2010 гг., в руб., %

Самоидентификация и социально-демографические характеристики

Кроме изменений на макроуровне возможна вариация групповой идентичности в зависимости от социально-демографических характеристик, которые и определяют самоотнесение к каким-либо группам (см. таблицу 1).

Таблица 1

Динамика оснований социальной идентификации, RLMS-HSE, 2005, 2012 гг., %

Объекты социальной идентификации		Валидный %	
		2005	2012
Люди того же поколения, возраста	Никогда	1,4	2,3
	Иногда	33,2	31,6
	Часто	65,4	66,1
Люди той же профессии, рода занятий	Никогда	6,6	6,1
	Иногда	36,0	33,0
	Часто	57,4	60,9
Все граждане России	Никогда	22,9	16,7
	Иногда	53,6	56,3
	Часто	23,6	26,9
Жители того же края, республики, области	Никогда	14,8	11,8
	Иногда	56,1	55,5
	Часто	29,1	32,7
Те, кто живет в том же городе или селе	Никогда	5,7	5,7
	Иногда	51,4	49,1
	Часто	42,9	45,2
Люди той же национальности	Никогда	6,5	5,0
	Иногда	47,2	44,9
	Часто	46,3	50,1
Люди того же достатка	Никогда	5,3	5,3
	Иногда	46,1	43,5
	Часто	48,6	51,2
Люди, близкие по политическим взглядам	Никогда	24,0	23,9
	Иногда	46,9	45,1
	Часто	29,1	31,0
Люди той же веры	Никогда	15,7	13,4
	Иногда	47,4	47,3
	Часто	36,9	39,3

Среди 18257 респондентов старше 14 лет, ответивших в 2012 г. на вопрос о групповой самоидентификации, максимальное число людей (66,1%) призналось, что часто ощущают близость, единство с людьми их поколения, возраста, и только 2,3% сказали, что никогда не ощущают близость с людьми из этой категории. Меньше люди ощущают единение с близкими им по политическим взглядам и со всеми гражданами России (23,9 и 16,7% ответов «никогда» соответственно).

При сравнении ответов на вопросы, касающихся «Мы-концепции», за 2005 и 2012 гг. стоит отметить небольшой общий рост идентификационных тенденций за исключением «чувства общности с людьми одного поколения» (за шесть лет суммарный процент людей, ответивших «иногда» и «часто» упал). Интенсивный рост наблюдается в «чувстве единения со всеми гражданами России» – суммарный процент ощущавших его вырос на 6,2 процентных пункта.

В целом наиболее часто люди идентифицируют себя с людьми того же поколения и того же рода занятия, а также достатка. Относительно низко выражена самоидентификация с людьми тех же политических и религиозных взглядов и гражданами РФ в целом. На основании этого можно полагать, что для чувства единения с группой человеку важнее его личные характеристики, которые открыты для восприятия другими в повседневной жизни – возраст, занятость, имущественный статус имеют большее отражение в публичной части образа жизни.

Религиозные и политические взгляды, вероятно, не являются безусловно публичной оглашаемой стороной жизни и воспринимаются как что-то более личное и, возможно, отчасти скрываемое, поэтому и реже выступают как основания «Мы-концепции». Что же касается ощущения «единства со всеми гражданами РФ» оно предстает, в интерпретации В. А. Ядова, символической идентификацией. Символическим основанием единения можно считать и политические и религиозные взгляды. Только в случае, если гражданство имеет под собой юридическое подкрепление, взгляды и мировоззрение обусловлены скорее личным выбором человека.

Достаточно сильной на фоне остальных выглядит идентификация с людьми той же национальности, что кажется само собой разумеющимся в многонациональной стране при наличии конфликтов на национальной почве.

Подобный высокий уровень выражения групповой принадлежности, особенно по отношению к людям того же достатка, национальности, отражает, вероятно, серьезный уровень расслоения общества. С учетом большого разрыва между самыми высокодоходными и низкодоходными группами, а также представленности многих национальностей среди российских граждан, выражение собственной идентификации с группами этих категорий подчеркивает важность данного статуса для опознавания «своих» и «чужих» в обществе. Подобное самоотнесение закрепляет представление о четкой стратификации.

Отдельного внимания заслуживает заполнение открытого вопроса в категории «другое»: 43,9% опрошенных отметили эту категорию, как присущую им. Обобщить расшифровки категории «другое» можно следующим образом.

Ощущение близости, единства с семьей, родственниками («часто» или «иногда») отметили 2,5% респондентов, с друзьями, коллегами, одноклассниками – 1,1%, с соседями – 2,5%, со всеми – 2,5%, с теми, у кого близкие интересы, интересными людьми – 2,5%, а также чувство единства с «другими», отличающимися людьми (другой веры, возраста, национальности и т. д.) – 2,5%.

Приведенные категории и цифры могут свидетельствовать о том, что в обществе продолжают быть актуальными родственные связи и стремление к добрососедским отношениям в узком смысле этого слова, что не менее чем кровные узы людей объединяют сходные интересы. Конкретное заполнение графы «другое» в данном случае выявляет наиболее актуальные для людей общности. Низкий процент ответивших обусловлен факультативностью заполнения графы: с одной стороны, неконкретизированный вариант «другое» не располагает респондента для согласия, с другой стороны, уточнение понятие «другое» требует от опрашиваемого дополнительных усилий и неформализованного раскрытия мыслей.

Для объяснения социальной самоидентификации и выявления связи между объектом самоидентификации и социально-демографическими характеристиками была проведена оценка степени связности признаков. V-коэффициент Крамера демонстрирует слабую связь между уровнем ощущения единства с различными группами и социально-демографическими характеристиками. Статистически значимая связь проявляется в большинстве своем между группами идентичности и социально-демографическими характеристиками, напрямую связанными с идентичностью, т. е. определенные группы в той или иной классификации более склонны чувствовать единство с людьми, обладающими схожими признаками, чем другие группы. Так, по переменной занятости выше уровень профессиональной идентичности среди тех, кто работает или находится в оплачиваемом отпуске. Ниже — среди тех, кто у кого работы нет, или среди находящихся в неоплачиваемом отпуске. В классификации по занятости доминирующей в самоидентификации группе являются наиболее активные; занятые люди воспринимают работу как своеобразную «общую долю». В то же время в группе занятых меньше качественная оценочная вариация: наличие работы трактуется более однородно, чем ее отсутствие.

Ощущение близости с теми, кто живет в том же городе или селе, выше среди живущих в селе и поселке городского типа, ниже — в городе и областном центре. Таким образом, моральная сплоченность группы выше там, где группа численно меньше, следовательно, есть возможность лично знать больший процент населения и на практике ощущать единство с ним. Сельская группа также может считаться более активной во взаимодействии и группой с меньшей вариацией по сравнению с жителями более урбанизированных местностей.

Чувство единства может быть связано и с уровнем доверия к различным группам и институтам общества. В частности, связь обнаружена между чувством единства с людьми, схожими по политическим взглядам, и доверием к руководству предприятия, на котором работает человек¹: высокий уровень доверия к руководству связан с высоким уровнем единения по политическим взглядам. Связь можно трактовать следующим образом. С одной стороны, выбор политических взглядов помимо влияния среды ассоциирован с рациональным предпочтением и, возможно, влиянием харизматической власти лидеров политических движений. Сходные основания можно выделить и для формирования доверия к руководству — осознание того, по каким причинам это доверие заслужено, и формально обоснованное эмоциональное доверие. С другой стороны, доверие руководству предприятия может быть обосновано доверием к государству и политическим органам страны — такая политическая уверенность как аккумулированное институциональное доверие обеспечивает

¹ Вопрос QJ29с1.1. Формулировка вопроса: «В какой степени Вы доверяете руководству Вашего предприятия, организации?»

возможность доверия и организациям в стране, и их представителям. А политическое доверие побуждает к формированию политических предпочтений, ведь базовый вопрос самоидентификации состоит в выборе групп доверия.

Обширность и интенсивность социальной самоидентификации

Кроме рассмотрения объектов социальной идентификации важно понимание общей обширности «Мы-концепции». Обширность «Мы-концепции» в рамках данного исследования будет трактоваться как доля положительных ответов на вопросы, касающихся «Мы-концепции». Таким образом, низкий уровень интенсивности самоотнесения означает приверженность человека к редким объектам самоидентификации, а высокий уровень интенсивности — к большинству объектов самоидентификации из доступного списка. Обширность «Мы-концепции» как идентификатора, с одной стороны, открытости различным группам и необходимости в самоприписывании и, с другой стороны, расслоения общества, отражает желаемую и действительную включенность человека в общественную жизнь.

Уровень чувства единства с перечисленными ранее категориями очень высок: 62,2% респондентов ответили, что иногда или часто ощущают единство с девятью—десятью категориями (включая категорию «другое»), менее пяти категорий отметили только 9,6% опрошенных.

Построение индекса обширности «Мы-концепции» позволяет оценить своеобразный уровень конформности с группами разных размеров. Индекс отражает число объектов идентификации, на вопросы о которых респондент ответил, что часто или иногда ощущает единство с ними. Индекс выражен в доли положительных идентификаций среди десяти возможных — девяти объектных и категории «другое». В связи с факультативностью графы «другое» будем считать индексы 1,00 и 0,90 идентичными (см. таблицу 2).

Таблица 2

Распределение индекса обширности «Мы-концепции», RLMS-HSE, 2005, 2012 гг., %

Индекс	Процент от опрошенных	Кумулятивный процент	Обратный кумулятивный процент
0,00	1,7	1,7	100,0
0,10	1,2	2,8	98,4
0,20	1,9	4,7	97,2
0,30	2,4	7,1	95,3
0,40	2,6	9,6	92,9
0,50	3,3	12,9	90,3
0,60	4,6	17,5	87,0
0,70	10,1	27,6	82,4
0,80	10,1	37,7	72,3
0,90	25,4	63,2	62,2
1,00	36,8	100,0	36,8

Медианным значением индекса является 0,90, среднее арифметическое — 0,82. 62,2% опрошенных приписаны максимальные значения индекса 1,00 и 0,90, а индекс меньше 0,50 принадлежит менее чем 10% респондентов, что свидетельствует об очень высоком уровне желаемой интегрированности в существующую систему стратификации.

Обнаружена связь между насыщенностью «Мы-концепции» и лестницами¹ богатства и власти, а с лестницами профессионального мастерства и уважения такая «связь» статистически не значима или слишком мала. С ростом места на лестницах богатства и власти увеличивается среднее значение индекса. Вероятно, с повышением самооценки уровня материального благополучия и возможности влияния растет и ощущение включенности в существующие структуры и причастности. Высокое положение на подобных лестницах подразумевает довольно активную жизненную позицию. Активная деятельность человека позволяет ему действительно принадлежать к разным группам и категориям, что и отражается в обширности групповой идентификации.

В дополнение к описанию приверженности объектам групповой идентификации в условиях высокого уровня обширности «Мы-концепции» важно выяснить критерии, влияющие на ощущения единения с большим или малым числом социально значимых групп. Для редукции числа вариаций переменной примем за низкий уровень обширности показатель уровня 0,00–0,50, а за высокий — 0,60–1,00.

Статистически значимая разница между обозначенными группами выявлена по следующим показателям. Люди с менее обширным выражением «Мы-концепции» с большей вероятностью живут в крупных урбанистических населенных пунктах, с меньшей вероятностью имеют высшее образование; они старше, чем те, у кого обширнее групповая идентичность, и с большей вероятностью не имеют работы или находятся в неоплачиваемом отпуске.

Также люди с низким индексом обширности групповой идентичности с большей вероятностью работают на предприятии, владельцем или совладельцем которого является государство, не склонны к предпринимательской деятельности, не владеют иностранным языком. Люди с низким уровнем самоотнесения к группам пессимистичнее во взглядах на текущее и будущее материальное положение их семьи.

Среди тех, кто пользовался Интернетом в течение 12 месяцев перед опросом, в среднем выше уровень индекса обширности «Мы-концепции». Выход в Интернет дает доступ к безграничному объему информации и возможности коммуникации с ранее не знакомыми людьми, что и делает идентификацию более четкой. Однако возможность, желание и необходимость доступа в Интернет обусловлены возрастом, образованием, доходом и жизненной позицией, следовательно, выход в Интернет не обязательно напрямую связан с обширностью самоидентификации.

Интересно отметить комментарии интервьюера о ситуации интервью и связь между его оценкой и насыщенностью «Мы-концепции». Здесь проверяется предположение о том, что представление человека о его вписанности в различные социальные группы отражается в его поведении в ситуации обще-

¹ Вопросы qj62–64, qj69.1. Формулировка «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие (совсем бесправные / которых совсем не уважают / уровень начинающего, ученика), а на высшей, девятой — богатые (те, у кого большая власть / те, кого очень уважают / уровень «профессионала высокого класса»). На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»

ния. Люди с низким показателем индекса характеризуются интервьюерами как менее сообразительные, не очень хорошо понимающие вопросы, с более нервным поведением, более закрытые и неискренние в общении в ситуации интервью. Отношение этих респондентов к интервью оценивалось как не особенно заинтересованное или нетерпеливое.

Также в индексе возможен учет частоты ощущения единства с разными группами в рамках градации никогда—иногда—часто. При построении такого индекса можно оценить уровень интенсивности группового самоопределения. Ответ «часто» привносит в новый индекс долю в 0,1, ответ «иногда» — 0,05, ответ «никогда» не привносит в уровень индекса ничего (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Распределение индекса интенсивности группового самоопределения,
RLMS-HSE, 2005, 2012 гг., %**

Индекс	Процент от опрошенных	Кумулятивный процент	Обратный кумулятивный процент	Индекс	Процент от опрошенных	Кумулятивный процент	Обратный кумулятивный процент
0,00	1,7	1,7	100,0	0	1,7	1,7	100,0
0,05	,8	2,4	98,3				
0,10	1,4	3,8	97,6	0,05–0,10	2,2	3,9	98,4
0,15	1,7	5,6	96,2				
0,20	2,4	8,0	94,4	0,15–0,20	4,1	8	96,2
0,25	2,0	9,9	92,0				
0,30	2,4	12,3	90,1	0,25–0,30	4,4	12,4	92,1
0,35	3,9	16,2	87,7				
0,40	4,0	20,2	83,8	0,35–0,40	7,9	20,3	87,7
0,45	7,8	28,0	79,8				
0,50	11,7	39,7	72,0	0,45–0,50	19,5	39,8	79,8
0,55	7,6	47,3	60,3				
0,60	9,1	56,5	52,7	0,55–0,60	16,7	56,5	60,3
0,65	7,7	64,2	43,5				
0,70	7,4	71,6	35,8	0,65–0,70	15,1	71,6	43,6
0,75	4,7	76,3	28,4				
0,80	4,6	80,9	23,7	0,75–0,80	9,3	80,9	28,5
0,85	3,9	84,7	19,1				
0,90	6,2	90,9	15,3	0,85–0,90	10,1	91	19,2
0,95	2,2	93,1	9,1				
1,00	6,9	100,0	6,9	0,95–10	9,1	100,1	9,1

Медианным значением индекса является 0,60, среднее арифметическое — 0,59.

Индекс интенсивности более сбалансирован по сравнению с индексом обширности, но все также смещен в сторону наибольших значений индекса. Сложность в его оценке состоит в том, что одно и то значение индекса обширности (например, 0,5) могло быть получено и в случае ответа «иногда» на все вопросы «Мы-концепции», и в случае ответа «часто» на половину вопросов.

Для описания индекса интенсивности самоопределения приведем некоторые связи с социально-демографическими характеристиками. Между возрастом и индексом интенсивности обнаружена слабая отрицательная связь — уровень индекса выше у молодых людей, они более склонны ощущать чувство единства с различными группами, что может быть объяснено важностью для молодых людей принадлежать группам в обществе, самоопределиться. Чем выше уровень полученного образования (в шести градациях от «окончил 0—6 классов» до «законченное высшее образование и выше»), тем более человек склонен к самоприписыванию к различным группам. Можно предположить, что образование, с одной стороны, позволяет ответить на вопрос «кто я?», а с другой стороны, дает основание для ответов на этот вопрос, поскольку среднее специальное и высшее образования дают род занятий и профессию.

Слабая прямая связь обнаружена между уровнем индекса интенсивности групповой идентификации и показателями удовлетворенности работой, условиями и оплатой труда и возможностями для профессионального роста¹. Это соответствует предположению о том, что более активные, предприимчивые и благополучные люди склонны к приписыванию себя к различным группам.

Факторный анализ, проведенный для выявления латентных переменных групповой самоидентификации, выявил два фактора, объясняющих 63,2% вариации. Первый фактор содержит идентификацию с людьми того же поколения, рода занятий, национальности, достатка, с людьми, проживающими в одном крае, республике, области, городе или селе. Второй фактор связан с такими объектами социальной идентификации, как гражданство, политические взгляды, религиозные взгляды и «другое». Наибольший вклад во втором факторе принадлежит категории «другое» — до ортогонального вращения методом Varimax фактор объяснялся только этой переменной. Кластерный анализ, проведенный на результатах факторного после вращения, выявляет два кластера, повторяющих группировку признаков факторного анализа. Принадлежность первому кластеру соответствует более высокому уровню индексов обширности и интенсивности групповой самоидентификации, что поддерживает результат факторного анализа до вращения. В целом во втором кластере находятся те, у кого более выражен второй фактор, в котором собраны объекты идентификации с наиболее редким самоприписыванием со стороны респондентов.

Таким образом, общая картина «Мы-концепции» с точки зрения приписывания к определенным группам и обширности самоопределения позволяет сделать следующие выводы. К интенсификации оценок в рамках «Мы-концепции» более склонны люди, которые позитивно смотрят на предлагаемые обстоятельства, работают не в госсекторе, предприимчивы, знают иностранные языки, ведут себя более раскованно в общении, имеют работу. В то же время высоким уровнем самоотнесения к социально значимым группам обладают жители сел, которые имеют меньшие возможности для описанной выше своеобразной самореализации.

Стоит отметить, что политические беспокойства 2012 г. не нашли серьезного отражения в данных обследования — самоидентификация с людьми тех же политических взглядов в 2012 г. стала менее выраженной по сравнению с 2005 г. Динамика подобного рода может стать предметом отдельного рассмотрения.

В целом же российское общество периода 2005—2012 гг. характеризуется достаточно высоким уровнем самоидентификации и чувства единства с группой, прежде всего в категориях поколения, национальности, профессии и достатка.

¹ Вопросы qj1.1.1—qj1.1.4.

Сведения об авторах

Воронин Геннадий Леонидович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН

E-mail: voroning@isras.ru

Евграфова Ксения Олеговна

Научный сотрудник Института социологии РАН

E-mail: skenya@list.ru

Киселева Ирина Павловна

Старший научный сотрудник Института социологии РАН

E-mail: ikiseleva@demoscope.com.ru

Козырева Полина Михайловна

Доктор социологических наук, первый заместитель директора
Института социологии РАН

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Директор Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ

E-mail: pkozyreva@hse.ru

Косолапов Михаил Самуилович

Кандидат философских наук, заведующий отделом
Института социологии РАН

E-mail: mkosolapov@isras.ru

Профессор кафедры методов сбора и анализа социологической
информации НИУ ВШЭ

E-mail: mkosolapov@hse.ru

Низамова Алфия Энварьевна

Кандидат социологических наук, заместитель директора
Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ

E-mail: anizamova@hse.ru

Никитина Екатерина Андреевна

Студентка 2 курса магистратуры ПМСАР факультета социологии НИУ ВШЭ,
лаборант Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ

E-mail: kitty.nikitina@gmail.com

Рощина Яна Михайловна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической
социологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник
Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ

E-mail: yroshchina@mail.ru

Сафронова Анна Михайловна

Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
НИИ питания РАМН

E-mail: asafronova@ion.ru

Смирнов Александр Ильич

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН

E-mail: smir_al@bk.ru

Соколова Светлана Борисовна

Научный сотрудник Института социологии РАН

E-mail: sveta@demoscope.com.ru

Старовойтов Михаил Леонидович

Научный сотрудник НИИ питания РАМН

E-mail: ljanka@infoline.su

Трошина Анна Алексеевна

Студентка магистерской программы ПМСАР НИУ ВШЭ,
лаборант Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ

E-mail: ann.trosh@gmail.com

Научное электронное издание

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)**

Корректор В. В. Камышан
Компьютерная верстка И. М. Ситдииков

Уч.-изд. л. 12,1. Объем 2,23 Мб.

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 621 7983; 628 7931

E-mail: hse@hse.ru

URL: http://www.hse.ru/rlms/vestnik/Vestnik_RLMS-HSE_2014.pdf